Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Владислав Леонидович Иноземцев
Несовременная страна. Россия в мире XXI века

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:
1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.
Тематика любая: ПОЛИТОЛОГИЯ, экономика,
техника, право, менеджмент, финансы, биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:
полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36633772&lfrom=30440123
«Несовременная страна: Россия в мире XXI века»: Альпина Паблишер; Москва; 2018
ISBN 978-5-9614-1498-1

Аннотация

Россия – страна, безусловно, особенная, как это любят подчеркивать кремлевские идеологи, однако сложно найти хотя бы одну сферу, в которой такая особость указывала бы на прогрессивный характер и выгодно отличала ее от остальных государств. История последних полутора десятилетий – от пугающей своими темпами деиндустриализации до попыток воссоздать советскую империю через ренессанс идеологии и религиозного мировоззрения – все четче указывает на то, что Россия осознанно разворачивается от современности к архаике. Что должно случиться для того, чтобы страна предпочла модернизационный путь, сказать сложно, но необычайно важно создать систематическую картину общества, в котором мы живем, и мира, в который это общество встроено.

Эта книга – попытка оценить, с какого рубежа стране придется начинать, если она все же попытается вписаться в современный мир, а также отчасти предупреждение о том, чего мы все можем лишиться, если ничего сейчас не предпримем.

Владислав Иноземцев
Несовременная страна: Россия в мире XXI века

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *А. Василенко*
Корректоры *Е. Аксёнова, Е. Чудинова*
Компьютерная верстка *К. Свищёв*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*
Фото на обложке из фотобанка *shutterstock.com*

© В. Иноземцев, 2018
© ООО «Альпина Паблишер», 2018

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.
Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

*** * ***

Потрясающая книга! Невозможно оторваться! Глубина анализа, страстность и вместе с тем ясность изложения, острота мысли – всё есть в этой книге о России. Рекомендую читать всем!

Дмитрий Зимин,

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

основатель фонда
«Династия», соучредитель премии «Просветитель»

Владислав Иноземцев, проницательный исследователь современной России, сделал четкий и убедительный «фотоснимок» своей страны. В России, управляемой Владимиром Путиным, по мнению автора, нет места оппозиции – тут можно встретить только современных диссидентов. Оптимизм, однако, порождает сам интеллектуальный формат авторского поиска: пока в России есть такие исследователи, не стоит терять надежды.

Адам Михник,
один из руководителей движения «Солидарность», основатель Gazeta Wyborcza (Польша)

В книге аккумулирован огромный исходный материал. Отсюда – тщательный и убедительный анализ целого ряда сторон нынешней действительности. При этом предпринятая серьезная попытка системно обрисовать общество, в котором мы живем, чужда равнодушному академизму – в острой публицистике автора постоянно звучит тревога за будущее России.

Анатолий Адамишин,
Чрезвычайный и Полномочный Посол,
бывший первый заместитель министра иностранных дел СССР

В России изуродованная идея Государства. Государство здесь и есть страна. Поэтому так долго не возникает естественного диалога между властью и обществом, которое до сих пор не может сформулировать свой запрос к государству, чтобы жить с ним на равных. Книга Владислава Иноземцева – один из актуальных блоков того знания, которое необходимо для понимания сегодняшней России и для ее выхода из утомительной несовременности.

Елена Немировская,
основатель и руководитель Московской школы гражданского просвещения, офицер Ордена Британской империи

Профессиональная репутация Владислава Иноземцева не нуждается в комментариях. Это один из наиболее ярких социальных мыслителей и глубоких аналитиков современной России, каждый текст которого вызывает всегда повышенный интерес у подготовленного читателя. Эрудированность автора делает его новую книгу интеллектуальным бестселлером для тех читателей, которые хотят понять, почему Россия идет туда, куда она идет.

Игорь Минтусов,
основатель и председатель совета директоров Агентства стратегических коммуникаций «Никколо-М»

Книжные проекты
Дмитрия Зимина

Эта книга издана в рамках программы «Книжные проекты Дмитрия Зимина» и продолжает серию «Библиотека «Династия». Дмитрий Борисович Зимин – основатель компании

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

«Вымпелком» (Beeline), фонда некоммерческих программ «Династия» и фонда «Московское время».
Программа «Книжные проекты Дмитрия Зимина» объединяет три проекта, хорошо знакомые читательской аудитории: издание научно-популярных переводных книг «Библиотека «Династия», издательское направление фонда «Московское время» и премию в области русскоязычной научно-популярной литературы «Просветитель».
Подробную информацию о «Книжных проектах Дмитрия Зимина» вы найдете на сайте ziminbookprojects.ru.

Ксюше и Мише – современным гражданам несовременной страны

Предисловие

Когда моряки привезли в Европу рассказы о жирафах, ученые высмеяли эти сказки. Они доказали, что длинношеий уродец всего лишь нежизнеспособное отклонение от нормы. А жирафы все еще живы.
Владислав Иноземцев определяет Россию как *несовременную страну*, век за веком переживающую отсталость – реальную или намеренно культивируемую. Отклоняя пошлости о «головоломке, обернутой в тайну», автор требует изучать Россию без предубеждений, но отличать несовременность от аномальности. «Нам же надо наконец понять, чем живет и как работает комплексная социальная система, выстроенная на основе принципов, которые, казалось, исключают ее выживание».
Прошли времена, когда отстающая Россия искренне хотела догнать Европу. Сегодня в позиции России простодушия нет, ее искусственная несовременность сулит тревожные времена. Отсталость России – выбор ее властей, а не наследие темного прошлого. Взглянув на цифры российской экономики с колеблющимися долями зависимости от экспорта сырья, мы заметим – сырьевую идентичность выбрали и закрепили.
Владислав Иноземцев раскрывает парадоксальность *несовременного государства* – устойчивого, могущественного на вид. Но описания автором подробностей жизни общества, государства, экономики, международных связей освещают ландшафт тупика. Россия не просто отстала, она отвергает все шансы развития. Москва манипулирует ресурсами общества и собственностью граждан, лишь бы интересы группы придворных не понесли ущерба. Это аморально и оставляет страну без будущего, однако не мешает стране выживать.
Автор скептичен к рецептам «устранить “наносное”, вернув Россию к “нормальному” состоянию». Своего рода пенитенциарная исправительная политология, которой одержим и Путин. В своем воображении зачищая «наносное», он возвращает страну к суверенности.
Иноземцев обратил внимание на размытие демократических норм добавкой «уточняющих» прилагательных – рыночная, иллиберальная, суверенная… (Замечу, что гордый термин «суверенная демократия» также лишь плагиат из речи госсекретаря США.)
Диктат нормативности вызывает противодействие, подрывая норму. Вакуум заполняют силовые и военные директивы. Можно вспомнить бушистскую «демократизацию Ближнего Востока», а в наши дни – закон, грозящий судебными карами посягателям на польскую суверенную память. «Выведенные “за штат” страны, по мере осознания своей исключенности из “общества нормальных”, испытывают все меньше сожалений…» Пока еще это довольно тусклое созвездие нескольких стран, от России до Венесуэлы. Но при новом зигзаге группа может расшириться и стать мировой величиной. Там в тени ее угадывается фактор китайской державы. Не входя в клуб борцов с современностью, но действуя как катализатор, Пекин масштабирует их позицию.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Никогда не следует переоценивать прочность мирового порядка. Книга отмечает, что «неразвивающийся мир постепенно начинает убеждать сам себя в благах не-развития – последствия чего можно наблюдать уже на разных континентах». Список неразвивающихся растет. «Мы присутствуем при рождении своего рода “расколотой цивилизации” с ее стремительно формирующимися полюсами богатства и бедности, успехов и неудач». Неужели «блага не-развития» действительно существуют?

Здесь острый пункт книги. Автор подводит читателя к теме вероятного (хоть и немыслимого сегодня) будущего глобального конфликта – борьбы современного и несовременного миров. «Расколотая цивилизация» (а так Владислав назвал одну из своих больших книг, с момента выхода которой прошло как раз 20 лет) – это биполярность наихудшего типа. Диктуя правила остальным, ни один из полюсов не сулит миру ничего особенно доброго. Такой «порядок» стал бы лишь ареной силовой борьбы за места глобального обвинителя и судьи. И отдал бы внутреннюю политику в руки популистов.

Книга Иноземцева о несовременной России ориентирует на критический анализ оснований политики. Уникальна не страна – уникален вызов к ее пониманию. Это новый для нас жанр – критического россиеведения. Книга Иноземцева, как мне кажется, принадлежит к этому новому жанру. Она написана с искренним уважением к гражданам, преданным коррумпированными «элитами», но пытающимся государственно выжить. Концепт несовременной страны оставляет нам шанс найти *свою* современность – что уже сделали другие страны, кому Россия втайне завидует. Здесь есть место началу дальнейших дебатов.

Глеб Павловский

Введение

Сегодня, пожалуй, не найдется человека, который не согласится с тем, что с Россией что-то «не так». И речь не о том, хорошо это или нет, – кому-то кажется, что мы совершенно зря отклоняемся от пути развития «цивилизованных» стран, а кто-то считает, что именно наше общество остается образцом, на который стоит равняться остальным, – а о том, что ощущение диссонанса становится все отчетливее.

Это отчетливое ощущение порождено многими причинами, две из которых я бы назвал основными.

С одной стороны, российская история практически всегда была историей фронтирного общества, находившегося на стыке культур и цивилизаций и строившего свою идентичность на основании последовательного принятия и усвоения различных культурных и социальных традиций. Привнесенные извне практики принимались непросто – но зачастую к тому времени, когда их усвоение завершалось, окружающий мир до неузнаваемости изменялся и русское общество начинало воспринимать себя как своего рода хранителя чего-то такого, чего остальным цивилизациям не удалось сберечь. Существенный дефицит внутренних источников развития на протяжении веков успешно компенсировался многочисленными заимствованиями – но этот механизм постоянно продуцировал консерватизм, соединенный с ощущением исключительности. Последнее выступало естественной «защитной реакцией», придававшей обществу необходимые устойчивость и равновесие. И как бы Россия ни приумножалась территориально, она не расширялась, если так можно сказать, ментально и идеологически; не порождала универсальных теорий и кодифицированных норм; стремилась не столько дать миру что-то новое, сколько не допустить потери того, что было ею ранее обретено.

Следствием развития такого типа стало ощущение «позитивной исключительности», которое упрочивалось по мере того, как Россия превращалась в одну из крупнейших и наиболее могущественных держав. Оно, в свою очередь, обусловливало пренебрежительно-надменное отношение к остальному миру, которое часто позволяло не обращать внимание на

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

многочисленные проблемы собственной страны. Однако даже в периоды своего наивысшего успеха Россия оставалась одинокой: в лучшем случае ее окружали союзники, ранее подчиненные военной силой, или клиентелла, находившаяся на ее содержании (часто повторяемая ныне фраза Александра III о том, что «во всем свете у нас только два верных союзника – армия и флот»[1], идеально описывает эту ситуацию). На мой взгляд, такова специфическая «цена особости»: если исходным пунктом представляется то, что страна отличается от остальных, для привлечения к себе внимания необходимы давно известные «спецсредства» – сила или деньги. К такому позиционированию можно относиться по-разному, однако не стоит отрицать, что подобная модель развития позволяла и позволяет обществу находиться в относительной гармонии с самим собой, несмотря на многочисленные трудности развития.

С другой стороны, замкнутость и относительная изолированность России (иногда обусловленные внешними обстоятельствами, а иногда ее собственным выбором) совершенно иначе воспринимались извне. Из западной части Европы Россия виделась не столько как уникальная страна, сколько как либо отсталое, либо идущее по неправильному пути общество. Это ощущение непрерывно укреплялось на протяжении последних как минимум 500 лет – с тех пор как в Европе начала формироваться первая универсальная социальная доктрина, основанная на идеях права, собственности, личной свободы и сбалансированности интересов человека и государства. Конечно, сами по себе ни такая доктрина, ни экономические успехи европейских народов не могли служить основанием для отнесения России к «низшей» ступени развития: мир позднего Средневековья оставался полицентричным и эволюционировал асинхронно. Однако европейская экспансия, стартовавшая в XVI веке, за пару столетий радикально изменила ситуацию, утвердив не только евроцентричные трактовки прогресса, но и евроцентричный стандарт цивилизации. Критически важным отличием, сформировавшимся в этот период, стало то, что европейцы, осваивая мир, создавали в нем свои offshoots[2] – территории, где колонисты копировали существенные черты прежних практик[3], но в то же время основывали новые общества, способные к самостоятельному развитию; русские же в ходе «внутренней колонизации»[4] расширяли пределы собственной страны[5], практически не совершенствуя форм социальной организации. В результате сложилась ситуация, когда вестернизированный мир стал восприниматься как «норма», а все остававшееся вне его зоны влияния – как «аномалии»; так формировалось понимание «негативной исключительности» России как страны, не желающей (или неспособной) воспринимать «очевидные» достижения цивилизации. Это восприятие не компенсировалось растущей мощью страны – скорее таковая выступала как повод относиться к ней с еще бóльшими опаской и подозрительностью. Попытки России в XX столетии использовать западноевропейские социальные теории для продвижения

---

1 Цит. по: Романов, Александр Михайлович. *Книга воспоминаний*, Париж: Иллюстрированная Россия, 1933, с. 49.

2 См.: Maddison, Angus. *The World Economy: A Millennial Perspective*, Paris: OECD Publications Service, 2000, pp. 6–9.

3 См.: Huntington, Samuel. *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*, New York: Simon & Schuster, 2004, p. 41.

4 См.: Etkind, Alexander. *Internal colonization: Russia's Imperial Experience*, Cambridge, Malden (Ma.): Polity, 2011, pp. 6–8.

5 См.: Ключевский, Василий. Курс русской истории в: Ключевский, Василий. *Сочинения в 9 томах*, т. 1, Москва, 1987, с. 50.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

собственного универсалистского проекта оказались несостоятельными – как по причине внутренних изъянов выбранной доктрины, так и в силу запоздалости самого предприятия. Рубеж тысячелетий, как могло показаться, открывал не только перед Россией, но и перед всем человечеством особенные перспективы. После долгого противостояния идеологий, общественных лагерей и экономических систем возникало «окно возможностей», о котором мечтали самые разные люди – от теоретиков конвергенции противостоящих блоков в единую «технотронную цивилизацию» до сторонников рыночного «социализма с человеческим лицом». История не имеет сослагательного наклонения, и мы не узнаем, что могло бы случиться, будь перемены начала 1990-х годов не столь стремительны. Однако произошло то, что произошло, – и желанный «конец истории»[6] хронологически совпал с «однополярным моментом»[7] Запада, что, на мой взгляд, вернуло человеческое сознание, почти свыкшееся было с альтернативностью истории, во времена, когда линейность прогресса воспринималась как данность.

В этих новых условиях разделенности мира, если не на победителей и побежденных, то уж по меньшей мере на успешных и неудачников, не могло не возникнуть возрождения того «стандарта», который был серьезно потрепан XX веком с его фашизмом и сталинизмом, нацизмом и маоизмом, а также десятками других «отклонений», которые порой, казалось, способны были реально свернуть историю с того пути, по которому она шла по меньшей мере со времен становления первых элементов буржуазного общества в Европе. Не будет преувеличением сказать даже, что никогда раньше концепт «нормы» не становился столь доминантным.

Подобная ситуация имела два следствия, о которых сегодня можно говорить как о данности, но которые стоило бы предвидеть еще на излете эпохи воображаемой альтернативности. Во-первых, обретение «новой нормальности» не сразу, но привело к изменению парадигмы социологических исследований, если не всей социальной философии. Соединение ощущаемой «нормальности» передовых стран и постулируемого единства «постисторического» мира исключало старинный подход, в рамках которого мир делился на пространства цивилизации и варварства. В новых условиях черно-белое противопоставление заменилось на изощренную картину полутонов, и мир погрузился в свои пятьдесят оттенков серого. С одной стороны, очарование нормы не позволяло полностью от нее отказываться; сегодня ни один политик в мире и подавляющее большинство исследователей не станут называть ни ту систему, в которой он живет, ни ту, о которой он, возможно, мечтает, не употребляя, например, эпитет «демократический». Как бы ни отличались Ф. Закария с «нелиберальной демократией»[8] и В. Сурков с «суверенной»[9] и каким бы эмоционально разным ни являлось их отношение к данному феномену, за основу берется демократия как явление, якобы подводящее общую основу под две мало чем похожие друг на друга политические системы. Отталкиваясь от обозначающего норму понятия, многие авторы спонтанно или осознанно камуфлируют тот очевидный факт, что демократии в строгом смысле слова в описываемых ими обществах вообще нет и что суть и характер этих социальных организмов должны исследоваться исходя из совершенно других представлений

---

6 См.: Fukuyama, Francis. ‘The End of History?’ in: *The National Interest*, 1989, vol. 16, pp. 3–18, and Fukuyama, Francis. *The End of History and The Last Man*, London, New York: Penguin, 1992.

7 См.: Krauthammer, Charles. ‘The Unipolar moment’ in: *Washington Post*, 1990, July 20 и Krauthammer, Charles. ‘The Unipolar moment’ in: *Foreign Affairs*, America and the World Special Issue, 1990/91, pp. 35–42.

8 См.: Закария, Фарид. *Будущее свободы: Нелиберальная демократия в Соединенных Штатах и в мире* [перевод с английского под редакцией и со вступительной статьей В. Иноземцева], Москва: Логос, 2004.

9 См.: Сурков, Владислав. ‘Национализация будущего: параграфы pro суверенную демократию’ в: *Эксперт*, 2006, № 43, 20 ноября.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

об их фундаментальных чертах, сводящихся к автократическому типу власти и несвободному обществу. При этом отмеченные термины вовсе не являются наиболее оригинальными: «демократия» получила за последние четверть века десятки эпитетов; сегодня говорят уже не только о «совещательной» демократии, но даже и о «тоталитарной»[10].

Этот теоретический подход оказывает, на мой взгляд, крайне деструктивное влияние на современное социологическое знание, так как в ситуации, когда один из вариантов развития (не важно, какой именно) провозглашается нормой, все прочие рассматриваются в качестве отклонений. Как следствие, вместо глубокого изучения принципов функционирования того или иного общества и механизмов его устойчивости исследователи в первую очередь концентрируются на выявлении черт, отличающих его от «нормального». Возникает непреодолимое желание не «копаться» в серьезных проблемах, а ограничиться описанием тех реформ или изменений, которые, как кажется, способны устранить «наносное» и вернуть аномальное общество к «нормальному» состоянию. Тем самым реальные отличия одних социальных систем от других – которые, замечу, не стали существенно меньше за последние десятилетия – девальвируются, как, разумеется, и исследования таких отличий. Для понимания окружающего нас мира и его перспектив все это не сулит ничего хорошего: четкие классификации, прежде становившиеся следствием глубокого проникновения в суть социальных процессов, подменяются жонглированием терминами, становящимся занимательной игрой для исследователей.

Во-вторых, осознание того, что в мире есть не несколько существенно различающихся социальных систем, а мало кем оспариваемая «норма» и масса более или менее серьезных девиаций, порождает иллюзию, что большинство отклонений могут быть исправлены. Войны за установление демократии – уникальное для XXI века явление, во многом порожденное распространением «нормативного» подхода – ведь в его отсутствие они были бы столь же маловероятны, как, например, попытка США или СССР завоевать не нападавшую на них Германию в стремлении уничтожить нацизм просто потому, что каждая страна считала буржуазную демократию или диктатуру пролетариата нормами, а фашистские порядки отклонением от них. Но даже если не ударяться в фантазии, можно уверенно констатировать, что следствием пусть и не практического насаждения, но хотя бы теоретического утверждения нормы выступает подъем реакционной волны, сторонники которой движимы желанием защитить право на существование форм и практик, не вписывающихся в норму. И всего через четверть века после всемирного торжества «нормальности» самые разные страны стали свидетелями расцвета популистских и экстремистских движений, апеллирующих к глубоко, как оказалось, заложенному в человеке отторжению «нормы». Консерватизм, граничащий с ретроградством, перестает быть уделом маргиналов, завоевывая все более широкую поддержку.

Следует заметить, что этот процесс протекает не только на личностном уровне; его субъектами порой становятся целые государства. Выведенные «за штат» страны, по мере осознания своей исключенности из «сообщества нормальных», испытывают все меньше сожалений по этому поводу. В той же мере, в какой справедливы слова Г. Киссинджера о том, что «статус доминирующей державы по сути автоматически порождает стремление иных государств обрести бóльшие права при принятии своих решений и относительно принизить позиции сильнейшего»[11], верно и утверждение о том, что самопровозглашенный статус «нормальности» развитого мира не мог не породить реакции со стороны его

---

[10] См.: Gutman, Amy and Thompson, Dennis. *Why Deliberative Democracy?* Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2004 и Wolin, Sheldon. *Democracy, Inc. Managed Democracy and The Specter of Inverted Totalitarianism*, Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2008.

[11] Киссинджер, Генри. *Нужна ли Америке внешняя политика?* [перевод с английского под редакцией и со вступительной статьей В. Иноземцева], Москва: Ладомир, 2002, с. 325.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

оппонентов. По мере упрочения их позиций в глобальных экономике и политике отторжение «нормы» стало усиливаться. Неудивительно, что уже по прошествии чуть более десяти лет с момента краха коммунизма общепринятыми стали представления не об «окончании», а о «возобновлении» истории в новом столетии[12].

Россия, как одна из тех стран, которые столетиями шли своим собственным историческим путем, и как держава, на протяжении большей части XX века олицетворявшая наиболее заметную альтернативную версию истории, не могла не оказаться в центре дискуссии о «нормальности».

В открытой форме таковая началась в 2005 году, когда в США вышла работа известного специалиста по России, одного из консультантов гайдаровского правительства А. Шлейфера «Нормальная страна: Россия после падения коммунизма»[13]. В ней автор исходил из описанного выше понимания нормальности западного мира и выражал даже не надежду, а скорее уверенность в том, что России удастся усвоить или скопировать ее основные элементы. В книге последовательно апологетизировалось почти все, что происходило в России в 1990-е годы: автор настаивал, что на старте рыночных реформ «работники приватизируемых предприятий получили такие щедрые льготы и уступки, каких не предусматривала ни одна приватизация в мире»; что в результате преобразований «Россия отказалась от достаточного числа пережитков системы централизованного планирования, чтобы стать рыночной экономикой»; а, например, падение средней продолжительности жизни россиян в эти годы «не выглядит обусловленным ростом бедности, недоеданием или ограничением доступа к услугам здравоохранения». Основной вывод прочитывался с первых строк: «к началу нового столетия Россия превратилась в нормальную страну – демократическое общество с рыночной экономикой»[14]. Разумеется, автор видел, что Россия по-прежнему занимает средние строчки в табелях о рангах мировых экономик; что ей необходимы огромные усилия для того, чтобы добиться перехода в круг развитых стран, – однако он подчеркивал, что все проблемы обусловлены «ненормальным» советским прошлым, в то время как теперь страна идет вперед и уже потому может (и должна) считаться «нормальной».

С момента выхода в свет книги А. Шлейфера ее аргументация вызывала у меня серьезное внутреннее неприятие, причины которого я попытался тут же изложить[15]. Однако еще раньше ответом автору стала фундаментальная статья С. Розфилда «Россия: Ненормальная страна», задавшая противоположный тон дискуссии[16]. Оппонент исходил из тезиса, что «существование рынка является необходимым, но недостаточным условием экономической

---

12 Фраза принадлежит Д. Беллу (см.: Bell, Daniel. ‘The Resumption of History in the New Century’ в книге: Bell, Daniel. The End of Ideology. *On The Exhaustion of Political Ideas in The Fifties*, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2000 [русск. пер. В. Иноземцева: Белл, Даниел. ‘Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги ‘Конец идеологии’’ в: *Вопросы философии*, 2002, № 5, сс. 13–25]); позже этот тезис в несколько иной формулировке повторил Р. Кейган (см.: Kagan, Robert. *The Return of History and The End of Dreams*, New York: Alfred A. Knopf, 2008).

13 См.: Shleifer, Andrei. *A Normal Country. Russia After Communism*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2005.

14 Shleifer, Andrei. *A Normal Country*, pp. 39, 182, 161, 4.

15 См.: Иноземцев, Владислав. [*Рецензия на книгу*: Shleifer, Andrei. *A Normal Country. Russia After Communism*, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2005] в: *Неприкосновенный запас*, № 4 (42), июль – август 2005, сс. 130–132.

16 См.: Rosefielde, Steven. ‘Russia: An Abnormal Country’ in: *The European Journal of Comparative Economics*, 2005, Vol. 2, No. 1, pp. 3–16.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

нормальности в ее западном понимании», в то время как «страна без независимой судебной системы, без свободно избираемого парламента, без контроля законодательной власти над спецслужбами, без политически значимых независимых медиа и с тотально контролируемым властью государственным сектором в экономике» не может считаться воплощением нормы[17]. Конечно, А. Шлейфер акцентировал внимание прежде всего (если не исключительно) на экономических проблемах, а С. Розфилд рассматривал норму с социальных и политических позиций, но важнее то, что последний явно относился к нормальности не как к процессу, а как к состоянию. При таком подходе у России не было никакого шанса быть признанной «нормальной страной». Работы обоих авторов определили направление дебатов на тему России: они почти на 10 лет свелись к спорам сторонников того, что в поведении страны можно видеть «обнадеживающие сигналы», и теми, кто не наблюдал в новостях из Москвы ничего, кроме «разочаровывающей реальности».

Десять лет спустя наступил, казалось бы, момент истины. События 2014 года, аннексия Крыма и конфликт в Донбассе, а также последовавшая за этим резкая конфронтация между Россией и Западом сделали доминирующим восприятие России как государства, отвергающего все мыслимые европейские нормы. Президент П. Порошенко даже назвал ее новой Ордой, а Украину – страной, защищающей Европу от варварских полчищ. Между тем сам по себе захват чужих территорий не делает Россию «тартарией»: подобные действия одних государств в отношении других составляли чуть ли не основное содержание европейской истории на протяжении многих веков. Поведению России начала XXI века можно найти множество аналогов в действиях европейских держав XVIII или XIX столетий. Сегодня Россия не перестает быть частью Европы, которой всегда была. Она, на мой взгляд, в наши дни заблудилась не столько в пространстве (как некоторые ее военнослужащие, «случайно» попадавшие в плен к украинским военным на украинской территории), сколько во времени. Она не столько ненормальная, сколько несовременная страна – и, мне кажется, соответствующая коррекция угла зрения в нынешних условиях выглядит исключительно важной.

Я не случайно подчеркнул, что одним из центральных пунктов дискуссии, начатой А. Шлейфером и С. Розфилдом, является вопрос о том, рассматривается ли ее объект в статике или в динамике. Любые нормы подвижны, как изменчивы и общества: поэтому, если та или другая страна существенно выделяется на фоне прочих, ей необязательно должен выноситься приговор ненормальности. Вполне вероятно, но она отличается от большинства лишь в некоторых аспектах, и даже, возможно, делает все от нее зависящее, чтобы приблизиться к передовым державам. Куда более важным является, на мой взгляд, вопрос о векторе развития, о том, в каком направлении изменяется общество: в том же, в котором одновременно с ним движутся или двигались ранее те страны, которые сегодня достигли наибольших успехов, или в противоположном.

Неравномерность экономического и социального развития – не исключение, а правило человеческой истории. Страны часто отставали в своем движении от лидеров, а порой и вообще замирали на десятки и сотни лет в почти неизменяющемся состоянии – в российской истории такие периоды случались не раз и не два. Однако гораздо менее привычны случаи, когда общества осознанно выбирают (или не препятствуют своим властям делать соответствующий выбор) откровенный «разворот» и под лозунгами консерватизма начинают путь назад, отказываясь от некоторой части современности, которой достигли в предшествующие исторические периоды. Именно это, на мой взгляд, творится сегодня в России – и именно поэтому я определяю ее как несовременную, а не ненормальную, страну. В экономике мы поворачиваемся от относительно открытой внешнему миру системы к автаркии; от достигнутого было частного рыночного хозяйства к системе государственных корпораций и банков; от конкурентной среды к монопольной. В обществе происходит

[17] См.: Rosefielde, Steven. *Russia: An Abnormal Country*, pp. 4, 9, 14.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

ренессанс архаических норм в традициях чуть ли не русского домостроя; церковь воссоединяется с государством; возвращается цензура, фиксируются все новые попытки ограничения свободы обмена информацией. В политике демократические институты почти уничтожены; губернаторы, которые раньше избирались народом, а потом местными парламентами, сейчас практически исключительно назначаются для последующего одобрения на референдумах; выборы мэров отменены почти во всех крупных городах. Судебная система почти полностью утратила независимость, а «правоохранительные» органы и силовые структуры обрели полномочия, сравнимые с теми, которые они имели пятьдесят или более лет назад. Если раньше несогласные с курсом партии и правительства могли говорить о том, что страна идет по неверному пути, едет не по той дороге, то сегодня диагноз выглядит совершенно иным – мы находимся на полосе встречного движения, ни больше ни меньше. При этом экономическая, политическая, интеллектуальная и демографическая деградация не страшит социум, практически полностью утративший как ощущение исторического времени, так и инстинкт самосохранения.

Однако все сказанное выше вовсе не означает, что на Россию следует «махнуть рукой», – скорее наоборот. В отличие от экспертов, которые считают ее «ненормальной» и видят своей задачей лишь инвентаризацию многочисленных отклонений от «нормы», я считаю, что задача, которая стоит сегодня перед непредвзятыми исследованиями, намного сложнее. Россию недостаточно назвать «большой бензоколонкой» – нужно понять, почему она превратилась из индустриальной страны в сырьевую и так быстро откатилась на периферию глобального научного-технологического прогресса. Россию мало характеризовать как коррумпированную страну – следует относиться к соединению власти и денег не как к совокупности исключений, с которыми общество пытается бороться, а как к базовому принципу, определяющему его функционирование. Нужно не измерить масштаб пренебрежения людей к фактам и аргументам, а осмыслить, почему отторжение любого рационализма приняло здесь столь ужасающие масштабы. Смещение акцента с оценок «ненормальности» страны на постижение причин ее «несовременности» может и должно углубить понимание того, что происходит в России и чего от нее можно ждать. Заклинания о том, что «в Россию можно только верить»[18], как и констатации того, что она остается «головоломкой, завернутой в тайну и спрятанной внутри загадки»[19], обесценивают идею изучения страны, по сути предполагая, что она не только аномальна, но и не поддается анализу, применимому к «нормальным» странам. Нам же надо наконец понять, чем живет и как работает комплексная социальная система, выстроенная на основе принципов, которые, казалось, исключают ее выживание, почему она остается прочной и самовоспроизводящейся[20] и не желает возвращаться в ту современность, которую добровольно покинула.

Это, конечно, задача поистине титанического масштаба, и утверждать, что ее можно решить в одной книге, было бы, разумеется, пустым бахвальством. Но если изложенное в следующих главах поможет читателям даже не найти ответы на мучающие сегодня очень многих наших соотечественников вопросы, но хотя бы более четко сформулировать свое отношение к происходящему в стране, я буду считать усилия, потраченные на написание книги, небесполезными.

---

18 Тютчев, Федор. *Стихотворения*, Москва: Типография А. И. Мамонтова, 1868, с. 230.

19 Langworth, Richard (ed.) *Churchill's Wit: The Definitive Collection*, London: Ebury Press, 2009, p. 145.

20 Этот момент хорошо отражен в заглавии моей статьи из Le Monde Diplomatique, которую дали ей издатели английской версии: Inozemtsev, Vladislav. 'Russia should't work but it does' in: *Le Monde diplomatique* English edition, 2010, № 11 (November), pp. 12–13 (оригинал вышел как Inozemtsev, Vladislav. 'Russie, une société libre sous contrôle authoritaire' in: *Le Monde diplomatique*, 2010, № 10 (Octobre), pp. 4–5).

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Варшава, Польша, 6 июня 2018 г.

Глава первая
Особенная идентичность

Сегодня часто говорят о том, что мир XXI века настолько изменчив, что любое общество может конструироваться и реконструироваться в зависимости от осознаваемых его элитами потребностей экономического или социального прогресса. Это действительно так – об этом свидетельствует опыт успешных модернизаций, которых за последние 100 лет отмечено больше, чем за всю предшествующую историю[21]. Однако данный тезис справедлив только в отношении тех стран, которые стремятся измениться; для тех же, которые либо провозглашают стратегией консерватизм, либо видят в устоях прошлого залог стабильности, исторические тренды нельзя не принимать во внимание. Поэтому начать исследование российской несовременности следует с краткого экскурса в ее историю.

Вечное «ученичество»

История России чрезвычайно богата и многообразна, но для целей данной главы я остановлюсь на одном ее аспекте: на специфическом, нигде более не встречающемся в таком «чистом» виде, отношении страны с внешним миром. Нигде с такой силой, как здесь, не проявилось щемящее ощущение окраинности (вот уж какую страну следовало бы по праву назвать «о(у)краиной»), причем это ощущение раз за разом воспроизводилось на самых разных этапах российской истории – даже тогда, когда ценой невероятных усилий народа страна достигала позиции наиболее мощной державы Европейского континента и второй глобальной сверхдержавы, она всегда сохраняла явные элементы провинциальности.
Я не буду вдаваться в подробности возникновения русской государственности, отмечу лишь, что формирование ее под сильным влиянием скандинавских вождей и дружин давно не подвергается сомнению[22]. Русь складывалась как своего рода форпост норманнской культуры в относительно чуждых для нее землях, однако возвышение новой страны началось тогда, когда она превратилась в связующее звено между севером и югом, бассейнами Балтийского и Черного морей, северной Европой и Византией[23]. К началу X века обширные территории от Новгорода до Киева, от Смоленска до Перемышля представляли собой далекую окраину европейского мира, не имевшую собственной «стержневой» идентичности. Попыткой создать таковую стал поиск государственной религии, хорошо описанный во многих исторических трактатах[24] и закончившийся принятием христианства в его византийской традиции. Отчасти это выглядит предсказуемо, так как к тому времени Русь в военно-политическом аспекте контактировала и соперничала только с Византийской

---

21 Подробнее см.: Inglehart, Ronald and Welzel, Christian. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005, pp. 18–22.

22 См., напр.: Franklin, Simon and Shepard, Jonathan. *The Emergence of Rus', 750–1200*, London: Longman, 1996, pp. xvii-xviii.

23 См.: Shepard, Jonathan. 'The Origins of Rus'' в: Perrie, Maureen (ed.) *The Cambridge History of Russia*, Vol. I: From Early Rus' to 1689, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 49–52.

24 См.: Riasanovsky, Nicholas. *Russian Identities: A Historical Survey*, Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, pp. 19–22.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

империей, однако сам по себе процесс принятия новой веры выглядел достаточно нетипично: в подавляющем большинстве случаев до этого либо правители принимали религию тогда, когда она уже достаточно распространилась среди их подданных, либо ее насаждали внешние силы. Поиск, подобный российскому, вел лишь Хазарский каганат[25], история которого, однако, оказалась намного короче российской.

Процессы, которые были запущены крещением Руси, имели для страны непереоценимое значение, положив начало тому, что я бы назвал византийской рецепцией – первой из как минимум трех волн рецепций, пережитых Россией за ее долгую историю. Византийская рецепция в зачаточной форме продемонстрировала все главные особенности перенятия, развития и использования Россией внешних социальных практик.

Следует отметить прежде всего, что, даже вступив в своеобразное «византийское содружество»[26] и формально получив доступ к позднеримскому наследию – духовному, интеллектуальному, материальному (а также возможность приобщиться к сохраненной в империи правовой традиции, постоянно дополнявшейся и совершенствовавшейся в соответствии с потребностями церковной и светской власти), – Русь ограничилась заимствованием относительно немногих черт, прежде всего касавшихся религии и обрядности, а также норм не столько изменявших существовавшие порядки, сколько способствующих их дополнительной легитимации.

Несмотря на то, что Византия во многом стала преемницей Рима в развитии и совершенствовании канонического права, данная часть византийской традиции вообще не была воспринята на Руси. Древнерусские юридические памятники первых после принятия христианства веков подтверждают, что на Руси существовала мощная традиция обычного права, которая сложилась на несколько столетий позднее, чем в Западной Европе, – но она практически никак не соединилась с идущей от Рима византийской практикой кодифицирования юридических норм и не породила в итоге ни сословия легистов, ни разнообразных трактовок права, ни особой роли права в ограничении притязаний власти на свободу и жизни подданных – т. е. всего того, что отличало позднее Западную Европу от остального мира. В результате уже в первые столетия христианской Руси можно заметить наличие типичного для всей последующей ее истории «разрыва» между законом и правом. Вплоть до сего дня в России существуют (и постоянно множатся) законы, оформленные надлежащим образом, но противоречащие основному корпусу юридических норм, и потому могущие считаться неправовыми[27]. Особенность «византийской рецепции» выступает одной из причин такого положения дел.

В той же степени обращение к позднеримской цивилизации не сформировало на Руси отношения к частной собственности. Даже в первые после принятия христианства века не появилось правовой концепции собственности, которая была бы закреплена в нормативном акте (что радикально отличало русские порядки от византийских); большинство историков сходятся во мнении, что вся домонгольская система собственности на Руси основывалась на коллективном владении землей и имуществом целого рода[28]. Часто возникавшие усобицы свидетельствовали о том, что «не существовало сколько-нибудь отлаженного механизма

---

[25] См. подробнее: Koestler, Arthur. *The Thirteenth Tribe: The Khazar Empire and Its Heritage*, New York: Random House, 1976, pp. 39–45.

[26] Термин был введен в 1960-е гг. Д. Оболенским (см.: Obolensky, Dimitri. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453*, New Haven (Ct.), 2000).

[27] См.: Иноземцев, Владислав. ‘‘Диктатура закона’ упраздняет права россиян’ в: *Московский комсомолец*, 2011, 5 июля, с. 3.

[28] См.: Pipes, Richard. ‘Was there Private Property in Muscovite Russia?’ в: *Slavic Review*, 1994, vol. 53, pp. 524–530.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

передачи по наследству владений Русской земли, закрепленного в сознании людей»[29]. Князья стояли перед выбором: сохранить родовую собственность, отказавшись от частнособственнических притязаний на формирование своих отчин, или же пойти по пути дробления родовой собственности на семейные, отчинные владения, поставив тем самым под угрозу молодое русское государство. Собственно, это противоречие между собственностью и властью, частным и государственным интересом, не разрешенное, а скорее окончательно утвержденное в ходе византийской рецепции, стало одним из главных противоречий российского общества, присутствующим в нем и поныне.

Естественно, особым значением для Руси обладало перенятие византийской духовной традиции с ее идеей «симфонии» Церкви и власти, весьма нетипичной для западного христианства того времени, в котором формировались условия для жесткого и продолжительного противостояния светской и духовной властей[30]. Особенностью рецепции византийских практик стало некритическое восприятие этой идеи, воплотившееся в становлении такой Церкви, важнейшей задачей которой было дополнение инструментов доминирования, доступных мирским правителям. Можно без преувеличения сказать, что практически никаких (за исключением самых обрывочных) свидетельств присутствия в политической и интеллектуальной жизни Руси интереса к проблеме соотношения светской и духовной властей не находится вплоть до конца XV века[31]. Это объясняется в том числе и тем, что новую религию принесли на Русь не проповедники, а князья, которые в силу доминирования в обществе патриархального сознания воплощали единство национального, религиозного, государственного и правового начал. Сделав христианство своей опорой и инструментом управления обществом, русские правители естественным образом возложили на себя также и материальное бремя содержания этого нового социального института, который по понятной причине никогда после этого не выказывал значимых признаков «оппозиционности».

Безусловно важным элементом византийской рецепции стало и отношение, возникшее на Руси к городам, которые, несмотря на относительно высокий уровень развития ремесла и городских профессий, так и не стали торговыми или ремесленными центрами, сохраняя свое значение прежде всего как место пребывания князя или церковных иерархов. Слабая интенсивность торговых связей и низкий уровень экономического развития – причины того, что городов в Древней Руси было так немного (в сравнении с Западной и даже Центральной Европой[32]). Русские города – за исключением Новгорода и Пскова – сохраняли выраженную экономическую изолированность, будучи прежде всего местом пребывания князя, а позднее и церковного иерарха. Значительные расстояния между городами, нерыночное потребление княжеских дворов, доминирование натурального хозяйства в сельской местности – и по объективным, и по субъективным причинам русский город так никогда и не развился в экономический и торговый центр, каким город стал в средневековой Европе, не говоря уже (опять-таки за исключением Новгорода и Пскова) о том, чтобы стать центром самоуправления и общественной жизни.

---

29 См.: Юрганов, Андрей. *Категории русской средневековой культуры*, Москва: МИРОС, 1998, с. 152.

30 В византийской традиции принято было полагать, что «Церковь и государство, как тело и душа, составляют один организм, и что между ними должно быть постоянное взаимодействие во имя общего блага» (Павлов, Алексей. *Курс церковного права*, Санкт-Петербург, Лань, 2002, с. 47).

31 См.: Crummey, Robert. *The Formation of Muscovy, 1304–1613*, London, New York: Longman, 1987, pp. 129–131.

32 См.: Pirenne, Henry. *Medieval Cities: Their Origins and The Revival of Trade*, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1969, p. 64 и Tilly, Charles. 'Enlargement of European Cities and States' в: Tilly, Charles and Blockmans, Wimp (ed.) *Cities and The Rise of States in Europe, 1000–1800*, Oxford: Longman, 1994, p. 16–19.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Оказавшись неспособной перенять сущностные черты античной системы, во многом сохранившиеся в Византии и спасенные ею для Европы, Русь в ходе первой рецепции активно впитала в себя элементы, лежавшие на поверхности и при этом особенно выгодные для представителей власти – прежде всего идею единства Церкви и государства, приоритета светской власти над духовной, и некоторые другие. При этом русские князья с довольно ранних пор стремились не только стать вровень с византийскими императорами, но даже (что звучит сегодня довольно смешно) найти нити династических связей с римскими цезарями[33]. Византийская рецепция принесла перенятие не сущностей, а формы; не стратегий, а методов – но в то же время уже здесь выявилась глубинная особенность российских рецепций: стремление превратиться из ученика в преемника, из окраины в центр, из последнего в первого. Это проявилось в постоянном соперничестве с Константинополем по духовным вопросам, в позиционировании Руси наследницей Византии, в ее самопостулировании как центра православной цивилизации и, наконец, в провозглашении старцем Филофеем идеи Москвы как «Третьего Рима»[34]. Переняв некоторые элементы византийского наследия, Россия на много столетий сделалась центром притяжения того восточнохристианского мира, который во многом определил ее социальный и политический облик, но в то же время и закрепил ее окраинный (хотя необязательно фронтирный[35]) – и только в этом уникальный – характер как цивилизационной общности.

Однако всего через два с половиной столетия после «вхождения в орбиту» Византии русские земли пережили не меньшее, если не сказать – бóльшее – потрясение: вторжение монгольских орд, которые в течение всего лишь пяти лет (1237–1242 годы) разрушили и завоевали все русские княжества от Рязани до Перемышля; относительный суверенитет сохранили только Новгород и Галич. Монгольская цивилизация (многие исследователи считают, что она сыграла определяющую роль в становлении «азиатского» характера России[36]) отнюдь не являлась столь варварской, какой ее долгое время было принято изображать. Монголам удалось создать империю, которая на тот момент была самой большой по территории в мире, а также добиться невиданного совершенства в военном деле – и этот опыт базировался на нескольких уникальных технологиях, как управленческих, так и социальных.

Прежде всего Монгольская империя предполагала особую технологию освоения континентальных пространств: в отличие от Рима, который строил дороги и возводил фортификационные сооружения в надежде (причем небеспочвенной) на многовековое доминирование на захваченных территориях, монголы делали акцент на быстрой мобилизации и четкой системе связи между «имперским центром» и любыми точками на

---

[33] В «Сказании о князьях Владимирских» (ок. 1527 г.) его автор утверждает: «Август, кесарь Римский… Пруса, родича своего, послал на берега Вислы-реки… и с тех пор до нынешних времён зовется это место Прусской землёй», позже же «мужи новгородские пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа-царя…» (цит. по: www.portal-slovo.ru/history/39078.php, сайт посещен 12 апреля 2017 г.).

[34] См.: Филофей. «Послание к великому князю Московскому Василию [III] (1524 г.)» (цит. по: www.lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105, сайт посещен 15 апреля 2017 г.).

[35] См.: Wieczynski, Joseph. *The Russian Frontier: The Impact of Borderlands upon The Course of Early Russian History*, Charlottesville (Va.): University Press of Virginia, 1976.

[36] По мнению Ч. Гальперина, «монгольское нашествие более, чем любое другое историческое событие, определило ход развития русской культуры, политической географии, истории и национальной идентичности» (см.: Halperin, Charles. *Russia and The Golden Horde: The Mongol Impact on The Medieval Russian History*, Bloomington (In.): Indiana Univ. Press, 1985, p. 19); также см.: Fennell, John. *The Crisis of Medieval Russia: 1200–1304*, New York: Longman, 1983 и Martin, Janet. *Medieval Russia: 980–1584*, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

периферии. Система передачи сигналов и депеш, наличие гонцов, коней и опорных пунктов была огромным новшеством для того времени[37]. Она оказалась крайне важной и для Руси, так как Восточно-Европейская равнина, хотя и не могла соперничать по площади со степями Центральной Азии, тем не менее практически не способна была управляться и осваиваться по канонам Западной Европы с ее неизмеримо более высокой плотностью населения и бóльшей долей городских жителей[38]. При этом, расширяя свои владения, монголы не столько завоевывали новые территории для инкорпорирования их в формально единое централизованное государство, сколько устанавливали над ними эффективный контроль с целью получения дани и рабов, которые потом могли продаваться в регионы, где на них был спрос[39]. В результате возникала система, в которой местные правители пользовались значительными полномочиями и по сути выступали агентами ханов в отношении доминирования над их собственным населением. Это не было тем классическим феодализмом, который формировался в то же время в Западной Европе[40], но представляло собой особую форму зависимости от находившегося в отдалении (и порой полулегендарного) суверена.

Следует также отметить, что монгольская система предполагала (в отличие от той же западноевропейской) толерантность в религиозных вопросах: захватчики понимали, что церковные иерархи в любых конфессиях представляют собой крайне влиятельных людей, которые могут доносить необходимые указания и мнения до простолюдинов порой даже лучше князей и монархов. Учитывая, что завоеватели не ставили задачей создать централизованное государство с жесткой структурой управления и превратить всех его жителей в подданных хана, эта тактика была вполне оправданной. Именно поэтому русская Церковь не подвергалась во времена ига практически никаким гонениям[41]; показательным является и тот факт, что один из наиболее почитаемых русских государственных деятелей, новгородский князь Александр, был причислен к лику святых после того, как нанес несколько поражений христианскому воинству ливонских и тевтонских рыцарей, после чего отправился в Орду, чтоб объявить себя вассалом великого хана и получить ярлык на продолжение княжения; значимость этого поступка связана, на мой взгляд, прежде всего с тем, что князь «спас веру православную» от миссионеров-крестоносцев даже ценой уплаты дани и вассальной зависимости от «толерантных» монголов. Так или иначе, монгольская система показала русским значение религиозной терпимости, на чем я еще остановлюсь.

Однако особое значение в монгольской системе управления имела уникальная правовая конструкция «ясы»: неписаного (и даже порой невысказывавшегося) закона, сформировавшегося во времена Чингисхана[42], который тем не менее определял основные устои жизни подданных Монгольской империи и был обязателен для исполнения и на подконтрольных ей территориях. По сути скрытый (или «сокровенный») характер базового

---

37 Подробнее см.: Morgan, David. *The Mongols*, New York: Blackwell, 1987, pp. 48–60.

38 См.: Cippola, Carlo M. *Before The Industrial Revolution. European Society and Economy 1000–1700*, London, New York: Routledge, 1980, pp. 42–47.

39 См., напр.: Boyle, John Andrew. *The Mongol World Empire, 1206–1370*, London: Variourum, 1977, pp. 211–213.

40 См.: Poly, Jean-Pierre and Bournazel, Eric. *The Feudal Transformation, 900–1200*, New York, London: Holmes & Meier, 1991, pp. 16–22.

41 См.: Halperin, Charles. *Russia and The Golden Horde*, pp. 113–114.

42 См.: Aigle, Denise. *The Mongol Empire Between Myth and Reality*, Leiden: Brill, 2014, pp. 140–145.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

правового документа был уникальным даже для того времени и позволял толковать его исключительно широко и отчасти произвольно – особенно в отдаленных провинциях и вассальных территориях. Судя по всему, произошедшее во времена монгольского ига приобщение русских князей и их подданных к произвольным (и довольно жестоким) законам стало критически важным элементом, который обусловил серьезное ужесточение русских правовых норм, хорошо заметное при сравнении судебников конца XV века с более древними юридическими документами, такими, например, как «Русская правда».

Русские княжества находились под властью монголов более 150 лет (с момента битвы на Куликовом поле в 1380 году иго стало по большей части номинальным), и масштабы второй рецепции сложно переоценить. Важнейшими приобретениями Руси я бы назвал новое восприятие пространства (некоторые князья проводили в поездках в Каракорум до трети времени своего правления); особое отношение к религиозности и готовность принимать устои чужой веры с намного бóльшей толерантностью, чем прежде, а также еще большее усложнение правовой (точнее – юридической, хотя и не обязательно правовой) системы, которой характеризовалось правление местных князей. Кроме того, в годы монгольского владычества случилось, наверное, самое важное из того, что Русь пережила в Средние века: прежде единая цивилизация раскололась на две части – на владимирско-московскую, исторически более отсталую и долгое время находившуюся под азиатским игом, и полоцко-галицскую, за несколько десятилетий избавившуюся от монголов и вошедшую в орбиту европейских княжеств и королевств – сначала православной Литвы, а позже католической Речи Посполитой. В это время Владимирская Русь – прежде поселенческая колония киевского княжества – стала новым центром консолидации русских земель и, освободившись от монгольского правления, но переняв монгольские социальные технологии, оказалась «на острие» российской истории, к чему еще за несколько веков до этого не существовало ни политических, ни экономических оснований и предпосылок.

Итоги «второй рецепции» стали куда более впечатляющими, чем последствия первой. Если Византия рухнула под ударами арабов и турок и Русь смогла стать лишь ее «духовным наследником», то в ситуации с монголами всё обернулось иначе. Овладев военными технологиями и научившись контролировать громадные территориальные пространства, русские менее чем через 100 лет после окончательного свержения иноземного ига инициировали масштабную экспансию на Восток, сначала разгромив очаги сопротивления, непосредственно ведшие свои истоки от монгольской государственности (такие как Казанское и Астраханское ханства), а затем выплеснувшись на просторы Сибири и Азии. Это может показаться нереальным, но с момента захвата русскими Астрахани до достижения ими Камчатки и Берингова пролива прошло всего 140 лет (1556–1697 годы) – намного меньше, чем нужно было для любой иной, даже намного менее масштабной, сухопутной колонизации (те же американские колонисты добрались из Новой Англии до берегов Тихого океана более чем за 230 лет). При этом на волне второй рецепции в Москве сменилась система правления, утвердилась царская власть, заметно сократилась роль любых иных органов управления, еще более снизилось значение правовых институтов. Апофеозом стала не только восточная, но и западная экспансия Московии, завоевание Пскова и Новгорода с искоренением их прежних свобод; «воссоединение» с левобережной Украиной и в итоге формирование России как единого восточнославянского государства с явно выраженными византийским духовным и монгольским управленческим компонентами.

Однако ни одна из рецепций так и не смогла обеспечить России устойчивого прогресса: страна постоянно отставала в своем развитии от Западной Европы, с которой с XVI века начинала активно сталкиваться во многом из-за той территориальной экспансии, которую она воспринимала как фундаментальный признак своей успешности. К концу XVII столетия отсталость России стала особенно заметной (я вернусь к этому вопросу во второй главе), и возникла настоятельная потребность в очередной, третьей, рецепции – на этот раз не с юга или востока, а с запада. Этот процесс, начавшийся во времена Петра I, окончательно завершился только в первой половине XX века и представлял собой сложную, поэтапную и

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

многоуровневую систему заимствований, в которой в очередной раз проявились все наиболее характерные черты российских рецепций.

В центре этой волны в наибольшей степени находились технологии, а не религиозные или социальные стандарты. Многие технологические достижения, которые в западной части Европейского континента разрушили феодально-абсолютистские порядки, России удалось перенять таким образом, что они только укрепили подобные порядки в самой новой империи. По сути, технологические и организационные новации были восприняты только в строго ограниченной части общества, довольно жестко отделенной от большинства населения сословно-классовыми устоями (тогда, когда эта грань начинала прорываться, в обществе формировались предпосылки реформ и отчасти бунта – как это было после заграничного похода русской армии в 1814 году). Однако в целом России в очередной раз удалось невозможное: соединить новые технологии Запада с крайне примитивной социальной и политической организацией своего собственного общества[43] и – пусть и повторяя циклы заимствований несколько раз (в петровское время, затем в период правления Александра I и потом – во времена «великих реформ» 1860-х годов) – добиться очевидного экономического прогресса и значительного роста своего влияния. И только тогда, когда для поддержания хотя бы относительного паритета с Западом в экономическом развитии потребовалось освободить формально зависимое крестьянское население, допустить капиталистические отношения, попытаться узаконить частную собственность и в итоге породить у населения мысли о политических свободах, система дала крупный сбой – самодержавие рухнуло, и на короткие мгновения Россия стала одной из самых современных стран, чтобы через несколько месяцев «опомниться» и вернуться в привычную для нее тоталитарную и внеправовую «колею».

Конечно, Россия не превратилась во «вторую Европу» так, как она стала «новым Константинополем»; разумеется, она не расширилась на Запад так, как на Восток, – но нет сомнений в том, что к началу XIX столетия в Европе сформировалась новая великая (если не самая сильная) держава. Этот флирт с Западом стал для России формой выживания в новое и новейшее время в той же мере, в какой флирт с Монгольской империей помог ей выстоять и укрепиться в Средние века. Не будет большим преувеличением сказать, что данный сюжет может быть распространен и на советский период, в течение которого совершенно несовременные – если не сказать «архаичные» – общественные формы, не предполагавшие демократии и конкуренции, не стали препятствием для восприятия наиболее совершенных технологических достижений, что сначала сделало Советский Союз победителем во Второй мировой войне, а затем определило его роль в качестве одной из глобальных сверхдержав. Однако и на этот раз итог оказался незавидным: после долгих десятилетий искусственного «приобщения к современности несовременными методами» страна развалилась (о причинах чего – ниже) и всего за 15–20 лет новая Россия была отброшена на то место, которое по своему экономическому и социальному потенциалу она и должна занимать на мировой арене.

Итак, история России (в данном случае я следую концепции Кузнецовой – Люттвака[44]) представляет собой три волны рецепций, в каждой из которых страна перенимала символически и организационно значимые, но не изменявшие ее сущности элементы. Это перенятие позволяло ей находить новые элементы идентичности; открывать в себе новые возможности к экспансии; обновляться в экономическом и технологическом отношениях – и на основе не созданных ею самой, а полученных извне представлений и технологий

---

[43] Подробнее см.: Нефедов, Сергей. ‘Петр I: блеск и нищета модернизации’ в: *Историческая психология и социология истории*, 2011, № 1, сс. 47–73.

[44] См.: Luttwak, Edward and Kuznetsova, Ekaterina. The Kremlin Paradox, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2019.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

выходить из фактического небытия в круг самых мощных (но не более развитых и, уж конечно, не более современных) держав того или иного исторического периода. При этом Россия так и оставалась окраиной разных глобальных регионов – окраиной в том смысле, что из нее никогда не исходило новых технологических и социальных импульсов, которые поставили бы ее в центр определенной цивилизационной модели (о доминировании в ряде военно-политических блоков я не говорю). Единственная попытка такого рода, предпринятая в ходе реализации коммунистического эксперимента и оказавшаяся лишь относительно удачной, не случайно потребовала переименования страны из исторической «России» в совершенно нейтральный «Союз Советских Социалистических Республик» и активного подавления всего российского, которое на протяжении 70 лет старательно растворялось в интернациональном[45]. С крахом данного эксперимента Россия в очередной раз оказалась окраиной – причем сразу нескольких цивилизационных общностей.

Состояние, которое я называю вечным ученичеством, не присуще в такой степени ни одной из ныне существующих стран. Большинство успешных держав – от европейских до азиатских – могут похвастать своими технологиями, общественными укладами и идеологическими концептами, благодаря которым в то или иное время эти страны смогли завоевать призвание и выйти в лидеры. В их истории порой были периоды отставания и даже выпадения из мировых трендов, но это никогда не повторялось как множественные циклы – и тем более не составляло содержание всей их истории, как это происходило с Россией. Именно эта неспособность рождать новое вкупе с уникальным и неповторимым умением использовать чужое для утверждения собственного превосходства и является одной из важнейших черт, не позволяющих говорить о России как о современной – что относится к любому из пройденных ею исторических этапов – стране.

Уникальная имперскость

Россию часто называют империей, но большинство самих россиян воспринимает такое определение болезненно, полагая, что наша страна качественно отличается от недолговечных объединений, созданных в разное время завоевателями. С подобным же предубеждением относятся в России и к мысли о том, что часть страны в прошлом и даже настоящем — колонии; отсюда и постоянное, ставшее в последнее время маниакальным, стремление подчеркнуть «единство» государства[26]. Между тем Россия, на мой взгляд, может считаться империей — хотя империей, отличающейся от большинства иных ранее существовавших целым рядом характеристик.

Прежде всего следует отметить, что центр современной российской государственности — и об этом я уже упоминал — оказался уникальным образом смещен в сторону от исторических ареалов ее возникновения. История Руси началась практически одновременно в регионах, связанных между собой знаменитым «путем из варяг в греки» — прежде всего в Новгороде, Полоцке и Киеве, через которые и проходил этот путь[27]. Связи как с Византией, так и с Северной Европой были критичны для новой страны (или совокупности княжеств): с одной стороны приходили новые каноны, с другой — происходило встраивание русских городов в торговые объединения Балтийской Ганзы. По мере расширения контролируемой из Киева территории младшие князья получали заведомо менее привлекательные города, отстоявшие на восток от основной «оси», — так появились сначала Владимирское, а потом и Московское княжества.

Показательно, что уже к середине XIV столетия большинство территорий, в IX–XI веках составлявших ядро русской государственности, оказались включены в европейские державы, в то время как становление нового царства (а затем и империи) началось именно с отдаленных провинций бывшей Руси. С течением времени исторические центры прежнего государства стали его провинциями и окраинами — как те же Киев, Новгород или Псков. Крайне сложно провести исторические аналоги, приходится изобретать некоторые конструкции — например, русская империя могла бы напоминать возрожденную Римскую с центром в Константинополе, если бы

45 См.: Иноземцев, Владислав. ‘Почести мумии’ в: *Известия*, 2011, 19 апреля, с. 6.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Юстиниану и его преемникам удавалось удерживать Вечный город на протяжении нескольких столетий, или империю Александра Македонского, управляемую из Антиохии, если бы она сохранилась как единое целое, составной частью которого была и сама Македония (почему-то, однако, все эти странные объединения так и остались неизвестны мировой истории). Тем не менее Российское государство на протяжении по меньшей мере последних 500 лет оставалось империей, в которой изначально периферийный центр жестко, а порой и жестоко, управлял историческими метрополиями.

Не менее специфическим образом обстоит дело и с колониями. В истории всех европейских народов — начиная от греков и финикийцев и заканчивая британцами и французами — колониальная экспансия выступала как нечто естественное, и в своем стремлении к территориальному расширению Россия менее всего отличалась от большинства европейских наций. Колонизацией, на мой взгляд, следует считать выплеск населения из метрополии в новые территории с целью создания на них определенным образом схожего с прежним общества[28]. Можно согласиться с тем, что «термином «колония» обозначается поселение, созданное людьми, покинувшими свою родину и перебравшимися в иное место с целью основания нового общества на отдаленных землях»; при этом колонисты отличаются от иммигрантов, которые, «напротив, не создают нового общества, но только перемещаются из одного общества в другое»[29]. Русские здесь не были оригинальны: приблизительно в то же время, что и другие европейцы, они двинулись на покорение неизведанных земель — только по воле случая и из-за особенностей географии эти земли отстояли от их столицы на восток, а не на запад и отделены от метрополии были не океанами, а горами и равнинами. Однако в остальном можно лишь удивляться, насколько хронологически схожи были волны европейского и российского колонизаторства.

В то время, когда испанцы и португальцы уже установили свое доминирование в Южной Америке и даже начали проникать на тихоокеанские просторы, а англичане и французы осваивали Североамериканский континент, русские двинулись на Восток — и с 1581 по 1697 год полностью покорили всю территорию от Урала до берегов Тихого океана, после чего переправились через Берингов пролив и распространились до сегодняшних Орегона и северной Калифорнии. При этом первые сибирские города основывались в те же годы, что и наиболее известные города в Новой Англии и на восточном побережье нынешних Соединенных Штатов: Тобольск (1578 год), Сургут (1593 год), Томск (1604 год) и Красноярск (1628 год) старше Джеймстауна (1607 год), Нью-Йорка (1624 год) и Бостона (1630 год)[30], а в период максимальной экспансии российские территории, располагавшиеся к востоку от Урала (включая Аляску), превышали по площади испанские владения в Новом Свете от Мексики до Огненной Земли. Согласно подсчетам некоторых западных авторов, масштабы такой экспансии и продолжительность контроля над приобретенными пространствами делают Россию самой масштабной империей в истории человечества[31].

Эти огромные территории осваивались теми же методами, что и Северная Америка. Они стали огромной поселенческой колонией русских, действовавших по классическим канонам европейских народов. Характерно, что на это указывали даже современники тех событий: еще во второй половине XVII века Ю. Крижанич, находясь в тобольской ссылке, сравнивал освоение Сибири с римской и испанской практикой переселений, называя ее «высылкой народа на посады»[32]. Позднее в своей классической работе «Сибирь как колония», вышедшей в 1882 году, Н. Ядринцев исходит из тезиса о том, что «Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного движения и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране… — поэтому мы вправе считать Сибирь по преимуществу продуктом вольнонародной колонизации, которую впоследствии государство утилизировало и регламентировало»[33]. В начале XX века В. Ключевский писал, что «история России есть история страны, которая колонизируется; область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией — то падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней»[34]. Опять-таки современники оставили массу свидетельств жестокостей завоевателей на покоряемых территориях: так, по воспоминаниям епископа Камчатского Иннокентия, уничтожение до половины населения мятежных племен было обычным для русских первопроходцев[35], а многие современные западные авторы подчеркивают, что уровень истребления местных жителей был близок к североамериканским масштабам и ничего подобного представить себе, например, в Индии при

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

британском владычестве было невозможно[36]. По сути, Россия как субъект масштабной колонизации не только соперничала с европейскими державами, но в огромном числе случаев и по многим параметрам заметно превосходила их — хотя, по словам Р. Пайпса, «русские [в отличие от европейцев] не уезжали за границу; они вместо этого предпочитали колонизировать собственную страну»[37]. По сути же речь идет о единой эпохе «поселенческого колониализма», которая практически в одинаковой мере присуща историческому развитию и «западных», и «восточных» европейцев.

Однако к концу XVIII — началу XIX века стало видно первое отличие России от Европы в контексте колониальной политики. В колониях западноевропейских держав изначально возникли копии самих европейских обществ с их рационализмом, стремлением к просвещению, предприимчивостью и готовностью поселенцев бороться за свои права. В российских зауральских колониях, несмотря на более высокую степень свободы (в этих районах страны, например, так и не появилось крепостничества[38]), оказались сохранены все традиции православия и державности, которые имелись в метрополии и которые препятствовали ее развитию. В итоге судьба поселенческих колоний европейских и Российской империй оказалась различной: европейские колонии освободились от владычества метрополий в ходе американских революций 1776–1820 годов, превратившись в основу того, что А. Мэддисон называет «Western offshoots»[39], тогда как российская поселенческая колония, Сибирь, осталась составной частью государства. С этим разным «багажом» Россия и Европа вошли в новый период экспансии, в котором основную роль играла не способность той или иной страны обеспечивать массы новых переселенцев, осваивавших мировую периферию, а военное превосходство над народами покоряемых территорий.

С первой половины XIX столетия все европейские державы обернулись к «мировому Югу» в качестве нового направления своей экспансии. Британцы в 1757–1858 годах «освоили» Индию, французы в 1858–1887 годах — Индокитай; голландцы утвердились на островах Индонезийского архипелага; Британия, Франция, Бельгия, Португалия и Германия спешили разделить Африку. Окончание этой эпопеи обычно относят к 1885 году, когда на Берлинском конгрессе европейские державы утвердили границы между своими новыми владениями на Африканском континенте[40]. Следует заметить, что, в отличие от колоний в Америке или Австралии с Новой Зеландией, присутствие представителей метрополии в этих владениях было минимально. При эвакуации из своих заморских владений в середине XX века британцы и французы вернули обратно несколько десятков тысяч своих граждан, которые участвовали в управлении этими территориями, — именно поэтому я бы различал европейские колонии (такие, какие имелись в Северной и Латинской Америке, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке, а также в российской Сибири) и зависимые территории или военным образом удерживаемые владения (Индию, Индокитай, африканские и среднеазиатские пространства)[41]. Французские авторы дают другое удачное определение, терминологически отделяя поселенческие колонии (colonie de peuplement) и колонии, подвергавшейся чисто «хозяйственному» использованию (colonie d’exploitation économique)[42].

Следует подчеркнуть, что Россия и в этот раз полностью повторила западноевропейский опыт, начав захват территорий, в которых жители метрополии физически не могли составить большинство населения, как это происходило в британской Новой Англии или на русском Дальнем Востоке. В конце XVIII — начале XIX века были присоединены Польша и Финляндия, Грузия и Азербайджан, в середине XIX века началась война за Северный Кавказ, через пару десятилетий — оккупация Средней Азии. Включив в свои границы такие вассальные государства, как Бухарский эмират и Хивинское ханство, Россия распространила свою власть до пределов британской зоны влияния в Афганистане и Гиндукуше. В том же 1885 году, когда европейские державы завершили раздел Африки, Россия достигла зенита своей территориальной экспансии.

Иными словами, волны «наплыва» европейских колонизаторов практически совпадали по времени и методам осуществления: если в XVI–XVII веках все они осваивали новые территории посредством переселения сотен тысяч своих подданных и создавали в новых местах копии собственных обществ, то в XIX столетии стремились контролировать новые территории военной силой, используя их природные богатства или геополитические преимущества и не помышляли об их полном инкорпорировании в свой состав. Россия здесь выделялась двумя особенностями: и

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

в первом, и во втором случае ее поселенческие колонии и военным образом контролируемые владения находились не в отдалении от метрополии, а непосредственно с ней граничили, воспринимаясь как составная часть страны: это позволило России удержать в своем составе как сибирскую поселенческую колонию в то время, как европейские поселенческие колонии стали независимыми государствами, так и свои зависимые территории в Закавказье и Средней Азии даже после того, как европейские державы оставили свои владения в Африке и Азии в 1950–1970-х годах. Это сделало Россию самой необычной империей — с одной стороны, свято верящей в свой непреходящий характер, и, с другой — чрезмерно увлеченной «недифференцированной» территориальной экспансией.

Однако логика истории довольно упряма. Через четверть века после основных событий эпохи «деколонизации» Советский Союз (а он, как мы знаем со слов нашего президента, «и был Россией, только называвшейся по-другому»[43]) распался. Удивительным это событие могло быть только для тех, кто не понимал (или не готов был принять) сложной природы этой страны как задержавшейся в прошлом многоуровневой колониальной империи. Несмотря на то, что владения России в Средней Азии и Закавказье выглядели составными частями единой страны, на деле они были крайне похожи на периферийные приобретения европейских держав, сделанные в XIX веке. Провинции эти были более «колонизированными», чем большинство заморских владений западных европейцев. В 1989 году доля русского, украинского и белорусского населения в Казахской ССР составляла 44,4% (казахского — 39,0%), в Киргизской ССР — почти 24,3%, в Узбекской ССР — 9,3%, в Таджикской ССР — 8,5%, в Азербайджанской ССР — 6,1%, в Чечено-Ингушской АССР — 24,3%[44]), однако это не шло ни в какое сравнение с североамериканскими колониями или Австралией, где эти показатели превышали 80 и даже 90%[45]. Поэтому распад СССР (как и всё, что за ним последовало) был типичным концом империалистической державы, от которой отделялись заморские территории[46], — и никакие идеологизированные сказки о «новой исторической общности людей» не могли ничего изменить.

В то же время распад Советского Союза имел три знаменательные особенности, которые хорошо помогают понять несовременность возникшей по его итогам страны.

Во-первых, масштаб события. В. Путин назвал его «крупнейшей геополитической катастрофой [XX] века»[47]— и в этом он, вероятно, прав. В одних только новых независимых странах Средней Азии на момент распада Союза жило не менее 11,0 млн русских, белорусов и украинцев[48] — в 15 с лишним раз больше, чем англичан в африканских и азиатских владениях Британии в 1947 году, и в 20 раз больше, чем французов в таких же владениях Франции в 1952-м[49]. И то, что началось после распада Советского Союза, вполне можно назвать единственной в истории деколонизацией в прямом смысле этого слова: к середине 2000-х годов из стремительно архаизирующихся новых государств было разными способами выдавлено около 4 млн уроженцев бывшей метрополии. К концу 2010-х годов доля славянского населения в Казахстане упала до 26,2%, в Киргизии — до 6,9%, в Узбекистане — до 4,1%, в Таджикистане — до 1,1%[50], а в формально оставшихся в составе России Чечне и Ингушетии — до 1,9 и 0,8% соответственно[51]. Единственным историческим событием, с которым можно сравнить данный процесс, было «освобождение» Алжира, до 1962 года являвшегося даже не доминионом, а департаментом Франции, после которого в континентальную Францию выехали 800 тыс. человек, что составляло на тот момент 7,5% населения этой провинции[52] — однако, повторю, масштаб был намного бóльшим. В связи с этим поражает тот факт, что если в Западной Европе отдельные колониальные державы внимательно оценивали опыт своих соседей, то в Советском Союзе поддерживали антиколониальное движение, ни на минуту не предполагая, что такие же процессы могут затронуть — и даже разрушить — самого наследника Российской империи.

Во-вторых, это характер отделявшихся территорий. В отличие от Великобритании и Франции, Бельгии и Португалии, которые теряли свои владения, обретенные в лучшем случае пару сотен лет назад и при этом не слишком связанные с метрополией, Россия утратила не только завоеванные за век до этого территории, но, что важнее всего, — те земли, исторической колонией которых была сама Московия. Никто из российских лидеров (не говоря о большинстве россиян) даже не подумает воевать за возврат в империю, например, Азербайджана — но западный дрейф Украины фактически поставил Москву на грань опасного противостояния со всем остальным миром, а на удержание Белоруссии в орбите своего влияния Кремль за последние 15 лет потратил почти $100 млрд[53]. Причина, на мой взгляд, лежит на поверхности —

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

без этих территорий Россия перестает быть Россией, возвращаясь в Московию, в середину XVII века, когда Сибирь только-только еще перестала считаться чуждой землей, управлявшейся по линии Посольского приказа. Это меняет всю структуру сознания не только правящей элиты, но и значительной части населения — и именно поэтому слова российских политиков о «сакральной» роли Крыма, а то и Киева так мощно резонируют в национальном мировосприятии[54]. В отличие от Франции, которая давно смирилась с потерей Алжира (а сегодня была бы рада забыть и о существовании выходцев из него), Россия вряд ли когда-нибудь сможет смириться с уходом Украины — и в этом тоже проявляется ее несовременность, ее неспособность преодолеть фантомные боли прошлого, справляться с которыми пришлось научиться любой из великих держав.

В-третьих, это новое положение частей страны по отношению друг к другу. Если в XVII веке Сибирь была практически не заселена, а экономические центры метрополии находились в Центральной России, на северо-западе и в Поволжье, то сегодня ситуация выглядит иной. Центр критически зависит от своей зауральской колонии. В 1897 году на Сибирь приходилось 52% территории империи, 7,5% ее населения и 19% экспорта; в 1985 году она составляла уже 57% территории СССР, 10,5% его населения и обеспечивала 46% советского экспорта; а в 2014 году Сибирь — это 75% территории России, 20,2% ее населения и источник добычи или первичной переработки 76–78% всего российского экспорта и поставщик более 55% федеральных налоговых поступлений[55]. Реальный экономический потенциал Московии и Сибири сегодня сопоставим с потенциалами Португалии и Бразилии на тот момент, когда последняя сама объявила о своем имперском статусе, — и такая зависимость как бы метрополии от своей поселенческой колонии (вместе с преследующей российских политиков мыслью о незавершенности постсоветского распада, который они сами углубляют своей политикой в отношении других постсоветских государств) не добавляет устойчивости политической организации Российской Федерации. События последних лет также подчеркивают несовременность страны, которая стремится вернуться к своим имперским временам методами, позаимствованными в лучшем случае из европейского «арсенала» конца XIX столетия.

В результате сегодняшняя Россия обладает несколькими чертами, отличающими ее от большинства современных государств. Здесь ощущение величия и успешности практически целиком определяется территорией и ее размерами (несмотря на то, что сегодня ни одна успешная держава в мире не стремится к территориальной экспансии, а сама Россия не в состоянии производительно освоить более половины уже принадлежащих ей земель). Здесь над политиками доминирует ужас утраты не экономического лидерства в мире, не человеческого потенциала, а бывших и нынешних владений, которые когда-то входили или сейчас еще входят в состав империи. Здесь имперскость сливается с национализмом, так как единственными «скрепами» в XXI веке остаются не экономическая целесообразность или разделяемые большинством населения политические и этические ценности, а принадлежность к «русскому миру» и «к вере православной». Вместо того, чтобы развиваться в направлении бесконечного прогресса, история как бы замыкает здесь свой круг, отбрасывая национальное сознание на столетия назад. Всё это делает страну агрессивной в духе тех времен, когда территории казались активом, а не обязательством, распыляет ее силы, уводит от реальных проблем к воображаемым задачам — и в конечном счете формирует образ России как единственной империи в мире если не демократий, то национальных государств, образ своего рода динозавра, по прихоти судеб дожившего до времен, когда все представители схожих видов давно уже вымерли. Из этого состояния нет простого пути вперед — даже не в будущее, а хотя бы в современность, — и потому Россия останется проблемой для себя и для мира на долгие десятилетия.

Под гнЕтом «государства»

Однако российская идентичность определяется не только циклами заимствований и линейной динамикой территориальной экспансии, не только дихотомией периферийности и имперскости. Она определяется также — и, возможно, наиболее фундаментальным образом — значением в жизни общества некоего феномена, который в России именуется государством.

Это явление известно уже тысячи лет, но нигде оно не обозначалось так, как в нашей стране. Все мы помним из курса философии о знаменитом трактате Платона «Государство». Как, однако,

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

назывался он в оригинале? Конечно, Πολιτεια[56]. О чем в нем говорится? О сословиях, их взаимодействии, смене видов политического устройства. Как называлось государство в римские времена? Оно именовалось Res Publica: и вновь термин отсылал нас к формам правления и к отношениям между управляемыми и вождями, ничего не говоря о необходимости слепого подчинения власти. В отличие от европейской традиции, в русской слово «государство» происходит очевидным образом от слова «государь», а оно — от старославянского «господарь» (тот, кто владеет чем-либо») (некоторые исследователи доводят «линию» даже до слова «Господь»[57]). В то время, когда этот термин появлялся в России, в средневековой Европе он не встречался; известное многим название книги Н. Макиавелли — лишь вольность русского переводчика. В оригинале трактат называется Il Principe[58] — в римском значении слова «принцепс». Знаменитый труд Т. Гоббса «Левиафан», якобы трактующий о мощи государства, посвящен commonwealth[59] — а это все же нечто иное, чем система, в которой всё определяет прихоть «господаря». Конечно, про сеньоров, королей и императоров говорили и писали все — но сама общественная организация не называлась согласно их титулам.

На протяжении столетий и вплоть до наших дней в романских и германских языках государство обычно именуется state, Staat, état, estado, stato и т.д. Все эти термины, начавшие использоваться для обозначения политической единицы в XIII–XIV веках (т.е. в период, когда в Европе формировались относительно сложные и комплексные общества), восходят к латинскому слову status[60], обозначавшему чье-либо состояние или позицию в отношении к чему-либо (и в этом по смыслу близки к платоновской). С самого появления данного понятия оно носило релятивистский характер, указывая на отношение обозначаемой сущности к обществу/гражданам или к другим схожим объектам/явлениям. Даже не слишком приятное русскому слуху немецкое Reich, происходящее от протогерманского rikja и готского reiki и имеющее аналоги в большинстве языков германской группы, указывает на прямую линию наследования, иначе говоря, на принадлежность к некоему роду, но не на отношения господства и подчинения и тем более не отсылает ни к чему божественному. Финское tila констатирует пространственную определенность того или иного общества, т.е. трактует о территории — как и китайское 国家, сочетающее отсылки к императорскому роду и границе, или, если быть более точным, к стене, отделяющей владения императора от внешнего мира. В России же даже на столь обыденном уровне, как языковой, изначально искоренены любые сомнения в совершенно особой роли власти в истории и жизни общества[61].

Особенности формирования российского государства позволяют говорить о нем как о совершенно уникальном феномене. С одной стороны, российская государственность не складывалась — в отличие от европейской — как явление светское и многоуровневое. Сначала византийская рецепция обусловила глубокое внутреннее единство церкви и власти, разорвать которое не получалось практически никогда в дальнейшей истории; потом монгольская рецепция и борьба с игом сделали централизованное и жесткое управление императивом выживания и развития; наконец, заимствование европейского технологического опыта парадоксальным образом упрочило роль государства как гаранта того, что прикладные новшества не изменят соотношения влияния общественных групп, прежнее положение элиты и в целом политический режим. В этом отношении российская реальность была и остается даже «печальнее», чем система европейского абсолютизма; в последней монарх мог заявить: «Государство — это я!», тогда как в России даже правитель не был государством; последнее выступало и продолжает выступать абсолютно деперсонифицированной, полностью отчужденной от человека сущностью. С другой стороны, колониально-имперская природа России изначально — и последовательно — исключала возможность появления европейского понимания нации[62] (а это слово стало позднее практически повсеместно восприниматься как синоним «государства»[63]): сначала Владимирская Русь сама была колонией Киева и потому ее правители не были заинтересованы в подчеркивании русского единства; позднее Москва стала имперским центром и объединила под своей властью территории и народы, которые никак не могли сложиться в «нацию» ни в понятии nation, ни тем более в аналог Volk.

Я останавливаюсь здесь так подробно на моментах, которые имеют, как может показаться, сугубо терминологическое значение, потому, что они крайне важны для понимания природы

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

российской идентичности, остающейся несовременной практически на любом этапе истории страны.

С давних пор идея «государства» в ее российском исполнении служила и служит для обоснования права любой установившейся в стране власти подавлять собственное население и распоряжаться имеющимися ресурсами не от имени и не во благо народа или общества, но от имени и во благо государства — феномена, который никем конкретным не воплощается (в демократических странах от имени государства может говорить народ, способный формализовать свои национальные интересы; в абсолютной монархии — король или эмир, воспринимающий всё находящееся в пределах страны как свою собственность и потому способный заботиться о ее процветании — и только в Советском Союзе и современной России, где демагогия вокруг «государственности» достигла своих высших форм, генсек или президент не называли себя воплощением государства; более того, даже не отрицая имевшейся у них верховной власти, они умело создавали впечатление, что за существующие в обществе проблемы ответственно окружение). «Царь хороший — бояре плохие!» — эта максима могла появиться и существовать веками только в России. Защита государства объявлялась высшей ценностью во все времена — даже тогда, когда любая логика указывала на то, что власть заслуживала свержения, а режим — демонтажа. В России в итоге сложилось общество, большинство членов которого готовы были принести благосостояние и жизни на алтарь государства, даже не выясняя его целей и намерений. В отличие от Запада, где предполагалось, что «для того, чтобы любить свою страну, страна должна располагать к этому»[64], в России смысл существования государства никогда не подвергался сомнению. Любая нелояльность трактовалась и до сих трактуется как «антигосударственное деяние» — в то время как в большинстве современных стран оно будет называться «антиправительственным».

Подобный статус «государства» в российской истории и российском мировосприятии обусловил три особенности страны и общества.

Во-первых, «государство» успешно вытеснило народ (а тем более — человека) на социальную периферию. Россия, на мой взгляд, представляет поэтому одну из немногих стран, где, с одной стороны, ценность человеческой жизни практически не растет с течением времени, а с другой стороны, правительство ответственно за большее число жертв среди собственного населения, чем любые внешние войны и катаклизмы (это можно видеть на примерах массовых репрессий во времена Ивана Грозного, Петра I или Сталина; междоусобных войн русских князей, кровавого покорения Твери, Новгорода и Пскова, смут, гражданских войн и, разумеется, голода). Следует обратить внимание также и на то, сколь менее терпимым становилось государство в отношении тех, кто покушался на его полномочия, и сколь более — к тем, кто нарушал права его подданных. Если в Судебнике 1497 года смертная казнь могла быть назначена за убийство, разбой, неоднократные кражи и даже клевету, то в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах наказывалось 10 годами заключения (ст. 136); в то же время если в конце XV века смертью каралась только государственная измена, то с 1926-го — даже контрабанда (ст. 59.9)[65]. Количество же лиц, осуждавшихся и наказывавшихся за антигосударственные преступления, росло в России от века к веку — что представляло собой вопиющий диссонанс с европейскими странами. Этот тренд обусловил и ряд других, но важнейшим стало феноменально несовременное отношение к экономике, в которой труд начал цениться дешевле ресурсов, а порой рассматриваться и как нечто дармовое, — одним из итогов этого являются особенности российской экономики как в прошлом, так и в настоящем.

Во-вторых, крайне важным следствием примата «государства» над личностью и обществом стало утверждение «очень российского» тезиса о том, что «цель оправдывает средства», — а это выступило обоснованием практически полного пренебрежения к эффективности. За века в России сложилась подмена того, что обычно называют efficiency, тем, что можно обозначить как effectiveness; успехом считалось достижение цели, а не решение проблемы. Вся история страны полна примеров того, как с крайним напряжением сил строились новые города, дороги, промышленные объекты и т.д., необходимость в которых была далеко не очевидна; подчас виной тому становились ошибочные стратегии или бредовые задумки правителей — но общим везде было то, что в феноменально большом числе случаев экономический расчет не присутствовал[66]. Соответственно, подобная хозяйственная идеология ставила серьезные препоны на пути развития частного бизнеса, во всех странах и во все исторические эпохи преследовавшего

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

материальные интересы, ориентированного на экономический результат и становившегося наиболее эффективным средством обеспечения экономического роста.

В-третьих, помимо народа и экономики (и вместе с ними) эти особенности российского понимания «государства» и власти радикально сократили степень приверженности россиян рационализму, серьезно помогая восприятию любых масштабных доктрин и концепций. Именно воображаемый характер государства стал самым важным основанием для расположенности России к доктринальным концепциям, к ее фактической зависимости от них и от утверждаемых ими иллюзорных целей. Не понимая истинного места и природы «государства», Россия стала естественным полигоном для проверки как консервативных, так и ультрареволюционных идеологий, призывавших к перестройке страны и общества, региона и всего мира на тот или иной лад. Несмотря на богатую историю, россияне научились намного больше ценить не само материальное историческое наследие (по числу разрушенных нами самими архитектурных памятников, уничтоженных произведений искусства, книг и документов нам нет равных в мире), а скорее некие абстрактные — и часто сомнительные — «уроки» истории, а то и подменяющие саму историю идеологические схемы. Масштаб индоктринации в России превосходит, на мой взгляд, любые имеющиеся в мире аналоги (что я рассмотрю подробно в пятой главе), а мифологизация становится важнейшим элементом контроля над обществом — тогда как в большинстве современных стран периоды идеологического помешательства выступали не более чем кратковременным отклонением от доминирующих трендов, которые выправлялись быстро и жестко.

Российская «озабоченность» интересами государства проявилась еще в двух особенностях страны, которые во многом определили ее международное позиционирование.

С одной стороны, государство должно было иметь определенные физические измерители своей мощи: таковыми прежде всего являлись территория, ресурсы и люди. При этом сакральная природа «государства» предполагала (как это ни странно) акцент на потенциальные, а не на актуальные блага. Богатством считались поля и недра, пушнина и золото, нефть и газ — но вовсе не имущество граждан, их дома и сбережения (а о самих людях я и не говорю). Фактически то, что признавалось в той или иной мере частной собственностью и хоть как-то охранялось законами и правилами, переставало интересовать власти: для них наиболее важным было то, что они могли присвоить без сопротивления (а лучше даже без особо деятельного участия) большинства подданных. Именно это определило «территориальную» политику и «ресурсную» экономику России. До поры до времени, как было показано выше, пространственная экспансия была вовсе не только российским трендом — но проблема заключалась в том, что в российском случае такая экспансия осуществлялась в направлении так называемого хартленда — не имевших выхода к судоходным морям районов Сибири, Центральной Азии и Севера. По «экспертному», как бы сейчас сказали, мнению известного геополитика Х. Макиндера, контроль над этими районами обеспечивал доминирование в Евразии (Мировом Острове), а последнее — «командование миром»[67]. Данная точка зрения, сформулированная более 100 лет назад, идеально укладывалась в систему взглядов российских правителей, сформировавшихся со времен борьбы с Ордой; некритично воспринятая, она была быстро возведена в абсолют и доминирует в наших «геополитических» представлениях и сегодня (как отмечает А. Дугин, «именно вектор континентальной, а затем и глобальной экспансии, осуществляемый от лица Heartland’а, является “пространственным смыслом” русской истории»[68]). В результате Россия погналась за территориями, владение которыми было во многом бессмысленным: уже в первой половине XX века мировая экономика стала принимать все более ярко выраженный «океанический», а не «континентальный», характер, а к началу нового тысячелетия 68% глобального ВВП стало производиться на узкой полоске суши, удаленной от морских побережий менее чем на сто миль[69]. Оба хартленда (Х. Макиндер предлагал «рассматривать внутреннюю часть Африки как второй Heartland», отмечая, что «несмотря на разницу широт, у этих двух Heartland’ов существуют поразительные сходства (курсив мой. — В. И.)»[70]) оказались в современной ситуации не центрами цивилизационного притяжения, а регионами самой безнадежной нищеты и отсталости, поскольку, я повторю, экономика сместилась к берегам, а важнейшими активами стали доступ к побережьям и мощные торговые флоты. Последние, замечу, ни в одной развитой стране не контролируются (в отличие, скажем, от железных дорог) правительством, и, следовательно, сдвиг от континентальной экономики к морской стал в то же время и сдвигом от

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

огосударствленного хозяйства к частному — и то и другое Россия игнорировала и игнорирует по сей день (достаточно отметить, что очередной ее геополитический проект ориентирован на цели, которые можно было признать достойными в XIX столетии, но никак не в современном мире, — на интеграцию России и тех бывших советских республик, которые не имеют выхода к морям в Европе [Белоруссия], на Кавказе [Армения] и в Средней Азии [Казахстан, Таджикистан, Киргизия], в то время как страны, имеющие такой выход, стремятся держаться от России возможно дальше[71]). То же самое можно сказать и о ресурсах: Россия все больше переносит акцент на ресурсную экономику; ее лидеры позиционируют страну как поставщика нефти и газа, постоянно наращивая долю этих товаров в общем экспорте (с 36,9% в 1989 году до 42,8% в 1998-м, 57,7% в 2004-м и 66,3% в 2014-м[72]); международное сотрудничество и соперничество все чаще рассматривается через призму развития «экономики трубы» и поставок энергоносителей. В этом нет ничего удивительного, так как «государство» относится как к своей собственности прежде всего к территориям и природным богатствам, тогда как нажитое гражданами, их интеллектуальный капитал и их инициативу по традиции считает обузой. Поэтому место, которое занимает Российская Федерация в международном разделении труда, сегодня не должно никого удивлять — оно выбрано ее элитой вполне осознанно, на основании пренебрежения современностью и приверженности тем «традиционным ценностям», которые она столь чтит.

С другой стороны, величие «государства» в России определяется прежде всего не умением использовать к своей пользе противоречия и взаимозависимость других держав, а скорее способностью либо реализовывать политику изоляционизма, либо создавать такие альянсы, в числе членов которых невозможно найти себе равного. На протяжении многих столетий Россия раз за разом доказывала самой себе и остальному миру, что не умеет формировать устойчивых коалиций, участники которых были бы объединены общими ценностями (подробнее я остановлюсь на этом в седьмой главе). Затрачивая огромные усилия и неся значительные жертвы для помощи союзникам, она в итоге оказывалась одна и нередко вскоре сталкивалась со своими недавними друзьями. Причиной тому было ее стремление всегда занимать главенствующую роль в любом политическом объединении — такую, которая позволяла ей навязывать свою волю союзникам и партнерам. Истории не известен ни один случай (за исключением, быть может, Второй мировой войны, когда страна подвергалась самой серьезной опасности), в котором Россия состояла в геополитических альянсах, в которых либо она больше зависела от своих союзников, нежели те от нее, либо зависимость была в полной мере взаимной. В основе такой политики лежало опять-таки извращенное понимание «государства» как чего-то, что не знает пределов для утверждения собственной воли. Суверенитет в России исторически трактовался и сегодня трактуется как свобода от каких бы то ни было обязательств и ограничений. А. Кокошин, например, прямо указывает, что страны, на территории которых находятся военные базы других держав (а иногда он говорит также о странах, которые не имеют ядерного оружия), не обладают тем «реальным суверенитетом», к которому стремится Россия[73]. Президент В. Путин идет еще дальше и, отмечая, что любой союз предполагает умаление суверенитета государства (большинство западных политологов считают, правда, что вступление в союзы является формой выражения такового[74]), заявляет: «Россия, слава Богу, не входит ни в какие альянсы, и это тоже в значительной мере залог нашего суверенитета»[75]. Возможно, это заявление удивит многих международников — но оно идеально отражает мечты и стремления российской власти, которые остаются неизменными многие сотни лет. Как и стремление к умножению территории, поразительно несовременное понимание суверенитета отличает Россию от большинства развитых и успешных регионов — особенно от Европы, практически все страны которой объединились в Европейский союз, обеспечивший континенту продолжительный мир и невиданное экономическое благосостояние. Проблема намного более масштабна, чем то, что Россия теряет много возможностей, будучи не в состоянии выстроить отношения с ЕС. Как бы Российская Федерация ни пыталась представить себя глобальной державой, она остается достаточно слабой экономически и вряд ли привлекательной с точки зрения ее социальной и политической модели. При этом она занята «консолидацией» мало кому нужного постсоветского пространства, предпочитая задаваться вопросом «Кто тут с нами, а кто против нас?» вместо того, чтобы спросить себя «А с кем мы?», что представляется сегодня намного более рациональным и перспективным. Однако такой вопрос не приходит и не придет в голову хозяевам Кремля, в которых столетиями стремление к «реальному суверенитету» выступало компенсаторным

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

чувством, порожденным подсознательным пониманием собственной окраинности и несовременности.

Россия создала свое «государство» с целью получить нечто, вокруг чего ее народ в состоянии был консолидироваться и значимостью чего власти могли бы спекулировать для того, чтобы облегчить себе управление им. Данный феномен помог разделить «частное» и «общественное», но не защитив первое от второго, а, напротив, проведя масштабное «огораживание» сфер и областей, в которые «частному» вход был заказан. Мы сегодня, мне кажется, не понимаем, в какой степени даже нынешнее российское «государство» представляет собой чуть ли не слепок с опричнины XVI века: с царской дружиной, с частными армиями, шутовскими преемниками и, что самое важное, с по сути огороженными территориями, на которых добываются природные ресурсы, и практически экстерриториальными путями их вывоза из страны. Однако по мере своего развития и отчуждения от общества это несовременное российское «государство» становилось все более тяжелым грузом для общества, которое оказывалось слугой и заложником этой таинственной внесубъектной сущности. Именно российское «государство» требовало и требует от общества усилий, которые потенциально угрожают самому его существованию; именно оно постоянно держит Россию в состоянии того имперского перенапряжения, которого столь долго, наверное, не способен выдержать никакой иной народ в мире. Эта иррациональная политическая система, воспроизводящаяся в стране на любом зигзаге ее истории, не позволяет всерьез рассматривать Россию как сколь-либо современное общество.

•••

Все сказанное выше не призвано, повторю еще раз, подчеркнуть неполноценность России или ее ущербность по отношению к обществам, сформировавшимся в рамках европейской традиции и распространившим выработанные ими порядки на большую часть мира в те времена, которые можно назвать «эпохой вестернизации»[76]. Россия сама была одной из держав, которая определяла облик Европы и мира на протяжении многих столетий, в том числе и своими колонизаторскими и цивилизаторскими усилиями. Моей задачей было лишь показать, что Россия на протяжении своей тысячелетней истории сформировала совершенно особую идентичность, определяемую тремя только ей присущими чертами. Ее первой особенностью, прослеживающейся с начальных шагов новой страны и до сегодняшнего дня, является непрекращающийся процесс социального и технологического заимствования и усвоения перенятых черт с последующим опережением своих «учителей» и достижением наивысших результатов, какие только могут последовать из применения заимствованных технологий. Второй уникальной чертой страны является специфическая имперская структура, в рамках которой само понятие империи старательно уводилось на второй план, а естественно сменявшие друг друга периоды имперского подъема и упадка искусно камуфлировались тщательно выстраиваемыми идеологемами, которые в большинстве случаев не имели к происходящему даже отдаленного отношения. Наконец, третьей исторической особенностью России стало обретение ею уникальной политической надстройки в виде «государства» — обезличенной сущности, обладающей сакральным значением и неформализованными интересами, в равной степени враждебной как внешнему миру, так и собственному народу; сущности, которая с каждым новым витком истории выглядит все менее современной.

Эта особенная идентичность формировалась в России много веков; в ее основе лежат несколько рецепций, в ходе которых страна «усвоила» и «переварила» совершенно разные религиозные, социальные и экономические практики, не восприняв полностью традиции, установки и нормы ни одного из обществ, с которыми она взаимодействовала. Именно эта традиция частичного заимствования из разных источников и делает Россию невосприимчивой к трендам Нового времени, предполагающим намного большую универсальность, чем та, которую и российская власть, и большинство российского населения готовы допустить. Все эти уникальные черты России должны приниматься в расчет любым, кто с той или иной целью изучает ее и стремится ее понять; они определяют большинство экономических, социальных, политических и идеологических особенностей страны в прошлом и настоящем — и, мне кажется, с высокой степенью вероятности будут определять их и в будущем, прежде всего потому, что российское общество многие столетия было и остается очень искусным в уничтожении или выдавливании прочь всех тех, кто пытается не согласиться с заданностью ее исторического пути и сделать страну более современной. Я далек от утверждения, что Россия будет и дальше только

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

отставать в своем развитии, — как мы видели, сам по себе факт отставания является для нее не более чем прелюдией к очередной рецепции и очередному подъему; однако я глубоко убежден, что сам этот метод развития не может считаться соответствующим тому, что заслужил за долгие века своей непростой истории народ по-прежнему еще самой большой в мире страны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Европейская авторитарная страна

Идентичности, о которых шла речь в предшествующей главе, проявляются прежде всего в социальной и политической системах, складывающихся в той или иной стране. Архаичность видна здесь наиболее рельефно, так как с политикой граждане сталкиваются постоянно, реагируют на политические события особенно ярко, а общественные системы сравниваются куда чаще, чем их экономические основы. Дополнительным фактором внимания к российской политике в наше время выступают практически всеобщая убежденность в преимуществах демократии и увлечение концепцией прав человека, среди которых доминируют гражданские права. В подобной ситуации Россия не может восприниматься развитыми странами как «своя», что не только обусловливает настороженное и специфическое к ней отношение, но и провоцирует многочисленные исследования происходящего, а также попытки оценить перспективы нашего движения. Между тем, повторю еще раз, несовременность России должна считаться не мимолетным или случайным моментом, а проявлением трендов, существовавших в нашем обществе на протяжении длительного времени.

Причины российского авторитаризма

Я не случайно использовал в этом подзаголовке слово «авторитаризм», так как определение России как демократии — даже особого вида — кажется мне совершенно безосновательным. В последние годы, как известно, понимание демократии в мире стало намного более расширительным, чем было в годы холодной войны, когда водораздел между «свободным» и «коммунистическим» мирами выглядел гораздо более жестким. Попытки изобразить завершение глобального противостояния как победу демократии над диктатурой и своего рода «конец истории»[1] привели к тому, что «демократиями» начали именовать различные формы политического устройства, так или иначе предполагавшие вовлеченность граждан в избирательный процесс[2]. Это сыграло со многими политическими мыслителями злую шутку: если во времена СССР никого не обманывали организовывавшиеся в стране плебисциты, на которых уверенно побеждали представители «блока коммунистов и беспартийных», то теперь даже формально проводимые выборы начали считаться признаком «демократичности»[3]. Неудивительно, что демократии стали подразделяться на «либеральные» и «нелиберальные»[4], «полноценные» и «фиктивные»[5], а также «ограничивающие»[6] и даже «тоталитарные»[7]. На Западе начали повсеместно говорить о «совещательной» демократии[8], в России — о «суверенной»[9]. И нет сомнений в том, что число подобных эпитетов в перспективе будет только расти. Между тем следует вернуться к классическим определениям демократии — и увидеть, что главным их элементом выступает указание на способность народа «избирать и сменять (курсив мой. — В. И.) правительство посредством свободных и честных выборов»[10]. Если сделать здесь основной акцент на ключевое слово «сменять», то картина станет совершенно иной.

Спросим самих себя: удалось ли хотя бы раз избирателям в «демократической» России XXI века сместить с поста лидера государства Владимира Путина? Или такая возможность представилась им раньше, в бытность президентом Бориса Ельцина — ну, например, в 1996 году? Или на каких-то выборах они единодушно избирали отца перестройки Михаила Горбачёва, а затем отказывали ему в доверии? Случалось ли так, чтобы на съездах КПСС в ходе альтернативного голосования партийцы сменили Генерального секретаря (XVII съезд не вспоминать)? Кто-то выбирал Временное правительство? Пришедших ему на смену большевиков

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

(да и как избирались — и избирались ли вообще? — те Советы, от чьего имени они захватили власть)? Или, может быть, Россией хотя бы какое-то время управляло демократически избранное Учредительное собрание? Дальше, я думаю, можно и не углубляться. В нашей стране на протяжении последней тысячи лет демократии не существовало и сегодня не существует[11]. Были периоды, когда мнение населения означало немного больше, чем обычно, но и только. Более того, для смены власти даже по воле значительных масс народа — да и то не большинства (как то было в 1917 году или в 1991-м) — требовалось… уничтожить само государство, так как иного способа избавиться от его руководителя просто не существовало (и что-то мне подсказывает, не существует и по сей день). Россия, таким образом, была и остается авторитарной страной, а редкие в ее истории периоды ослабления авторитарной власти сохраняются в памяти народа не иначе как «смута».

Я бы назвал несколько причин невозможности появления в России либеральной демократии.

Начать следует с ранее отмеченного феномена «государства» как чего-то, представляющего собой самостоятельную ценность и доминирующего над интересами общества и людей. Государство, как уже говорилось, выглядит в России как обязательное условие существования нации и поэтому фактически не предполагает к себе критического отношения. Оно не обязательно жестко персонифицировано и в сознании людей обычно идентифицируется с «властью» — сугубо российским феноменом, не обязательно совпадающим с формальным правительством. Власть в России — это специфический элитный круг, включающий в себя всех, кто не только принимает высшие управленческие решения, но и определяет формат диалога между государством и подданными, — и поэтому она не тождественна ни одному институту, но воплощает тотальность давления «допущенных» к ней на народ. Сомнения как в правоте власти, так и в полномочиях ее отдельных представителей воспринимаются как нападки на «государство», что автоматически ставит тех, кто на них решается, по сути вне закона. В современном демократическом обществе существуют группы граждан, которые могут поддерживать политическую силу, находящуюся ныне у власти, а затем, в случае ее поражения, переходить в оппозицию. Во всегда несовременной России ничего подобного не было и не может быть: если люди выступали против власти, они назывались в давние времена «ворами»[12], а в более близкие — государственными преступниками или врагами народа[13]. Даже если не использовать столь радикальных обозначений, к этим людям подошло бы (и этот термин широко использовался, например, в сталинские времена) понятие «отщепенцы» — те, кто отошел от «магистрального пути развития общества», каким он видится, опять-таки, власти. В период «оттепели» этот термин заменился на «диссиденты»[14] — и, собственно, он и является самым точным обозначением недовольных в России. Диссиденты — это те, кто не согласен с государством, но это не оппозиция; никто наверху не воспринимает их в качестве субъекта диалога. Диссиденты рассматриваются обществом как люди, не принимающие режим, — но не как те, кто способен предложить ему реалистичную альтернативу. Их могут ненавидеть и могут ими восхищаться, с ними могут смиряться или бороться — но никто не собирается принимать их в расчет. Они могут поспособствовать политическому кризису и даже свалить власть (как это случилось в период краха и распада Советского Союза), но они не могут ею стать (как это было прекрасно видно в годы формирования новой российской политической системы). Подобное отношение к несогласным существует в стране и сегодня (и оно еще самое мягкое за всю российскую историю).

Специфической чертой России было и остается то, что в стране не существует оппозиции — есть только диссиденты, либо не понимающие величия и правоты «власти», либо сознательно мешающие своей стране «подняться с колен». Их логично подозревать в связях с внешними силами (в чем всегда обвиняли врагов), а их задачей считается выполнение воли своих зарубежных «хозяев» (литовцев во времена князя А. Курбского, поляков в годы смуты XVII века, германо-британско-японской разведок в годы сталинизма или Госдепа сегодня), какой бы она ни была. Эта группа, повторю еще раз, не может считаться партнером по диалогу — просто потому, что «власть» и «государство» едины и в верности их действий не может быть сомнений (критикой «власти» может заниматься только следующая «власть»: от уничтожения летописей прошлых эпох, как это делали первые Романовы, через отторжение имперского наследия при большевиках, развенчания И. Сталина при Н. Хрущёве и, как говорится, «далее везде»)[15]. Таким образом, диссиденты в России не являются оппозиционерами в прямом смысле слова; оппозиции

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

в России нет и не может быть — и, собственно, этот факт является и предпосылкой, и следствием отсутствия демократии, так как демократия и наличие в обществе оппозиционной силы, воспринимаемой в качестве конструктивного оппонента и способной прийти к власти, по сути своей во многом синонимичны.

Второй момент, также весьма существенный, заключается в неизбежной персонификации российской политики, обусловленной характером неоспариваемой власти. В данном случае человек, олицетворяющий «власть», не обязательно должен быть кровавым диктатором; возможно даже некое подобие «коллективного руководства» — однако существенен тот факт, что элиты ориентируются на конкретного человека, от которого целиком и полностью зависят их безопасность и благосостояние. Если вдруг у «власти» появляются проблемы, они возникают в виде сильных личностей, осмеливающихся бросить вызов «первому лицу». Одной харизме в таком случае противопоставляется другая, некоей устаревшей цели — новая; однако речь практически никогда не идет о том, чтобы апеллировать к народу или способствовать становлению политических сил, которые могли бы «структурировать» социальное пространство. Именно поэтому в России не было и нет политических партий в собственном смысле данного слова; «партиями» были и остаются либо массы, составляющие «молчаливое большинство» (как в случае с КПСС или «Единой Россией»), либо «группы поддержки» вельмож и чиновников (как современные ЛДПР, «Справедливая Россия» и «Яблоко»). Демократия внутри «партий» находится на уровне меньшем или соответствующем демократии в обществе в целом (сейчас варианты простираются от пожизненного лидерства с момента основания той или иной партии до контролируемых ротаций, не ослабляющих позиций основного бенефициара). Внутренняя борьба в некоторых партиях также идет между отдельными яркими фигурами, не основывается на идейных расхождениях и ведется методами, сплошь и рядом используемыми внутри властной вертикали. Идеологические группировки, которые традиционно называются партиями в европейском понимании, отсутствуют. Причиной тому, помимо специфической роли «государства» и «власти», является также, на мой взгляд, чрезвычайно слабая способность к критическому мышлению, в широких массах населения отмечавшаяся в России практически всегда. Последнее не должно удивлять: полная грамотность, зафиксированная в Германии к тому времени, когда социал-демократическая партия впервые прошла в парламент (1871 год), была достигнута в СССР лишь в 1959 году[16] — а какие тогда могли быть партии, мы все понимаем. Поэтому идеологии в России всегда примитивизировались, порой превращаясь в свою противоположность, но даже в таком виде усваивались с большим трудом или под колоссальным давлением сверху. Соответственно, представлениям о более рациональных методах управления и общественной организации в целом неоткуда было взяться, и соревнование ценностей и идей было практически исключено — а без него демократия не существует; есть в лучшем случае конкуренция харизматичных лидеров, подменяющих собой партийные структуры, причем лидер, в данный момент находящийся у власти, считается населением по умолчанию предпочтительным. Поэтому, когда на первых «демократических» выборах основным лозунгом становится «Голосуй сердцем!» (понятное дело, не к уму же апеллировать), а главным рефреном — «Альтернативы у нас нет», только неисправимые оптимисты могут полагать, что результаты такого плебисцита могут привести к установлению в стране современного демократического строя. В демократической стране фундаментальными являются политические убеждения — отсюда и развитие партийной системы, необходимое для любой демократии. Нынешний российский президент В. Путин успел посостоять в трех политических партиях (всякий раз правящих) — и даже возглавлять четвертую, не будучи ее членом: может ли что-то более явно доказывать, что идеологии, убеждения и программы не значат ровным счетом ничего в культуре, где объектом почитания и уважения является лишь чиновничий пост? Персонализация российской политики и почти полное пренебрежение к идеологиям, программам и методам развития страны — это еще одна причина, по которой демократия в России не приживается.

Следующая причина имеет иную природу, но также крайне значима. Россия на протяжении всей своей истории (за исключением краткого периода 1950-х — 1970-х годов) была и остается ресурсной экономикой. Ресурс, от которого зависят казна и страна, может меняться — от пушнины и золота через пеньку и зерно до нефти и газа, но неизменно для содержания центральной власти нужно либо осваивать новые территории и запасы (как это было в XVI–XVII веках с пушниной или в XX веке с энергоносителями), либо принуждать значительную часть

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

населения к изнурительному труду (как в XIX — начале XX столетия в ситуации с сельским хозяйством). В обоих случаях государство играет в основном перераспределительную роль, концентрируя внимание на том, как извлечь богатства и кому направить ту или иную их часть в первоочередном порядке. Вплоть до наших дней львиная доля доходов бюджета формируется за счет поступлений от сырьевой ренты, причем второй по степени значимости статьей остаются таможенные пошлины и сборы (в начале 2013 года они приносили такую же долю доходов федерального бюджета, какую они в последний раз обеспечивали в США в 1942 году[17], — что тоже ярко свидетельствует о степени нашей «современности»). Предпринимательство в России традиционно рассматривается не как средство повышения благосостояния общества, а как спекуляция или деятельность, мотивированная исключительно целями наживы.

Всё это приводит к тому, что в сознании подавляющего большинства жителей страны задачи перераспределения богатств приоритетнее задач их умножения. Это также является мощным блокиратором демократии. Она не может существовать как доминирующая политическая форма там, где правительство экономически не нуждается в подданных, живя на доходы от ренты. Очень показательно, например, что в наши дни федеральный центр демонстративно брезгует подоходным налогом, позволяя всецело распоряжаться им регионам (хотя в США он составляет бóльшую часть поступлений в федеральный бюджет), но при этом жестко контролирует основные рентные платежи — таможенные пошлины и налог на добычу полезных ископаемых. С экономической точки зрения в таких условиях демократия может рассматриваться как попытка установить власть «нахлебников» над «кормильцами», сделать так, чтобы люди, которые и так всё получают от государства, еще и определяли его политику. Если вспомнить тут систему имущественного ценза, существовавшую в ранних европейских демократиях[18], покажется, что само требование демократического участия в управлении Россией выглядит иррациональным. «Быдло» может претендовать на участие в выборах местных советов, мэров и даже — иногда — губернаторов (т.е. тех, кого оно финансирует своими налогами), но почему оно должно иметь право менять президента и правительство? Страна, в которой население в своем подавляющем большинстве не создает богатство, а потребляет его, не может быть демократической (не случайно переход от «экономики участия» к требованиям «хлеба и зрелищ» совпал по времени с переходом от республики к империи в Древнем Риме). Особенность России состоит еще и в том, что зависимость от природной ренты не сокращается, а растет, — и, значит, демократизация выглядит не только нереалистичной, но отчасти даже несправедливой. У тех, кто промышляет милостыней, нет и не может существовать повода требовать для себя прав определять голосованием поведение тех, кто ее раздает, — так в предельно циничной форме можно выразить третье препятствие на пути развития демократии в России.

Можно и дальше перечислять причины, по которым демократия не выступает доминирующей политической формой в нашей несовременной стране. В то же время не стоит считать, что здесь вообще не существует элементов народного волеизъявления. Россия — не КНДР и не Саудовская Аравия; в ней происходят довольно разнообразные и подчас сложные политические процессы, но демократии как инструмента контроля над властью и обеспечения ее сменяемости здесь не наблюдается. Тогда что за политический режим существует в России в начале XXI века?

Я бы назвал его «превентивной плебисцитарностью»[19], отмеченной тремя основными характеристиками.

Во-первых, власть стремится не столько отвечать на реально существующие вызовы и задачи, сколько либо предвосхищать, либо даже конструировать их. По сути, вместо того, чтобы выяснять демократическим образом предпочтения общества, она создает своего рода «развилки» и «перекрестки» — причем чаще всего искусственно, тем самым навязывая обществу повестку дня в надежде (обычно небеспочвенной) увести его от более важных и серьезных проблем. Улавливая определенные тенденции и озабоченности населения, власти позволяют себе играть «на опережение», фактически выбивая из рук потенциально оппозиционных сил те или иные козыри и повышая свой авторитет в глазах населения (так было и в «перехвате» постсоветских мотивов в повестке дня Б. Ельциным на выборах 1996 года, и в представлении В. Путина как давно востребованного «сильного лидера» в 2000-м, и в запуске дискуссии о модернизации еще до кризиса 2008 года, и в захвате Крыма на фоне явно портившихся отношений с Западом в 2014 году, и в массе других случаев). Это своего рода «демократия наоборот», но весьма действенная. Функцию избирательного процесса в данном случае выполняют разного рода службы опросов

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

общественного мнения, указывающие точки общественного недовольства или сомнений в правильности проводимого курса, по которым и «бьет» власть.

Во-вторых, вопросы, которые власть таким образом вбрасывает в национальное сознание, сформулированы или поданы так, что не предусматривают каких-либо разногласий. Разве можно быть против борьбы с терроризмом? — тогда получите законы об ограничении гражданских прав, которые под этим предлогом вводятся начиная с трагедии в Беслане в 2004 году и до сих пор. Разве следует желать разрушения традиционных ценностей и этических норм? — тогда получите усиление роли Церкви, законы, так или иначе маргинализирующие представителей сексуальных меньшинств, концепцию национальной безопасности, насквозь проникнутую консерватизмом и ретроградством. Разве можем мы позволить зарубежным правительствам определять, как жить и развиваться нашему государству? — тогда вот вам ограничение прав некоммерческих организаций, усложнение финансирования политической деятельности и т.д. Разве можно бросить в беде собственных соотечественников? — и мы имеем аннексию Крыма, войну с Украиной, формирование идеологии «Русского мира» и постоянно растущую готовность страны к войне. Всякий раз власть как бы выносит на референдум свой политический курс, и всякий раз ее поддерживают — уже потому, что поставленные вопросы не предполагают отрицательного ответа (а если и предполагают, то со стороны группки «диссидентов», которых элита только по причине собственной доброты не называет «врагами народа», каковыми их с энтузиазмом признало бы большинство общества). Вопросы же, которые не могут заинтересовать широкие массы, обычно игнорируются, а поднимающие их подвергаются либо давлению, либо обструкции.

В-третьих, повестка дня, в которой оперирует подобный режим, объективно не может быть экономической. Если в большинстве успешных демократических стран основными вопросами являются налоги, финансирование регионов, устройство систем здравоохранения и образования, стоимость правительства для общества и т.д., то в России они вообще не имеют влияния на политическую повестку дня. Большая часть вопросов носит чисто политический характер (более или менее централизованная власть; противостояние терроризму, ограничение «излишних» политических свобод; устройство электорального процесса и т.д.), а многие касаются отношений с внешним миром. Россия на протяжении большей части своей истории — и сегодняшний период не исключение — была страной, в которой военная и международная тематики доминировали над экономической и национальной. Перенос акцента с экономических проблем, на уровне которых у каждого человека имеются свои особые интересы, на сугубо политико-идеологический обеспечивает полный отрыв потенциальных избирателей от реальных вопросов, позволяя им лишь одобрять очередные новации в политическом курсе элиты. Эту систему можно было бы назвать популистской, если правительство действительно давало бы народу что-то сверх того, что он бы не получил и без его героических усилий. Однако практика показывает, что на каждом этапе российской (советской) истории население оказывается в проигрыше, имея гораздо меньше того, что могло бы в случае, если бы страна развивалась по более традиционному пути.

Созданная в России политическая система предполагает формальные институты демократического государства — от гарантирующей основные свободы Конституции до периодически проводимых выборов и многопартийного парламента, — но она, на мой взгляд, все же не позволяет говорить о наличии в стране демократии. Власть последовательно игнорирует мнение народа; создает огромное количество формализованных и еще большее — неформальных ограничений для участия населения в управлении страной; не может быть смещена в результате выборов и даже частные свои поражения компенсирует довольно радикальным образом — от уголовного преследования «несогласованно избравшихся» политиков до их «легитимного» отстранения от должности или такого перераспределения полномочий, которое в итоге делает их статус декоративным или банально инкорпорирует некоторых ранее недовольных в сложившуюся систему. Общество не формулирует повестку дня, которая целиком и полностью определяется политическими элитами.

В то же время два фактора не позволяют многим зарубежным политикам и экспертам признать, что они имеют дело с вполне обычной авторитарной диктатурой, с молчаливого согласия граждан в очередной раз установленной в самой крупной европейской стране. С одной стороны, это отмечаемый прогресс, которого Россия достигла по сравнению с

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

коммунистическим Советским Союзом в отношении обеспечения свобод своих граждан и их базовых прав. С другой стороны, это довольно искусное копирование российской властью формальных западных институтов, создающее впечатление присутствия в стране разделения властей и независимой судебной системы (а также свободной прессы, оппозиционных партий и т.д.). Правда, следует признать, что для утверждения данного предрассудка есть еще одно — и не менее значительное — основание.

Свободное общество и жЕсткая власть

Сложность признания России недемократической страной состоит также и в том, что она представляет собой разительный контраст со странами, которые в прошлом или даже сегодня привычно ассоциируются с диктаторскими (или авторитарными) режимами. В стране разрешен свободный выезд граждан; практически отменены ограничения на трансграничное движение капиталов; не существует действенного контроля за информационными потоками и интернетом; люди могут заниматься бизнесом и приобретать собственность; власти практически не вмешиваются в частную жизнь, количество табу в которой уверенно стремится к нулю. Оказываясь в России, представитель западного мира не обнаруживает тех отличий от поведения людей в собственных странах, которые могли бы подтолкнуть его к мысли, что личностное самовыражение здесь существенным образом ограничено, — отчасти, наверное, и поэтому к концу 2000-х годов в России (хотя в основном в крупных городах) постоянно жили и работали около 300 тыс. граждан стран Европейского союза и Северной Америки[20].

Более того; сталкиваясь с российскими реалиями, сложно отказаться от мысли, что россияне намного более инвидуалистичны, чем европейцы, готовы в большей степени рассчитывать только на собственные силы, более предприимчивы и изобретательны. Они вовсе не выглядят теми, кто в советские времена постепенно поднимался по служебной лестнице, привычно засиживаясь по нескольку лет на каждой карьерной «ступеньке», и ждал тех или иных «милостей» от государства. Столкнувшись с экономическими и политическими пертурбациями последних десятилетий, россияне сегодня рассчитывают прежде всего сами на себя, а власть воспринимают как нечто относительно чуждое, а порой даже враждебное. В большинстве своем законопослушные люди, они привыкли жить, как бы накладывая на нормы закона собственные понятия о допустимом и правильном и находя уникальный компромисс между требованиями тех и других. В итоге оказывается сложно не согласиться с известным российским историком А. Миллером, говорящим, что «живя в заведомо несоответствующей демократическим стандартам России, чувствуешь себя лично свободным»[21]. Когда многие западные авторы называют Россию нормальной страной, они, видимо, принимают этот факт во внимание.

Между тем российская свобода распространяется практически исключительно на частную жизнь, а люди могут располагать ею только до тех пор, пока они не входят в конфликт с интересами «государства». В XXI столетии Россия отказалась лишь от одного принципа большинства авторитарных обществ — от мелочной регламентации частной жизни, закрытых границ и насаждения лукавого имущественного равенства, но не пересмотрела принципы отношения между властью и народом, государством и обществом. Между тем современность, о которой мы ведем речь, является скорее социальным понятием, чем характеристикой личности; значительная часть людей даже в тоталитарных обществах по разделяемым ценностям, доминирующим интересам и основным стремлениям является вполне современной — но это не делает современными соответствующие общества. Современность общества задается не уровнем развития составляющих его членов, а системностью и эффективностью обратной связи между индивидом и государством, а именно с этим в России пока не заметно особого прогресса. В то же время расширение пространства индивидуальной свободы, которое произошло в нашей стране за последние десятилетия, обусловило две огромные перемены, которые определяют сегодня впечатляющую устойчивость новой авторитарной модели.

С одной стороны, быстро выяснилось, что невозможность самореализации в политике и засилье бюрократии смущают довольно незначительную часть общества. Ощущая сопротивление со стороны власти, большинство людей довольно легко «интернализируют» свои протестные потребности в общение (в том числе и виртуальное), в повышение личного жизненного уровня, самореализацию в бизнесе, неполитизированных общественных

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

организациях или группах по интересам, в более разнообразное проведение досуга. Потребности в общественной деятельности, столь естественно входящие в список базовых приоритетов граждан основных развитых стран, далеко не доминируют в системе человеческих ценностей россиян, которых достаточно всего лишь не ограничивать излишне жестко в повседневной жизни, чтобы устранить основные причины для серьезного недовольства. Это, на мой взгляд, проявление исторически сложившегося понимания того, что государство не является слугой граждан, и потому лучшее, чего следует от него ждать, — невмешательство в частное пространство[22]. Если оно обеспечивается, то лояльность населения власти может приниматься в России за некую данность. Отличие России от посткоммунистических стран Центральной Европы состоит в том, что если в последних политические свободы были жестким образом отняты после Второй мировой войны, то в России граждане их никогда и не имели — и поэтому, повторю, расширение свободы в частной жизни выглядит для них скорее не естественным возвращением чего-то исконно имевшегося, а значительным социальным достижением.

С другой стороны, для того чтобы общество могло серьезно воздействовать на власть, оно должно быть консолидировано — если не каким-то одним требованием, то по крайней мере широко разделяемым недовольством. Массовая оппозиция советской власти, на мой взгляд, была порождена не столько неприятием однопартийной системы, сколько тем, что слишком большое число людей не могло из-за проводимой государством политики удовлетворить свои личные запросы (религиозные, культурные, экономические или иные). Все эти люди — от православных активистов до желавших эмигрировать в Израиль евреев, от подпольных цеховиков до деятелей искусства — оказались объединены идеей разрушения прежней власти и добились своего с крахом коммунизма, устранением господствующей идеологии и распадом Советского Союза. Однако именно тот факт, что большинство людей объективно стремились не к созданию чего-то нового (представления о том, как надо жить, были в период становления независимой России чрезвычайно условными), а к разрушению опостылевшего старого, хорошо объясняет, что, как только эта цель была достигнута, интересы практически каждого из ранее активных граждан сконцентрировались на собственных проблемах, а государство, на которое общество быстро перестало оказывать сколь-либо серьезное давление, смогло начать восстанавливать утраченные позиции. Кроме того, не следует сбрасывать со счета и открытость границ: те, кто сегодня не считает себя последовательными противниками режима, имеют выбор: либо бороться с ним, либо уехать — и они зачастую выбирают второе. З. Бауман когда-то назвал жизнь современного человека «процессом индивидуального решения системных противоречий»[23], и секрет устойчивости российской модели состоит в резком расширении того пространства, в рамках которого гражданам позволено «индивидуально решать системные противоречия», — пространства, которое от этого, увы, так и не становится социальным.

Именно обозначенные выше принципы обусловливают три важнейших тренда постсоветской России.

Во-первых, это серьезная разорванность политических и экономических интересов, являющаяся характерной чертой всех постсоветских обществ. В сознании россиян (и не только) политическая активность не связывается с экономическими возможностями и материальным благосостоянием. Если в советские времена такая связь еще как-то прослеживалась (прежде всего потому, что экономика была целиком государственной) и уже поэтому было логично как требовать от «государства» определенные экономические блага, так и возлагать на него ответственность за большинство экономических проблем, то позднее она полностью исчезла. Это касается не только периода В. Путина (со знаменитым «разменом благосостояния на лояльность»[24]), но и эпохи Б. Ельцина (какой бы тяжелой ни была экономическая ситуация в стране, хозяйственные трудности практически никогда не вызывали массового общественного протеста — в отличие от политических решений, которые провоцировали их достаточно часто); то же самое относится, например, и к постсоветской Украине. «Отделив» (по крайней мере в сознании людей) политику от экономики, российские лидеры добились огромного преимущества: они эффективно выключили из общественного диалога практически все основные темы, которые в нормальных демократиях доминируют в электоральной повестке. Допустив экономическую и финансовую открытость, власти страны, как это ни парадоксально, еще больше обезопасили себя от возможности консолидации протеста на экономической основе: все проблемы стало легко объяснить или возникшими за рубежом кризисами (как в 2008 году[25]),

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

или независящими от правительства изменениями глобальной конъюнктуры (как в 2014-м[26]). В результате оказывается, что власти ответственны только за успехи (прежде всего потому, что они о них отчитываются), а во всех хозяйственных и финансовых трудностях обвиняются либо предприниматели, либо внешние силы, либо «объективные обстоятельства». Достаточно обратить внимание на последний отчет правительства, чтобы вообще не обнаружить там даже упоминания о тех сферах, в которых премьеру нечем похвастаться[27], — и такой подход сегодня в стране доминирует на любом уровне властной иерархии. Это, в свою очередь, значительно расширяет возможности элит пополнять список фиктивных достижений, которые успешно предъявляются населению, открывая возможности для популизма и демагогии.

Во-вторых, это стремительное обесценение коллективных действий, которые в любом обществе являются базой для демократического процесса. Механизм этого в России прост (мы подробнее обратимся к нему позже): важным элементом господства государства над людьми в стране во все времена было создание огромного количества законов и правил, делавших нормальную жизнь при следовании им невозможной. Отсюда и знаменитая фраза о том, что «в России от дурных мер, принимаемых правительством, есть спасение: дурное исполнение»[28]. Действия российской власти во все времена диктовались понятной логикой: неисполнение (или обход) законов и правил могли допускаться, их организованное изменение — нет. Это предполагало и предполагает индивидуальные договоренности (местничество, блат, коррупцию, как бы их ни называть[29]) и тем самым цементирует систему, основанную не на правилах, а на исключениях. Однако намного важнее другое: существующие сегодня и существовавшие в России ранее практики показывают, что договориться с властью «полюбовно» можно практически обо всем, но добиться от нее давлением и требованиями нельзя почти ничего. Это радикально изменяет — по сути, переворачивает с ног на голову — основную установку демократии о силе и возможности масс. Любой коллективный акт становится не столько опасным, сколько контрпродуктивным: вы можете решить свою проблему или добиться своей цели только в случае, если будете действовать в одиночку и контактировать с властью tête-à-tête. Проблема тут даже не в том, что подобная ситуация делает коррупцию и личные связи самым эффективным способом решения проблем и тем самым закрепляет вороватую сущность власти, а в том, что и без того довольно индивидуалистичное российское общество атомизируется еще больше. Именно поэтому в стране практически нет активных профсоюзов; крайне редко случаются (и не имеют практически никаких последствий) организованные протестные акции; членство в разного рода ассоциациях стремится к нулю; политические партии избегают постановки реальных проблем и не обладают значимым влиянием. Страну населяют по-европейски образованные люди, сегодня уже не слишком бедные, обладающие доступом к информации — но при этом желающие есть и спать, зарабатывать деньги и свободно действовать в ограниченном пространстве; видеть реалии другого мира, но удовлетворяться своим; осознавать недостатки системы, но адаптироваться к ней. Власть может спать спокойно. Внизу — абсолютно деструктурированное общество, «текучая постмодернити»[30], неспособная к самоорганизации и не имеющая общих задач и единых целей.

В-третьих, это сохранение шанса «индивидуального выхода» из сложившегося порядка. В течение многих столетий тоталитарные вожди полагали, что важнейшим элементом их диктатуры является закрытость общества и способность власти покарать любого отступника. С одной стороны, такая ситуация порождала рабскую покорность, но с другой — могла спровоцировать и отчаянное сопротивление. Сегодня российский политический класс считает правильным снизить градус возможного конфликта. Ему не нужно уничтожать своих политических оппонентов (хотя имеются и исключения), а достаточно просто «выдавить» их из общества и из страны. Этого можно добиться либо за счет ухода людей во «внутреннюю эмиграцию» (которая вполне допускается современными коммуникациями, легко создающими группы единомышленников, принимающих слова за действия и ими и ограничивающихся), либо просто за счет отъезда из страны. Мне кажется, что это самая значимая социальная технология, предложенная во времена В. Путина: открытые границы сегодня приводят не столько к проникновению в российское общество информации или практик, которые могут оказаться потенциально опасными для режима, сколько к оттоку тех, кто такие практики воспринял и потому стал враждебным нынешней власти. Если бы Советский Союз сумел научиться существовать в подобной среде, он практически наверняка дожил бы до наших дней — тем более

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

что практика показывает: эмиграция сегодня не ведет к образованию «оппозиции в изгнании». В отличие от рубежа XIX и XX веков, люди, покинувшие страну, не воспринимаются внутри России как борцы за свободу и с ними не связываются никакие надежды — да и сами они довольно быстро переключаются на решение личных проблем или теряют влияние даже среди единомышленников. Таким образом, не тратя значительных дополнительных сил и ресурсов, политическая система делает широкое народное сопротивление ей во многом бессмысленным.

В итоге мы получаем свободное общество с авторитарной властью — симбиоз, всегда считавшийся невозможным с точки зрения современной западной социологической теории, но при этом, судя по всему, удивительно прочный и устойчивый, который может выживать не только в экономически благоприятные, но и в довольно сложные времена; в периоды не только масштабных успехов, но и существенных неудач.

Завершая этот сюжет, нельзя не коснуться совершенно особого характера той социальной группы, которая кристаллизовалась в постсоветский период в качестве правящей, — и речь сейчас не о кланах или группах интересов, а о чертах, указывающих на ее фундаментальные особенности. Если в большинстве не только развитых западных, но и успешно модернизирующихся незападных обществ всегда имеются несколько элитных групп (политическая, предпринимательская, интеллектуальная, военная и т.д.) то в России в период становления ее новой государственности они оказались не разделены. Большинство людей шли в 1990-е годы в политику для личного обогащения (это относилось и к федеральному, и к региональному уровню); параллельно предприниматели быстро начинали понимать, что деньги решают не всё, а подлинные влияние и безопасность в конечном счете приходят вместе с государственными должностями. Укрепление «вертикали» власти потребовало кооптации в нее значительного числа военных и представителей правоохранительных органов; по мере удовлетворения банальных потребностей «хозяева жизни» захотели стать «властителями дум» и начали скупать ученые степени и звания. Иначе говоря, власть не только презрела разделение своих «ветвей» — законодательной, исполнительной и судебной, — но и превратилась в единую корпорацию, где выполнение публичных обязанностей стало видом бизнеса, где деньги свободно конвертировались во властные полномочия и наоборот, где чины и воинские звания приобретались по мере роста даже в гражданской карьерной среде, а ученые степени добавлялись ко всему отмеченному почти автоматически.

Между тем сам этот факт лучше всего свидетельствует о несовременности российской политической системы. Корпоративизм в политике соотносится с нынешними демократическими практиками так же, как цеховая система в экономике соотносилась когда-то с мануфактурой и ее прогрессирующим разделением труда. Стремясь консолидировать властные полномочия, российская элита стремительно архаизируется, а эффективность ее деятельности снижается буквально по всем направлениям. При этом сам по себе разворот назад настолько нетипичен для в целом достаточного развитого общества, что сложно предположить, насколько масштабным он станет и насколько далеко зайдет.

Нынешний российский корпоративизм заметен практически во всем. Даже если обратиться к списку депутатов избранной (а фактически — назначенной) в 2016 году Государственной думы VII созыва, окажется, что из 450 депутатов 63 занимали не более чем за пять лет до избрания посты директоров промышленных и финансовых компаний, а 40 были их собственниками и совладельцами; 102 замещали должности в исполнительной или представительной власти различных уровней; 45 служили в армии или силовых ведомствах; 127 имеют ученое звание кандидата, а 60 — доктора наук[31]. Доход 28 депутатов за 2016 год превысил миллион долларов (максимальный достиг 678 млн руб.)[32] — и это после того, как власть стала говорить о том, что в парламенте не должны заседать миллионеры. Масштаб конвертации силы, власти и денег друг в друга, на мой взгляд, не требует комментариев. Россия после краткой (и в целом неудачной) попытки окунуться в современность (к которой в некотором смысле можно было отнести даже часть советской истории) возвращается к своему традиционному состоянию, в котором власть предельно консолидирована, в одних и тех же лицах проникает во все сферы и, конечно же, может практически всё. Чтобы понять масштаб различий со странами, которые обладают устойчивыми демократическими традициями, можно привести пример германского Бундестага 18-го созыва (2013–2017 годы), где из 630 депутатов до избрания в бизнесе на руководящих должностях работал (или владел им) 21 человек, в структурах исполнительной власти

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

федерального и регионального уровня — 31, всего трое были кадровыми военными или спецслужбистами, степени доктора имеют 26 человек, а звание профессора — только двое. Можно также добавить, что миллионеров среди немецких парламентариев лишь 16, а самый преуспевающий депутат задекларировал за прошлый год доход в 390 тыс. евро[33]. Основная часть депутатов — партийные функционеры, юристы, работники некоммерческих организаций, а также журналисты; реальная сегментированность элит налицо. Зато в России и бизнес и власть сливаются в единую «элиту».

Эта «власть» и эта «элита», стоит признать, довольно открыты, так как постоянный приток кадров остается безусловной необходимостью — но отбор в них производится не на основе демократических принципов и даже не с учетом компетентности и способности эффективно руководить вверенным участком, а на основании личной преданности, сложившихся за предшествующую карьеру неформальных связей, а также родственных и семейных отношений с вышестоящим руководством. При этом сегодня в России по странной иронии судьбы переход от хотя бы минимально политизированного подхода к кооптации в элиты к сугубо «феодальному» принципу[34] именуется становлением «технократического» принципа организации власти[35], хотя к подлинной технократии новые назначенцы не имеют никакого отношения. История последних лет показывает, что таким образом создается механизм отрицательного отбора практически по всей вертикали власти: каждый руководитель стремится набрать в свою команду верных и лояльных людей, невзирая на их способности и квалификацию. Если, например, в Соединенных Штатах предложенный Д. Трампом новый генеральный прокурор Дж. Сешнс прямо заявляет членам Конгресса, что «человек в этой должности должен быть готов сказать “нет” даже президенту, если тот переступает [определенную] черту»[36], то в России все чиновники исходят из максимы, прекрасно озвученной несколько лет назад В. Чуровым, председателем Центральной избирательной комиссии: «А разве В. Путин может быть неправ?»[37]. По мере того как вся бюрократическая машина наполняется людьми, руководствующимися именно таким подходом, страна окончательно возвращается к архаическому состоянию, которое было наиболее привычно для нее на протяжении большей части истории.

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что посткоммунистическая Россия не становится более современной и более похожей в своих основных элементах на Запад, вопреки мнению как зарубежных, так и отечественных оптимистов. Она скорее довольно уверенно возвращается к своему докоммунистическому состоянию, стремительно восстанавливая давно, казалось бы, забытые формы политического устройства, основанные на доминировании верховного правителя, полной «симфонии» всех ветвей власти, взаимной конвертации постов и денег и феодальной системе подбора кадров и назначенцев. При этом бóльшая часть населения по своим представлениям о мире, по своему пониманию должного, по своим эстетическим предпочтениям и по многим другим чертам остаются вполне европейскими, западными, людьми. Основным культурным партнером для россиян как была, так и остается Европа, к которой у людей в стране нет культурного или политического отторжения и которая воспринимается как своего рода идеал социальной организации. В характере россиян, какой бы авторитарной ни была система власти в стране, нет ничего «азиатского»; они внутренне свободны и достаточно индивидуалистичны — но при этом мы действительно имеем дело с единственной европейской страной, которая хотела бы пользоваться европейскими культурными и технологическими достижениями (не случайно состоятельные русские эмигрируют вовсе не в Китай, а в Великобританию, Францию или Испанию), но совершенно не намерена воспринимать европейские политические институты.

Хотя… Наверное, всё не так однозначно.

Характер российского политического режима

Однако само по себе понимание того, что Россия не является демократией, не означает, что констатирующие этот факт способны четко определить сущность ее политического режима[38]. В мире, где специалисты выделяют десятки видов «демократий», существует не меньшее число разновидностей авторитаризма (чаще других упоминаются традиционный, военно-бюрократический, корпоратистский и этнический[39]), и поэтому говорить о России как об

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

авторитарной стране означает повторять некую банальность, не углубляя понимания сложившейся в ней политической системы.

Между тем отмеченные нами обстоятельства — и прежде всего недемократичность режима и концентрация всех рычагов власти и значительной части общественного богатства в руках узкой элитной группы позволяет предполагать, что государство в России имеет вполне понятный идеал, к которому оно стремится: это идеал корпоративного государства по О. Шпанну[40]. Именно в нем соединяются все сущностные элементы современной российской реальности: персоналистский характер верховной власти; полное взаимопроникновение бизнеса и государства; формальность и бессодержательность электоральных процедур; четкая граница между государством и внешним миром. Само же корпоративное государство как осязаемая форма имела в истории только одно воплощение — в виде политического режима фашизма. И, говоря о России как о действующем корпоративном государстве, можно вплотную подойти к тезису о том, что в стране в начале XXI века появляется «мягкий» фашистский уклад.

Этот тезис представляется парадоксальным, учитывая российскую историю и роль Советского Союза в борьбе с Германией, в которой он понес немыслимые жертвы. Однако, оценивая этот тезис, следует иметь в виду два обстоятельства. С одной стороны, фашистское государство в своем оригинальном значении совершенно не обязательно предполагает нацистский элемент, с которым в самой России фашизм отождествляется практически безоговорочно[41]. Исторически же фашизм возник как движение и как политическая система, воплощавшая в себе именно корпоративизм, вождизм и имперскость, но отнюдь не обязательно требовавший этнических чисток (он куда в большей мере характеризовался нетерпимостью к инакомыслящим, чем к инородцам). С другой стороны, не стоит забывать о том, в какой мере Россия на «третьем круге» своей истории была и остается открытой к европейским рецепциям, — и если ей удалось перенять из Европы как технологические принципы (чем она успешно занималась последние три столетия), так и идеологические доктрины (например, тот же марксизм), то почему идеал корпоративного фюрерского государства не может быть ей принят — пусть и с не меньшими «коррекциями», чем марксистская теория? Тем более, что совершенно очевидно, что радикальные политические программы XVIII–XX веков не могут быть воплощены в XXI столетии даже в относительно «чистом» своем виде: ни либерализм, ни марксизм сегодня уже не те, какими были при своем появлении, — в них намного меньше категоричности и непримиримости, больше нюансов, рубежи между ними и другими политическими концептами более сглажены. Поэтому, если говорить о некоторых авторитарных режимах как о фашистских по своей сути, это совершенно не означает, что к ним стоит относиться как к поднимающей голову нацистской Германии образца 1930-х годов.

Сегодня можно заметить, что в западной литературе определение современного российского режима как разновидности фашизма встречается довольно редко — но почти всегда приводится авторами, имеющими российские/советские корни и не питающими иллюзий относительно характера отечественной власти, — примерами могут служить тексты М. Ямпольского или А. Мотыля[42]. В России подобный эпитет применяется намного чаще — но тут он используется прежде всего в полемических текстах и выступлениях политических активистов[43], которые не всегда утруждают себя подробными доказательствами того, насколько основательным может быть такое утверждение. Я выступал с попыткой обосновать данный подход с сугубо неэмоциональной точки зрения и в России[44], и на Западе[45], и сейчас хотелось бы повторить некоторые из основных положений.

Начнем с классического определения Р. Пакстона, согласно которому «фашизм — это политическое движение, отмеченное болезненной концентрацией внимания на социальном упадке, унижении или ощущении себя жертвой и [как следствие] на компенсаторном культе единства, энергии и чистоты, в рамках которой массовая партия индоктринированных активистов, в трудном, но эффективном сотрудничестве с представителями традиционных элит, попирает демократические свободы и посредством “спасительного насилия”, отрицая юридические или этические преграды, обеспечивает подавление недовольных внутри страны и ее внешнюю экспансию»[46]. Другие определения — например, данное У. Эко — акцентируют внимание на таких чертах любого фашистского режима, как «культ традиции» (в современной России проявляющийся в апологии «сохранения и приумножения традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и идеологии «консерватизма»); в убежденности в том, что

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

«несогласие является синонимом предательства» (что транслируется в наклеивании ярлыков «иностранных агентов» и «пятой колонны»); в «маниакальной боязни перемен» (что отражается в постоянном превознесении ценностей «стабильности»); в «опоре на антиинтеллектуализм и иррациональные сущности» (тут следует упомянуть и ренессанс поддерживаемой государством религии, и распространение псевдо- и лженаучных теорий); на «одержимость теориями заговора» (здесь нечего даже комментировать); «выборочный популизм» (который выступает главным средством поддержания контроля над населением и сохранения популярности власти); «распространение “новояза”, непроверенной информации и откровенной лжи» (к чему, собственно, свелась деятельность контролируемых государством средств массовой «информации»)[47]. Э. Джентиле называет важной чертой фашизма «корпоративную организацию экономики, которая подавляет свободу профсоюзов, расширяет сферу государственного вмешательства и ставит целью достичь объединения “производящих отраслей” под контролем режима, сохраняя при этом частную собственность и классовые различия»[48]. Стоит упомянуть также и показательный тезис П. Друкера, который еще 80 лет назад отметил, что «фашизм — это то состояние [общества], которое достигается после того, как становится очевидной несостоятельность коммунизма»[49].

Оценивая российское общество первых десятилетий XXI века, можно отметить несколько характерных черт, которые позволяют уверенно констатировать его протофашистские черты.

Во-первых, это очевидная — и крайне нетипичная для современного общества — апологетика силы, войны и империализма. Рефреном звучат тезисы о былом величии страны, на которое нужно опираться и которое необходимо восстановить. Доминирующая этническая группа, русские, изображается цивилизационным центром особого «русского мира», который распространяется далеко за пределы собственно российских границ[50]. В основе «русского мира» лежат, как мы знаем, «особый генетический код»[51] и специфическая религиозная и культурная традиция, которым однозначно приписывается превосходство над большинством других[52]. Величие государства определяется не его экономическими и социальными достижениями в настоящем, а его успехами в прошлом. Великие предшественники объявляются живущими среди нас (здесь стоит напомнить об инициативе наделить павших в годы Великой Отечественной войны избирательным правом[53]). Утверждается крайне характерный для фашистской идеологии культ маскулинности; любые сексуальные меньшинства воспринимаются как отклонения; страны, где им предоставлены равные с остальными права, открыто именуются «упаднических»[54]. Сознание общества усиленно милитаризируется; всё большее число государственных деятелей и даже служителей Церкви прямо заявляет, что война не является чем-то неестественным, так как укрепляет и очищает дух нации[55]. Откровенно говорится о неестественности границ Российской Федерации и предпринимаются попытки их расширения de jure и de facto — всякий раз под предлогом защиты своих сограждан, соотечественников или единоверцев. Конечно, в риторике российских лидеров нет никакого намека на мировое господство — но, опять-таки, его не прослеживалось в фашистских идеях 1920-х годов: итальянцы даже не мечтали о превращении Средиземного моря в Mare interna, так что и реконкиста даже части советских территорий может выглядеть достаточным основанием для параллелей. Естественно — как и 100 лет назад — постоянно эксплуатируется тема враждебности внешнего мира, который спровоцировал постигшую страну политическую и экономическую катастрофу и который озабочен в основном тем, как не дать ей «подняться с колен». Именно для того, чтобы взять реванш (пусть и не захватить чужое, но вернуть «свое»), нужна опора на силу, собственные возможности и способность бесконечно долго выживать во враждебном окружении. Характерно, что, как и прежде, нет и речи о какой-либо масштабной идеологии, которая могла бы быть приемлема и привлекательна за пределами страны, — и в этом, на мой взгляд, заключено самое существенное отличие нынешнего российского режима от коммунистического советского, с которым многие политики и эксперты проводят (причем совершенно зря) разного рода параллели.

Во-вторых, это очень четкая экономическая программа, ориентированная на установление тотального контроля центральной власти над основными отраслями экономики и крупнейшими корпорациями. Как собственность «олигархов» (многие уже объявили, что «если государство потребует отдать мои активы, я это сделаю, так как не отделяю себя от государства»[56]), так и полномочия профсоюзов давно стали условными, что базируется на двух банальных фактах: с

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

одной стороны, большинство крупных бизнесов действуют в секторах, где они остаются полностью зависимыми от решений чиновников (выдачи и продления лицензий, выделения участков под застройку, сертификатов соответствия и т.д.) и от выделяемых бюджетных средств (сегодня в России целые отрасли выживают практически исключительно благодаря государственным заказам); с другой стороны, больше половины населения получают свои основные доходы непосредственно от государства или от государственных предприятий. Власть усиливает свое присутствие в экономике (доля ВВП, производимая в сфере государственных услуг или на государственных предприятиях, выросла с 25–30% в 1995 году до 35% в середине 2000-х и 70% в 2015 году[57]); всего шесть крупнейших госбанков контролируют 57% активов банковской системы[58]; в условиях закрытости внутреннего кредитного рынка власть становится «кредитором последней инстанции» для частных компаний, которые могут оказаться в непростом финансовом положении, и т.д. Осуществляя упомянутый «размен свободы на благосостояние», государство по сути определяет оптимальный уровень потребления населения и задает стандарты жизни тех или иных социальных групп. Это, на мой взгляд, крайне напоминает описание, согласно которому «фашистское государство заявляет свои претензии и на экономическую сферу; через созданные им корпоративные институты его влияние достигает самых отдаленных территорий, обеспечивая движение всех экономических сил нации, организованных в отрасли и ассоциации, в [жестких] рамках государственной структуры»[59]. Конечно, совокупность относительно разрозненных госкорпораций, унитарных и казенных предприятий пока не может быть названа аналогом созданного в Италии в 1926 году Национального совета корпораций, однако «фашистский режим не имеет намерений национализировать или предельно бюрократизировать все народное хозяйство — достаточно организовывать и дисциплинировать его через корпорации, которые выступают наиболее значимыми агентами государства, но при этом не являются бюрократическими структурами»[60]. Контролируемая же государством экономика выступает — и это видно сейчас в России всё отчетливее — основой для политической консолидации и территориальной экспансии.

В-третьих, это одновременно усиление и ослабление монополии на насилие, которое считается фундаментальным признаком государства. Несмотря на свою тоталитарную природу и на масштабные силовые структуры, последние в фашистских государствах всегда были «диверсифицированными» и состояли как из формальных органов государственного подавления («правоохранительными» их назвать было довольно сложно), так и из «общественных» и корпоративных институтов, задачей которых было поддержание порядка в стране. В России за последние 20 лет нельзя не заметить резкого увеличения количества силовых структур и численности их персонала (сегодня в полиции, Национальной гвардии, ФСБ, Прокуратуре и Следственном комитете, ФМС, Госнаркоконтроле, Службе судебных приставов и некоторых других подобных структурах служат 4,40–4,45 млн человек[61]), — однако параллельно возникают корпоративные структуры безопасности (а по сути — корпоративные армии) госкомпаний и коммерческих структур; малоконтролируемые даже федеральным центром региональные вооруженные группировки (только в Чечне гвардия Р. Кадырова насчитывает около 30 тыс. человек[62]); разного рода аналоги фашистских чернорубашечников, контролирующие «общественную нравственность», разрушающие «неугодные» выставки или борющиеся посредством зеленки и кислоты с национал-предателями, будь то оппозиционными активистами или сотрудниками средств массовой информации. При этом все более очевидно, что борьба с политическими оппонентами режима становится важнейшей задачей судебной системы, а выносимые по «резонансным» делам приговоры практически всегда согласовываются с соответствующими уровнями власти. Также заметно, что в обществе возникает достаточно большая каста «неприкасаемых», в центре которой находятся сотрудники силовых структур, правящей партии и правоохранительных органов. И хотя в отношении них не существует такого запрета на уголовное преследование, который имел место в той же Италии[63], примеры безнаказанности даже не столько чиновников, сколько «активистов» и приближенных к власти «силовиков» становятся всё более многочисленными.

В-четвертых, нельзя не отметить совершенно особенной роли символизма и пропаганды, которые, как и в прежних фашистских режимах, позволяют оправдывать «массовую мобилизацию и харизматическое лидерство, а также допущение насилия, производимого “от имени народа”, как массового явления»[64]. Пропаганда играет особенно важную роль по двум

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

причинам. С одной стороны, даже несмотря на достаточно благоприятные внешние условия, российская экономика показывает не слишком блестящие результаты и за последние 10 лет проделала цикл, крайне похожий на тот, который прошла экономика Италии в 1926–1942 годах; поэтому подмена фактов экономических успехов рассуждениями о возрождении нации крайне важна и злободневна. С другой стороны, пропагандистский аппарат позволяет поддерживать население в состоянии пусть и воображаемой, но мобилизации[65], если уж реальность современной жизни такова, что подлинной мобилизации добиться невозможно; инструментами для этого становится переписывание истории (и выдумывание альтернативных исторических повествований), создание новых национальных мифов, популяризация примитивных и не имеющих отношения к реальному положению дел в жизни и науке трактовок, активизация официальной Церкви и т.д. В российской ситуации сама по себе пропаганда и «идеологическая работа» сталкиваются с серьезными трудностями — прежде всего потому, что идеологии как таковой у режима нет[66], а история, на возвеличивание которой он опирается, крайне противоречива (в новой политической реальности власть пытается объединить как элементы имперского наследия, так и характерные черты и институты коммунистического режима, разрушавшего и уничтожавшего наследие империи). Это приводит к опоре на масштабную ложь и фальсификацию данных, к последовательному искажению фактов, которое прослеживается на всех уровнях власти (после большинства значимых выступлений В. Путина журналисты соревнуются в обнаружении максимального числа непроверенных и ложных заявлений[67]). Как следствие, государство со все большей активностью стремится бороться с альтернативными взглядами: усиливается контроль над средствами массовой информации; все чаще можно слышать разговоры об ограничении свободы доступа к интернету; появляются все более экзотические определения «экстремизма»; принимается все больше законов и норм, имеющих скорее символическое, чем реальное значение, которые на деле практически не применяются[68]; в борьбе с инакомыслием права граждан начинают ограничиваться во внесудебной форме (например, выезд из страны предлагают закрыть вследствие «предостережения», вынесенного правоохранительными органами[69]). Вся эта политика, повторю еще раз, ведется исходя из постулируемого значения «традиционных ценностей», «приоритета духовного над материальным»[70] и, разумеется, превознесения роли и значения государства.

Говоря о том, что российское государство весьма напоминает фашистскую организацию, необходимо отметить два важных обстоятельства.

С одной стороны, не следует проводить параллелей между ним и нацистской Германией (несмотря на то, что некоторые верные сторонники режима поспешили было — возможно, читая мысли начальства — охарактеризовать президента В. Путина как своего рода «хорошего Гитлера», т.е. фюрера в период до начала Второй мировой войны и масштабных этнических чисток[71]): авторитарная власть в России не имеет — и, видимо, не может иметь — прочной националистической составляющей. Задачей ставится не глобальная экспансия, в ходе которой можно объявить другие нации ущербными, а возрождение многонациональной империи, которая (как мы пытались показать ранее) никогда не воспринимала свои части как колонии (даже если они таковыми de facto являлись). Российская имперскость не предполагает националистического уклона — именно поэтому главное внимание уделяется внешней угрозе, территориальному фактору, унижению, которое было пережито страной, а не ее отдельными народами, и т.д. Этим объясняется, что власть, по сути активно строящая протофашистский режим, резко негативно относится к проявлениям национализма, попыткам «реалибитации нацизма» и даже к демонстрации нацистской символики[72] (замечу: в отношении систем, созданных Б. Муссолини, Ф. Франко или А. ди Салазаром, никакие ограничения не действуют, а фактическая копия символа итальянской фашистской партии фигурирует на официально утвержденной эмблеме Службы судебных приставов Российской Федерации[73]).

С другой стороны, не следует полагать, что описанный тренд возник в России только с приходом в Кремль В. Путина и стал следствием «узурпации» власти представителями силовых структур с их реваншистским мышлением. На мой взгляд, большинство предпосылок для развития ныне существующих в экономике трендов; современной организации политической системы; отношения к демократии и праву; возрождения символизма и в политике и в сфере пропаганды и даже отношения к внешнему миру было заложено непосредственно после распада Советского Союза. Корпоративная структура экономики не была разрушена; Конституция 1993

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

года, которая дала президенту полномочия, сравнимые разве что с предоставленными фюреру по Ermächtigungsgesetz 1933 года, была написана, казалось бы, демократами; идея безальтернативности президента была заложена на выборах не 2012-го, а 1996 года и т.д.[74] Единственной особенностью становления в России нового авторитаризма стала неспособность режима выработать привлекательную идеологию, и потому В. Путин повторил путь Б. Муссолини, который, если вспомнить слова Х. Арендт, «стал, вероятно, первым в истории партийным лидером, который сознательно отказался от четкой программы и заменил ее одухотворенным лидерством и впечатляющими акциями»[75]. В итоге мы увидели удивительную революцию, произведенную «без идей, против идей, против всего благородного, лучшего и честного, против свободы, правды и справедливости»[76]. Собственно говоря, эти слова как никакие иные прекрасно отражают суть той революции, которая продолжается и сегодня в российском обществе, — но приходится признать, что она происходит в социальной системе, давно пресытившейся идеологией и намного менее глубоко индоктринированной, чем те, в которых она случилась без малого 100 лет назад. Именно это, на мой взгляд, и оставляет простор для надежды на более благополучное будущее.

•••

Россия в ее сегодняшнем виде не может быть названа демократической страной — за исключением, быть может, той трактовки, в рамках которой фашизм «вполне может быть определен как “организованная, централизованная, авторитарная демократия”»[77]. В ней воспроизведены исторически присущие ей традиции доминирования власти над обществом и предпочтение воображаемых целей реальным. В то же время, на мой взгляд, Россия остается европейской страной — прежде всего потому, что все ее метания между авторитаризмом и демократией, частными интересами и общественными ценностями, сколько бы они ни продолжались, происходят в рамках европейских социальных альтернатив: тех, через выбор которых развитые европейские общества уже прошли, и тех, с которыми неевропейские никогда не сталкивались. Эта фундаментальная особенность нашей страны позволяет говорить о том, что от России не стоит ожидать чего-то особенного; ее пути относительно легко просчитываются — и основной вывод выглядит на удивление просто.

Россия на протяжении многих сотен лет была страной, в которой элементы сложной бюрократической структуры, сдержки и противовесы во власти, защита интересов если и не большинства населения, то по крайней мере его наиболее состоятельной и владетельной части, отсутствовали. Власть в стране воспринималась и отчасти и сейчас воспринимается как нечто абсолютное, в чем соединяются все возможные признаки «элитарности». Демократическая система организации общества в такой ситуации не вытекает даже из очевидно укореняющегося индивидуализма, который воплощается отчасти в разрушении социальных связей, а отчасти в том, что личное во все большей степени становится средством ухода от общественного. Люди верят в себя, верят в «народ», в «страну», в «государство» — но не в общество; абстрактные символы заслоняют реалии современной жизни, и это открывает простор для консерватизма и архаики, которые вполне соотносятся с исконной национальной «идентичностью».

При этом не следует забывать, что совсем недавно — в 1990-е годы — Россия прошла через исторические события, крайне схожие с теми, которые привели к антидемократической реакции в Европе в 1920-х и 1930-х годах. Сложно предположить, почему их последствия должны были оказаться существенно иными по сравнению с происшедшим без малого 100 лет назад. При этом, наблюдая за перипетиями российской истории, европейцы сделали в 1990-е годы в точности ту же ошибку, что и в 1920-е: они торжественно объявили, что Россия стала «нормальной», — практически так же официально, как сочли они в свое время нормальной ту же Веймарскую республику, — и получили аналогичный результат (разумеется, с учетом общей гуманизации политической жизни, отмеченной за последнее столетие). Сегодня нужно исходить из того, что в новейшей европейской истории отклонения от демократического пути развития, хотя и встречаются часто, всегда остаются временными. Более того; история корпоративистских режимов (в отличие, замечу, от коммунистических) характеризуется тем, что, зацикленные на принципе вождизма, они никогда не переживали ухода своего основателя (причем даже в тех случаях, когда такой уход не был связан с каким-либо военным поражением и полным разрушением существовавшей политической системы). Поэтому сегодня не стоит пытаться «демонтировать» ретроградный и недемократический российский режим; его просто следует

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

пытаться «пережить»[78] — а когда это случится, окружающему Россию миру следует не повторить ошибок, допущенных в 1920-е и в 1990-е годы, и максимально инкорпорировать в свои структуры несовременную страну — потому что только такими методами ее можно приобщить к современности.

Последнее не должно оказаться сложным, так как Россия и сейчас остается внутренне свободным и индивидуализированным обществом, будучи в этом отношении исключительно похожей на западные социумы; проблема заключается в той политической системе, которая вряд ли могла не сложиться в стране, имеющей такую сложную историю и пережившую такие потрясения, которые выпали на ее долю. Нужно лишь понять масштаб этой проблемы, не делать вид, что ее не существует, и иметь четкий план на тот случай, когда Россия — как всегда, неожиданно — осознает, что зашла в очередной тупик, и вновь попытается — в который уже раз — стать более современной.

ГЛАВА третья

Рыночная не-экономика

Несмотря на то, что в политическом отношении Россия не слишком напоминает развитые страны, экономически она кажется более приспособленной для «встраивания» в современный мир. Ее хозяйственная система давно избавилась от замкнутости; в стране существует частное предпринимательство и разрешена деятельность иностранных компаний; курс национальной валюты устанавливается на основе спроса и предложения; декларирована неприкосновенность частной собственности. Конечно, существующая модель несовершенна: в этом контексте обычно указывают на сырьевую ориентированность, масштабное участие государства в экономике, распространенность коррупции и местничества — но в то же время сторонники тезиса о «современности» России акцентируют внимание прежде всего на ее хозяйственных достижениях («хотя российская трансформация была во многих смыслах болезненной, а политическая система государства далека от совершенства, страна демонстрирует впечатляющий экономический и социальный прогресс (курсив мой. — В. И.)»[1] — потому убеждены, что ее дальнейшее естественное развитие обеспечит в конечном счете политическую и идеологическую модернизацию общества. Я убежден, что этого не случится, и в ближайших двух главах попытаюсь обосновать этот тезис.

«Печать» ресурсного хозяйства

Когда современные исследователи говорят о «ресурсном хозяйстве», они прежде всего имеют в виду то гипертрофированное значение, которым в ряде стран обладает добыча полезных ископаемых. Это действительно весьма необычный источник богатства, существенно меняющий ориентиры и направления развития многих народов. Во-первых, наличие данных ресурсов не является следствием специфических усилий человека, а выглядит скорее «подарком свыше», причем о его «справедливости» говорить не приходится. Во-вторых, цены на подавляющее большинство сырьевых товаров обычно заметно выше издержек их производства и при этом на долгих исторических интервалах они растут быстрее, чем на большинство массовых товаров. В-третьих, значительные объемы ресурсов существенно искажают основные пропорции воспроизводства в добывающих странах, заставляя особенным образом оценивать как издержки, так и капитальные активы. Стоит, однако, отметить, что само по себе ресурсное хозяйство в обычно вкладываемом в это понятие смысле — достаточно недавний феномен. В прежние столетия в мире не было стран, которые бы критически зависели в своем развитии от природных богатств, не подвергавшихся никакой существенной обработке (колониям, которые зачастую выступали поставщиками экзотических товаров, эти ресурсы не приносили благоденствия — скорее наоборот). Конечно, государства всегда пользовались возможностями специализации, в том числе и такой, которая обусловливалась естественными особенностями страны (как,

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

например, Китай, столетиями экспортировавший шелк, фарфор или чай), — однако в большинстве случаев речь шла не о сырье в «чистом» виде, а о товарах, требовавших для своего изготовления большого труда. При этом следует иметь в виду, что внешняя торговля вплоть до середины XIX века не определяла облик большинства экономик: отношение внешнеторгового оборота к ВВП в Европе к 1870 году составляло около 30%, и менее 10%, если исключить торговлю между самими европейскими странами[2]; ресурсы же даже и после этого составляли небольшую долю внешнеторгового оборота развитых стран (если не считать продукцию аграрного сектора). Наконец, стоит повторить еще раз, ресурсная специализация была уделом практически исключительно колоний или зависимых территорий — и потому приносила последним не столько доход, сколько излишнее внимание со стороны европейских держав, а с ним насилие и лишения.

«Ресурсные (или сырьевые) экономики» — это, как ни странно, явление XX века. Только сочетание формального политического равноправия всех стран, признанного после деколонизации, их растущего экономического неравенства, ставшего следствием постиндустриальной революции, и стремительного удешевления услуг транспорта сделало возможным появление сырьевых экономик в их нынешнем виде. Вплоть до середины 1960-х годов мир не видел таких государств, как, например, Венесуэла, у которой нефть обеспечивает 98,6% экспорта, а стоимость поставок нефти за рубеж равняется 10,5% номинального ВВП; Ямайка, где такую же роль играют бокситы (65% экспорта, соответствующие 8,4% ВВП), или Намибия с ее алмазами и золотом (49% экспорта и 7,6% ВВП)[3]. Чем более интернационализирован тот или иной сырьевой рынок, тем больше стран «подсаживаются» на «иглу» соответствующей товарной зависимости. По состоянию на начало 2010-х годов в мире было 21 государство, в которых больше половины экспорта составляла нефть; 15 зависимых от руд и металлов и 7–8 стран, не мыслящих своего выживания без сельскохозяйственных монокультур (хотя, замечу, уже не осталось государств, в которых один аграрный продукт составлял хотя бы половину экспорта)[4]. Однако, повторю, история всех этих зависимостей не превышает 40–70 лет, т.е. двух-трех поколений, — и поэтому они вряд ли могут считаться полностью определяющими судьбы многих народов[5] — тем более что в мире появляется все больше стран, которые за счет использования современных стратегий хозяйственного развития благополучно преодолевают излишнюю зависимость от добывающих отраслей.

Обращаясь теперь к России, можно заметить несколько принципиальных отличий, которые делают российское ресурсное хозяйство уникальным.

С одной стороны, сырьевая специализация России стала складываться очень давно. Изначально находясь на «стыке» Европы и Византии, Запада и Востока, Русское государство располагалось между двумя наиболее передовыми экономиками раннего Средневековья и не могло конкурировать ни с одной из них. В основном Русь была известна как территория, богатая мехами, кожами, пенькой, воском, дегтем и медом, — но ни в одном из ее описаний не говорится о развитом ремесленном производстве и тем более о закупках здесь иностранными купцами ремесленных изделий[6]. В период подчинения Руси монголам продажа даже самых простых изделий — в основном, в очередной раз, того, что приносила земля, — стала вынужденной тактикой в условиях, когда завоевателям требовалось платить дань серебром[7], а многие талантливые ремесленники вывозились в Орду[8]. Экспансия, начатая после свержения монгольского ига, была порождена не столько абстрактным стремлением к расширению и освоению территории, сколько пониманием экономических выгод такого процесса. Новгородские купцы вели торговлю с Сибирью с XII века, достигая по морю и рекам — Северной Двине, Печоре и Оби — «Югорской землицы»[9] (вероятно, районов современных Ханты-Мансийска и Сургута); более всего их интересовали меха и моржовая кость; со времени покорения Сибири пушнина на несколько столетий стала важнейшим компонентом российского экспорта. В XVI веке на нее приходилось до половины поставок российских товаров за рубеж, в конце XVII века — около трети[10]; остальными экспортными товарами были лен, воск, мед и зерно (отмечая этот факт, некоторые исследователи даже предлагали ввести термин «животная», или «зоологическая», экономика для обозначения того, что происходило в то время в зауральских краях[11]). В XVIII веке к пушнине прибавились хлеб, икра, лес и железо, но опять-таки серьезным образом переработанных (ремесленных или промышленных) товаров в

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

российском экспорте практически не отмечалось. При этом сама внешняя торговля имела скромные масштабы, а казна зарабатывала на импортных, а не экспортных, пошлинах.

Ресурсы, разумеется, истощались — что прекрасно видно, в частности, на примере пушных промыслов. Жажда добычи пушнины гнала колонистов все дальше, но с начала XIX столетия отмечалось постоянное снижение числа добываемых шкурок: сообщалось, например, о сокращении поставок горностаевых шкур на ирбитскую ярмарку со 108 тыс. в 1850 году до менее чем 24 тыс. в 1870 году, а соболиных — с 43,6 тыс. до 5,1 тыс.[12] Подобные особенности российской экономики сформировали непреодолимое представление о тождестве территории и благосостояния; расширение пределов государства рассматривалось как основание для увеличения извлекаемых рент. Характерно, что даже М. Ломоносов, мечтавший о том, как будет «собственных Платонов и быстрых разумов Невтонов российская земля рождать», тем не менее не считал их таланты основой благосостояния страны, практично констатируя, что «богатство России прирастать будет Сибирью и Северным океаном»[13], в чем оказался прав. К началу XX века, когда возникал рынок нефти и Россия стала крупнейшим ее добытчиком[14], поставки отечественной продукции за рубеж на 95% состояли из товаров, которые сегодня мы бы отнесли к ресурсным, — хлеба/муки, масла, скота, леса, нефти, руды, каменного угля, металлов, цемента и т.д.; в категорию «фабрично-заводских изделий» попадало лишь 4,7% экспортных поставок[15]. Значимость территории оценивалась практически исключительно с точки зрения приносимой ренты: бесполезность в этом отношении Аляски стала основной причиной ее продажи в 1867 году Россия, таким образом, не неожиданно превратилась в сырьевую державу (как Иран или Венесуэла), а сформировалась как таковая за несколько столетий.

С другой стороны, серьезной особенностью России стало не то, что она эксплуатировала свои колонии, а то, какую роль эта эксплуатация играла в жизни страны в целом. Само по себе масштабное использование природных богатств завоеванных территорий было привычно европейцам: можно вспомнить о целом классе «колониальных» товаров — от специй до хлопка, от дорогих пород дерева до каучука, от сахара до кофе, — которые десятилетиями во все возрастающем количестве поступали в Европу с покоренной ею глобальной периферии. Однако российский случай отличался от европейских по целому ряду параметров.

Во-первых, продукция, поставлявшаяся из европейских колоний в метрополии, практически никогда не выступала значимым предметом реэкспорта (исключением можно назвать только привезенное испанцами золото, которое быстро попало в другие страны Европы, что привело в итоге к знаменитой «революции цен»). В большинстве же случаев колониальные товары использовались прежде всего в тех странах, куда они доставлялись (практически каждая европейская держава того времени имела свою компанию, которая располагала монопольным правом на торговлю с периферией или отдельными ее частями); даже продажи в другие европейские страны специй, которые в ранний период торговли с Ост-Индией вывозились голландцами в казавшихся огромными масштабах, составляли не более 20% голландского экспорта, в основном представленного тканями, рыбой, сахаром, перерабатывавшимся тогда в стране, а также мануфактурными изделиями[16]. Обычно сырье ввозилось для переработки — как, например, хлопок и шерсть в Англию начала XIX века[17], а не для перепродажи. А уж по мере того, как и в остальных европейских странах началось бурное индустриальное развитие, стало ясно, что крупным экспортером сырьевых товаров остается на континенте только Россия — и это положение лишь укреплялось на протяжении всей последующей истории.

Во-вторых, специфическое расположение страны, которого мы уже коснулись в первой главе, порождало особенное понимание ее роли. Сколь бы много «колониальных» товаров ни завозили европейцы из завоеванных ими территорий и даже сколь бы активно они ни торговали ими, сырье всегда сохраняло именно колониальный статус. В России же, где «зоологическая», или «сырьевая», колония являлась составной частью государства, сырьевая специализация совершенно естественным образом воспринималась не как региональная, а как общестрановая, и поставщиком ресурсов считались не отдельные территории, а страна в целом. Наверное, не было бы ничего страшного, если бы Сибирь рассматривалась как источник пушнины в том же контексте, как Ост-Индия была источником пряностей, а Россия выступала бы перепродавцом первой приблизительно таким же образом, как Голландия — вторых; но ситуация полностью менялась от того, что Москва выступала в этой торговле не посредником, а основным субъектом. Власти в России намного больше зависели от сырьевых ресурсов своей колонии, чем в любой

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

другой из европейских стран, — и так Россия начала восприниматься именно как ресурсная экономика.

В-третьих, осознанно или нет, но сырьевая специализация стала накладывать отпечаток на пространственное и политическое развитие страны. По мере того как наиболее значимым сырьем становились металлы, уголь и лес, требовавшие промышленной разработки в большей степени, чем добыча зверя или поиски золота, освоение территории стало принимать все более жестокий характер. Колониальные зауральские земли начали заселяться не столько теми, кто желал большей свободы, как это было в XVI–XVII веках, а подневольными людьми — ссыльными и каторжанами. Процесс достиг своего максимума к середине XX столетия, когда число заключенных и ссыльных в Сибири, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке приблизилось к 3 млн человек, или пятой части населения этих краев[18] (при этом практически все они работали на производствах, так или иначе связанных с добычей сырья). Основные транспортные пути также решали задачи доступа к основным ресурсным базам или их обороны — тот же Транссиб связал центр страны не столько с тихоокеанским побережьем, с которого могли поставляться импортные грузы (торговля с Востоком была в те годы минимальной), сколько с основными районами разработки полезных ископаемых начала XX века и главными военными базами на Дальнем Востоке. Это состояние сохраняется вплоть до наших дней: на уголь, нефть, руду, удобрения, лес, а также металлургическую продукцию низких уровней передела приходится более ¾ грузов, перевозимых сегодня по российским железным дорогам[19]. Наконец, стоит отметить, что глобальная конъюнктура всегда была крайне благоприятна для России, которая реагировала на любые изменения потребностей развитых стран и поставляла (в основном в Европу) всё новые и новые товары — вместо пушнины лес, затем металлы, потом нефть и газ, и всякий раз ресурсная специализация воспроизводилась на более высоком уровне, сопровождаясь при этом последовательным снижением степени обработки экспортируемых товаров.

Важнейшим изменением, происшедшим за последние 300 лет, стало, я бы сказал, полное преодоление каких-либо «комплексов», связанных с такой ролью страны в мировой экономике. Даже во времена Петра I казалось, что великая страна не может быть поставщиком пеньки и леса — отсюда в значительной мере и происходит идея первой петровской модернизации; в то же время в XIX веке отношение к России как к европейской житнице и источнику зерна, льна и леса считалось нормальным[20], а в последние годы в России в политических и экспертных кругах стало не только прилично, но и престижно рассуждать о ней как об «энергетической сверхдержаве»[21], порой даже отмечая, что это не Россия является «сырьевым придатком Европы», а скорее весь совокупный Запад выглядит «технологическим придатком» самой России[22]. За этим неординарным подходом скрываются, на мой взгляд, два обстоятельства.

Прежде всего следует отметить, что Россия действительно является сокровищницей, содержащей в своих недрах огромные богатства. На нашу страну приходится, согласно международно признанным оценкам, около трети подтвержденных мировых запасов никеля, природного газа и калийных солей, до 30% — золота и алмазов, 25% — железа, кобальта и никеля, до 15% — цинка, по 11–12% — нефти и угля, не менее 10% свинца, цинка, серебра и меди[23]. Почти 20% всех лесов на планете находятся в пределах Российской Федерации, здесь также сосредоточено более 20% глобальных запасов пресной воды, значительная часть которой отличается исключительным качеством[24]. По показателям обеспеченности основными видами ресурсов Россия с учетом численности населения в разы (а в ряде случаев даже в десятки раз) превосходит среднемировые значения. Поэтому запасы сырья кажутся поистине безграничными, а любые стратегии развития, основанные не на их использовании, а на ускоренной индустриализации или построении «экономики знаний», представляются в лучшем случае не слишком рациональными.

Кроме того, нельзя не признать, что эксплуатация природных богатств в российских условиях является одним из наименее затратных видов деятельности и таким образом открывает потенциально самый простой путь к повышению благосостояния народа и обогащению страны. Сегодня, согласно официальным отчетам крупных российских компаний, себестоимость добычи полезных ископаемых остается исключительно низкой и позволяет извлекать громадные прибыли: так, «Роснефть» определяет сегодня среднюю себестоимость добычи на своих месторождениях в $2,6/бар., что почти в 30 раз ниже текущих мировых цен на нефть; «Газпром» говорит об издержках в размере $13/тыс. куб. м, что ниже текущих цен поставок газа в дальнее

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

зарубежье в 12,5–14 раз; «Норильский никель» сообщает, что все производство никеля по сути не стоит компании ничего, так как совокупные издержки полностью покрываются реализацией меди и металлов платиновой группы, выступающих побочным результатом основной добычи[25]. Именно поэтому после распада СССР сырьевой сектор прочно закрепился в качестве лидирующего в российской экономике: он давал стране и бюджету наибольшую отдачу, а ресурсные товары (вследствие давно устаревших технологий в промышленности) оказывались практически единственной российской продукцией, которая имела устойчивый спрос за рубежом, что было критически важно.

В результате легко увидеть, что на протяжении последних 200 лет в российском/советском экспорте доля сырьевых и сельскохозяйственных товаров устойчиво составляла более 50%, в некоторые периоды приближаясь к 80% (по итогам 2016 года, после значительного падения цен на нефть и газ, доля нефти, нефтепродуктов, природного газа, угля, черных и цветных металлов, леса и минеральных удобрений в российском экспорте составила 69,4%[26]); при этом устойчивой тенденцией был рост собственно сырьевого компонента, постепенно вытеснявшего аграрный, который оставался значительным до середины XX века. Исключение из правила — крайне непродолжительный период 1950-х и первой половины 1960-х годов, который был обусловлен прежде всего существенным изменением приоритетных направлений советского экспорта вследствие появления стран-сателлитов в Европе и становления новых независимых государств на глобальной периферии: и те и другие стали крупными потребителями промышленной продукции, что позволило формально довести долю машин, оборудования (и вооружений) в экспорте до рекордных 21,5% в 1970 году. Однако по мере того, как СССР стал уступать Западу в индустриальном соревновании, и в связи с открытием и последующим развитием нефтеносных и газоносных полей Западной Сибири тренды сменились на противоположные, и уже к 1980 году страна вернулась к своему обычному состоянию: на машины и оборудование приходилось уже 15,8% экспорта, а на энергоносители — 46,9%[27].

Следует подчеркнуть, что многовековое превращение России в сырьевую экономику происходило параллельно с развитием отечественной государственности и обусловливало ее специфику по крайней мере в двух аспектах.

С одной стороны, сырьевая экономика идеально сочетается с патерналистским характером власти, так как позволяет извлекать значительные доходы силами непропорционально малой (и даже постоянно сокращающейся) доли населения. Сегодня, по официальным данным Росстата, в нефтегазовой отрасли, которая обеспечивает 53,5% экспорта страны и не менее 45% доходов федерального бюджета, занято всего 1,1% трудоспособного населения страны, или 0,8% взрослых россиян[28]. Учитывая, что стоимость вывозимых из страны нефти, нефтепродуктов и газа составила по итогам 2016 года 12,2% ВВП Российской Федерации, исчисленного по рыночному обменному курсу[29], можно утверждать, что сырьевой комплекс действительно кормит страну, а доходы большинства граждан непосредственно происходят из природной ренты, которая присваивается государством. В такой ситуации право «государства» на такое управление населением, какое власть сочтет нужным, вызывает мало сомнения, так как граждане выглядят сообществом иждивенцев, а не создателями общественного богатства и потому имеют куда меньше оснований претендовать на полноценное демократическое участие в управлении, чем в странах, чья экономика критически зависит от трудовых навыков, интеллекта и творческих способностей большинства жителей.

С другой стороны, ресурсная экономика прекрасно подпитывает такой критически важный для российского национального сознания элемент, как идею пространственной экспансии. Когда люди привыкают к тому, что на экономические проблемы существует только один ответ — расширение пространства, то, во-первых, усиливается приверженность к контролю над новыми территориями и усугубляется ностальгия по потере ранее удерживавшихся и, во-вторых, возникает пренебрежительное отношение к экономической (да и политической) эффективности. Когда Россия, а затем Советский Союз столкнулись с серьезными проблемами в аграрном секторе в начале, а потом в середине XX века, то ответы на эти вызовы, несмотря на принципиальные экономические и идеологические отличия правительств, были практически одинаковыми: освоение в первом случае Западной и Южной Сибири (при П. Столыпине), а во втором — Северного Казахстана (при Н. Хрущёве). И оба раза без долгих раздумий экспансию предпочли попыткам повысить эффективность аграрного сектора в центральных областях

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

России. Когда в ресурсной экономике требуется еще больше ресурсов, никто даже не пытается задуматься об их сбережении (Россия сегодня, например, могла бы увеличить экспорт природного газа вдвое, если бы энергоемкость ее собственной экономики равнялась хотя бы показателям Польши) или разработке альтернативных продуктов и технологий, которые сделают тот или иной вид сырья ненужным, — сразу же возникает стремление к экспансии в направлении неприспособленных для жизни, но богатых сырьем территорий: как в 1960-е, так и в 2000-е годы, по мере того как государство ощущало свое могущество, основной целью становились «севера́»[30]. Повторю еще раз: на долгом историческом горизонте сырьевая экономика не может не породить склонного к экспансии общества.

Сырьевая экономика, таким образом, прекрасно показывает всю степень несовременности России, которая, как хорошо видно, очень недалеко ушла от состояния, в котором пребывала в XVII–XVIII веках. В то время как большинство европейских стран не только не «подсели» на «наркотик» дешевых колониальных товаров, но, напротив, резко сократили долю торговли с самыми бедными странами и добились крайне высокой эффективности использования энергоносителей и сырья (в 2016–2017 годах на долю всех видов сырья и топливно-энергетических товаров приходится лишь 14,3% совокупного импорта ЕС и 22,3% импорта США[31]), Россия на самых разных этапах развития откатывалась назад и возвращалась к сырьевой ориентации каждый раз, когда сталкивалась с существенными сложностями в развитии. Такой поворот всегда оказывался спасительным — но при этом, обеспечивая решение сиюминутных проблем, он ни разу не выводил (и не мог вывести) страну на путь устойчивого развития. Более того; всякий раз, когда Россия возвращалась на новом витке своей истории к сырьевой специализации, возрождалось и традиционное авторитарное государство (характерно, что даже в Советском Союзе «оттепель» пришлась именно на период относительно «модернизированной» экономики и закончилась на фоне стремительного развития нефтегазового комплекса), спекулировавшее на способности умело перераспределять рентные доходы. Поэтому верить часто слышащимся риторическим заявлениям о «необходимости слезть с сырьевой иглы» совершенно бессмысленно: для российской власти это приблизительно то же, что для тяжелобольного отключить аппарат искусственного дыхания или гемодиализа. Сырьевое хозяйство, авторитарная власть и зацикленность на территориальной экспансии — взаимосвязанные факторы, делающие Россию неизбывно несовременной страной. Каждый элемент данной триады обусловливает приверженность двум другим, и выхода из нынешней ситуации не просматривается.

Между тем, чтобы не отходить от линии изложения, нужно обратиться к еще одной черте российской экономики, которая непосредственно обусловлена «ловушкой» ресурсного мышления — исключительной неэффективности отечественного народного хозяйства.

Неизбежность хронической неэффективности

Отмечая неэффективность российской хозяйственной модели, нужно сделать одно терминологическое замечание. В русском языке нет разграничение понятий effectiveness и efficiency, Effektivität и Effizienz — терминов, которые разделяют значения известного всем слова на подчеркивающее сам факт успешного решения некоей задачи и на указывающее на минимальные издержки, с которыми оно было достигнуто. Мне кажется, это говорит о немаловажном обстоятельстве: в российском сознании исполнение того или иного проекта самоценно; затраты в данном случае вторичны; последствия завершения его реализации несущественны; в общем, как часто подчеркивалось в нашей истории, «победителя не судят».

Именно в пренебрежении к чисто экономической стороне эффективности и проявляется несовременность России и как государства, и как общества. На протяжении многих десятилетий и даже веков Россия демонстрировала, что она может, столкнувшись с драматичными вызовами, стремительно найти на них ответ; сконцентрировав все свои силы, выдержать те или иные испытания; мобилизовав материальные и интеллектуальные возможности, решить уникальные по сложности задачи. Эта ее особенность, которой власти постоянно злоупотребляли, неоднократно спасала страну, порой даже выводя ее на передовые позиции в глобальной политике, но она так и не помогла России занять место в числе лидирующих экономик и превратиться в развитую современную страну. Причины этому довольно-таки очевидны.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Первая из них прямо сводится к ресурсному элементу в народном хозяйстве страны. На протяжении нескольких столетий Россия была самой большой по территории и населению страной Европы: если в 1500 году в Великобритании жило 3,9 млн человек, во Франции — 15,0 млн, а в России — 13,5 млн, то к 1913 году соотношение составляло уже 45,6, 41,4 и 156,2 млн[32]. Люди были самым доступным ресурсом практически на протяжении всей истории и использовались как материал, принадлежащий государству (а порой даже крупным собственникам). По мере экономического развития повсюду в мире человеческий капитал ценился все дороже — но только не в России. Правители страны увлеченно занимались гигантскими проектами — чего стоило (в прямом смысле слова) строительство того же Петербурга, — осваивали новые территории, инициировали гигантские переселения, не останавливаясь ни перед какими экспериментами. В XX веке, когда в подавляющем большинстве развитых стран народное хозяйство стало предельно «экономизированным», Россия ударилась в самую настоящую архаику: разорила и уничтожила миллионы крестьян, отправила не меньшее число людей на верную смерть на «стройках коммунизма», привила нескольким поколениям абсолютно рабскую культуру подчинения силе. Я уже не говорю про войны последних двух столетий, участие в которых всегда стоило нашей стране в несколько раз больших жертв, чем ее противникам. И если таким было отношение к людям, то отношение к материальным ресурсам было еще более пренебрежительным. Здесь возникал своего рода порочный круг: россияне боролись за новые территории, чтобы обрести больше ресурсов, но чем больше их становилось, тем расточительнее они использовались и тем бóльшим становился их дефицит (а в итоге — и дефицит остальных товаров). В условиях, когда ресурсы казались бесконечными, не существовало никаких причин экономить: в результате народное хозяйство СССР к началу 1970-х было самым энергоемким в мире, а количество производимых единиц техники в разы превышало любые разумные пределы[33]. Огромные производственные издержки, с которыми система даже не пыталась бороться, в большей степени ограничивали личное потребление, чем расходы государства на административные или военные нужды; недопотребление обусловливало пренебрежение к качеству, что опять-таки предполагало возможность производства чего угодно и с какими угодно издержками. Разорвать порочный круг так и не удалось: перемены потребовали полного демонтажа прежнего народного хозяйства и прежнего государства.

Экономика, как известно, начинается там, где возникает понятие редкости, которое во многом является фундаментальной основой любых экономических взаимоотношений[34]. Там, где фактор редкости не принимается в расчет, не существует экономики как таковой. Систему, которая возникает в этих условиях, можно — как это, кстати, скорее случайно, но проницательно, делали в Советском Союзе — называть народным хозяйством, но не экономикой (замечу: сам термин Volkswirtschaft [или Nationalwirtschaft] возник в Германии, где роль государства всегда считалась более значимой, чем в странах англосаксонской традиции[35]). Модель «народного хозяйства» — в отличие от традиционной рыночной экономики — допускает (и даже предполагает) возможность переброски любого количества любых ресурсов на любой «участок фронта», но не обладает встроенным механизмом, который подталкивал бы к ограничению издержек, что является основой рыночного механизма конкуренции. В свою очередь, отсутствие такого механизма делает бессмысленными технологические новации, так как их применение обычно обусловливается стремлением сократить необходимый для производства того или иного продукта объем труда или капитальных затрат. Поэтому не будет, на мой взгляд, преувеличением сказать, что именно ресурсный характер российского народного хозяйства приводил и приводит к невосприимчивости страны к инновациям — и в силу этого Россия обречена вечно ходить по одному и тому же «модернизационному кругу». Достигая с приложением всех возможных усилий передовых позиций в той или иной сфере, Россия никогда не была способна ни перевести производственные процессы из «аврального» режима в обычный, ни распространить достижения одной отрасли на всю экономику. Поэтому ее успехи были во многом иллюзорными; когда западные политики и эксперты в 1970-е годы всерьез рассуждали о том, что Советский Союз может составить конкуренцию Соединенным Штатам, они скорее действительно принимали советское «народное хозяйство» за современную «экономику» в собственном смысле слова, что было непростительной ошибкой.

Вторая причина связана, как и многое в России, с ролью «государства». Исходя из безграничности человеческих и материальных ресурсов, государство могло формулировать цели,

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

которые воспринимались как достойные достижения, даже когда не имели никакого экономического обоснования. Масштаб этих задач, что характерно, со временем скорее не сокращался, а возрастал — так как был обусловлен исключительно объемом ресурсов, которыми власти могли распоряжаться. Два самых удивительных эксперимента пришлись, разумеется, на XX век.

Одним из них, наиболее известным, стала гонка вооружений, в ситуации Советского Союза не имевшая никакого разумного основания. Можно вспомнить, что СССР после Второй мировой войны сам запустил маховик нового противостояния, пытаясь поддерживать антиправительственные силы в Греции, организовав блокаду Западного Берлина и осуществив коммунистические перевороты в государствах Восточной Европы[36], — но важно даже не это. К началу 1960-х годов СССР имел в своем распоряжении ядерный арсенал и средства доставки, достаточные для неоднократного уничтожения противника. Признание в те годы «гарантированного взаимного уничтожения» очевидной реальностью[37] должно было стать точкой, после которой военные расходы могли быть радикально сокращены (тем более что Карибский кризис 1962 года продемонстрировал, что противник склонен вести себя рационально и не готов начинать новую мировую войну). Собственно с этого момента СССР мог бы сосредоточиться на экономическом соревновании с противостоящей системой — тем более что именно в 1960-е и по степени технологического развития, и по уровню образования, и даже по распространенности в обществе материалистических/постматериалистических ценностей[38] он максимально сблизился с развитыми странами Запада. Однако сделано было прямо противоположное: Советский Союз свернул «оттепель» и хозяйственные реформы, после событий в Чехословакии противопоставил себе бывших восточноевропейских союзников и продолжал наращивать военные расходы вплоть до середины 1980-х годов, доведя их, по оценке большинства западных специалистов, до 12,5–16,6% ВВП[39]. На рубеже 1970-х и 1980-х годов бессмысленная военная авантюра в Афганистане окончательно подорвала силы страны, хозяйственные возможности которой, как к тому времени стало предельно ясно, базировались исключительно на ее нефтегазовом комплексе (с 1960 по 1985 год добыча нефти и газа в СССР выросла соответственно в 4,0 и 14,2 раза, а их экспорт с 1970 по 1985 год — в 1,75 [с учетом нефтепродуктов] и 20,8 раза[40]).

Другим примером безумного с экономической точки зрения решения было массированное освоение Дальнего Востока и Крайнего Севера, которое началось еще в 1930-е годы. Отчасти вписывавшиеся в коммунистическую утопию о покорении окружающей среды, воплотившуюся в знаменитом сталинском плане преобразования природы, эти планы стали реализовываться еще в начале XX века, и процесс шел «по нарастающей» вплоть до распада Советского Союза. Стремясь найти дополнительные источники ресурсов, государство ставило задачи, которые выглядели оправданными лишь в условиях замкнутой хозяйственной системы, ориентированной на полностью независимое от внешнего мира существование. В 1930–1960-е годы были построены крупнейшие промышленные предприятия Восточной Сибири и Крайнего Севера, проложен БАМ, проведены, как выяснилось, бессмысленные работы по подготовке к строительству железнодорожных магистралей вдоль Северного Ледовитого океана и на Колыме, сооружению туннеля на Сахалин, и т.д.[41]Следствием стал своего рода «уход страны на Север»: если сравнивать условия жизни среднего россиянина в 1930 и 2010 годах, окажется, что средняя январская температура в РСФСР/Российской Федерации за эти годы снизилась на 1,0 °С, с –11,6 до –12,6 °С (большее число людей стало жить в суровых климатических зонах, чего не могло компенсировать даже глобальное потепление). В Канаде, где существовала и существует экономика, а не «хозяйство», за это же время данный показатель вырос на 1,2 °С: с –10,1 °С до –8,9 °С за счет постепенного смещения основных баз производственной активности к югу, в более пригодные для жизни климатические районы[42]. При этом освоение новых ресурсов немедленно оборачивалось их дополнительным расходованием, так как по мере продвижения в неблагоприятные климатические зоны все большая часть производственных издержек приходилась не на оборудование, а на строения и коммуникации, необходимые для работы предприятия. В среднем к концу 1980-х годов они оценивались в России в 78% всех инвестиционных затрат, тогда как, например, в Соединенных Штатах около 52% направлялось на технологии и оборудование и лишь 47–48% — на строительство зданий и подведение к ним коммуникаций[43].

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Иначе говоря, в советский период власти втянули страну не в одну, а скорее в две холодные войны: первой было военно-политическое противостояние с Западом, требовавшее огромных непроизводительных затрат на оборону и называвшееся холодным скорее условно; второй же выступала война с настоящими холодами, спровоцированная «потребностями» в освоении пространств и оборачивавшаяся страшной деформацией воспроизводственных пропорций[44]. Будучи реалиями жизни великой страны на протяжении десятков лет, эти «войны» внесли вклад в закрепление неэффективности как допустимой черты советского народного хозяйства. Трата средств стала своего рода навязчивой национальной идеей: предполагается, что в ней отражаются растущая мощь и возможности государства. Характерно, что такой подход полностью воспроизвелся и в начале нового столетия по мере «вставания страны с колен» — сегодня все планы и ориентиры, о которых говорят власти, определяются в чисто финансовых показателях: масштабы средств, которые правительство намеревается выделить на решение тех или иных проблем, неосознанно представляются намного более важными, чем само достижение поставленных целей.

Ни стремление к бессмысленной трате средств на сугубо иллюзорные цели, ни склонность к гигантомании не умерли с распадом Советского Союза, что подчеркивает их не коммунистическую, а сугубо российскую природу. Как только в стране ощутили, что финансовый кризис 1990-х остался позади, и сложились условия для относительно устойчивого хозяйственного роста, власть тут же обратилась к тем же «игрушкам»: несмотря на то, что в военном отношении Российской Федерации никто не угрожал и не угрожает (скорее она выступает фактором риска для сопредельных стран), военные расходы страны выросли с 2000 по 2016 год со 191,7 млрд до 3,78 трлн руб.[45] (т.е. с $6,8 до $56,3 млрд), или, по расчетам СИПРИ, с 3,6 до 5,3% ВВП, превысив по этому показателю все страны НАТО и отставая только от Омана, Саудовской Аравии, Алжира, Кувейта, Израиля и Конго[46]. По итогам 2016 года Россия вышла на третье место в мире по военным расходам[47]. Параллельно снова началось освоение «северов»: было объявлено о реконструкции БАМа и Транссиба, о масштабных инвестициях в развитие Северного морского пути, в государственные программы развития были включены планы по созданию «Арктического пояса», строительству моста на Сахалин и многих других столь же необходимых объектов[48] (при этом транзитные перевозки грузов по СМП сократились с 1,26 млн тонн в 2012 году до 274 тыс. тонн в 2014-м и 39,6 тыс. тонн в 2015 году[49]). Более важной задачи, чем трата бюджета на неокупаемые проекты, в стране, кажется, сегодня нет.

Оценивая современную российскую экономику, большинство исследователей определяют ее как рыночную, хотя и с некоторыми оговорками. Предполагается, что в стране существуют определенные искажения механизмов конкуренции, серьезное влияние оказывает фактор олигархического владения крупными активами, рынок деформируется влиянием государственных компаний, но при этом остается возможность говорить о рыночной экономике[50]. На мой взгляд, мы сталкиваемся здесь практически с тем же подходом, который встречается при анализе российской политической системы: как бы ее ни критиковали, в определении почти всегда присутствует эпитет «демократия», хотя ни по одному сущностному параметру Россия таковой не является. В той же самой мере, говоря о российском народном хозяйстве, я бы не стал называть его не только рыночным, но даже экономическим в полном значении этого термина. Для трезвой оценки того, что происходит сегодня в стране, нужно беспристрастно взглянуть на нашу хозяйственную систему как на совершенно особый феномен.

Фундаментальной чертой сложившейся в России системы является четкое разделение всего народного хозяйства страны на «рыночный» и «нерыночный» сегменты. Единственным адекватным объектом для сравнения я бы назвал экономику… Римской империи времен ее расцвета, в которой также на поверхности наблюдались сугубо рыночные черты: процветала торговля, массово проводились ссудно-кредитные операции, денежное хозяйство было развито как ни в одной стране тогдашнего мира. Однако две тысячи лет назад все эти проявления были связаны с узким сегментом хозяйственной деятельности: кредитные схемы опирались на финансовые потоки, генерировавшиеся мизерной частью доходов от крупных латифундий, а товарный обмен сводился к торговле продукцией довольно специализированных рабовладельческих вилл и производивших ремесленные изделия эргастериев (некоторое место в нем занимали и мелкие частные хозяйчики)[51]. При этом оружие и военное снаряжение изготавливалось непосредственно на «государственных предприятиях»; правительство жило

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

само и поддерживало низкообеспеченных граждан за счет ренты, собиравшейся с провинций; гигантские средства поступали от военной добычи; и, что наиболее важно, огромная часть населения империи, включая и самых богатых людей, жило за счет натурального хозяйства (собственного или принадлежавших аристократам латифундий)[52]. «Рыночный» и «нерыночный» сектора римского хозяйства практически не пересекались и были в общем и целом независимы друг от друга.

Нечто крайне похожее мы наблюдаем сегодня и в России. Здесь доминирует государственное хозяйство в его примитивном виде, которое с поправкой на две тысячи лет повторяет римское. Правительство собирает основной доход в виде ренты и в значительной части направляет его на решение двух задач: с одной стороны, на обеспечение минимального уровня жизни «плебса», для которого самым важным является не столько свобода, сколько стабильность; с другой стороны, на удовлетворение своих собственных потребностей за счет ему же принадлежащих структур («Ростехнологий» и военных заводов, РЖД, государственных банков, гигантских строительных компаний, которые получают бюджетные заказы, и даже всякой экзотики типа «Роскосмоса» [о строительстве «цирков и стадионов» я и не говорю]). Это во многом означает, что деньги играют такую же второстепенную роль, как и во времена римского огосударствленного хозяйства, выступая необходимым элементом только для «связки» товарного сектора и ряда государственных нужд. При этом ни в методах сбора ренты, ни в ее распределении и использовании невозможно увидеть ничего рыночного и, если быть строже, даже экономического. В то же время в стране существует и вполне рыночный сектор, где преобладает частное хозяйство и который, судя по отношению к нему властей, носит скорее вспомогательный характер: он уверенно сокращается в масштабах (если в середине 1990-х на него приходилось около 75% ВВП, то сейчас не более 30%); почти беззащитен перед волей государства (в последние годы оно меняет правила игры всё быстрее — изменения в Налоговый кодекс вносятся раз в 14 дней, в Земельный — раз в 27 дней, в Гражданский — раз в 48, в Бюджетный — раз в 51 день и т.д.[53]); но при этом выполняет важную роль, обеспечивая значительное число населения рабочими местами и канализируя креативную энергию граждан, позволяя тем самым сокращать и даже сводить на нет социальный протест и недовольство. Как показывает статистика, взаимодействие между государственным и рыночным сектором сокращается стремительно: бюджетные заказы попадают не только к связанным с государством генподрядчикам, но и на последующих ступенях передаются от одного госпредприятия к другому. Никакие указы и циркуляры, требующие повысить участие мелкого и среднего бизнеса в реализации госзаказа, не действуют. Несмотря на все усилия правительства, уровень монополизации и не думает снижаться.

Собственно, именно эту систему я и считаю возможным назвать не рыночной экономикой, а скорее «рыночной не-экономикой»: странным симбиозом государственного/административного и частного/рыночного хозяйств, в котором за сугубо экономическими внешними проявлениями (биржами, банками, активным товарным обменом, развитым частным сервисом, достаточно либеральной сферой внешней торговли и т.д.) скрывается огромный нерыночный сектор, подчиняющийся совершенно иным закономерностям и принципам регулирования. В этой «не-экономике» исходным источником денег выступают не созданные трудом людей природные ресурсы — а точнее, рента, извлекаемая из их добычи и реализации; главные цели их использования — обогащение правящего класса, а также обеспечение апатии и относительной удовлетворенности масс (стабильность) и готовности защитить систему от внешних и внутренних вызовов (безопасность). Не-экономика воспринимает в качестве основных форм богатства ресурсы и территорию, практически не признавая в качестве таковых человеческий капитал и интеллект; она не предъявляет существенного спроса на инновации и постоянно проявляет стремление закрыться от внешнего мира. Собственно, эта система и указывает на несовременность России: вместо строительства общества, основанного на экономике знаний, мы стремительно возвращаемся в классический феодализм, основанный на сборе и перераспределении ренты.

При этом следует отметить одно важное обстоятельство, радикально отличающее российскую экономику от римской: сегодня государственный и нерыночный сектор связаны между собой намного более тесно, чем две тысячи лет назад, — и механизм их связанности определяет самую характерную черту российской экономической модели, которая в современных странах

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

показалась бы многим аномалией, но которая на деле выступает основным элементом построенной в России системы и воплощает глубинный смысл ее существования.

Коррупция как базовая черта нынешней России

Россия всегда была обществом, в котором коррупция считалась если не нормой, то явлением ни в коей мере не экстраординарным. Знаменитый ответ Н. Карамзина на вопрос жившего в Европе соотечественника о том, что происходит в России, — «Воруют!»[54] — был практически в равной степени применим на протяжении столетий, с того самого времени, как в стране чиновничество оформилось как влиятельный социальный класс (а большинство историков относят это к началу XVIII века[55]). И. Бродский прекрасно выразил отношение россиян к казнокрадам, сводящееся к формуле «Ворюга мне милей, чем кровопийца!»[56], — и оно сохраняется сегодня практически неизменным. Конечно, масштабы коррупции то сокращались, то росли — но практически все исследователи России сходятся в том, что ныне достигнут апофеоз в масштабах и формах расхищения общественного достояния и бюджетных средств[57]. Россию все чаще называют законченной клептократией[58]; речь даже не идет о ставшем классическим понятии «кумовской капитализм»[59], которое предполагает в своей основе капиталистическую экономику, искаженную местничеством и кумовством. Россия представляется государством, где коррупция стала принципом жизни, который определяет все ее стороны, лишь изредка «искажаясь» по причине присутствия некоторых капиталистических элементов.

На мой взгляд, это совершенно правильное наблюдение, и не стоит пытаться его опровергнуть. При этом мне кажется, что для правильного понимания происходящего нужно, во-первых, четко определить имеющийся феномен; во-вторых, проанализировать, чем именно он порожден, и, в-третьих, попытаться понять, чем вызваны поистине беспрецедентные его масштабы (Д. Медведев говорил о потере 1 трлн руб. только при госзакупках, что составляло в то время около 12% всех выделяемых сумм[60]), средний размер взятки в 2016 году, по данным МВД, вырос на 75% — до 328 тыс. руб.[61], а оценки общего коррупционного дохода достигают порой 25–48% от официальных значений отечественного ВВП[62].

Начнем с определения. Когда говорят о том, что страна коррумпирована, предполагается, что в ней распространена практика дачи взяток и выборочного (не)соблюдения законов и правил в обмен на материальное вознаграждение[63]. Как правило, практически все исследователи различают два вида коррупции — «бытовую» и «верхушечную» (к первой относятся взятки дорожным полицейским, учителям, мелким местным чиновникам и т.д.; ко второй — разного рода нелегальные схемы, в которые вовлечены чиновники высшего уровня: депутаты, министры, руководители госкомпаний). Однако в обоих случаях речь идет прежде всего о нарушении законов, за которое и предлагается коррупционный доход.

Специфика России определяет, на мой взгляд, невозможность применения подобной классификации. В нашей стране следует разделять взяточничество (bribery) и коррупцию (corruption), которые представляют собой совершенно разные феномены. Взяточничество, распространенное на всех этажах бюрократической иерархии, обеспечивает чиновников доходами за оформление документов, выдачу разрешений и лицензий, закрывание глаз на разного рода мелкие нарушения. Разумеется, к этой же категории относятся все «платные услуги», предоставляемые частным лицам, — от помощи в устройстве на учебу или работу до неформального решения проблемы дорожных нарушений. Речь во всех этих случаях может идти как о прямом нарушении закона, так и об ускоренном совершении того или иного бюрократического действия. В любом случае мы имеем дело со взаимодействием власти и гражданина/предпринимателя. Коррупция, связанная с действиями высших чиновников, вплоть до руководителей государства, обеспечивает относительно легальное присвоение огромных средств, в основном через бюджет или финансовые потоки госкорпораций. Российское законодательство прямо поощряет коррупцию в выстраивании системы контроля за бюджетными потоками, организации закупок и распределении госконтрактов, не говоря уже о деятельности госкорпораций. Венчает эту систему отказ Государственной думы от криминализации незаконного обогащения как «значительного увеличения активов публичного должностного лица, превышающего его законные доходы, которое оно не может разумным

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

образом обосновать»[64]. В результате возникает как раз та конвертация власти в бизнес и деньги, о которой говорилось в предыдущей главе. Чиновник может организовывать коммерческие компании в сфере, которую контролирует, регистрировать их даже не на знакомых, а на родственников и открывать перед ними легальные возможности заработка (кейсы бывшего мэра Москвы Ю. Лужкова и его жены; генерального прокурора Ю. Чайки и его сыновей-бизнесменов; министра сельского хозяйства А. Ткачёва и его самых больших в Европе латифундий известны всем). Судебная система также является важным инструментом для такого масштабного перераспределения: можно вспомнить, как «Юганскнефтегаз» был подвергнут многомиллиардному штрафу в пользу налоговой службы, который так и не смогли оспорить юристы ЮКОСа, но который довольно легко отменили юристы «Роснефти» после того, как власти завершили необходимую им операцию по отчуждению основного актива у опальной компании. Иначе говоря, речь идет о том, что основная часть коррупционных по сути схем настолько идеально встроена в России в существующую юридическую систему, что является полностью легальной[65].

На мой взгляд, следует еще раз повторить этот имеющий фундаментальное значение для понимания российской системы тезис: обогащение представителей властной элиты за счет присвоения части поступающей в распоряжение государства ренты — нормальное и легальное явление в России, и поэтому борьба с ним была и останется либо средством «приведения в чувство» распоясавшихся мелких чиновников, либо инструментом политической борьбы в верхах, целью которой является перераспределение тех или иных постов и позиций. Относительно последовательная борьба в России возможна (и то лишь в исключительных обстоятельствах) только со взяточничеством, но никак не с коррупцией. Последняя является не аномалией, а сутью системы — и именно этого не могут понять (или в это поверить) большинство исследователей данного феномена.

Коррупция (а здесь и далее мы больше не возвращается к взяточничеству) присуща российскому обществу по двум причинам — экономической и политической.

Экономическая причина определяется отмеченным выше двухсекторным характером российской экономики. Каким бы циничным ни было поведение представителей российской власти, им приходится, с одной стороны, соблюдать установленные ими самими минимальные правила финансовой дисциплины и, с другой стороны, обменивать бюджетные средства на какие-то видимые материальные продукты или квантифицируемые услуги. В такой ситуации коррупция становится формой связи и взаимодействия между государственным и рыночным секторами российского народного хозяйства: для того, чтобы те или иные средства были направлены на решение определенных задач, у чиновника должны быть стимулы, а для их получения на другой стороне должен находиться хозяйствующий субъект, который готов удовлетворить пожелания чиновника. Ни внутри чисто государственной экономики (например, Советского Союза), ни внутри вполне рыночной (например, любой западной страны) масштабная коррупция невозможна: она останется исключением, так как будет противоречить интересам либо диктатора, либо общества и потому искореняться. Однако разделенность российского народного хозяйства на две части является идеальной питательной средой: коррупция в этой ситуации равно необходима как правящей элите (для создания механизма присвоения бюджетных средств), так и значительной части крупных предпринимателей (как инструмент получения государственных заказов и поддержки своего бизнеса). Поэтому коррупция является одной из основ современного российского общества и должна рассматриваться как правило, а не как исключение.

Политическая причина коррупции сводится к тому, что российская властная элита поставила себя в довольно щекотливое положение, приняв некоторые правила игры, которые были заданы условиями ее появления. Современная «высшая страта» российского общества сформировалась из тех, кто занял свои посты после распада Советского Союза, в условиях, когда система провозгласила себя демократической. За последующие годы руководители страны уничтожили реальную демократию и подотчетность власти, став de facto собственниками большей части общественного достояния — но так и не смогли это формализовать. Сегодня В. Путин, И. Сечин, Д. Медведев или И. Шувалов действуют как представители правящей династии в какой-нибудь арабской нефтедобывающей стране; по сути, российская элита — это некий аналог саудовского королевского дома, состоящего из более чем 2 тыс. принцев. Однако ее представители не имеют

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

возможности легализовать те богатства, которые получены от ресурсной ренты и бюджетных доходов. В тех же Объединенных Арабских Эмиратах — стране авторитарной, но вполне процветающей — президент (шейх Халифа ибн Зайд аль-Нахайян, эмир Абу-Даби) имеет официальное состояние в $38,7 млрд, а премьер-министр (шейх Мохаммед ибн Рашид аль-Мактум, эмир Дубая) — в $32,2 млрд, и это никого не смущает[66]. Состояния российских руководителей оцениваются в еще бóльшие суммы, и западные официальные лица уже не делают вид, что они этого не знают[67], — но по понятным причинам высшие должностные лица страны сдают налоговые декларации, не объясняющие даже происхождение их наручных часов. В этих условиях коррупция становится инструментом контроля над богатствами, которые чиновнику довольно легко присвоить, не нарушая существующих правил, но практически невозможно легализовать, — и это имеет катастрофические последствия для экономики, так как для того, чтобы положить в карман (или оставить на счету подконтрольной компании) миллиард рублей, приходится включать в бюджет бессмысленные инвестиции на десятки миллиардов, на фоне которых «откаты» пройдут незамеченными.

Коррупция, таким образом, является в современной России как спасением для существующей власти, так и большой проблемой для нее.

С одной стороны, она позволяет существовать сложившейся в стране системе управления — причем способствует этому двояко. Во-первых, создавая во всей управленческой вертикали ощущение «управляемой безнаказанности» в финансовом отношении, элита обеспечивает приток в бюрократический класс специалистов (по странной случайности их теперь именуют в России «технократами»), сконцентрированных только на деньгах и карьере и полностью лишенных политических амбиций. При этом власть имеет все возможности контролировать бюрократов и таким образом успешно обеспечивать их политическую лояльность и исключать возможности для любого бунта внутри системы. «Вертикаль власти» совершенно справедливо называют в то же время «коррупционной вертикалью»[68], и эта конструкция, на мой взгляд, представляет собой одну из величайших управленческих технологий современной России. Во-вторых, власть не могла бы принимать тех законов, которые принимает и через которые правит страной, если бы эти законы не действовали избирательно, — а население и бизнес в противном случае не смогли выживать. Коррупция наверху, «спущенная вниз», позволяет значительной части населения относительно нормально существовать и успешно решать свои повседневные проблемы — тем самым ее наличие является своего рода демпфирующим фактором, в отсутствие которого конфликт между «низами» и «верхами» стал бы гораздо более выраженным. Именно поэтому кажущееся всеобщим неприятие коррупции не перерастает пока (и, я думаю, не перерастет и в будущем) в масштабную борьбу с ней; кампания антикоррупционных активистов во главе с А. Навальным имеет небольшие шансы превратиться в общенациональное политическое движение.

С другой стороны, однако, коррупция представляет собой реальную проблему, поскольку в ней не заложено никакого естественного ограничителя, а та же двухсекторная экономическая модель предполагает, что для реализации определенной задачи какие-то деньги все же должны быть потрачены по назначению. Поэтому постоянное стремление чиновников заработать больше порождает устойчивый рост издержек у исполнителей государственного заказа, на определенном этапе «выталкивающий» все существующие в экономике расценки за пределы нормальности — т.е. цен, устанавливающихся в странах со сходным уровнем доходов[69]. Следствием становится попросту остановка развития: по данным Росстата, в 2016 году в России, например, было построено 2,4 тыс. км новых автомобильных дорог, что обошлось государству в 682 млрд руб. ($10,2 млрд) против 116 млрд руб. ($4,12 млрд) в 2001 году, на которые удалось построить 7,9 тыс. км новых дорог[70]. В будущем может оказаться, что практически любые ассигнования не смогут гарантировать дальнейшего расширения дорожной сети (а частные вложения за пределами Московской области или трассы Москва–Санкт-Петербург никогда не окупятся). Соответствующим образом оборонные расходы не будут воплощаться в новых вооружениях, а инвестиции несырьевых госкомпаний никогда не принесут отдачи (сегодня уже можно видеть, как у властей накапливается разочарование в отношении целого ряда недавно принятых программ — чего стоит одно только четырехкратное сокращение ассигнований на развитие арктической инфраструктуры[71]). Такое положение вынудит власти искать варианты выхода из сложных ситуаций, затрагивающие в большей мере интересы населения, чем коррумпированной

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

элиты (например, девальвации, которые сократят рублевые внутренние издержки относительно валютной выручки, получаемой от сырьевого экспорта).

Наконец, следует попытаться понять, почему в нынешних условиях коррупция приняла в России масштабы, которые не имеют аналогов в ее предшествующей истории. Это прекрасно видно, если попытаться сравнить сегодня опись изъятого и конфискованного у самого влиятельного сановника петровской империи светлейшего князя А. Меншикова[72] с обнаруженными недавно в обычной квартире заурядного полковника Главного управления МВД Д. Захарченко 8,5 млрд руб. ($132 млн)[73] (ну а антикоррупционные дела времен Ю. Андропова, когда расстрелянному в 1984 году директору Елисеевского магазина Ю. Соколову вменялось хищение 1,5 млн рублей, или $500 тыс. по курсу «черного рынка»[74], вообще покажутся детской забавой). Причина, на мой взгляд, состоит в существенно изменившейся исторической ситуации, а именно — в глобализации, которая ознаменовала конец XX и начало XXI столетий.

Важнейшим демотиватором коррупции в том смысле, о котором мы говорим, является политическая и экономическая закрытость страны. Она не может искоренить взяточничество — потому что его масштабы не требуют выхода за пределы национальной экономики (можно найти объяснения возможности построить дом, купить квартиру, несколько машин и т.д., а на большее низовые взяточники не претендуют), но в такой ситуации коррупция на высших уровнях государственной иерархии крайне маловероятна. Элита может позволить себе жить в условиях, несравнимых с простым народом (даже не так, как в СССР, а как, например, в Северной Корее), но не получая при этом в полном смысле слова коррупционного дохода. Коррупция того масштаба, который мы наблюдаем сегодня в России (Украине, Казахстане, Бразилии, многих африканских странах), возможна только тогда, когда значительную часть неправедно обретенного можно вывести из юрисдикции собственной страны, легализовать в развитом мире и при этом гарантировать возможность оперативного отъезда самого коррупционера при неблагоприятном стечении обстоятельств.

Коррупция на протяжении последних 200 лет развивалась во многих странах и обществах (даже демократических), но эффективно бороться с ней удавалось только в экономически и политически современных (я бы сказал даже — доминирующих в глобальной политике) державах. Этот факт имеет довольно простое объяснение: скопив значительные средства в богатой и успешной стране, коррупционер практически никогда не будет аккумулировать их в бедной и непредсказуемой. Американские политики эпохи так называемого позолоченного века, в которую, по признанию большинства историков, коррупция в США приняла поистине фантастические масштабы[75], не вывозили капиталы в Аргентину и не покупали роскошных вилл в Венесуэле; российские коррупционеры тоже не спешат размещать средства в нигерийских банках или, не афишируя, добиваться гражданства Вьетнама. Отличие прежней и нынешней ситуаций заключается в том, что в начале XX века не было более успешной и процветающей страны, чем Соединенные Штаты, — и потому бороться с коррупцией в ней было можно, не опасаясь того, что деньги коррупционеров — да и они сами — утекут из страны. Для того чтобы остаться в Америке и пусть и с потерями, но перейти в статус легальных предпринимателей, местные коррупционеры допустили изменение законодательства. В современной ситуации покинуть свою страну и перебраться в более успешную и привлекательную для жизни является для коррупционера в «развивающемся» мире не катастрофическим, а наиболее благоприятным сценарием. Поэтому начиная с 1970-х годов исследователи фиксируют стремительный рост утечки капиталов с глобальной периферии в «центр»: в финансовые институты Лондона, Цюриха, Люксембурга, офшорные юрисдикции. Если в конце 1970-х такой отток не превышал $60 млрд в год, то к середине 1990-х годов он составил $250 млрд, а к началу 2010-х превысил $1 трлн ежегодно[76]. О каком бы «вставании с колен» ни рассуждали правители соответствующих стран, они становятся жертвой того, что мы с А. Лебедевым назвали «третьим колониализмом» — талантливо выстроенной системой эксплуатации «первым» миром «третьего», причем организованной с полного согласия последнего[77]. Этот фактор серьезно меняет ситуацию и делает политические элиты многих государств сообществами временщиков, тем самым давая им дополнительные стимулы для расширения своей коррупционной активности.

Коррупция в России выступает одним из наиболее убедительных свидетельств ее несовременности — неспособности организовать страну так, чтобы граждане могли действовать и достигать своих целей в легальном поле, не опасаясь юридических последствий. Средства,

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

которые перекочевывают из государственной казны в карманы чиновников, являются платой несовременной страны — зависящей от рентного дохода, обладающей неэффективной экономикой и управляемой авторитарной властью — за иллюзорное право считать и ощущать себя современной. Если бы отечественная элита и российский народ не пытались делать вид, что они живут в современном демократическом обществе с нормальной производительной экономикой, создание и распределение общественного богатства могло быть намного менее затратным, а общество — намного более благополучным. Если бы почетный статус «друг президента» без всяких дополнительных усилий приносил ежегодный доход в несколько десятков (и даже сотен) миллионов долларов, российская экономика была бы намного «экономнее» — так как в этом случае не требовалось бы создания десятков синекур и организации сотен бессмысленных и вредных проектов, единственная цель которых — легализация перераспределения средств из мошны государства в карманы частных лиц. В случае, если бы в стране открыто признавалась существующая феодальная система, не стоило бы изобретать систему «Платон» или мост в Крым для формального обогащения тех, кто неформально и так владеет Россией.

В то же время следует отметить, что в формировании нынешнего положения вещей не стоит искать персонально ответственных политиков и чиновников. Парадоксальность существующей системы состоит в том, что она сложилась естественным образом и образовалась бы практически неизбежно безотносительно к тому, кого бы она назначила своим лидером и насколько сменяемым он бы оказался. Россия пришла к обретенной в 1991 году независимости страной, в которой уже была заложена сегментированная экономика, неспособная искать сложных путей в будущее, и поэтому с радостью поддалась соблазну опереться на сырьевой сектор; пережив постперестроечные политические и экономические унижения, страна готова была вознаградить любого, кто давал ей шанс даже на иллюзорное возрождение, полной покорностью. Не стоит считать, что Россия «сошла с рельсов» на рубеже 1990-х и 2000-х годов: как я попытаюсь показать ниже, она уверенно шла по тому пути, на который ее направили прежние власти еще в начале 1990-х.

Всё сказанное означает только одно: хозяйственный базис нынешней России не оставляет оснований надеяться на то, что в обозримом будущем в его недрах зародится сколь-либо современная экономика, выступающая залогом возвращения на путь, по которому идут развитые страны. Надежды на то, что эта современность будет обретена Россией за счет ускорения ее экономического роста, по-моему, иллюзорны. Сегодня опора на сырьевые отрасли, практический запрет на конкуренцию, распространение коррупции и полное пренебрежение к эффективности в относительно равной степени приносят выгоду представителям самых разных социальных групп — и именно нежелание менять что-либо в хозяйственной сфере является в наши дни главной опорой и базой того общественного консенсуса, который, вопреки многочисленным рассуждениям политологов, остается в России исключительно устойчивым.

•••

Россия в ее нынешнем виде не может быть названа не только демократией, какой бы смысл мы ни вкладывали в это слово, но она не может считаться и экономикой в современном понимании данного термина. Ее народное хозяйство представляет собой странную систему, базирующуюся на симбиозе государственного (рентного, нерыночного) и частного (предпринимательского и конкурентного) секторов. Доминирующим сектором остается первый, который определяет все основные черты сложившейся системы. Двумя наиболее значимыми из них выступают, с одной стороны, сырьевая экономика, которая одна только способна поддерживать наиболее выгодную властям рентную структуру хозяйства, объективно занижающую ценность человеческого капитала, интеллекта и инноваций, и, с другой стороны, пренебрежение эффективностью, которое обусловлено как ресурсным типом хозяйства, так и необходимостью извлекать из его функционирования неформальные доходы правящей элиты. Такое положение вещей не допускает развития системы — она не может ни уйти от сырьевой зависимости, ни технологически модернизироваться, даже оставаясь сосредоточенной на ресурсных отраслях. При этом очевидно «двухсекторный» характер народного хозяйства задает различие мотиваций хозяйственных агентов и формирует условия для появления коррупции как феномена, который во многом и сохраняет единство хозяйственной системы — хотя и очень высокой ценой. Как мы уже отмечали выше, основной проблемой такой хозяйственной системы

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

является ее полная неспособность даже к ограниченному развитию — и поэтому ее сохранение будет усиливать «выпадение» России из современности, которое сегодня мало что может остановить.

Основная причина сложившегося положения вещей — то самое пресловутое «государство», о котором говорилось выше: в хозяйственной сфере оно выступает крупнейшим субъектом производственной и финансовой деятельности и наиболее значимым собственником, с одной стороны, и в то же время законодателем, регулятором и арбитром в любых хозяйственных процессах — с другой. Пользуясь своими практически неограниченными возможностями, оно стремится использовать самые легкодоступные источники дохода (отсюда и сохранение ресурсного характера экономики, несмотря на всю риторику властей); не допускать какой бы то ни было несанкционированной конкуренции (отсюда дальнейшее огосударствление, подавление предпринимательской инициативы и ухудшение бизнес-климата) и, наконец, присваивать максимально возможную часть бюджетных/общественных средств для собственных нужд (отсюда коррупция, правовой нигилизм, отсутствие перспектив для создания системы разделения властей).

Следует признать, что сформировавшееся в России народное хозяйство, как бы критически к нему ни относиться, является комплексным и внутренне непротиворечивым. В нем соблюден баланс интересов между элементами системы, а сами эти интересы рационально сформулированы и определены. В отличие от советской системы, где правящий бюрократический класс не обладал ни формализованной собственностью внутри страны, ни накоплениями за ее пределами, в современных условиях у политической элиты всё это есть — и, значит, ей есть за что бороться. Она сделала всё, чтобы не быть устраненной демократическим путем, и создала хозяйственную систему, целиком ориентированную на собственные нужды. Однако эта практически совершенная система уже сегодня сталкивается с очевидной проблемой: ее несовременность угрожает полной потерей конкурентоспособности в глобальном мире, технологическим провалом, социальной неудовлетворенностью и геополитическими поражениями; «осовременить» же ее оказывается невозможным без разрушения фундаментальных основ. Эта проблема отражается сегодня в России практически во всем: в политических метаниях и в поисках «преемников»; в стремлении к модернизации и в ее боязни; в желании интегрироваться в развитый мир или по крайней мере быть в него принятым и в старательном разрушении всех формальных элементов связи с ним. Всё это свидетельствует только об одном: несовременная система на новом историческом витке никак не может найти варианта своего «осовременивания» — и именно этим обусловлены все те малопредсказуемые движения, которые мы наблюдаем в последнее время.

ГЛАВА четвЕртая

Невозможность модернизации

Россия, долгие столетия выстраивавшая свою идентичность, отталкиваясь от воображаемого Запада, на протяжении всей своей истории ощущала необходимость противостояния реальному Западу — и это противостояние либо требовало экономической мощи (когда оно принимало или грозило принять военный оборот), либо сводилось к «экономическому соревнованию» (когда декларировалась как мирное). Поэтому отечественная элита с давних пор время от времени ощущала дискомфорт от преимущественно сырьевого хозяйства страны и пыталась раз за разом превратить ее в одну из передовых экономик. Однако всякий раз приближение к желаемому было недолговечным, и после очередного «прорыва» страна сваливалась обратно. Если сравнить среднедушевой валовой продукт в России и Франции в 1700 году и сегодня или России и США в 1885 году и сегодня, то окажется, что соотношение (в первом случае 67 и 63%, а во втором — 37 и 44%[1]) не слишком изменилось. Почему же нашей стране раз за разом не удается модернизироваться и догнать развитый мир? Чтобы ответить на данный вопрос, следует сначала сказать несколько слов о том, что такое модернизация.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Модернизация и еЕ закономерности

Концепция модернизации как стратегии развития была предложена в довольно общей форме Т. Парсонсом[2], который пытался обобщить исследования по ускоренному индустриальному развитию, начатые в последние годы Второй мировой войны[3]. Знаковыми чертами этой концепции было, с одной стороны, представление о развитии как о линейном процессе, основанном на использовании преимуществ индустриального производства («в экономическом и социальном плане на всех широтах все страны всех рас претендуют на то, чтобы видеть одну и ту же цель под именем сходных в своей основе ценностей… индустриализация неизбежна, она стремится к всеобщности», — писал Р. Арон[4]), и, с другой стороны, признание того, что модернизация является уделом отстающих стран, которое на момент ее начала не являются «современными» (modern)[5]. Термин «модернизация» поэтому применялся к самым разным странам, но использование его ограничивалось периодом, в котором можно было говорить о противостоянии традиционного (аграрного) и нового (индустриального) укладов — т.е. XVII–XX веками; «Модернизация, — писал Ш. Эйзенштадт, — это процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX век и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX веках — на Южноамериканский, Азиатский и Африканский континенты»[6]. Стоит также отметить, что, осознанно или невольно, это понятие не применялось в отношении передовых обществ своего времени, что кажется мне очень важным обстоятельством[7]. Модернизация, как отмечал С. Хантингтон, отличается революционностью (предполагая преодоление элементов традиционных социальных связей); комплексностью (требуя перестройки экономики, индустриализации, секуляризации и в перспективе расширения политического участия); системностью; глобальным характером (с вызовами модернизации сталкивается большинство стран, и успехи одних подталкивают других к переменам); гомогенностью (модернизация сближает страны и народы и скорее унифицирует их, чем делает их более разнообразными) и необратимостью (история не знает примеров того, как достигшие серьезного прогресса народы добровольно отказывались от своих завоеваний, вернувшись к традиционному обществу)[8].

Две особенно мощные волны модернизации фиксировались исследователями в последней трети XIX и во второй половине XX столетия.

В первом случае речь шла о попытках самых разных стран — Японии, Соединенных Штатов, Германии и России — вырваться на лидирующие позиции, обогнав ведущую державу предшествующей эпохи — Великобританию. Следует заметить, что все главные акторы этого периода были относительно успешны: в России и Японии, относительных аутсайдерах, после реформы 1861 года и Революции Мэйдзи произошли огромные изменения. В 1870–1901 годах протяженность железных дорог в России увеличилась в 4,8 раза[9], добыча угля — в 5,4 раза, выплавка стали — в 4,5 раза[10]. В Японии за тот же период эти показатели увеличились в 3,2, 7,8 и 2,2 раза[11]. В Германии с 1870 по 1902 год промышленное производство выросло в 5 раз, выплавка стали — в 30 раз, а уровень урбанизации поднялся с 30 до более чем 50%[12]. В США с 1866 по 1899 год промышленность показала 10-кратный рост, а протяженность железных дорог достигла 200 тыс. км[13]. В результате этих рывков сначала Соединенные Штаты, а вскоре за ними и Германия обошли Великобританию по абсолютному размеру своих экономик. Это была первая эпоха великих модернизаций, наиболее примечательной чертой которой стала смена глобального и европейского экономических лидеров — чего с тех пор так больше и не происходило.

Во втором случае среди участников «рывка» присутствовали и прежние участники — Советский Союз и Япония (причем обе эти страны в 1970-е годы рассматривались как претенденты на мировое экономическое лидерство[14]), однако параллельно в «гонке» участвовали Южная Корея, Тайвань, Малайзия, а с 1980-х годов — и Китай. В ходе этой «кампании» никто не смог оспорить американское лидерство (и я чуть позже расскажу почему): СССР и Япония, долгие годы выглядевшие наиболее успешными «претендентами», почти одновременно вошли в полосу жесточайшего экономического кризиса рубежа 1980-х и 1990-х годов; Южная Корея и Тайвань стали мощными, но региональными экономиками; Китай до сих пор существенно

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

отстает по номинальному ВВП и уровню жизни, но сохраняет шансы на паритет, обусловленные прежде всего его несопоставимыми с большинством развитых стран размерами[15]. При этом следует отметить, что в конце XX века рост экономики и уровня жизни в «догоняющих» странах был куда более впечатляющим, чем в конце XIX века. Более того, в этот период модернизацию сумели провести десятки стран от Южной Азии до Аравийского полуострова, от Латинской Америки до Восточной Европы — и это позволило сформулировать основные принципы современной модернизации. Кратко их перечислю.

Во-первых, все современные модернизации начинались тогда, когда соответствующая страна находилась на пороге катастрофы (как Сингапур после своего исключения из Малайзийской федерации или Китай после «культурной революции») или оправлялась от войны, в которой потерпела поражение (например, Япония, Южная Корея и Тайвань). Это имело большое значение по двум причинам. С одной стороны, у народа не оставалось выбора кроме как ускоренно развиваться; с другой стороны, население было бедно и готово работать (когда бы ни инициировалась новая хозяйственная политика в странах Азии, величина подушевого ВВП не превышала $300): в Малайзии он составлял $290 в начале 1950-х годов[16], на Тайване — $160 в начале 1960-х[17], в Китае, двинувшемся по пути преобразований в 1978 году, — $280, а во Вьетнаме уровень в $220 был достигнут лишь к середине 1980-х[18]. Оба указанных фактора позволяли реализовывать модернизационную повестку без соблазна оглянуться в прошлое и сказать, что «оно было лучше нынешнего», а также сохраняли потребность в проведении модернизационной политики на протяжении нескольких десятилетий, в течение которых ее основные императивы становились привычными для большинства населения и модернизация рассматривалась не как болезненная, но недолговременная «работа над ошибками», а как продолжительный и естественный процесс, открывающий путь к устойчивому развитию.

Во-вторых, модернизация предполагала четко продуманные действия государства — своего рода программу развития: предоставление приоритета определенным отраслям, мобилизацию необходимых средств и ресурсов, стимулирование инноваций или закупки перспективных технологий, помощь национальным компаниям в выходе на внешние рынки, поддержку экономического роста через финансирование инфраструктурных проектов. В управляемых модернизаторами-визионерами странах само правительство формировалось прежде всего из профессиональных экономистов, технологов или инженеров, хорошо понимающих складывающиеся тренды и стоящие перед экономикой вызовы; создавались «национальные штабы», каждодневно и скрупулезно руководившие реформами (типа японского министерства внешней торговли и промышленности[19]); велась бескомпромиссная борьба с коррупцией[20]; активно перенимался иностранный опыт и практически всегда приглашались зарубежные специалисты. Модель такого государства — не всегда демократического, но, как правило, исключительно эффективного — получила позднее название «государства развития (developmental state)»[21], а сформировавшиеся в результате модернизаций 1970–1990-х годов социальные системы стали называть «законченными индустриальными обществами (ultimate industrial societies)[22]».

В-третьих, все модернизации основывались на резком увеличении доли промышленности как в ВВП, так и в структуре занятости, что, в свою очередь, требовало ускоренного наращивания инвестиций — исключений здесь попросту не наблюдалась. В Японии в 1948–1971 годах доля обрабатывающих отраслей промышленности в ВВП выросла с 19 до 36%, в занятости — с 22 до 31%; в Южной Корее эти показатели в 1963 и 1990 годах составили соответственно 9 и 31%, 10 и 26%[23]. Параллельно доля сбережений в ВВП в Японии выросла с 17,3% в 1945–1954 годах до 24,7% в 1970-х годах; в Малайзии — с 21,9% в 1960-х годах до 33,7% в 1980-х, в Сингапуре — с 28,1% во второй половине 1970-х годов до 44% в начале 1990-х; в Китае к этому времени она превысила 50%[24]. Показатели объема промышленного выпуска — с учетом того, что значительная часть продукции уходила на внешние рынки и постоянный рост доходов населения не выступал обязательным условием развития экономики, — росли существенно быстрее, чем повышался уровень жизни. Модернизации, таким образом, предполагали возможность убедить население жить на протяжении определенного времени относительно тяжело, но быть вознагражденным будущими успехами.

В-четвертых, модернизации оказывались успешными только тогда, когда они ориентировались на встраивание развивающихся стран в глобальную экономику, а не на

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

автаркичное развитие. Именно это и становилось — как с экономической, так и с социальной точек зрения — важнейшей гарантией того, что модернизации делали решившиеся на них общества более современными — причем даже крайне высокая степень их «зависимости» от развитых стран никогда не считалась опасной или нежелательной. Так, в 1960-е и 1970-е годы темпы роста экспорта из стран Юго-Восточной Азии исчислялись двузначными цифрами, а соответствующий показатель для Южной Кореи в 1963–1973 годах составлял неправдоподобную величину — 52% в год[25]. При этом экспортировались промышленные товары, а предпочтительными направлениями сбыта были Соединенные Штаты и страны Западной Европы. С 1960 по 1985 год объем американского импорта из стран Азии (включая Японию) вырос почти в 60 (!) раз[26]; при этом Южная Корея и Тайвань направляли в США от 38 до 45% всего своего экспорта, а еще от 12 до 20% такового уходило в Японию[27]. Из развитых стран приходили технологии и инвестиции; с ними заключались важнейшие торгово-экономические соглашения. Дж. Бхагвати специально подчеркивает, что даже самая успешная из ограничивавших влияние глобализации на свою экономику развивающаяся страна не продемонстрировала результаты лучше, чем самая неудачливая из тех, что ориентировались на открытую экономику[28].

Подводя итог этому теоретическому экскурсу, я не буду пытаться четко определить понятие модернизации (как говорил один из сингапурских «прорабов модернизации» Го Кенг Сы: «Модернизация — это как слон; трудно дать ему определение, зато легко признать, когда видишь это животное»[29]), но отмечу, что ее разнообразные трактовки не должны скрывать фундаментального обстоятельства: модернизация — это процесс, целью и результатом которого является превращение ранее отставшей и «запутавшейся в себе» страны в социум, который может развиваться на естественной основе, свободно конкурируя с остальными членами международного сообщества и по мере необходимости переходить (желательно ненасильственным и органичным образом) от одного политического режима к другому. Иначе говоря, успешная модернизация — это политическое и экономическое усилие, устраняющее необходимость своего повторения в будущем и открывающее путь гармоничному развитию. Если быть предельно кратким, настоящая модернизация — это процесс, лишающий общество потребности в каких бы то ни было последующих модернизациях.

Россия на этом фоне выглядит уникальной. «Модернизационный опыт» нашей страны фактически не с чем сравнивать — так как ни одно государство за последние 500 лет не поднималось так высоко в мировой экономической и политической «табели о рангах», чтобы затем упасть так низко, и уж тем более ни одна страна не проделывала это столько раз, сколько Россия.

Если не уходить слишком далеко в историю, можно начать с середины XVII века, когда Россия стала медленно оправляться после Смуты. Этот период, который в российской историографии иногда рисуется чуть ли не «потерянным временем», был настоящей «эпохой первоначального накопления» — накопления сил для перемен, решимости для реформ и опыта, получаемого от расширения системы контактов с Европой. Без этого не могли бы случиться масштабные преобразования Петра I, которые, хотя и проводились, как это признавали в свое время даже российские революционеры, «варварскими способами»[30], тем не менее вывели Россию в число самых влиятельных (прежде всего в военно-политическом отношении) европейских держав. И хотя в этот период экономические перемены, происходившие внутри страны, не слишком сильно отразились на структуре ее экспорта: Россия и после Петра I оставалась поставщиком пушнины, строевого и корабельного леса, пеньки, воска и меда; но при этом заработали мануфактуры, выпускавшие металл, ткани и одежду, военное снаряжение и т.д. К 1730-м годам Россия подошла мощной державой с крупнейшей в Европе армией, новой столицей, выходом к морям, европейской бюрократией и многонациональной амбициозной политической и военной элитой, а к началу XIX столетия российская армия численностью более 600 тыс. человек была одной из самых многочисленных и оснащенных[31], объемы производства чугуна, стали, тканей и многих других видов товаров выросли по сравнению с серединой XVIII века в 5–8 раз[32], а внешняя торговля — в 12 раз только за 1700–1725 годы[33]. Однако экономическая и технологическая модернизация натолкнулась на неготовность правящих элит к социально-политическим реформам. Последовавшие в первой половине XIX века события — оформление Священного Союза, подавление европейских революций, насаждение

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

политического доктринерства в виде апологии «панславизма» и, как финал, поражение в Крымской войне 1853–1856 годов — окончательно доказали непреодолимо «персоналистский» характер российской модернизации: если в стране наконец появляется модернизатор — то случается и модернизация; если нет модернизатора — не стоит ждать и попыток инициирования перемен.

Тупик середины XIX века, как и тупик первой половины XVII столетия, в конечном счете вызвал к жизни новых модернизаторов — от Александра II до Витте и Столыпина, — и на этот раз модернизация пошла дальше. Помимо прежнего основания — копирования европейского опыта и разворота «лицом к Европе» — она была обогащена некоторыми социальными и политическими изменениями: отменой крепостного права в 1861 году и учреждением Государственной думы в 1907-м. Экономические успехи не заставили себя ждать: темпы экономического роста в 1901–1913 годах составляли 3,2–4,5% в год, а промышленность развивалась еще быстрее. С 1890 по 1913 год производство стали в России выросло в 5,1 раза, добыча нефти — в 2,6 раза, угля — в 3,4 раза, производство тканей и текстильных изделий — в 2,9 раза, а совокупное энергопотребление — в 5 раз. Россия достаточно быстро и успешно интегрировалась в мировую экономику: объем внешней торговли достиг 8,6% ВВП, а за счет инвестиций из-за рубежа в 1905–1912 годах было привлечено до 30% совокупных вложений в основные фонды[34]. К началу Первой мировой войны Россия обеспечивала 8,2% мирового промышленного производства — больше, чем Канада или Франция[35]. Кризис 1900–1903 годов, несмотря на то, что сопровождался довольно продолжительной депрессией, спровоцировал переход к интенсивной модели развития, отмеченной крайне высокими темпами роста производительности труда. Шансы на продолжение сформировавшихся трендов выглядели неплохо, однако ход событий был нарушен сначала Первой мировой войной, а затем и двумя революциями 1917 года.

«Новый круг» был начат в середине 1920-х годов, когда советская экономика выглядела блекло даже на фоне экономик стран континентальной Европы, которые были отброшены войной на уровень середины, а иногда и начала, 1890-х годов. С провозглашением «социалистической» индустриализации Советская Россия снова пошла по пути радикальных технологических заимствований у капиталистических стран, в очередной раз подтвердив, что такой вариант сокращения отрыва от лидеров весьма эффективен, а технологии и методы организации индустриального производства не обязательно должны предполагать личную свободу и демократическое политическое устройство. В результате сегодня даже те, кто сильно сомневается в правдивости статистических данных того времени, не отрицают, что промышленность Советского Союза сделала рывок, а инфраструктура получила невиданное ранее развитие. В это время стране удалось не только достигнуть технологического паритета со многими европейскими государствами, но и на некоторых направлениях вырваться вперед и какое-то время удерживать чуть ли не мировое лидерство. Этот курс продолжался вплоть до середины 1960-х годов, когда разрыв в факторной производительности советской и американской экономик оказался минимальным за всю историю (хотя и выражался весьма внушительной цифрой в 2,9 раза[36]). Однако затем отставание от передовых стран становилось все более заметным, и всего двух десятилетий оказалось достаточно, чтобы «новая» Россия превратилась в изгоя на далекой экономической периферии современного мира.

Какие выводы можно сделать из этих «кругов» в российской модернизации?

Во-первых, каждая из модернизаций была спровоцирована своеобразным «тупиком» в развитии страны — причем всякий раз осознание такого тупика происходило не вследствие остановки развития самого по себе, а из-за становящегося все более заметным (а иногда — и опасным) контраста с окружающим миром. История — от допетровской до самой недавней — показывает, что, будучи предоставлена самой себе, Россия способна долго стагнировать в своем экономическом и политическом развитии, не ставя новых задач и целей. Поэтому важнейшим катализатором российских модернизаций иногда становилась конкуренция, но куда чаще — угроза, исходившая из внешнего мира. Российские модернизации всегда были сугубо догоняющими (я бы сказал — оборонительными) — даже в тех случаях, когда на излете они давали результаты, на короткий период выводившие страну в европейские или глобальные лидеры. Именно ощущение угрожающего отставания и неготовность властей мириться с такой ситуацией неизменно становились главным толчком российских модернизаций (так же как и в

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

большинстве других стран модернизации начинались в условиях, когда критичность отставания от лидеров становилась очевидной и нетерпимой).

Во-вторых, каждая из модернизаций по отмеченной выше причине носила крайне ограниченный и внутренне противоречивый характер. С одной стороны, стремление преодолеть отставание не обязательно предполагало превращение в лидера — и именно потому большинство российских модернизаций затухали при некотором приближении к «современному» (но не исключительному) уровню. На протяжении XVIII–XIX веков Россия никогда не становилась, несмотря на ее размеры и потенциал, ведущей европейской экономикой, способной обеспечить значительный экспорт промышленной продукции и технологий в другие крупные страны; тем более плоды достижений очень редко «проливались» на все население: прогресс ограничивался отраслями, успехи в которых позволяли уверенно говорить, что отставание преодолено. С другой стороны, как раз именно эти размеры и потенциал играли со страной злую шутку: ее элита после первых же успехов начинала вновь ощущать себя властителем главной в военно-политическом отношении европейской державы (или даже одной из двух сверхдержав), что порой снижало уровень задач, которые ставились перед страной. Стремление к «величию», таким образом, прямо исключало движение к «современности» — и исключает его по сей день. При этом в России никогда четко не определялись конкретные задачи модернизаций; элиты достаточно хорошо осознавали, от чего они хотят уйти, но никогда не были способны сформулировать «образ желаемого будущего».

В-третьих, все российские модернизации были не только «элитистскими», как и многие другие, но призваны были служить процветанию и укреплению тех элит, которые их инициировали. Между тем обычно по ходу модернизаций инициировавшие их группы теряют власть, а в худшем случае даже устраняются. В России эта закономерность проявилась в двух крупных «двойных циклах» модернизаций. Первый (1695–1917 годы) состоит из фазы успешного развития, не только не угрожавшего системе, но даже укреплявшего ее (1698–1815 годы), и фазы более короткой, на протяжении которой перемены стали подрывать стабильность системы и привели к ее краху (1861–1917 годы). Между этими фазами лежал период застоя и неопределенности, в ходе которого накапливались признаки приближения тупика. Второй «двойной цикл» также состоял из периода развития, в целом укреплявшего систему (1921–1964 годы), и новой попытки рывка, приведшего в конечном счете к ее краху (1985–1991 годы). Между ними вновь лежало время застоя и кризиса. Очевидно, что модернизаторы «образца» 1861 и 1985 годов намеревались укрепить основы унаследованного ими порядка, а не привести его к краху: однако дефицит эволюционных изменений заметен в России как в XIX, так и на рубеже XX и XXI столетий. «Болезнь» российских модернизаций заключена в постоянной и неизбывной несогласованности экономических и политических реформ.

С учетом приведенных выше теоретических рассуждений и краткого исторического очерка можно попытаться ответить на вопрос, насколько вероятна новая российская модернизация, и если она невозможна, то по каким причинам.

Почему в России не будет модернизации

Идея «современности» России в трактовке большинством как западных, так и отечественных экспертов основывается на предположении о возможности ее успешного экономического развития[37]. Между тем итоги 1990-х и даже 2000-х годов не свидетельствуют о такой возможности: доля сырьевого сектора в экономике за последние тридцать лет только выросла, основные фонды обновляются очень медленно, многие интегральные хозяйственные показатели так и не вернулись к позднесоветскому уровню. Попытка модернизации, которую анонсировал в 2008 году тогдашний президент Д. Медведев[38], была быстро свернута, и сейчас данный термин уже практически не упоминается в официальной риторике. Всё это, разумеется, не означает, что модернизации в стране никогда не случится, однако вряд ли ее стоит ждать в ближайшие несколько десятилетий — причем по ряду причин.

Первая сводится к идеологическим аспектам, определяющим неготовность и правящей группы, и народа к модернизационной повестке.

С одной стороны, политическая элита ныне официально провозглашает курс на «консерватизм» и укрепление «традиционных» ценностей и норм[39], в то время как любая

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

модернизация исходит из постулата о гибкости социальных устоев и возможности их трансформации. Идея модернизации в своей основе предполагает отказ от традиций и максимальную рационализацию общественной жизни — и тем самым прямо противоречит основной идее современной России, консерватизму. Заявить о модернизации — значит пересмотреть всю идеологическую парадигму, построенную с большим трудом и сложностями за последние полтора десятилетия, — причем пересмотреть во имя попытки достижения неочевидного результата. Предполагать, что помешанная на «стабильности» власть пойдет на это, — значит заниматься самообманом.

С другой стороны, сегодня все усилия власти направлены на убеждение сограждан в том, что Россия «встала с колен», вернулась в число великих держав, что она готова на равных (в том числе и в технологической сфере) соперничать с Западом[40]. Более того, распространяются представления о том, что крах Советского Союза был либо исторической случайностью, либо результатом заговора, что необходимо не столько смотреть в будущее, сколько стремиться к воссозданию утраченных элементов экономического и политического величия. В таких условиях призывы к модернизации диссонируют с основной риторикой власти: ее задача — убедить граждан в том, что в стране всё не только хорошо, но и всегда было хорошо (за исключением 1990-х годов, к чему мы еще вернемся); а модернизации случаются только тогда, когда в обществе возникает консенсусное желание откреститься от прошлого, в которое наша власть как раз ведет Россию.

Население, в свою очередь, также не готово поддержать модернизацию — и тоже по многим причинам.

Прежде всего в российском общественном сознании модернизация несомненно и прочно связана с мобилизацией: всякий раз в истории страны в периоды бурных перемен власть жестко ломала существовавшие структуры социальной повседневности. От Петра I до коммунистических вождей модернизационные попытки предполагали лишения и напряжение всех сил общества (что во многом касается и модернизаций в других странах, требовавших ограничения текущего потребления и жесткого государственного регулирования). Между тем в последние десятилетия российской истории население привыкло к относительно высокому жизненному уровню и более «спокойной» жизни, чем прежде, и с опасением относится к любым попытками мобилизации. Оно не видит необходимости резко увеличивать усилия в реализации какого-то крупного проекта — что отчасти обусловлено и курсом власти, которая, как я показал выше, ориентировала людей на индивидуализм и снижала ценность коллективных действий.

Кроме того, следует отметить фактор «исторической памяти»: все попытки модернизаций, которые происходили в стране на протяжении последних 100 лет, оставили крайне неоднозначное впечатление. Сталинская индустриализация обернулась гигантскими жертвами, построением в целом не слишком эффективной экономики — и была во многом развенчана сторонниками рыночного и демократического развития страны. Хрущёвская попытка «догнать Америку» сегодня не вспоминается прежде всего потому, что о вкладе самого тогдашнего советского лидера в историю страны предпочитают забыть. Перестройка, начинавшая под лозунгами «ускорения» (той же модернизации в «прочтении» 1980-х годов), принесла разочаровывающие результаты. «Модернизация» по Д. Медведеву вообще обернулась фарсом. После такого набора неудачных попыток любая новая будет воспринята как профанация. В последние годы даже вполне объективные опросы общественного мнения — например, проводимые «Левада-центром» — указывают, что народ считает идеальным временем годы правления Л. Брежнева с его экономическим и идеологическим «застоем»[41].

Таким образом, в России сегодня нет — и я не вижу условий для ее появления — самой главной предпосылки модернизации: широкого общественного консенсуса по вопросу о неприемлемости существующего положения вещей. Сомнительный опыт прежних модернизаций (ни одна из которых не была органичной) накладывается на нигилизм, обусловленный иллюзорным ощущением того, что все эти материи нам-де хорошо известны, и сдабривается нежеланием властей расшатывать достигнутую «стабильность» (во многом выступающую современным обозначением любимого гражданами «застоя»). Как показывает практика, для преодоления состояния относительной экономической удовлетворенности и социальной апатии без активного влияния властей требуются десятилетия — во всех успешно модернизировавшихся странах оно ускорялось массированной государственной пропагандой нового типа развития и

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

убеждением граждан в необходимости перемен, а в России пока нет оснований надеяться на то, что руководство страны рискнет что-то менять.

Вторая причина — происшедшие в мировой экономике существенные изменения, обусловленные современной технологической революцией.

Традиционно индустриальная модернизация опиралась на массовое производство и базировалась на нескольких «китах»: быстрой коммерциализации новых технологий, наличии возможностей искусственного снижения себестоимости (дешевых ресурсов или рабочей силы), широких рынков для относительно унифицированных товаров. В последние два-три десятилетия ситуация меняется: передовыми и наиболее востребованными стали отрасли, производящие продукцию, себестоимость которой устойчиво снижается, а рыночная успешность обусловливается не массовостью выпуска одинаковых примитивных товаров, а способностью заполнить относительно узкие сегменты рынка самыми разнообразными видами одного и того же продукта. Примерами могут быть компьютеры, мобильные телефоны, фото- и видеотехника, средства для передачи и обработки данных, офисная техника. Все эти товары на протяжении довольно долгого периода устойчиво дешевеют во всем мире (средний переносной компьютер стоит сегодня около $530 против $3,8 тыс. в конце 1990-х, а мобильный телефон — $300 против $1,5 тыс.[42]; про их неизмеримо более разнообразные функции и радикально возросшее быстродействие я не говорю) при параллельном повышении качества изделий. В России даже в условиях формально рыночной экономики данный тренд неприменим практически ни к одной отрасли, кроме разве что мобильной связи и интернет-технологий (развитие которых, однако, отражает глобальные, а не российские, тренды). Условием успешности в России является скорее повышение издержек (фактически все товары и услуги постоянно растут в цене — и чем более монополизирована отрасль, тем сильнее) — а это означает поступательное снижение эффективности, а не ее рост, который как раз и воплощается в модернизации.

В данном случае феномен объясняется уже отмечавшейся тесной смычкой государства и бизнеса — как видимой, так и не вполне прослеживаемой. В первом случае речь идет о повышении тарифов на услуги естественных монополий, которые обеспечивают дополнительные налоги для бюджета и возможности для менеджмента госкомпаний; во втором — о повышении издержек, в которые закладывается коррупционная составляющая, неизбежная практически в любом российском бизнесе. Государство, чиновники и менеджеры не заинтересованы в повышении эффективности бизнеса и в росте капитализации компаний — для них наибольшим значением обладает текущий денежный поток, из которого поступают налоги и черпаются неофициальные доходы. И, как мы видим, ни одна из отраслей, в которых во всем мире наблюдается снижение издержек, в России так и не развилась[43]. Поэтому даже если традиционная индустриальная модернизация выглядит маловероятной, то современная «информационная» и вовсе остается в зоне чистых фантазий.

То же самое относится и к происходящей во всем мире максимальной диверсификации продукции и обновлению модельного ряда изделий. В среднем крупная компания в сфере производства компьютеров или мобильных устройств обеспечивает выпуск 15–30 моделей в течение 5 лет; в России каждый промышленный образец новой продукции разрабатывается в течение более длительного срока (в последние годы этот тренд прослеживается наиболее явно даже в оборонной промышленности, где с учетом растущего к ней внимания со стороны властей ситуация должна была быть обратной[44]). Соответственно, международные компании ориентируются на самые разные сегменты рынка, тогда как российские — только на массового и непритязательного потребителя, в привлечении которого имеют прежнее значение ценовые характеристики. Поэтому чем более гибкой будет мировая экономика, тем меньше шансов будет у российской — а глобальные тренды не изменить.

Третья причина — отсутствие экономических и политических интересантов (потенциальных бенефициаров) модернизации.

Прежде всего следует отметить, что российская экономическая элита — и это вытекает из сказанного выше — носит выраженный «сырьевой» характер; она ориентирована на поддержание контроля над ресурсным сектором экономики и отраслями первичной переработки сырья, на извлечение максимально возможных доходов для бюджета и перераспределение бюджетных потоков. Учитывая, что человеческий капитал в России качественно ухудшился из-за эмиграции, снижения качества образования и деградации структуры экономики, а также что

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

бюрократия во многом парализовала нормальную экономическую жизнь, практически единственным конкурентным преимуществом России и залогом ее инвестиционной привлекательности могли бы быть избыток ресурсов вкупе с легкостью доступа к ним и низкими расценками на все виды сырья. Однако и экономически, и политически подобные условия радикально противоречат интересам элиты: в первом случае имела бы место попытка ограничить сверхдоходы большинства олигархов; во втором — покушение на бюджетные доходы, в основном обеспечиваемые поступлениями от налога на добычу полезных ископаемых и экспортными пошлинами. По сути, сама идея «энергетической сверхдержавы» предполагает, что модернизация может быть только фиктивной или восприниматься как элемент дешевой пропаганды — просто потому, что индустриализовать страну, не затрагивая интересов представителей сырьевого бизнеса, невозможно.

Кроме того, модернизация могла бы быть выгодна инвесторам только в том случае, если бы в стране была обеспечена здоровая конкуренция, в том числе и в сфере ввода в действие основных фондов. Сейчас же в России сложилась уникальная ситуация, которой страна обязана посткоммунистической «пиратизации»[45]: получив практически за бесценок крупнейшие промышленные предприятия и инфраструктурные объекты, предприниматели давно окупили свои вложения и сейчас продолжают пользоваться соответствующими фондами как дармовым ресурсом. В такой ситуации любой сторонний конкурент, намеревающийся построить новое промышленное предприятие, столкнется с большими затратами, которые объективно будет сложно окупить, так как его конкуренты, пользуясь бесплатными активами, смогут серьезно снизить цены и выдавить противника с рынка[46]. К этой ситуации, сложившейся в 1990-е годы, я обращусь чуть ниже — но именно она объясняет тот факт, что в России почти не строится новых предприятий (за исключением тех отраслей, в которых конкуренции со стороны отечественных производителей можно не опасаться — например, в автомобилестроении). В итоге народное хозяйство остается очень «советским» вплоть до наших дней: среди 100 крупнейших по капитализации российских фирм 74 компании практически полностью работают на советских основных фондах (для сравнения — среди 30 корпораций, ныне входящих в индекс Dow Jones Industrial Average, 14 не состояли в нем в момент его последнего пересмотра в «советские» времена — 6 мая 1991 года, а в Китае среди 100 крупнейших по капитализации компаний критически зависят от производственных мощностей, введенных в эксплуатацию 25 лет назад или ранее, только 4)[47]. Поэтому можно понять нежелание элиты принимать любые перемены: чем более существенными они окажутся, тем с бóльшими рисками столкнутся старые предприятия, неизбежно проигрывающие в конкурентной борьбе. Очевидно, что модернизация не входит в планы российской элиты не только потому, что может поставить под сомнение роль сырьевого сектора, но и потому, что ее следствием окажется рост конкуренции в промышленности в целом. Этим же обусловлено и общее скептическое отношение к иностранным инвестициям в индустриальный сектор: с тех пор как в 2000-е годы они обеспечили минимально необходимые стандарты качества производства в ряде ориентированных на потребительский рынок отраслей, приток их в страну практически остановился.

Четвертая причина связана с российской внешней политикой и характером наших союзников. Каждая попытка успешной модернизации предполагала наличие партнера — страны, которая была бы не только политически дружественной, но и выступала бы как важнейшим рынком для реализации промышленной продукции, так и поставщиком инвестиций и технологий, необходимых для ускоренного развития. Россия могла бы успешно модернизироваться, ориентируясь на статус индустриального партнера Европы, получая оттуда капитал и технологии, которые могли бы успешно инвестироваться в стране с учетом ее ресурсов и человеческого потенциала. Открытие для европейской конкуренции и наращивание экспорта в ЕС могло бы обеспечить эффект, сравнимый с эффектом США для Китая или Мексики.

Однако Россия, по сугубо политическим причинам «отвернувшись» от Европы, обратилась к наиболее консервативным постсоветским странам в попытке построить альтернативную модель политической интеграции, и к Китаю в надежде укрепить экономическое сотрудничество. Между тем последний, будучи крупнейшей индустриальной экономикой, менее всего заинтересован в том, чтобы Россия стала его конкурентом. Начиная с первой половины 1990-х Китай в своем экспорте из России последовательно сокращает долю промышленных товаров, увеличивая долю необработанного сырья (сейчас первая упала ниже 7%, а вторая достигла 79%, превысив

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

соответствующий показатель в торговле России с Европейским союзом[48]). Китай выступает основным потребителем нефти и газа, добываемых в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, — но даже в рамках программы развития приграничного сотрудничества, принятой в 2009 году, российской стороне не удалось убедить партнера построить на нашей территории хотя бы одно предприятие полного цикла переработки сырья. Аналогичным образом мы не видим бума китайских инвестиций в промышленные объекты в других регионах нашей страны. Вывод, на мой взгляд, достаточно очевиден: для успеха модернизации нужны тесные торговые и инвестиционные связи проводящей ее страны с государством/государствами заметно более высокого уровня развития, которые воспринимают развивающуюся индустриальную экономику не как конкурента, а как либо дополняющую их собственные хозяйственные системы, либо открывающую значительные возможности для инвестиций или технологических трансфертов.

Союз России и Китая — а точнее, российское следование в китайском фарватере — не основан на взаимодействии подобного типа. Это почти единственный случай в мире, когда ведущая (по крайней мере более крупная) экономика не заинтересована в развитии своего сателлита и не может ничего дать для его ускоренного прогресса. Максимум, на что способен Китай, — способствовать чисто количественному росту российской экономики без ее структурных изменений, и это заставляет серьезно задуматься о том, имеют ли экономические аспекты хоть какое-то значение для российской элиты при выборе внешнеполитического курса и союзников на мировой арене. Не продолжая эту линию, констатируем лишь, что внешнеполитическое позиционирование и выбор союзников — еще одно препятствие на пути модернизации России (про попытки создания ЕАЭС я и не говорю — тут мы скорее имеем дело с целым рядом потенциальных «нахлебников», которые ни при каких обстоятельствах не смогут выступить инструментом ускорения модернизации отечественной экономики).

Пятую причину я вижу в предельно слабом интеллектуальном потенциале возможных «модернизаторов». Модернизации необходимо проводить с учетом как успешного, так и неудачного их опыта — и поэтому следовало бы помнить как минимум о двух важных обстоятельствах.

С одной стороны, модернизация — это попытка догнать лидеров, и потому она неизбежно предполагает «подтягивание» сначала отраслей массового индустриального производства, затем более передовых сегментов экономики и только впоследствии — выходы на новейшие технологические рубежи. В России вся логика модернизации (как неудавшейся при Д. Медведеве, так и ожидаемой в каком-то отдаленном будущем) сводится к стремлению «перепрыгнуть» определенную стадию прогресса («технологический уклад», как это «по-кондратьевски» называют многие отечественные эксперты[49]), «оседлать» новый технологический уклад и ворваться на нем в современную передовую экономику. К сожалению или к счастью, история последнего столетия показывает, что как Соединенные Штаты, так и европейские страны (прежде всего Великобритания и Германия), которые были лидерами в освоении всех предшествующих технологических укладов, не утрачивают лидерства — просто потому, что «постиндустриальные тенденции не замещают предшествующие общественные формы как “стадии” общественной эволюции — они сосуществуют, углубляя комплексность общества и природу социальной структуры»[50]. Только страны, усвоившие прежний уклад, могут успешно развивать следующий — и этого в России как не понимали, так и не хотят понимать, что, на мой взгляд, является критическим препятствием для планирования и осуществления модернизации.

С другой стороны, модернизация — это не только экономический, а прежде всего социальный процесс, который не сводится к одним только секторальным технологическим изменениям. Я неоднократно отмечал, что набор «модернизационных» приоритетов Д. Медведева изначально давал возможность предположить, что из его инициативы ничего не последует[51]. Модернизации во всех успешных странах всегда начинались с отраслей, которые менее всего могли стать объектом влияния со стороны внешних игроков — и особенно государственных структур. Именно поэтому тот же Китай выходил на мировые рынки со своими игрушками, мебелью, одеждой, а потом персональными компьютерами и оргтехникой — то есть со всем тем, чьими потребителями были не государства и даже не корпорации, а частные лица, для которых выгода всегда выше политической целесообразности. Завоевав мир потребителей, Китай стал внедряться и на более «чувствительные» рынки; Россия же заявила о том, что

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

направлениями ее «прорыва» станут сложные — и при этом довольно мало зависящие от свободного рынка отрасли — ядерная энергетика, космические технологии и фармацевтика[52], которые даже в (маловероятном) случае успеха не могли запустить в стране масштабного экономического роста.

Можно и дальше перечислять ошибочные и иллюзорные представления, в плену которых находились отечественные специалисты, рассуждая о возможности модернизации экономики страны, но даже отмеченных выше достаточно, чтобы понять: имеющегося экспертного потенциала для запуска и реализации в России процесса устойчивой технологической модернизации совершенно недостаточно.

Наконец, шестой причиной можно назвать специфическую конъюнктуру, которая проявляется всякий раз, когда речь заходит о попытке модернизации, пусть даже весьма узкой и специфической. Как свидетельствует опыт самых разных модернизаций, для их успеха необходимы либо масштабный импорт технологий и оборудования (в случае, если задачей ставится наращивание экспорта), либо активные капиталовложения со стороны иностранных компаний (если они заинтересованы в освоении рынка соответствующей страны).

В России экономическая успешность страны обусловлена фазами циклического изменения цен на ресурсные товары, составляющие основу ее экспорта. В соответствии с ними потребность в модернизации начинает осознаваться правящей элитой в периоды, когда нефтяные цены находятся на низшей точке цикла, бюджет оказывается в дефиците и возобновляются рассуждения о необходимости «слезть с сырьевой иглы». Однако как раз в такие периоды падает курс рубля — и, соответственно, взлетают цены на оборудование и технологии, резко снижая спрос на них. Учитывая, что большая часть всего нового оборудования сегодня импортируется (по данным Росстата, доля импорта в горно-шахтном и нефтегазовом оборудовании достигает 70%, в поставках тракторов и экскаваторов — 81–85%, металлорежущих станков и кузнечно-прессового оборудования — 94%, а прядильных и швейных машин — 99–100%[53]), в условиях ослабления рубля инвестиции в основные фонды становятся практически неподъемными для предприятий, попытки «импортозамещения» оказываются нереалистичными — а в области производства современного промышленного оборудования Россия отстала на десятки лет, причем производимые образцы часто даже дороже, чем импортные. Всё это порождает своего рода «ловушку российской модернизации»: успешные реформы в стране могут быть инициированы только в период высоких цен на нефть — однако специфическое мировосприятие отечественного правящего класса не позволяет серьезно задумываться о модернизации до тех пор, пока экономическая конъюнктура остается хоть сколько-нибудь благоприятной.

Иностранные капиталовложения «работают» в противофазе — они готовы приходить в экономику тогда, когда она находится на подъеме, однако в эти периоды российская олигархическая система стремится вкладывать в наиболее привлекательные сегменты экономики сама, и западный капитал допускается только в наиболее конкурентные отрасли. Кроме того, по мере ускорения роста повышаются зарплаты и (особенно) издержки, в силу чего традиционное для большинства модернизаций экспортно ориентированное производство становится неактуальным (в такие периоды опережающими темпами растет как раз импорт в Россию иностранной высокотехнологичной продукции и товаров народного потребления). Ориентация же на внутренний рынок для иностранных компаний выглядит достаточно рискованной: все помнят, например, как ведущие аналитики прогнозировали, что к 2016 году Россия станет крупнейшим автомобильным рынком Европы[54], и это привело в страну сборочные подразделения ведущих европейских автогигантов. Однако с началом экономического кризиса российский рынок сократился более чем на 45%[55], цены на нем далеко не так привлекательны, как раньше, — и то же самое относится к значительному числу других производств, с которыми западные инвесторы в свое время приходили в Россию. Текущий кризис, конечно, когда-нибудь завершится, но цикличность развития экономики никто не отменял — и поэтому ориентация на российский рынок как была, так и останется рискованной, а традиционная экспортно ориентированная модернизация как была, так и остается в нашей стране невозможной.

Подводя итог, можно уверенно утверждать: сегодня модернизация России не представляется ни возможной, ни даже желательной с точки зрения большинства населения. В условиях растущей отчужденности от внешнего мира, сложной сырьевой конъюнктуры, примитивизации

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

управленческого класса и очевидного противоречия между идеологией и экономикой любое «осовременивание» страны противоречит задачам момента. Важнейшим, на мой взгляд, политическим достижением путинского режима стало то, что он убедил большинство россиян в том, что следовать в русле «общемирового» прогресса не только бессмысленно, но и опасно. В результате в России сложилась ситуация, в которой регресс и отставание стали восприниматься как показатель успеха (не важно, куда мы идем, лишь бы не в том же направлении, что и остальные). Как и во многих других случаях, о современности тут говорить сложно.

Россия 1990-х и Россия 2010-х: единство недавней истории

Говоря о невозможности перемен в России, стоит остановиться на одном существенном обстоятельстве — ограниченной роли В. Путина в «обеспечении» подобного состояния. Сегодня как в России, так и за ее пределами бытует мнение об ответственности нынешнего президента за все проблемы страны — однако несовременность России характеризуется тем, что проводимый ныне курс вовсе не оригинален и выступает естественным продолжением того, что происходило в 1990-е годы (даже несмотря на то, что сам В. Путин постоянно подчеркивает принципиальную разницу политик и подходов, существовавших в то время и в начале XXI века). Оценим эту преемственность по нескольким направлениям.

Начнем с экономики, к которой чуть ранее я обещал вернуться. Большинство авторов полагают, что экономический кризис 1990-х годов подготовил приход В. Путина к власти тем, что резко понизил жизненный уровень населения, сломал привычный образ жизни — и потому породил в обществе запрос на возвращение в прошлое, на ту «стабильность», которую и обещал новый президент. Многие прямо обвиняют либеральных политиков 1990-х в организации кризиса, который сократил российскую экономику на треть, запустил невиданную инфляцию, выбросил половину населения страны за черту бедности и породил олигархический капитализм[56], что не могло не вызвать широкого разочарования в «демократах» и в демократии. Однако более важным мне кажется иное обстоятельство.

Приватизация, запущенная в России в начале 1990-х годов и призванная создать как средний класс ответственных собственников, так и крупную буржуазию, привела (и не могла не привести) к тому, что большая часть активов перешла в частные руки либо бесплатно (как, например, жилье), либо по очень низким ценам. Обычный инвестор мог за один приватизационный чек (ваучер) купить, например от 700 до 2 тыс. (в зависимости от региона) акций «Газпрома», которые на пике их стоимости в 2008 году оценивались в $10–30 тыс., хотя сам ваучер не поднимался в 1994 году в цене выше 26 тыс. руб. ($22 по тогдашнему курсу)[57]. Менеджеры по дешевке выкупали у своих работников предприятия; государство в рамках залоговых аукционов продало в 1995–1996 годах контрольные или блокирующие пакеты акций ЮКОСа, «Норильского никеля», «Сибнефти» и «Сиданко» (позже — ТНК-ВР) за общую сумму $580 млн[58], хотя уже в 2004 году ЮКОС оценивался на бирже в $41,6 млрд, «Сибнефть» была продана «Газпрому» в 2005 году за $13,1 млрд, а «Роснефть» купила ТНК-ВР в 2013 году за $61,0 млрд[59]. И проблема не в том, что приватизация была «несправедливой» (хотя, наверное, проведенные в конце 1995 года залоговые аукционы могли бы принести и больше, чем 1,1(!)% доходной части федерального бюджета за соответствующий год[60]), а в том, что она имела крайне деструктивные последствия для народного хозяйства. Дешево получив активы в собственность, новые хозяева обрели возможность производить товары с крайне низкими издержками — и тем самым ограничили вход на рынок новым игрокам, которым требовалось вкладывать миллионы долларов в строительство новых производственных мощностей. Если в том же Китае мощности нефтепереработки за последние 25 лет увеличились в 3,9 раза, то в России в действие был введен всего лишь один новый нефтехимический завод; если в Китае производство цемента выросло с 300 млн до 2,62 млрд тонн, то в России оно стагнировало в пределах 70–75 млн тонн, а цены на продукцию порой превышали европейские[61]. Приватизация 1990-х, таким образом, в большей мере послужила становлению российского монополистического капитализма, чем все шаги В. Путина по раздаче собственности и государственного заказа близким к нему олигархам новой волны. Весь экономический рост при этом сконцентрировался в отраслях, которые до середины 1990-х годов практически вообще не существовали, — в банковском и риелторском бизнесе, розничной торговле, сфере коммуникаций и интернет-связи[62]. По мере того как все эти сегменты

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

экономики стали демонстрировать признаки насыщения, рост в стране остановился, так как компании, приватизированные в 1990-е, так и не вышли на более высокие производственные показатели.

Кроме производственной неэффективности, приватизация принесла и еще одну проблему. Быстро получив прибыли, на которые они рассчитывали, собственники предприятий стали играть в новую игру — покупку и перепродажу активов. Практически ни одна компания, действовавшая и действующая в России в базовых отраслях народного хозяйства, не демонстрировала органического роста (классический пример — «Роснефть», доля органического роста в добыче которой за 2012–2017 годы составила всего 23%[63]). Создание и реструктуризация промышленных холдингов стала главным средством создания крупных состояний после 1996 года — и совершенно очевидно, что методы их формирования далеко не всегда были вполне рыночными. По мере прихода к власти представителей силовой элиты распространялось рейдерство, «отжим» собственности у политически оппозиционных предпринимателей или попавших в опалу чиновников. В результате в стране сложились условия для формирования «перераспределяющего государства», в котором даже самые влиятельные предприниматели готовы «хоть завтра» уступить властям свою собственность[64]. На мой взгляд, ничего подобного не могло сформироваться, если бы приватизация не обеспечила легкого и «беспроблемного» обретения собственности российской финансовой элитой.

Таким образом, в 1990-е годы были заложены экономические основы для современного авторитаризма: все крупные компании ориентировались на создание монополистического капитализма и начали приспосабливаться к действиям государства, а не стараться влиять на них; население оказалось зависимо от бюджета, а тот — от госкорпораций; «перераспределяющее государство» стало в итоге поистине всепроникающим и заразило идеей передела практически все стороны общественной жизни и все социальные слои. По сути, в эти годы — задолго до прихода В. Путина к власти — были заложены основы того, чтобы экономика предпочитала не развиваться, а постоянно «топтаться на месте». Я бы даже сказал, что политическая «стабильность» оказалось во многом изначально предопределена и предвосхищена этим экономическим неразвитием.

В политической сфере между 1990-ми и 2000-ми годами различия также не столь велики, как это может показаться. Вряд можно с полным основанием противопоставлять друг другу эти два периода, считая первый «демократическим», а второй — «авторитарным». Ведь если строго следовать классическим определениям демократии как политического устройства, позволяющего не только «влиять» на власть, но и сменять ее посредством свободного народного волеизъявления[65], окажется, что в России после распада СССР подтверждений демократического характера власти не просматривается вообще. Общенациональные выборы привели к смене власти только один раз — в рамках электорального цикла 1990–1991 годов, когда в РСФСР, тогда еще союзной республике в составе Советского Союза, были избраны Верховный Совет и президент, находившиеся в оппозиции как к ранее занимавшим соответствующие посты политикам, так и к центральному союзному правительству. С тех пор российским избирателям не удалось сменить власть ни разу — даже тогда, когда правящая партия проигрывала выборы и формально оказывалась в парламенте в меньшинстве, президенту удавалось сохранять необходимый ему состав правительства за счет голосов представителей других фракций или «независимых» депутатов. Когда конфликты достигали особой остроты, как это произошло, например, в сентябре–октябре 1993 года, президент пошел на применение силы и военными средствами разогнал избранный в условиях наибольшего «разгула демократии» Верховный Совет. Именно в 1990-е годы демократы предложили стране «голосовать сердцем» (а не умом) на президентских выборах 1996 года, где незадолго до этого находившийся в аутсайдерах Б. Ельцин во втором туре с небольшим (и достаточно неочевидным) перевесом победил Г. Зюганова; именно тогда основным аргументом в открытую назывались не столько выдающиеся качества предпочтительного кандидата, сколько «отсутствие альтернативы». Этот принцип активно используется с тех пор в ходе любой президентской кампании в России, и в недавно завершившейся он эксплуатировался, пожалуй, наиболее открыто и настойчиво — вплоть до утверждения о невозможности смены президента-главнокомандующего в «воюющей стране»[66]. И стоит признать наконец, что вовсе не программы Д. Киселёва, а творчество С. Доренко положило начало уничтожающей критике оппонентов на государственном телевидении с

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

использованием откровенной лжи, передергиваний и непроверенной информации, которая сегодня используется практически повсеместно.

Следует заметить, что персоналистский режим 2000-х годов основан прежде всего на Конституции 1993 года, которую писали не отпетые консерваторы-традиционалисты, а последовательные демократы типа С. Шахрая или В. Шейниса. Между тем именно положения этого Основного Закона позволили президенту обладать всей полнотой власти, не отвечая при этом практически ни за что и не будучи объектом критики: президент назначает и освобождает от должности не только министров и руководителей федеральных агентств, но и их заместителей — хотя при этом за деятельность правительства несет ответственность его председатель. Именно эта Конституция позволила в 2004 году изменить порядок выборности губернаторов и превратить в ширму Совет Федерации — то есть два института, которые обязаны были сдерживать всевластие главы государства, были изначально прописаны в ней так, чтобы позволить ему свободно реализовывать свою волю практически во всем; в 2012-м та же Конституция — несмотря на четкую фиксацию в ней предела президентских полномочий как «двух сроков подряд» — позволила легитимизировать третий срок В. Путина в Кремле (а в 2018-м С. Шахрай, один из ее авторов, прямо признал, что разработчики Основного закона «не предполагали» того, что этот временно́й лимит действительно будет соблюдаться в дальнейшем[67]).

Даже пресловутую «национальную идею», которую В. Путин в конечном счете нашел в «патриотизме»[68] (о чем несколько позже), начали конструировать в 1990-е годы, когда в 1994 году была создана специальная президентская комиссия по ее формулированию и разработке[69]. С тех же пор власти, поняв необходимость своей дополнительной легитимации, стали опираться на Русскую православную церковь как на своего рода «идеологический отдел» кремлевской администрации: патриархия практически потеряла грань между собственным и государственным кошельком, получив не только значительную собственность, но и огромные государственные льготы для ведения коммерческой деятельности, а также формально частные, но поступавшие по сути от государственных и муниципальных компаний, пожертвования (достаточно вспомнить процесс возрождения храма Христа Спасителя в Москве). Именно демократы «первой волны» заложили идею исторической преемственности новой Российской Федерации с царской Россией, что стало основой для превознесения прошлого в условиях, когда у элиты не было ясного проекта будущего. Канонизация последнего императора Николая II и членов его семьи, перезахоронение их останков в Санкт-Петербурге в самый тяжелый с экономической точки зрения период 1990-х годов, воздвижение уродливых памятников Петру I и т.д. — всё это выступало естественной подготовкой к «поворачиванию головы назад»; и пусть тогда отечественные политики предпочитали прославлять Петра I и П. Столыпина, а сейчас — Ивана Грозного и И. Сталина, идею ретроградства В. Путин получил уже в готовом виде.

Нельзя не отметить, что стремление к возрождению Российской империи или восстановлению Советского Союза; подход к бывшим республикам СССР как к провинциям России, лишь по историческому недоразумению обретшим независимость и «лишившим» страну значительной части территории, населения, а также экономического и военного потенциала[70], также проявилось отнюдь не вечера, а как минимум двумя десятилетиями ранее. Если М. Горбачёв фактически не препятствовал росту национального самосознания и последующему самоопределению постсоветских государств, то Б. Ельцин, сначала призывавший республики в составе России «брать столько суверенитета, сколько сможете проглотить»[71], в 1994 году начал войну в Чечне, хотя многие его сторонники считали правильным допустить ее независимость; именно отсюда тянется прямая линия к чеченским войнам начала 2000-х годов, укреплению власти В. Путина и ситуации, в которой сохранение территориальной целостности России становится задачей, нерешаемой при желании переформатирования страны в реальную федерацию[72].

Вмешательства в дела сопредельных государств начались также практически немедленно после распада Советского Союза: Россия с помощью своих войск сумела в 1992 году фактически расколоть Молдову, выделив из нее марионеточную Приднестровскую Молдавскую Республику, а в 1993–1994 годах, формально «находясь над схваткой», немало способствовала фактическому отделению от Грузии Абхазии и Южной Осетии, независимость которых признала уже путинская Россия после конфликта 2008 года. Политика России в отношении постсоветских

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

государств получила название курса на поддержание «управляемой нестабильности»[73] за два десятилетия до того, как российские войска оказались в Донбассе, — тем самым Москва сделала последующее развитие событий практически неизбежным. Звонок Б. Ельцина Э. Шеварднадзе после одного из покушений на него с замечаниями о вредности трубопроводов из Азербайджана в Турцию прекрасно показал, насколько Россия намерена контролировать энергетическую политику своих соседей[74] еще в то время, когда, казалось бы, она никак не вмешивалась в их экономические дела. «Газпром», по всей вероятности, своими собственными действиями спровоцировал взрыв на газопроводе «Средняя Азия — Центр» в апреле 2009 года ради того, чтобы не допустить поставок туркменского газа на Украину задолго до того, как компания превратилась в проверенное «энергетическое оружие» Кремля в борьбе против «политически нелояльных» стран[75]. И даже о проблеме Крыма стали говорить в Москве вовсе не в 2013–2014 годах, а намного раньше, когда мэр Москвы Ю. Лужков и влиятельный депутат К. Затулин в 2002–2009 годах демонстративно обсуждали и в России, и в самом Крыму «несправедливость» передачи полуострова Украине в 1954 году, его закрепления за ней в 1991-м и настаивали на том, что «Севастополь является русским городом»[76]. Еще в 1990-е годы Россия запустила акции по массовой раздаче своих паспортов жителям сопредельных государств[77], подготавливая позднейшие их претензии на «самоопределение»; подчеркну, что всё это происходило в условиях, когда курс страны определяли не сегодняшние «ястребы», а вполне «демократичные» политики, пришедшие к власти сразу после падения коммунизма.

Наконец, стоит вспомнить и про идеи постсоветской реинтеграции, которые тоже появились вовсе не вместе со знаменитой статьей В. Путина о Евразийском союзе[78]. В Москве перестали относиться к Содружеству Независимых Государств как к форме «цивилизованного развода» еще в 1994–1995 годах, осознав масштаб популистского потенциала «квазисоветских» идей. В 1996–1997 годах первая попытка восстановления прежних структур вылилась в образование сначала Сообщества России и Белоруссии, потом и так называемого Союзного государства, которое было воспринято частью российских граждан как первый шаг в верном направлении возвращения к Союзу и стало существенным фактором повышения доверия к тогдашней власти (объявление о создании Сообщества не случайно было сделано за несколько месяцев до президентских выборов 1996 года). Впоследствии этот эксперимент привел к тому, к чему сегодня приводит и вся «евразийская интеграция», — извлечению из России гигантских средств и перекачке их в соседние государства в обмен на риторические заявления их лидеров о дружбе, солидарности и лояльности (к этой теме мы подробно обратимся в седьмой главе).

Наконец, следует вкратце остановиться на внешней политике (хотя более обстоятельный разговор о ней еще впереди). Фундаментальный сдвиг в российской риторике в данной сфере — от позднесоветской идеи «большой Европы от Лиссабона до Владивостока», которая лежала в основе Парижской хартии 1990 года[79] к настороженному отношению к Западу и стремлению к партнерству, но не интеграции с ним, — относится не к 2000-м, а к 1990-м годам. Россия, по инерции воспринимая себя как великую державу, которой после завершения холодной войны она по большинству критериев уже не являлась, была чрезвычайно разочарована неготовностью Запада рассматривать ее в качестве равноправного партнера. Несмотря на то, что остальной мир активно поддержал Российскую Федерацию в самые тяжелые для нее годы (кредиты зарубежных финансовых институтов и международных организаций России за 1992–1998 годы составили почти $65 млрд[80]), интеграция на правах одного из членов западных объединений Россию не устраивала. Уже Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Российской Федерацией от 1994 года никак не упоминало интеграционную повестку дня, о которой много говорили в 1990–1992 годах[81].

Одновременно в российский политический инструментарий вошли идеи о необходимости укреплять и восстанавливать связи с пусть и «изгоями», но с теми, кто казался «друзьями», а также мысли о необходимости поиска союзников за пределами западного лагеря. Первое направление можно проиллюстрировать историей российских отношений с Югославией и поддержкой режима С. Милошевича (на войну на стороне которого даже отправлялись сотни российских добровольцев). Апофеозом этого приключения стали знаменитый разворот самолета Е. Примакова над Атлантикой накануне начала натовских бомбардировок Югославии в 1999 году и марш российских десантников на Приштину, который практически поставил Москву на грань военного столкновения с НАТО. Эффект от поддержки вскоре распавшейся Югославии

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

оказался, увы, нулевым — даже Черногория вступила в НАТО, несмотря на попытки России организовать в стране военный переворот[82], а Сербия активно пытается присоединиться к ЕС[83]. Второе направление выразилось в попытках России соорудить некую «ось» Пекин–Дели–Москва, которая обычно связывается с именем того же Е. Примакова, который видел ее принципиальной основой для мира XXI века, свободного от доминирования Запада[84]. Несмотря на то, что отношения Китая с Индией как в то время, так и позже чаще бывали настороженно-враждебными, чем дружественными, эта доктрина стала основой для современной концепции «поворота на Восток», под прикрытием которой Россия все очевиднее становится младшим партнером Китая.

Подводя итог этой части, можно заметить, что Россия, как только она возникла из недр Советского Союза в ходе самой впечатляющей мирной демократической революции XX века, сразу же начала пытаться отойти от повестки, непосредственно задававшейся этой революцией, — во многом уникальной и, скорее всего, нетипичной для страны — и вернуться в свое прежнее состояние имперского, недемократичного, государственно-олигархического общества, для которого прошлое всегда играло намного более значительную роль, чем будущее. Это доминирование прошлого над настоящим и будущим не вполне объяснимо для страны, которая предпринимала массу попыток модернизироваться, а на протяжении последних 100 лет претендовала на статус наиболее «обращенной в грядущее» страны, выражавшей интересы и чаяния самых передовых и революционных сил. Однако приходится констатировать: все элементы российского общества сегодня пронизывает мощный консервативный заряд, препятствующий тому развитию, которое составляет самую суть современной цивилизации.

•••

Движимая потребностями своей правящей элиты, обладающей полным контролем над народным хозяйством страны и ее основными активами, Россия достигла сегодня того, к чему ее правящий класс более всего стремился на протяжении последних двух десятилетий: не-развития. Можно даже сказать, что она стала признанным идеологическим лидером той части цивилизации, которую О. де Риверо удачно назвал в свое время «не-развивающимся миром»[85]. Россия позиционирует себя как оплот консерватизма и традиционных ценностей не столько потому, что ее лидеры действительно в них верят, сколько потому, что все они отдают себе отчет в том, что современно понимаемое развитие несовместимо с сохранением их контроля над экономикой и обществом. Такое положение, указывающее на невозможность модернизации и неизбежность экономической деградации[86], могло бы считаться терпимым, если бы не два обстоятельства.

С одной стороны, подобный застой, когда он рассматривается не как негативное явление (а именно так он воспринимался большинством советских граждан в эпоху перестройки), а как должное и чуть ли не идеальное состояние, приводит не только к экономическому прозябанию, но и к стремительному разрушению человеческого капитала и серьезному упадку во всех сферах жизни: интеллектуальной, научной, культурной. Следствием осознанного (и прославляемого) застоя выступает масштабная деградация нации в то время, когда информационный и интеллектуальный прогресс во всем мире становится основой конкурентных преимуществ всех передовых стран. Это выглядит наиболее впечатляющим и очевидным свидетельством несовременности страны, решившей без всяких видимых причин радикально повернуть вспять в своем развитии.

С другой стороны, управляемый регресс происходит в России не в условиях закрытости от мира, как было на протяжении многих столетий, а на фоне открытых границ, тесных финансовых связей с остальным миром, постепенного восприятия значительной частью молодого поколения если не западных ценностей, то западного образа жизни и глобальных правил конкуренции. Следствием «разворота» страны в прошлое в этой ситуации становится массированная эмиграция, которая, разумеется, лишь ускоряет деградацию общества, но в то же время рождает феномены, которые оказывают существенное влияние как на российское общество, так и на государство — делая и то и другое еще менее современными во всех смыслах этого слова.

ГЛАВА пятая

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Навстречу социальной катастрофе

Общества, которые претендуют на то, чтобы считаться современными, на всех континентах демонстрируют сегодня одно исключительно важное качество: они не просто «заботятся» о благополучии своих граждан, но формируют условия, при которых сфера, прежде именовавшаяся «социальной» и считавшаяся в советское время «непроизводственной»[1], становится важнейшим движителем хозяйственного прогресса. В основе этого подхода лежат новые представления о человеческом капитале как о важнейшем производственном ресурсе[2] и основанное на них осознание того, что вложения в человека, которые в былые столетия экономисты относили к потреблению, являются на деле самыми высокодоходными инвестициями[3]. Это понимание воплощается в наши дни в обеспечении более высоких доходов старшему поколению; в стремительном развитии здравоохранения и его коммерциализации; в совершенствовании системы и форм образования; в максимальном использовании того креативного потенциала, который скрыт в растущем этническом, культурном и гендерном разнообразии социумов XXI века.

Несовременность России, однако, проявляется в отношении власти к обществу, и общества — к индивиду даже в большей степени, чем в неспособности страны модернизироваться или в ее нежелании привыкнуть к изменяющейся глобальной политической конфигурации. Все темы, которые предполагается рассмотреть в данной главе, объединены одной стержневой проблемой — проблемой рациональности. Следуя принципу рациональности, наиболее успешные общества на протяжении последних десятилетий постоянно пересматривают исторически сложившиеся представления о нормальном и допустимом ради создания для своих членов более комфортных в материальном и социальном плане условий существования и потому поступательно движутся вперед. В отличие от них те общества, в которых на первое место выводятся представления об «особом пути» или «вселенской миссии» и которые по каким-либо причинам не желают признавать происходящие в мире необратимые перемены, выбирают в качестве своей идеологической доктрины разные варианты светского или религиозного консерватизма — но при этом основной жертвой все равно становится рациональность, а вместе с ней и самые разные интересы значительной части общества.

Мешающие «экстерналии»

Целый ряд исторических и хозяйственных причин — от позиционирования государства по отношению к собственному народу до сырьевого характера экономики, не требующей «излишнего» населения, — приводят к тому, что в России традиционно остававшиеся в тени проблемы качества жизни (сохранения здоровья, обеспечения в старости, защиты окружающей среды — и это только наиболее очевидные) становятся еще менее привлекающими внимание.

Начнем со стариков, которым «везде у нас почет». По мере того как растет продолжительность жизни, во всем мире пенсионеры становятся не столько проблемой, сколько активом современной экономики. Они — одни из главных потребителей медицинских и социальных услуг, они задают тренды на потребительском рынке, в туризме и в доставке товаров на дом. Причины просты: с одной стороны, государство определяет рамки пенсионного обеспечения, в которых действуют не только граждане, но и бизнес — в частности, пенсионные фонды, которые стали в последнее время крупнейшими инвесторами, как частными (можно вспомнить обслуживающий 1,6 млн бывших госслужащих и бюджетников Калифорнии фонд Calpers с $352 млрд под управлением), так и государственными (в Норвегии с 5,3 млн жителей в Пенсионном фонде $1,035 трлн)[4]; с другой стороны, правительства создают специальную «среду благоприятствования», которая обеспечивает бесплатные для пожилых людей, но вовсе не для бизнеса, услуги — то есть через пенсионеров власти финансируют социально ориентированные отрасли, и прежде всего здравоохранение (в 2016 году система Medicare в США оплатила медицинские счета более чем на $672 млрд[5], тем самым повышая качество жизни стариков и одновременно спонсируя крупнейшие корпорации в сфере фармацевтики и медицинского обслуживания). В России «коэффициент замещения» (т.е. отношение средней пенсии к

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

заработной плате за 10 лет до выхода на нее) составляет лишь 33,7%, тогда как в Дании, Франции и Швеции он достигает 86,6, 60,5 и 55,8%[6], а за счет большого количества бесплатно предоставляемых пенсионерам услуг может оказаться и еще выше.

Некоторые винят в этом «советскую» пенсионную систему, которая была не накопительной, а распределительной. Однако практика показывает, что власти не намерены отходить от политики, основанной на прежней психологии, исходящей из того, что деньги пенсионеров — это средства бюджета. Проведенная в 2002 году пенсионная реформа была изначально ущербной, так как, с одной стороны, устанавливала низкий уровень, с превышения которого пенсионные отчисления платились по ставке 10% вместо 22% (сейчас при превышении суммы 1,021 млн руб. в год; для сравнения: в Германии — при превышении €74,4 тыс.; в США верхний предел отсутствует[7]); с другой стороны, и в новых условиях центральное место занимает государственный пенсионный фонд, а его «инвестиционные успехи» требуют доперечисления из бюджета около 2,6 трлн руб. ежегодно. Последнее обусловлено тем, что государство стремится, чтобы пенсионные накопления обеспечивали дешевые «длинные деньги» для развития экономики, в то время как это расходится с целями пенсионных фондов, которые должны ориентироваться исключительно на высокую доходность для вкладчиков (за 2013–2017 годы Пенсионный фонд Норвегии обеспечил своим вкладчикам среднегодовую долларовую доходность в 9,2%, а российский ВЭБ — минус 1,9%[8]). При этом с появлением первых же сигналов кризиса российские власти заморозили накопления граждан в негосударственных пенсионных фондах, созданных в рамках отмеченной выше реформы, по сути реквизировав у населения более 2,5 трлн руб.

Сегодня средняя пенсия в России составляет 13,8 тыс. руб. — в 4,2 раза ниже, чем в Германии и в 5,3 раза ниже, чем в США[9]. Проблема, однако, состоит не столько в абсолютном размере пенсионных выплат, но и в том, что выход на пенсию в России отчетливо ассоциируется с концом относительно нормальной жизни: коэффициент замещения снизился с 39,9% в СССР в 1985 году до 33,7% в России сегодня[10] — и власти откровенно говорят о том, что улучшить «качество» пенсионного обеспечения без повышения возраста выхода на пенсию невозможно. В обоснование этого тезиса приводится очевидный, казалось бы, аргумент о том, что российский пенсионный возраст намного ниже западного — но при этом забывается, что средняя продолжительность жизни на пенсии в России (11,6 года для мужчин и 16,6 года для женщин) заметно меньше средних показателей для США или Германии (18,0 и 19,6 года)[11]. Однако сегодня серьезная рыночная реформа пенсионной системы не стоит на повестке дня правительства, так как она неизбежно расширила бы возможности частного бизнеса и нанесла существенный удар по мобилизационным возможностям экономики; поэтому, судя по всему, власти не попытаются создать в стране современную пенсионную систему, а пойдут по пути банального повышения пенсионного возраста, которое сможет «решить проблему» на некоторое время — но в нереформированной экономике коэффициент замещения снова постепенно начнет снижаться.

Столь же несовременным в России остается (и даже становится все менее современным) отношение к медицине. Здесь ситуация выглядит куда более комплексной. В развитых странах здравоохранение — важная отрасль экономики, на которую приходится от 11,3 (в Германии) до 17,1% ВВП (в США); в России, по сопоставимым оценкам Всемирного банка, показатель составляет всего 7,1%[12] — но при этом нужно учитывать, что в абсолютных цифрах сумма американских расходов на медицину более чем в 1,5 раза превышает весь ВВП Российской Федерации. Сегодня за достижение реформ выдается тот факт, что средняя продолжительность жизни в стране выросла между 2000 и 2015 годами на 6,6 года, достигнув 71,9 лет — но по сравнению с показателями тридцатилетней давности она увеличилась всего на 4,3 года[13], тогда как в США — на 6,1 года, в Германии — на 7,5 года, а в Китае — на целых 8,7 лет[14]. Причина тупиковости российской ситуации заключена, на мой взгляд, именно в огосударствлении медицины и в ее восприятии в качестве «бюджетного» сектора.

Современное здравоохранение (если, конечно, его хотят сделать качественным) не может быть дешевым. Медицинские технологии — одни из наиболее совершенных в нынешнем мире, и их развитие требует огромных капиталовложений, которые глобальные корпорации стремятся «отбить» до той поры, пока их достижения не будут «перехвачены» производителями дженериков. Используемые в России медицинское оборудование и материалы в большей своей части не производятся в стране: импорт здесь составляет 79,8%, а в лекарственных субстанциях и

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

препаратах — 72,7[15]. Однако правительство считает, что оно может управлять чем угодно, — и потому устанавливаемые прейскурантами «учетные» расценки на большинство медицинских услуг почему-то ниже американских в 6–22 раза[16]. Соответственно, основным фактором экономии становятся зарплата медиков (в 2017 году она составила чуть выше 30 тыс. руб. в месяц в среднем по стране, что соответствует $6,4 тыс. в год — при том, что в Америке средняя зарплата семейного терапевта составляет $207 тыс., а кардиолога или ортопеда — $410–430 тыс. в год)[17] и «побочные» затраты на содержание и обслуживание пациентов. Несмотря на все сложности и зарегулированность, в стране постепенно формируется сектор коммерческих медицинских услуг, однако он все равно функционирует скорее как «окраина» государственной медицины: перетягивая на себя значительную часть лабораторных работ, стоматологии, гинекологии и т.д., но при этом не претендуя на основной сектор, остающийся под контролем государственных клиник. Кроме того, ориентируясь на близкие к международным стандарты обслуживания и цен, коммерческая медицина сосредоточена в крупных городах (39% платных медицинских услуг приходится на Москву и Санкт-Петербург[18]).

Государство также понимает, что с учетом как скудности средств (в России в 2016 году финансирование медицины из всех источников составило не более 2% от аналогичного показателя в США[19]), так и неэффективности их использования (в том числе «коррупционного фактора») сохранить даже советскую медицину невозможно. С 2000 по 2016 год в России было закрыто 7,5 тыс. больниц и поликлиник[20]. Используя модный ныне метод «укрупнения» всего и вся, власти пытаются сосредоточить относительно конкурентоспособных врачей и оборудование опять-таки в крупных городах (не в последнюю очередь потому, что и государственная медицина постепенно коммерциализируется и «идет за спросом»). В результате сейчас, по данным Счетной палаты, в более чем 17,5 тыс. населенных пунктов граждане не могут получить никакой медицинской помощи[21]. При этом оказывается, что создание «опорных точек» в крупных городах хотя и снижает доступность врачебной помощи, но не привносит в медицину тех «индустриальных» методов, которые сегодня особенно явно прослеживаются в развитых странах. Я имею в виду, что отрасль может успешно развиваться лишь в случае, если передовые технологии внедряются так, что их применение становится массовым и повсеместным. В США в 2013 году было проведено, например, 415 тыс. операций аортокоронарного шунтирования и 1,05 млн операций по замене суставов, а в России — 16,5 и 76 тыс. операций соответственно, т.е. в 15–25 раз меньше при вдвое меньшем населении[22]. И проблема не только в том, что у нас помогли меньшему числу пациентов, но и в том, что, выведя такие операции в ранг типичных, в передовых странах сосредотачивают внимание на новых ориентирах, а мы по-прежнему сдаем толстые бюрократические отчеты о том, какую «высокотехнологичную медицинскую помощь» оказывают, проводя давно ставшие рутинными в развитом мире операции, наши врачи.

Еще более серьезны проблемы в профилактике — хотя, казалось бы, именно на ней следует сосредоточить основные усилия при недостатке средств на финансирование здравоохранения. Однако в основном все сводится к формальности. Серьезное обследование, которое следует проводить не реже одного раза в два-три года и которое включает в себя базовые анализы, УЗИ и МРТ основных органов, в российских условиях стоит не менее 20 тыс. руб. по рыночным ценам — но «расчетный» тариф, выплачиваемый клиникам за так называемую диспансеризацию, установлен на 2017 год в сумме 930 руб. для мужчин и 1057 руб. для женщин среднего возраста[23]; цена, думается, говорит всё, что нужно знать о качестве обследования. В Германии полное секвенирование генома упало в цене до €400 — но в России подобного качества исследования не производятся вообще. Поэтому не приходится удивляться, что 39,6% онкологических заболеваний у нас выявляются на III–IV стадиях, вследствие чего коэффициент дожития в последующие пять лет составляет менее 53%, тогда как в США — 66%[24]. Российские руководители много говорят (и кое-что делают) для роста рождаемости, однако люди, вступающие в жизнь сегодня, смогут стать полезными для общества через два-три десятилетия, в то время как мужчин, находящихся в самом расцвете сил (от 35 до 54 лет), Россия теряет ежегодно в 5,3 раза больше, чем Соединенные Штаты[25]. И происходит это из-за стабильного недофинансирования российской медицины: во всех развитых странах совокупные расходы на нее из бюджетов разных уровней и системы государственного медицинского страхования превышают расходы на оборону в 2,9 (США) — 7,3 (Германии) раза, тогда как в России — всего

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

в 1,24[26], и пока борьбе с воображаемыми угрозами мы будем уделять большее внимание, чем противодействию реальным, ситуация не изменится.

Не будет преувеличением сказать, что в России формируется общество, отдельные страты которого существенно отличаются по тому, в какой мере они имеют доступ к современной медицине. С советских времен существуют чиновники, допущенные к «спецбольницам», обслуживание в которых в целом соответствует уровню среднеразвитой европейской страны; появилась и расширяется высшая прослойка среднего класса, способная позволить себе платные медицинские услуги или высококлассные страховки; но при этом все больше россиян сталкивается с медициной, качество которой постоянно ухудшается вследствие как ограниченного финансирования, так и снижающегося профессионализма медиков, выпускаемых в последние годы отечественными вузами. В целом, даже если не говорить о закрывающихся больницах, качество здравоохранения в России все больше отстает от западных стран, а ни о какой «медицинской самодостаточности» страны не приходится и мечтать.

Совсем катастрофической, однако, сегодня выглядит ситуация в сфере эпидемиологии, где Россия остается единственной крупной страной (я не говорю — великой державой), в которой стремительно растет число людей, инфицированных ВИЧ. Парадоксально, но до сих пор ежегодный анализ крови на ВИЧ не стал обязательным — что должно было быть первоочередной мерой, — и потому даже число носителей вируса можно определить только приблизительно (оценки колеблются от 1,11 до более чем 2 млн, а скорость заражения оценивается в 85–120 тыс. новых случаев в год[27]). Однако, даже несмотря на то, что обрывочные данные позволяют говорить об инфицированности в ряде крупных городов от 2,5 до 8% (!) мужчин в возрасте от 30 до 40 лет[28], власть предпочитает замалчивать проблему, всерьез полагая, что большинство инфицированных сами виноваты в своей беде, а главным приемом борьбы с распространяющейся эпидемией может стать пропаганда высокоморального образа жизни; иногда утверждается даже, что сама тема «подброшена» с Запада и ситуация в стране вовсе не столь критична, как это утверждают специалисты[29]. На основании таких «оценок» государство не гарантирует обеспечения больных даже теми препаратами, которые выдаются им в соседней Белоруссии, не говоря уже о тех, предоставление которых регламентируется рекомендациями ВОЗ. И как бы мы ни проклинали «лихие 90-е», количество смертей от СПИДа в стране сегодня существенно превышает показатели того «ужасного» времени и будет расти дальше.

Однако, пожалуй, нигде несовременность российской социальной политики не проявляется столь очевидно, как там, где проблемы социального обеспечения и здравоохранения пересекаются, — в отношении к инвалидам. Как отметили многие, у недавно скончавшегося С. Хокинга не было бы шансов не только сделать в России научную карьеру, но даже регулярно появляться в обществе — и именно поэтому то, что людей с ограниченными возможностями можно видеть в России гораздо реже, не означает, что проблема отсутствует. Сегодня в стране живет более 1,3 млн инвалидов I группы, 636 тыс. детей-инвалидов и более 10,3 млн человек, чьи возможности общественно-полезной деятельности ограничены в меньшей степени[30]. Из числа инвалидов I группы постоянную работу имеют всего 4,5% (для сравнения: в США — около 21%[31]). В России не было и нет движения в направлении более активного трудоустройства инвалидов; ни одна крупная отечественная компания не соответствует стандартам equal opportunity employer в нынешнем понимании этого термина; городская среда катастрофически неприспособлена для ведения людьми с ограниченными возможностями социально активного образа жизни. При этом постоянно нагнетаемая апология маскулинности (если не воинственности) прямо указывает на то, что власть не считает интеграцию инвалидов в общество достойной себя задачей (для сравнения отметим, что в США на социальное обеспечение бывших военнослужащих в 2018 году будет потрачена сумма, в 4,3 раза (!) превышающая весь военный бюджет России[32]).

Очевидно, что в мире накоплены многочисленные практики повышения эффективности здравоохранения, — однако Россия упорно и последовательно игнорирует их. Ни индивидуальная врачебная практика, ни европейские протоколы лечения, ни лекарственное страхование — ничто из этого у нас не прививается. Зато быстро сокращается набор бесплатных медицинских услуг (вплоть до обоснования бессмысленности финансирования из бюджетных средств лечения онкобольных на последних стадиях развития болезни[33]); идут попытки «импортозаместить» современные препараты субстанциями вчерашнего дня; запрещается вывоз

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

из страны биоматериалов, необходимый для сложных (в том числе генетических) анализов; очередные ограничения на использование некоторых видов обезболивающих (за которыми якобы охотятся наркоманы) приводят к случаям самоубийств неизлечимых больных (что, наверное, видится «российским ответом» на европейскую практику эвтаназии); сплошь и рядом в числе благотворительных организаций, занимающихся борьбой с тем же ВИЧ, выявляются «иностранные агенты» со всеми вытекающими из этого последствиями. В результате население страны продолжает сокращаться, что наши заботливые либералы советуют компенсировать, «делая Россию привлекательной для мигрантов»[34].

Еще одна проблема, с которой государство все меньше хочет бороться, — экологическая. Расходы на поддержание окружающей среды в пригодном для жизни состоянии — самое явное воплощение тех «излишеств», которые в России начала XXI века отнюдь не приветствуются. В условиях, когда весь мир стремится усовершенствовать экологические стандарты, развивает «зеленую» энергетику, повышает энергоэффективность как производств, так и повседневной жизни, России это «не указ». Согласно данным Greenpeace, почти 15% территории европейской части страны должно считаться зоной экологического бедствия. Российское Минприроды признаёт, что в 147 городах (или в 60% от числа тех, где проводятся наблюдения), где живут 56,2 млн человек, средние за год содержания вредных веществ превышают ПДК хотя бы по одному показателю (при этом в самом грязном из них, Норильске, пост Гидрометцентра в 2003 году был вообще закрыт)[35]. Почти половина населения России не обеспечена безопасной питьевой водой, а каждая третья проба воды из источников питьевого водоснабжения не соответствует не то что европейским, но даже отечественным стандартам[36].

Несмотря на то, что Россия — территория ресурсной экономики, ее природа эксплуатируется хищническими методами. Коэффициент извлекаемости нефти составляет 42–43%, а количество разливов нефти и нефтепродуктов из трубопроводов превышает 25 тыс. в год, причем только в Северный Ледовитый океан попадает ежегодно не менее 500 тыс. тонн нефти[37]. При этом государство не стремится наказывать предприятия, нарушающие экологические нормы: достаточно оценить слова министра природных ресурсов и экологии С. Донского, гордо вещающего об 1 млрд руб. штрафов, собранных в 2016 году в России со… 153 тыс. мест незаконного захоронения отходов (что означает: средний штраф составил около 6,5 тыс. руб., или эквивалент цены вывоза… 12 куб. м мусора — и как тут удивляться, что свалки берут в тиски наши города?)[38]. Во многих случаях вопиющие злоупотребления вообще не расследуются (как, например, регулярные превышения уровня сероводорода в Москве), а предприятия — источники загрязнений не закрываются и не модернизируются годами.

При этом экологические стандарты в России давно устарели и медленно приближаются (если вообще приближаются) к европейским. Россия лишь в 2013 году с четвертой попытки запретила моторное топливо класса «Евро-2», причем неготовность компании «Роснефть» в срок перейти на выпуск более качественного топлива спровоцировала в стране полномасштабный бензиновый кризис[39]. Удельная энергоемкость ВВП в России сегодня в 2,34 раза превышает американский уровень, в 3,04 раза — французский и в 3,37 раза — японский[40]; если Россия имела хотя бы такой же уровень энергоэффективности, как Польша, она могла бы поставлять на экспорт вдвое больше природного газа, чем сегодня, не наращивая при этом объема его добычи. Сейчас в Европе практически решен вопрос о запрете с 2025–2030 годов дизельных автомобилей, а с 2040 года — о полном прекращении выпуска машин с двигателем внутреннего сгорания; в России же по состоянию на середину 2018 года было продано всего 1100 электромобилей — меньше, чем их сегодня состоит на учете в Руане[41], небольшом городишке на севере Франции с населением всего 110 тыс. человек.

Не иначе как дикой стоит назвать и сложившуюся в России ситуацию с утилизацией отходов, которых наш средний соотечественник производит 400–500 кг в год. В последние годы и месяцы мы стали свидетелями нескончаемых скандалов, связанных с функционированием так называемых полигонов, а на самом деле — банальных свалок, взявших в кольцо наши города. Сегодня только вокруг Москвы захоронено более 210 млн тонн отходов, отравляющих воздух и подземные воды, — однако в России не предприняты самые очевидные меры, которые давно используются в развитых странах: не введен обязательный раздельный сбор отходов (в Германии действует с 1996 года); не запрещено их открытое хранение (как сделано сейчас в 19 странах ЕС); не практикуется сортировка и глубокая вторичная переработка отходов (максимум, о чем

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

сейчас говорят власти российских столиц, — о мусоросжигательных заводах, пик строительства которых в Европе пришелся на 1980-е годы)[42]. Целые города попадают в зоны, практически непригодные для жизни; распространяются болезни, вызванные проблемами с экологией; дети начинают задыхаться даже в ближнем Подмосковье — но в стране, где свалки «по случайному совпадению» контролируются структурами сына генпрокурора, а надзор за соблюдением природоохранного законодательства осуществляется его отцом, надеяться на перемены не приходится[43].

Можно продолжать приводить примеры, но общая ситуация понятна: и люди, и те проблемы и тенденции, которые пусть и требуют внимания, но выглядят «статьями затрат», а не доходов, российские власти интересуют все меньше — а общество еще не дозрело до того, чтобы заставить правительство не то чтобы обратить на все эти вопросы внимание, но даже исполнять собственные законы, принятые в соответствующих сферах. Между тем я бы рискнул назвать современным только такое общество, которое является экономически инклюзивным; общество, которое ставит благополучие каждого конкретного человека выше абстрактных «национальных интересов» и способно продуцировать перспективную повестку дня, а не отмахиваться от нарастающих проблем.

Отупление нации

Можно ли, однако, требовать от страны и общества формулирования перспективных целей, если нация в последние годы откровенно — и целенаправленно — дебилизируется? Этот вопрос, каким бы чувствительным ни был, нужно рассмотреть именно в такой постановке.

В последние годы особенностями российского общества, заметными невооруженным взглядом, стали, с одной стороны, снижение уровня осмысления происходящих процессов (я бы сказал — отказ в признании за ними реальной степени сложности) и, с другой стороны, совершенно новая культура коммуникации, распространившаяся как внутри страны, так и в отношениях с внешним миром. В первом случае речь идет о полном оттеснении на периферию общественного внимания сколь-либо серьезной аналитики и о выходе на «передовые позиции» авторов, апеллирующих к идеологическим, а не рациональным, аргументам, к постоянной профанации знания, распространении «теорий заговоров» и иных подобных построений (конечно, я сейчас не говорю о естественных науках, но, увы, не они определяют «интерфейс» любого интеллектуального сообщества). Во втором мы начинаем жить в мире «постправды»[44], в котором информация все активнее замещается пропагандой; исчезает привычное понимание авторитета; главным аргументом становится напористость; голословные обвинения или их столь же голословные опровержения как бы сами являются событиями; в котором даже те люди, которые по своим профессиональным обязанностям должны быть образцом корректности и сдержанности, легко переходят на коронные «Дебилы, бл@!». Россия в последние годы стремительно становится страной, в которой за новости выдаются сообщения о намерениях или события, которые при ряде условий имеют шанс случиться в будущем, — но именно это и формирует «новостной фон» большей части средств массовой информации. Все это может казаться наносным — но я убежден, что это отражает процесс выпадения России из современности (что на практике прослеживается, например, во внешней политике, к чему я еще обращусь).

Насколько мне известно, глубоких работ, посвященных деструктурированию постсоветской общественной/политической мысли, пока нет. Я попытаюсь отметить несколько важных моментов, которые могли бы быть учтены будущими исследователями этой проблемы; суждения мои будут обрывочными, но достаточно понятными.

Важнейшим фактором превращения советской общественной мысли в то, что мы сегодня имеем, была «потеря ориентации» после краха коммунизма. Часть постсоветских обществоведов сохранила свои марксистские убеждения и сэволюционировала в левацкий антиглобализм (тут можно отметить А. Бузгалина, А. Колганова, Б. Кагарлицкого и ряд других). Часть быстро «перековалась» и превратилась в специалистов в области экономикс, социальной компаративистики и количественных методов анализа социальной реальности (к ним относятся исследователи, сплотившиеся вокруг Высшей школы экономики, Европейского университета в Санкт-Петербурге и Российской экономической школы). Большинство остались работать в своих

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

институтах и фактически утратили влияние на формирование ментального климата. Вскоре оказалось, что первые и вторые более интеллектуально связаны со своими зарубежными коллегами, чем с российскими. Большинство же, осознав свою растущую маргинальность, превратилось в идеальную среду для распространения «исконно российских» теорий, которые хотя бы на уровне воображения диссонировали с печальной реальностью. Здесь и взросли построения А. Дугина, В. Цымбурского, Е. Островского, П. Щедровицкого и многих других, часть которых и поныне считаются российскими maitres d'esprit.

Эта «новая волна» впитала в себя как старые, так и новые элементы. От советского марксизма она унаследовала любовь к «методологии» и «большим теориям», не заморачивающимся с фактами, но стремящимся объяснить мир исходя из умозрительных построений. Из хаоса 1990-х годов идеологи российской исключительности вынесли вывод о том, что для обеспечения своим теориям признания нужно не столько убеждать академическое сообщество или коммуницировать с властью, сколько внедрять соответствующие концепты в сознание обывателей, чье признание гарантирует теории будущее по мере того, как «отрицательный отбор» в верхах сравняет интеллектуальный уровень «элиты» и плебса. Идя по этому пути, новые теоретики написали тома букв, не имевших особого отношения к реальности, но мощно срезонировавших в умах людей, которым трудно было окончательно смириться с тем, что Россия оказалась в ее новом неприглядном положении вследствие собственных ошибок, а не в результате заговора (и потому предполагавших, что из сложившейся ситуации можно относительно легко выйти). Тенденция к вульгаризации проявилась даже и в естественных науках в образе поиска простых решений сложных вопросов, восторженно воспринимавшихся властями (особо выдающиеся примеры хорошо представлены в материалах специально созданной в Российской академии наук комиссии по лженауке[45]). Так что В. Путину после его прихода к власти не нужно было создавать новой идеологии и воспитывать новых «ученых» — и та, и те были уже готовы.

Однако для того, чтобы примитивные представления, апологетизирующие особый российский путь и не допускающие даже мысли о том, что страна все больше отстает от остального мира, стали в обществе доминирующими, необходимы были два дополнительных условия.

Первым являлся «естественный» упадок образования, вызванный целым рядом причин. Не секрет, что во времена позднего СССР советские вузы и школы считались одними из лучших в мире, хотя в сфере истории и общественных наук доктринерство было очевидно. После краха коммунистического проекта, упадка индустриального сектора и сокращения трат как на фундаментальные, так и на прикладные исследования спрос на качественное естественнонаучное образование сократился, а прием студентов в вузы по профилю «промышленность и строительство» за 1985–2003 годы вырос на 60%, хотя в вузы, готовившие специалистов по экономике и праву, он подскочил в 6,2 раза[46]. Обнищание преподавательского состава в начале 1990-х дало толчок эмиграции, сократившей число профессоров в ряде вузов на 25–40%. Одновременно возник масштабный спрос на дипломы (в большей мере, чем на образование) в общественно-научных дисциплинах, экономике, юриспруденции и менеджменте. Если есть спрос, появляется и предложение: число вузов в России на фоне нараставшего хозяйственного кризиса выросло с 514 в 1990/91 учебном году до 965 в 2000/01-м (а затем, после возобновления экономического роста — и до исторического максимума в 1115 в 2010/11-м) (и это не учитывает внутренней структуры вузов: например, число факультетов в МГУ за последние 30 лет увеличилось с 16 до 40, причем из 24 новых подразделений лишь 6 можно с той или иной долей условности причислить к естественно-научному сегменту[47]), а в целом по стране рост числа вузов был практически целиком обеспечен именно новыми экономическими, юридическими и социологическими институтами. Соответственно увеличилось и количество студентов — с 2,85 млн в 1990/91 учебном году до 7,05 млн в 2000/01-м[48], — несмотря на то, что качество образования было, скажем откровенно, последним фактором, определявшим успешность человека в России в первые десятилетия после развала Советского Союза. В некоторые годы россияне столь проникались желанием учиться, что число зачисленных в вузы превышало… количество выпускников школ соответствующего года. Иначе говоря, к началу 2000-х Россия стала страной фактически всеобщего высшего образования, хотя никаких экономических оснований для этого не имелось (доля лиц с высшим образованием в рабочей силе достигла в России 54% против 35,7% в США, 28,1% в Германии и всего 17,2% в находящейся с нами на

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

одном уровне по подушевому ВВП Бразилии[49]); параллельно было фактически уничтожено среднее профессиональное образование, на которое делают сейчас акцент в развивающихся странах. Структура российского образования окончательно подстроилась не под постиндустриальное, а скорее под деиндустриализировавшееся общество.

Такое положение вещей определило снижение качества образования, так как, с одной стороны, ухудшался контингент преподавателей и по мере увеличения нагрузки и совместительства снижалось внимание к студентам и, с другой стороны, сама молодежь понимала важность диплома, а не учебы, посвящая значительную часть времени зарабатыванию денег. В результате сейчас лишь 46% российских выпускников находят работу по той специальности, по которой учились (в США — 76%), 24% вчерашних студентов удовольствуются позициями, вообще не требующими высшего образования[50], а масса управленцев, чиновников и судей отлично «устраиваются в жизни» даже с поддельными свидетельствами об окончании вуза. Последние стали совершенно новым словом в данной области и, не побоюсь сказать, важнейшим российским «ноу-хау» постперестроечной эпохи. С начала 2000-х годов производство фейка в российских образовании и науке оказалось поставленным на поток. Несмотря на то, что Россия стремительно сдавала свои позиции в сфере международно признанных исследований (сегодня она занимает 15-е место по числу поданных патентных заявок, отставая от Китая в 43 раза и обеспечивая всего 0,4% их общемирового количества, а доля научных работ российских авторов в индексах цитируемости, составляющая 2,12%, не должна особо радовать, так как бóльшая ее часть обеспечивается учеными, работающими за пределами страны [публикации на русском языке занимают только 0,6% общего числа публикаций, охваченных Web of Science][51]), число защищенных кандидатских и докторских диссертаций выросло более чем вдвое по сравнению с позднесоветскими показателями — причем, если судить по ученым званиям, российские парламент, правительство и региональные органы власти укомплектованы самыми образованными людьми в мире. Некоторые региональные вузы по числу подготовленных кандидатов и докторов наук оставили позади столичные университеты — но исследования «Диссернета» указывают на то, что около пятой части всех работающих в стране научных советов имеют прямое отношение к производству фальшивых кандидатских и докторских диссертаций; при этом работа ВАК, умудряющегося порой за день присудить 400 степеней доктора наук, не дает оснований надеяться на то, что в данной сфере что-то скоро изменится[52]. Однако ученая степень остается столь важным аксессуаром современного российского управленца, что одна из таких «жемчужин» есть даже у президента России В. Путина[53]. В стране процветали такие же «фабрики диссертаций», какие существуют ныне «фабрики троллей» — и качество их продукции я бы назвал сопоставимым. После того как правительство предприняло робкие попытки отрегулировать ситуацию, требуя от «ученых» научного продукта, возникло множество фейковых «научных» журналов, зарегистрированных как в России, так и за рубежом, но в основном печатающих «труды» авторов из Российской Федерации и стран СНГ[54]. Я думаю, что не будет преувеличением сказать: российское обществоведение (за другие отрасли знания судить не возьмусь) превратилось в фикцию, а бóльшая часть серьезных ученых либо сосредоточились в нескольких глобализированных вузах, работая между Россией и другими странами, либо эмигрировали. Ситуация, я полагаю, не изменится, пока властью в стране обладают те, кто воспитан в этой «фейковой» псевдонаучной культуре.

Вторым условием стала политическая заинтересованность властей в подавлении свободомыслия и установлении того, что принято называть «образовательным стандартом», а также стремление элиты к контролю над студенческими сообществами. Еще в 2005–2010 годах была искоренена или формализована процедура выборов руководителей учебных и научных организаций; в вузы были введены «представители» власти (в том же МГУ как сам университет, так и 7 его факультетов и приравненных к ним структур возглавляют сегодня функционеры правящей партии или ее известные пропагандисты), а Академия наук с 2013 года была превращена в правительственное агентство, руководитель которого «избирается» по представлению президента страны. Фактически в России уже выстроена своего рода «научная вертикаль», полностью подчиненная Кремлю либо непосредственно (в первую очередь за счет распределения довольно скудного финансирования — в 2017 году бюджет МГУ составил 12,1 млрд руб., тогда как бюджет Стэнфордского университета на 2017/18 учебный год составляет

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

$5,85 млрд[55]), либо через идеологизированные структуры типа Российского исторического или Военно-исторического обществ, возглавляемые ведущими «силовиками» из правительства. Помимо прямой индоктринации, большой размах получает «выдавливание» из вузов ученых, по ряду вопросов занимающих «неудобную» для властей позицию или препятствующих коммерциализации учебного процесса и разворовыванию имущества высших учебных заведений[56].

Происходящее в последние годы резко изменило паттерн молодых россиян, стремящихся связать свою жизнь с серьезной наукой. Рост числа обучающихся в зарубежных вузах превысил в 2000–2015 годах 400%, и это не связано прямо с большей доступностью платного образования вследствие повышения благосостояния россиян: более ¾ всех российских студентов обучаются в Европе и Северной Америке по грантовой системе, пройдя сложный отбор; при этом доля возвращающихся в Россию едва достигает 30% (в Китае — более 80%)[57]. Проблемы карьерного роста актуальны отнюдь не только в общественно-научных дисциплинах: на начало 2010-х пришелся пик карьер тех ученых, которые в сравнительно молодом возрасте (30–40 лет) переехали в Москву или Петербург из провинциальных вузов в 1990-е годы, компенсируя миграционный отток того времени; сейчас они прочно контролируют управленческие позиции в своих институциях и не заинтересованы в конкурентах. В результате приток молодых кадров ограничен как естественными, так и искусственными причинами: средний возраст академиков и членов-корреспондентов РАН превышает сегодня 70 лет.

Таким образом, можно констатировать, что Россия выпадает из глобального тренда на формирование knowledge society: образование становится скорее формальностью; общественные науки превращаются в инструмент идеологической обработки граждан; передовые научные исследования ведутся все менее активно, а за оригинальные разработки выдаются фиктивные достижения. Российские технологии во многом существуют на позднесоветском «заделе» (как в космонавтике или военно-промышленном комплексе), но он близок к исчерпанию. Для попытки прорыва, вовсе не очевидно успешной, необходимы не только масштабные финансовые вливания, но и качественные научные коллективы, соответствующая мировым аналогам интеллектуальная свобода и, главное, востребованность результатов исследований как экономикой, так и политической элитой. В России, напротив, всё способствует подмене знания мнениями; снижению внимания к фактам; переходу от аргументов к истерике; формированию системы, в которой правильной может быть только точка зрения вышестоящего руководителя. Причем к этой нарастающей несовременности добавляется еще один элемент, который для развитого мира является особенно странным.

Речь, разумеется, идет о религии и той индоктринации, которая исходит от Русской православной церкви, ставшей в последние годы, как это часто подчеркивается, по сути, отделом воспитания и пропаганды президентской администрации. Не вдаваясь детально в историю, можно сказать, что роль церкви в России во все времена была совершенно особой: унаследованное от Византии как «государственная» религия, православие выстраивалось в первую очередь для сервильной поддержки действующей власти и старательно охраняло свою «территорию». Его «коллаборационизм» оценили даже монголы, никогда не препятствовавшие его развитию и специальными документами легализовавшие как права собственности церкви на имущество, так и полномочия по сбору десятины[58], справедливо полагая, что русские церковники идеально ретранслируют волю любой власти. После освобождения от ига церковные иерархи сделали очень много как для утверждения власти русских царей, так и для изображения России новым центром мира, который не нуждается в совершенствованиях. Вполне понятно поэтому, что реформаторы и «прогрессисты» — от Петра I до коммунистов — откровенно не жаловали РПЦ, то подчиняя ее себе, то попросту пытаясь уничтожить.

Руководство новой России изначально было расположено к церкви — и даже если это расположение несло в себе элемент извинения за жестокости советской эпохи, оно в той или иной степени предполагало обмен покровительства со стороны власти на ее дополнительную легитимацию со стороны церковников. Политически роль РПЦ была особо значимой потому, что исторически она сформировалась именно как русская государственная институция, в отличие, например, от любых западных конфессий, которые либо вообще не имеют единого центра, либо управляются из Ватикана, на политических амбициях которого еще несколько столетий назад был поставлен крест (прошу прощения за двусмысленность). Поэтому если сначала Кремль

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

стремился просто «поддерживать» церковь (например, обеспечивая ей льготы при импорте в страну алкоголя и сигарет, обогативших нынешнего патриарха и его окружение[59], или строя храм Христа Спасителя на средства, выделявшиеся по разнарядке организациями, близкими к московскому правительству), то впоследствии государство стало стирать грань между бюджетными и церковными деньгами. В Москве (программа «200 храмов») и за рубежом (Русский культурный центр в Париже) государственные структуры либо софинансируют строительство объектов культа, либо передают в собственность церкви земельные участки под ними. При этом Положение о церковном имуществе никем не утверждено; Устав РПЦ, принятый Архиерейским собором 16 августа 2000 года с поправками от 27 июня 2008 года, не регистрировался в Минюсте; а Гражданский устав РПЦ, вроде бы там зарегистрированный, никогда не публиковался[60]. Русская православная церковь также освобождена от налога на имущество, используемое для религиозной деятельности; земельного налога на земельные участки со зданиями религиозного и благотворительного назначения; и налога на прибыль от доходов, полученных «в связи с совершением религиозных обрядов» (финансовая отчетность организации тоже никогда не становилась публичной).

Начиная с 1990-х годов в России при поддержке властей наблюдается немыслимый для современной европейской страны религиозный ренессанс. Если в начале 1980-х годов православными считали себя 8% граждан, то сегодня такими числятся уже около 70%. Вместо 5,3 тыс. храмов и 18 монастырей, действовавших на территории РСФСР в 1985 году, мы имеем почти 40 тыс. церквей и 900 монастырей[61], новые строятся куда быстрее, чем родильные дома, детские сады и школы. Создается институт священников в Вооруженных силах; руководители страны выставляют напоказ свою религиозность; первосвященник и святые отцы высказываются по наиболее значимым вопросам внутренней и внешней политики; в вузах создаются кафедры теологии и открываются «ученые» советы по данной специальности; попы путешествуют с членами правительства на зафрахтованных самолетах, освящая падающие потом космические аппараты. Так откровенно, как в современной России, религиозные организации никогда не «продавали» свой «продукт» власти и не становились по отношению к ней столь сервильными. При этом президент постоянно участвует в православных службах, посещает монастыри в стране и за рубежом — чего публично не позволяет себе ни один западный лидер. В некоторой мере это объясняется тем, что власть демонстративно надеется на церковь в решении многих вопросов — от поддержания нравственности (однако 640 тыс. наркозависимых, до 5 млн алкоголиков и каждый третий ребенок, рождающийся в стране вне брака[62], ее эффективность не подтверждают) до совсем уж экзотических попыток снизить аварийность на дорогах или прекратить засуху с помощью крестных ходов полицейских или окропления полей святой водой[63]; такая апелляция светской власти к «духовной» разительно контрастирует с фундаментальными основами современного понимания мира и закономерностей развития общества.

Проблема, на которую я в данном случае обращаю внимание, состоит не в распространении среди россиян религиозных ценностей как таковом — в самом этом процессе нет ничего противоестественного (в России к православным сегодня причисляют себя 68% граждан, тогда как в США религиозными считают себя около 77% жителей, в Польше только католиками называют себя 87%[64]). Проблема в том, что религиозные авторитеты начинают нарушать российские законы, de facto цензурируя произведения литературы и искусства (под их указку переписываются сценические постановки сказок Пушкина — в Республике Коми была отменена опера Д. Шостаковича «Балда», требуют «крещения» Деда Мороза, закрытия безобидных комических музеев типа «Музея Бабы-Яги» в городе Кириллове Вологодской области)[65], практически вводят новые статьи в Уголовный кодекс, настаивая на приобщении к обвинениям решений церковных соборов тысячелетней давности; монополизируют право на определение того, что нравственно, а что — нет; открыто посягают на светский и многонациональный характер российского общества (в 2002 году нынешний патриарх заявил, что «мы должны вообще забыть расхожий термин “многоконфессиональная страна”: Россия — это православная страна с национальными и религиозными меньшинствами»[66]). По сути, православие становится сегодня инструментом политики как внутренней, так и внешней — и религиозно-мистические мотивы стремительно проникают в сознание значительной части россиян, наслаиваясь на идеологические установки, задаваемые Кремлем. То, что сегодня происходит у нас в стране, представляется мне однозначным регрессом — воскрешением идеологических норм, восходящих

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

к Средним векам, за которым наверняка последует и нравственная легитимация распространенных в то время социальных практик (чуть позже я еще остановлюсь на этом подробнее). Именно эта старинная «связка» церкви и государства делает Россию все менее современной — если, конечно, считать идеалом европейские общества, а не Иран или Саудовскую Аравию. Церковь в России предоставляет власти дополнительное ощущение легитимности, но тащит страну в прошлое. Вера все активнее претендует на то, чтобы заместить знание, однако оказывается не в состоянии исцелить социальные пороки.

Наконец, нельзя не обратиться и к тому процессу оболванивания населения, который ведет само государство через средства пропаганды — прежде всего телевидение. Откровенная примитивная ложь становится основой его контента, а главным аргументом оказывается степень истеричности ведущих и комментаторов. Не только в обществе, но и в самом управленческом классе формируется запрос на самые простые решения и на наименее способных и творческих исполнителей — причем сложно сказать, что кажется властям более необходимым: тупое общество или тупые руководители. Сегодня в стране искоренена не только политическая конкуренция (выборы на многих уровнях отменены, а в оставшихся участвуют специально отобранные кандидаты), но и конкуренция в сфере управления. Карьерные «лифты» работают крайне странным образом: во-первых, высшие и средние должности в приоритетном порядке замещаются уже даже не друзьями первых лиц государства, а их родственниками[67] (последний пример — назначение двоюродного племянника В. Путина заместителем председателя правления «Газпрома»[68]); во-вторых, возникают своеобразные «кадровые резервы», составляемые в ходе конкурсов и отборов, проводимых в значительной мере на основании выявления наиболее политически лояльных персонажей; в-третьих, средний уровень в управленческих структурах комплектуется из тех, кто достаточно туп для того, чтобы выгодно оттенять не слишком высокие интеллектуальные способности своего шефа. В результате «вертикаль власти» превращается в систему отрицательного отбора, всасывающую в себя наименее честных и компетентных «специалистов». Новое российское государство извращает всяческие смыслы, ранее существовавшие в обществе. Язык общения с народом превращается во все более бессмысленный набор бюрократических штампов. Охранники президента, неожиданно становящиеся губернаторами, именуются технократами, а руководители, «заваливающие» один участок работы за другим, — эффективными менеджерами.

Отдельно следует сказать несколько слов о том, чем нынешняя Россия разительно отличается от всех России, существовавших в прошлом (возможно, за исключением сталинской — и то на протяжении довольно короткого периода). Я имею в виду насаждаемую милитаризацию общественного сознания, а порой и скрытый культ войны, быстро распространяющиеся в обществе. В своих первых проявлениях это восходит к 2000-м годам, когда в условиях героизации советского наследия День Победы стал главным праздником страны, — однако настоящий ренессанс милитаризма случился после аннексии Крыма и начала войны на востоке Украины. Именно тогда георгиевская ленточка, традиционно являвшаяся в Российской империи и Советском Союзе символом ратной доблести и принадлежности к военной службе, стала общенациональным символом; к этому же времени относится превращение акции «Бессмертный полк» в часть официальных празднований 9 Мая; постоянное повышение «градуса» соответствующих мероприятий вызвало к жизни лозунг «Можем повторить!», немыслимый в советской культуре, которая в последние десятилетия существования СССР была основана на пропаганде неустанной борьбы за мир. Конечно, я не идеализирую политику Советского Союза, но хочу подчеркнуть, что в те годы вожди страны стремились не допустить выхода милитаризма «в массы», оставляя определение контуров военной доктрины профессионалам. Сегодня же Кремль проводит линию на искусственное снижение «порога принятия» войны обывателями: по стране проходят патриотические утренники в школах, где детей наряжают в «костюмы» танков и ракет; результаты опросов показывают общенациональную одержимость придумывания названий пока еще не существующим видам вооружений[69]. Во всем этом я вижу серьезную проблему, так как милитаристская истерия разворачивается все сильнее по мере того, как уходит поколение, имевшее хоть какую-то память о войне, и весь ее трагизм как бы выветривается из народной памяти. Милитаристская индоктринация в такой ситуации практически лишается возможных сдержек — и, учитывая почти полное исчезновение «силовой» компоненты из спектра тем, занимающих умы людей в развитых странах, также подчеркивает, что Россия

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

сегодня идет не столько «нога в ногу» с тем миром, к которому она принадлежит, сколько в совершенно противоположном направлении.

Отторжение идеи равенства

Одной из наиболее часто отмечаемых российских проблем является пренебрежение властей правами человека. Очень часто мы даже не отдаем себе отчета, сколь непривычно в России мыслить соответствующими категориями: традиционное для Запада апеллирование к праву и нормам у нас сплошь и рядом подменяется обращением к «справедливости» и «честности», к понятиям «плохо» или «хорошо»[70]. Причину такого положения вещей я вижу в глубинной непримиримости понятия права и сущности российской власти как таковой: Кремлю и его назначенцам любого уровня сложно смириться с мыслью, что правами можно обладать от рождения, — просто потому, что они привыкли к тому, что ими можно только наделять (в чем, собственно, они и видят свое предназначение). Именно потому несовременность России сегодня видна особенно отчетливо там, где речь заходит о базовых правах — и, в частности, о принципе равенства, который в развитом мире уже как-то странно даже и обсуждать.

Начнем с самого банального — с гендерного равенства. Учитывая, что государство в России ориентировано не на диалог с гражданами, а на издание приказов относительно того, кто что должен делать; не на помощь человеку, а на его подавление, оно по своей природе предрасположено к насилию. В свою очередь, сила всегда ассоциируется с мужским, а не с женским началом — и поэтому, на мой взгляд, в «мобилизованном» и конфронтационном обществе типа российского возникает такой культ маскулинности. Если бы наша страна была более современной, народ мог бы понять, что проповедь гендерного равенства, которая в последние десятилетия столь популярна на Западе, имеет прежде всего не столько идеологический, сколько сугубо практический смысл: утверждая права женщин, общество создает рычаги противостояния насилию и произволу на самом низшем уровне, непосредственно в семье. Ежедневно сталкиваясь с необходимостью учета чужого мнения и чужих прав, люди становятся менее склонными к антисоциальным формам поведения; у них возникает более четкое понимание границ частной жизни и принципа неприкосновенности личности. Конечно, все можно извратить и довести до противоположности — но защита прав женщин имплицитно означает защиту более слабой части общества и потому по определению делает весь социум более гуманным.

В России мы сегодня уверенно разворачиваемся в сторону русского средневековья с его порядками «домостроя». Женщины, составляющие бóльшую часть населения, непропорционально представлены в управлении страной даже несмотря на то, что в среднем они более образованны, чем мужчины (24,8% россиянок в возрасте 15 лет и более имеют высшее образование против 21,7% граждан мужского пола[71]). В нынешнем составе Государственной думы женщин 16,7% (да и то хорошо — в предыдущем было всего 4,6%), в то время как в германском Бундестаге — 31,2%, в норвежском Стортинге — 41,4%[72]. Женщина никогда не была в России премьер-министром (в странах ЕС за последние 30 лет 27 женщин занимали такой пост) и женщины никогда не получали на президентских выборах более 5% голосов. Средняя зарплата женщин в России ниже зарплаты мужчин на 27,4%[73], и ситуация отнюдь не демонстрирует признаков улучшения. Однако основная проблема даже не в этом.

По мере выпадения России из современности женщины в стране сталкиваются со все более явным проявлением отношения к ним как к «недочеловекам», которые обязаны терпеть многочисленные унижения и не воспринимать это как нечто ненормальное. Несмотря на то, что наказание за «понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой» появилось в Уголовном кодексе РСФСР еще в 1926 году (ст. 154)[74], став одним из первых в мире упоминаний в уголовно-правовом документе того, что сейчас принято считать харрасментом, и перекочевало в современную версию Уголовного кодекса (ст. 133), по данной статье дела возбуждаются крайне неохотно и практически никогда не доходят до суда. Кроме того, почти никак не прописана ответственность за непристойные предложения и приставания (несмотря на многочисленные попытки внести соответствующие дополнения в ст. 135 УК РФ[75]). Недавняя дикая история с разоблачениями несколькими журналистками депутата

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Государственной думы Л. Слуцкого, открыто к ним пристававшего, и последующий отказ руководящих органов парламента признать поведение депутата неподобающим (не то чтобы уголовно наказуемым)[76] показывают, в каком веке на шкале современности пребывает Россия (примерно в те же дни суд штата Мичиган, рассматривая дело физиотерапевта сборной США по гимнастике, обвиненного в домогательствах к спортсменкам, назначил ему наказание в виде 175 лет тюремного заключения с правом ходатайствовать о досрочном освобождении не ранее чем через 99 лет[77]). Однако несколько большее понимание причин такого поведения российских парламентариев приходит после того, как осознаёшь, что именно они в 2017 году приняли известный закон о «декриминализации» домашних побоев, считая, видимо, что мужчинам положено самыми разнообразными методами принуждать своих жен и подруг к покорности. Характерно, что проблемы в данной сфере существовали и признавались в России давно; их отмечали еще авторы доклада Amnesty International, вышедшего в 2005 году, по мнению которых «в Российской Федерации на федеральном, региональном и местном уровнях власти предпринимается недостаточно мер для предотвращения домашнего насилия, защиты пострадавших и привлечения виновников к ответственности»[78]. В 2011 году после нескольких раундов обсуждений в рамках Совета Европы была одобрена соответствующая конвенция, но на сегодняшний день ее не подписали и не ратифицировали только две страны — Россия и Азербайджан[79]. Между тем проблема становится все более острой: в 2016 году в России потерпевшими от насилия в семье были официально признаны почти 50 тыс. женщин[80] — и это число будет расти на фоне того, что их мужья и партнеры теперь знают об относительной безнаказанности своих действий и не всегда смогут остановиться и не зайти слишком далеко (тем более что до суда доходит не более 3% дел о домашнем насилии[81]). Трагедия М. Грачёвой, которую ревнивый муж вывез в лес и топором отрубил ей обе руки, на некоторое время завладела общественным вниманием — но деньги на создание бионических протезов были не выделены государством, а собраны как частные пожертвования, да и операция была проведена не в «идеально оснащенной медицинским оборудованием» России, а все же в Германии[82].

Конечно, можно порассуждать о том, что проблема насилия в отношении женщин существует в самых разных странах, — однако следует обратить внимание прежде всего на то, как российские суды рассматривают дела об изнасилованиях и тяжких телесных повреждениях: практически всегда в той или иной степени сторона защиты использует аргумент о виновности самой жертвы; в то же время постоянно предметом обсуждения становятся многочисленные случаи жестоких приговоров в отношении женщин, которые, «превысив пределы самообороны», убили или серьезно ранили своих несостоявшихся насильников[83]. Подобная практика правоприменения однозначно больше соответствует ближневосточной, чем европейской, — и, к сожалению, в России с каждым годом подобного рода «уклон» проявляется все более очевидно.

Наконец, учитывая патриархальные и архаичные традиции страны, а также существенное различие в материальном благосостоянии мужчин и женщин, давно перезревшей выглядит потребность в формализации отношений сожительства (pacte civil de solidarité, Eingetragene Lebensgemeinschaft), что во Франции было сделано еще в 1999 году, а в Германии — в 2001-м[84], так как в данном случае женщина получит куда бóльшие возможности требовать от своего партнера «сатисфакции» в случае неадекватных действий с его стороны. Однако стоит ли удивляться, что предпринятые относительно недавно попытки предложить такого рода закон постоянно наталкиваются на противодействие властной системы и в обозримой перспективе имеют небольшие шансы на успех?[85] Не столь критически важными, но не менее показательными являются решения Конституционного суда, касающиеся получения материнского капитала и воспитания детей, явно закрепляющие пункт об «особой, связанной с материнством, роли женщины в обществе» и на данном основании по сути утверждающие признаваемое законодателем фактическое неравноправие мужчин и женщин.

Развивая гендерную тему, нельзя не остановиться и на проблемах сексуальных меньшинств, которых в России предпочитают называть «лицами нетрадиционной сексуальной ориентации», дополнительно подчеркивая тем самым их девиантное, отличное от «нормального», поведение. Формально в России не ущемлены права ЛГБТ-граждан (за исключением отсутствия юридического признания однополых союзов — которые, замечу, сегодня легализованы даже не во всех развитых странах), однако на практике дискриминация этих людей носит массовый характер, а многие политические деятели открыто говорят о том, что «Россия должна иметь

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

возможность защищать общество от гомосексуалов»[86], чуть ли не потому, что «все они заражены ВИЧ»[87], и т.д. Печально знаменитый закон о «запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений», который формально не добавил запретов в части личной жизни ЛГБТ-граждан, тем не менее очень четко сформулировал позицию государства как гомофобскую и не только легализовал de facto существовавшие ограничения (типа запретов на гей-парады), но дал понять россиянам, что власти расценивают сексуальные меньшинства как нежелательный элемент. Human Rights Watch указала на дискриминационный характер закона, так как он не ограничивает информирование граждан о любых иных проявлениях сексуальности, а его язык «настолько размыт, что под эти понятия могут быть подведены любые попытки противодействия дискриминации ЛГБТ-граждан в России»[88]. Тем самым, добавлю от себя, российское государство заняло крайне опасную позицию: открыто не вести наступление на права ЛГБТ-граждан, но в то же время и не делать вид, что оно намерено их защищать, позволив «решать возникающие вопросы» самому обществу, причем часто неправовыми методами.

В условиях отмечавшейся уже ранее радикализации, и даже фашизации, общества такая позиция однозначно обусловливала и обусловливает причисление ЛГБТ-граждан к людям второго сорта и провоцирует тех, кто считает себя идеологически или религиозно «правильными», на агрессивные действия в отношении «отщепенцев». Дискриминация представителей ЛГБТ-сообщества при приеме на работу или предоставлении услуг проявляется сегодня в России совершенно открыто[89] и не вызывает никакой реакции властей; случаи физического насилия в отношении ЛГБТ-граждан также становятся достаточно обыденными[90] — однако особую тревогу вызывает мобилизация на борьбу с ними верующих, что чревато массовыми и жестокими расправами. Серия подобных случаев, по заверению целого ряда независимых друг от друга источников, случилась в феврале 2017 года в Чечне, где местные религиозные фанатики при участии старейшин и представителей силовых структур похитили и подвергли заточению и пыткам более 100 человек, по крайней мере 27 из которых были убиты[91]. Федеральные власти, однако, так и не провели надлежащего расследования, ограничившись предположениями о том, что задержанные или исчезнувшие лица могли быть связаны с боевиками исламистского подполья — что, однако, опровергается тем, что 35 человек, о которых писали журналисты и правозащитники, в конечном итоге смогли эмигрировать в Канаду при поддержке правозащитной организации Rainbow Railroad[92]. Всё это прекрасно подчеркивает масштаб угрозы, возникающей в обществе в условиях «смычки» официального консерватизма, религиозного фанатизма и культа маскулинности и насилия.

ЛГБТ-движение, и это сегодня совершенно ясно, воспринимается в России враждебно прежде всего потому, что его требования фактически выступают требованием равенства per se — единого отношения к любому человеку безотносительно не только к его полу, но и к его ролевому статусу и сексуальным предпочтениям. Российские власти не могут преодолеть негативного отношения к гомосексуалам, поскольку привыкли рассматривать общество как не более чем размножающееся стадо, а людей — как простые инструменты производства новых рабочих рук и потенциальных новобранцев. «Перекодирование» общества и перенос основного внимания с абстрактной «массы» на отдельных конкретных людей не входит в планы этих вождей, достойных прошлых столетий.

В заключение отмечу еще одну характерную черту — возвращение во времена сословно-кастового общества, которое сегодня стремительно происходит в стране. В течение столетий на Руси существовала сословная система, устанавливавшая четкие границы между отдельными слоями общества, но при этом противопоставлявшая их все государству и государю. Продвигая «консервативную» повестку дня, привлекая для этого религию и распространяя среди людей самые примитивные представления о должном, власть восстанавливает сегодня близкую и чуть ли не родную для русского человека категорию холопства в смысле слепого и верного подчинения всех жителей государю и в этом отношении их одинаково рабского состояния. В России XXI века понятие государя формально уступило место понятию государства, однако суть от этого не изменилась: идеология консерватизма обусловливает важнейшее проявление современного российского неравенства — неравенства «государевых людей» (попов, работников «идеологического фронта», а также их родственников и т.д.) и «холопов», т.е. бывших граждан.

Это явление заметно в России повсеместно на примере уходящих от ответственности детей министров и депутатов, священников и прокуроров, следователей и спецпропагандистов. Оно

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

отражено уже и в художественной литературе — взять, например, замечательный роман «Текст» Дм. Глуховского, показывающий всевластие нынешней силовой «элиты» над простыми людьми, не защищенными никакими нормами права[93]. В стране официально имеются целые категории лиц, которые обладают своего рода «недипломатической неприкосновенностью»: их машины не могут быть остановлены и подвергнуты досмотру, сами они не могут быть освидетельствованы на алкоголь, их допросы и задержания должны оформляться в особом порядке. Более того; даже среди привилегированных «опричников» формируются особые кланы, и представители нижестоящих вообще не принимаются за людей теми, кто более отмечен благосклонностью властной вертикали. Когда видишь кадры, на которых сбивший дорожного полицейского на Новом Арбате офицер ФСБ спокойно скручивает номера своего автомобиля и увозится сослуживцами[94], кажется, что страна живет не по Конституции 1993 года, ст. 19 которой гарантирует «равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от… имущественного и должностного положения, а также других обстоятельств», а по «Русской правде» XI века, ст. 84 «пространного» изложения которой начинается с простых и понятых слов: «А в холопе и в робе виры нетуть»[95] (т.е. штрафа за их непреднамеренное убийство не предполагается). Усовершествованием этой старой русской «конституции» в наше время стало, правда, то, что нахождение в состоянии холопства не определяется изначально, а атрибутируется в зависимости от специфики ситуации. В России на определенном — и не очень высоком по мировым меркам уровне — богатство и положение во властной иерархии полностью меняют если не формальный правовой статус человека, то его способность выводить самого себя и своих близких из-под действия практически любых норм и законов. Если посмотреть на самые резонансные дела последнего времени, окажется, что менталитет чиновников и судей «заточен» исключительно под стандарты русских кодексов тысячелетней давности. Сбили в Балашихе мальчика — и нужно сделать всё возможное, сфальсифицировать любые экспертизы, переписать все протоколы только для того, чтобы родители не могли потребовать крупных компенсаций[96]. Оно и понятно — смерды и ребенок их смердом родился, смердом и умер. Вся система почти автоматически приходит в движение, защищаясь от претензий тех, кто, по ее понятиям, ну никак не может быть равен самопровозглашенной «знати».

Это «феодальное» и чуть ли не «доисторическое» неравенство, все более заметное в российском обществе, является идеальным подтверждением его несовременности. Оно — одна из тех «традиционных морально-нравственных ценностей», которые считаются уже чуть ли не залогом национальной безопасности страны и которым нас призывают поклоняться. Однако такая «традиция» несовместима с современностью, и она в конечном итоге приведет к масштабному исходу из страны всех тех, кто не хочет жить в реалиях домонгольской эпохи на далекой окраине Киевской Руси. Традиционные формы управления могли применяться в условиях столь же традиционной мобильности, когда перемещение в пространстве на десяток верст считалось чуть ли не всамделишным путешествием. Сегодня все мы живем в другом мире, где ценности безопасности и элементарные нормы закона — которые по сути своей не могут быть избирательными — важнее любых исторических реминисценций. И именно «доисторическое» неравенство в самых разных его формах и проявлениях, столь культивируемое сейчас на Руси, вполне может стать тем фактором, который запустит саморазрушение нынешнего российского режима.

•••

Это далеко не все проблемы, с которыми сталкивается в наши дни российское общество, — однако и сказанного достаточно, чтобы понять, в какой мере оно не хочет быть современным. Государство выстраивает свою политику таким образом, чтобы граждане воспринимались как своего рода балласт, который необходимо чему-то учить, хоть как-то лечить и еще содержать в старости: даже мысль о том, что люди способны сами накопить свои пенсии (как это и происходит во всем мире), если не ограничивать их право на распоряжение собственными деньгами, не приходит элите на ум; правительство не способно организовать качественное здравоохранение на коммерческой основе и разрешить в этой сфере благотворительность и частную врачебную практику; образование воспринимается не более чем элемент идеологической индоктринации. При этом все последние годы даже те минимальные гарантии, которые существовали у граждан (от низкого пенсионного возраста и социальных льгот до частично «бесплатного» здравоохранения), ликвидируются либо законодательно (в случае

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

повышения возраста выхода на пенсию или «заморозки» ее накопительной части), либо «по факту» (в случае «укрупнения» клиник и закрытия сельских медпунктов). Научная деятельность во многом превращается в откровенный фейк; вера заменяет знание и экспертизу, а профессиональный рост оказывается полностью зависимым от кумовства и лояльности.

На мой взгляд, именно во всех этих тенденциях наиболее выпукло проявляется архаичность российского общества — архаичность, которая из него никогда не уходила, но которая в коммунистический период была прочно затушевана насаждавшимися в стране элементами «прогрессизма». Сегодня любой прогресс и любые изменения означают риск разрушения той «стабильности», которая стала любимым детищем нынешней российской власти, — и потому в социальной сфере ренессанс устаревших форм организации и мышления настолько заметен. Хотя большинство россиян пользуются сегодня теми же мобильными телефонами, компьютерами и планшетами, что и жители развитых стран, их социальные паттерны и стереотипы поведения разделяет все большая пропасть. «Особый» путь, который якобы выбрала для себя Россия, уводит ее от современности.

Однако предпринимать такой бунт против истории в одиночку было бы для богоспасаемого народа слишком примитивно — и поэтому стоит обратиться к более широкому «территориальному» обрамлению российского «рассовременивания».

ГЛАВА шестая

Нищета «русского мира»

Идеологический провинциализм и интеллектуальная деградация, которые являются практически «визитной карточкой» России XXI века и о которых мы говорили в прошлой главе, находят свое политическое воплощение в одной из самых популярных концепций последнего времени — так называемой теории «русского мира». Сам этот термин в его современном (т.е. политико-идеологическом) значении возник в 1870-е годы и связан с именем генерала М. Черняева, первого губернатора Туркестана, в перерывах своей военной карьеры издававшего под таким названием популярную славянофильскую газету[1]. С того самого момента и до наших дней данный концепт прочно занял свое место в арсенале реакционеров, стремившихся максимально отдалить Россию от европейского пути, но при этом никогда не преуспевавших в обеспечении ее устойчивого развития.

Интернационализм, панславизм, «русский мир»

На протяжении последних трех веков российской истории в ней постоянно боролись две тенденции: с одной стороны, стремление к открытости и «интернационализации»; с другой — желание замкнуться в собственной особости. Первый тренд проявлялся с самых разных вариантах: можно вспомнить как Петра I и его политику «европеизации» России, результатом чего стало перенятие значительного количества европейских практик и технологий, так и коммунистический период, в течение которого Советский Союз сам претендовал на роль «идеологического центра» мира, предлагающего свои социальные практики другим странам и народам. Какими бы разными ни были эти подходы, они ставили экономические или идеологические соображения выше культурно-исторических, а их сторонники настаивали на том, что Россия должна быть частью общемировых процессов не по причине своих предопределенных черт, а вследствие осмысления элитами (другой вопрос, насколько адекватного) ее экономических, политических и экономических интересов. Стоит заметить, что история однозначно свидетельствует о том, что в периоды такой «интернационализации» Россия достигала своих самых значительных успехов — от превращения в одну из важнейших держав Европы в эпоху Петра I и Екатерины II до обретения статуса глобальной сверхдержавы и мирового лидера в ряде областей в период максимального могущества СССР. Второй тренд апеллировал к специфике российских истории и общества, уникальным особенностям

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

православия, призывая не столько к традиционному национальному строительству, какое происходило в Европе повсеместно в XVII–XIX столетиях, сколько к своеобразной этнокультурной солидарности и противопоставлению страны остальному миру. Последнее было призвано преувеличить успехи и значимость России — как через создание альянсов с «исторически» близкими, но при этом более слабыми и готовыми подчиняться союзниками (что, по сути, проповедовал панславизм[2]), так и через отгораживание от внешнего мира и консервирование уникальной ментальной и социальной среды, утверждение превосходства которой достигалось через простой отказ от сравнений с альтернативными вариантами развития.

Между тем до последнего времени идея «русского мира» не была достаточно «кристаллизована» — прежде всего, на мой взгляд, потому что она не соответствовала ни самовосприятию нации, ни политическим потребностям власти.

С одной стороны, на протяжении большей части того периода, в который вообще имело место сколь-либо концептуальное осмысление места и значения русского народа в истории, ни о каком «мире», за исключением определенного границами страны, не приходилось и говорить. С того времени, как Москвой были покорены Новгород и Псков, случился упадок Литовского княжества, обеспечен контроль над большей частью современной Украины, русский народ (включая все его тогдашние вариации) сконцентрировался в пределах единого и мощного российского государства. Призывать к консолидации «русского мира» было бессмысленно — за пределами страны его не существовало. В этих условиях идеи панславизма выглядели намного адекватнее: они предполагали определенную открытость, призывая к объединению исторически близких народов (но при этом не к их русификации); выступали элементом проведения напористой внешней политики; устанавливали определенные рубежи влияния в отдалении от российских границ. Как распространение славянофильства и панславизма во второй половине XIX века, так и быстрый их упадок после образования независимых славянских государств[3] указывали прежде всего на явную невостребованность «русской» идеи как таковой даже в то время, когда Россия несомненно считалась «протектором» всего славянского сообщества.

С другой стороны, обращение к «русскости» так или иначе предполагало проповедь национализма — а подъем национализма продуктивен (и то далеко не всегда) только в том государстве, где подавляющее большинство населения с готовностью воспринимает себя титульной нацией (как это было во Франции, Германии или Италии). Между тем Россия, и я уже говорил об этом, была уникальной империей, в которой на единой территории жили десятки, если не сотни народов. Педалирование здесь «русского вопроса» могло стать фатальным для государства, и это понимали все его правители: в эпоху Российской империи податным населением выступали практически исключительно русские, жители метрополии[4]; в советские времена национальная политика велась таким образом, что русские, несмотря на то, что имели самую крупную советскую республику, не обладали национальной компартией, хотя значение партийного руководства, несомненно, превышало роль советского (и если даже не были, как утверждают сегодня некоторые авторы, чуть ли не наиболее угнетенным народом[5], по крайней мере представляли республику, выступавшую основным финансовым донором всего Советского Союза[6]). Примечательно, что распад СССР был предопределен не столько подъемом грузинского или украинского национализма, сколько ростом самосознания русских и появлением российских органов власти — от Компартии РСФСР до президента России[7]. Поэтому до поры до времени идея «русского мира» выглядела не только не слишком актуальной, но и весьма опасной.

Следует также отметить, что предпосылки для возникновения этой идеи в ее современном виде сформировались на протяжении самого трагичного для России и русских столетия — XX века. Даже в годы расцвета панславистских движений в России за рубежами страны жили всего несколько тысяч россиян — как правило, представителей высших слоев общества, художников, писателей, иногда политических противников режима (и селились они почему-то не в слишком славянских странах). Старт широкой эмиграции — и не столько собственно русских, сколько представителей этнических меньшинств, пришелся на период «первой глобализации» рубежа XIX и XX столетий, причем процесс ускорился после начала организованных черносотенцами еврейских погромов. К началу Первой мировой войны количество выходцев из Российской империи в Европе и Северной Америке приближалось уже к 2 млн[8]. Однако по-настоящему «революционным» стал опыт 1918–1923 годов, когда в ходе и после завершения Гражданской

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

войны из России бежало от 920 тыс. до 5,5 млн человек (средние оценки составляют 2–3 млн человек)[9]; масштабы русского присутствия в крупных городах от Харбина до Шанхая, от Стамбула до Праги, и от Берлина до Парижа не имели аналогов ни в прошлом, ни в настоящем (В. Тишков называет именно этот исход событием, породившим «русский мир»[10]). Еще не менее 700 тыс. русских оказались в Европе по итогам Второй мировой войны[11]; 1,14 млн «русскоязычных» выехали из СССР в 1950–1980-е годы[12]. И, наконец, на протяжении последних 30 лет «русский мир» расширился самым радикальным образом: с одной стороны, за счет более чем 16 млн русских (а также украинцев и белорусов), оказавшихся за пределами своих трех национальных государств после распада Советского Союза, и, с другой — вследствие добровольной эмиграции не менее 3 млн человек из России, Украины и Беларуси в «дальнее зарубежье» на протяжении 1990-х и 2000-х годов[13]. Собственно, итогом трех волн исхода и одной дезинтеграции стало образование гигантского сообщества, численность которого за пределами России достигает 37 млн человек, а с учетом всего населения самой Российской Федерации (так обычно считают эксперты, забывая, что не все граждане России могут считать себя «русскими») — приблизительно 180 млн.

Люди, составляющие это сообщество, — от живущих во Франции потомков старой имперской аристократии до плохо говорящих по-русски тувинцев и якутов, от поселившихся в Аргентине и Канаде старообрядцев до нигилистической «золотой молодежи», обучающейся в престижных американских и британских университетах, — представляют собой тот «русский мир», который в нынешней России стал одним из самых обсуждаемых социологических и геополитических концептов.

Однако эта столь популярная доктрина имеет множество серьезных изъянов — как терминологических и смысловых, так и сугубо (гео)политических. Начнем с самого простого.

Русский мир определяется сегодня сторонниками этой концепции по-разному, но практически в каждом определении содержатся указания на несколько элементов. Прежде всего говорится о факторе этничности (иногда говорят о «русском суперэтносе» и о советском народе как форме его существования[14], иногда к «русскому миру» причисляют всех представителей восточнославянских народов), но сама такая отсылка к славянскому происхождению присутствует в большинстве определений. Вторым важнейшим моментом называется русский язык: утверждается, например, что «русский мир — это сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке»[15]. Третьим обстоятельством называется общая история, воплотившаяся в том числе в устоявшихся нормах, ценностях и стереотипах поведения, причем именно последние, вместе с православной верой, часто считаются определяющим моментом: «к [русскому] миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную»[16]. Наконец, довольно часто, используя цивилизационный подход, философы и политологи говорят о том, что «русский мир» — это некая геополитическая реальность, которая претерпела серьезные потрясения и стремится вернуться в свои естественные границы[17]. Порой утверждается, что «русский мир» сплочен «не только нашим общим культурным кодом, но и исключительно мощным генетическим кодом», который «почти наверняка является одним из главных наших конкурентных преимуществ в сегодняшнем мире»[18]. Однако, какие бы определения ни давались, имплицитно вся концепция «русского мира», как дополняющая само понятие России, основывается на подчеркивании феномена диаспоры — как оставшейся за пределами российских границ после распада Советского Союза, так и образовавшейся вследствие постепенной миграции в направлении «дальнего зарубежья». Как отмечает В. Тишков, русский мир — это трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, «феномен глобального масштаба», а подобными мирами «обладают, наряду с Россией, только Испания, Франция, и Китай, Ирландия вместе с Великобританией»[19].

Здесь мы остановимся, чтобы задать самим себе несколько вопросов. Прежде всего все, что касается мифических генетических кодов и суперэтносов, в современном мире давно уже погребено под массой социальных и политических структур, не признавать которые невозможно. Как отмечал недавно А. Лукашенко, хотя «много в последнее время говорится об идее некоего “русского мира” — я так понимаю, это не про нас. Мы высоко ценим великую русскую культуру и не отделяем ее от нашей, мы — часть этой культуры. Но это не значит, что мы россияне. Мы — белорусы»[20]. Попытки не признавать политические водоразделы чреваты чередой опасных

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

конфликтов, которые заблокируют любые попытки «возвращения в естественные границы». Ценности и стереотипы поведения, а также религиозные особенности также во все большей степени подчиняются сегодня нормам и законам гражданских наций и не являются (за исключением редких и обычно осуждаемых случаев) основным фактором, определяющим действия людей. Наконец, следует сравнить «русский мир» с остальными «мирами», чтобы понять масштабы различий предстающих перед нами феноменов. Испанский и португальский «миры» родились в совершенно уникальных условиях, когда сами испанцы и португальцы начали борьбу против своих монархий и в результате создали государства, в которых они самоопределились как венесуэльцы и аргентинцы, чилийцы и бразильцы, но не часть указанных «миров» (то же самое случилось и при возникновении Соединенных Штатов). Русские, замечу, не создали под своим контролем ни одного государства, кроме России. В случае с британским, французским и испанским «мирами» деколонизация привела к выходу заморских владений из-под контроля метрополий в ходе борьбы местных комбатантов — однако в мире остались 54, 27 и 20 суверенных государств, которые считают государственным соответственно английский, французский и испанский языки. Стоит ли напоминать, что на просторах бывшего СССР только одна страна (Белоруссия) не отказала русскому языку в равном со своим собственным статусе и еще одна (Казахстан) пока признает его официальным наряду с государственным казахским? При этом ни одна из бывших метрополий не рассматривает свои воображаемые «миры» как прообраз будущих политических объединений («естественных границ»): все четыре великие метрополии (Испания, Великобритания, Франция и Португалия) интегрировались друг с другом и ни одна — со своими бывшими колониями. Поэтому я бы сказал, что «русский мир» — уникальная концепция, не имеющая аналогов в современных условиях.

Если «русский мир» претендует не только на пропагандистский эффект, эта концепция должна стать намного более определенной: нужно понять, какие черты являются определяющими для отнесения к «русскому миру» (этничность [право крови], место рождения [право почвы], знание языка, принадлежность к православной общине и т.д.) и что подобное отнесение дает тому или иному принадлежащему «русскому миру» человеку. Соответственно Россия, как «ядро русского мира», должна как можно более определенно сформулировать свою роль и свои возможности: готова ли она принять относящих себя к этому миру в свое гражданство; намерена ли она в случае возникновения кризисных ситуаций защищать только своих граждан (что сделали бы большинство государств) или всех этнических русских? Намерена ли она брать под свою защиту и покровительство также русскоязычных — или даже православных? Все эти вопросы выглядят вовсе не надуманными, так как сегодня в мире действуют довольно строгие нормы, определяющие порядок вмешательства в дела других стран, и их расширительная трактовка чревата серьезными последствиями.

Кроме того, следует заметить, что концепция «русского мира» формирует условия для существенного регресса в политическом облике самой России: сейчас страна по сути приблизилась в своем развитии к этапу становления современной гражданской нации, основанной на политическом участии. Существенно расширяя круг относящихся к «русскому миру» — а это значит, что имплицитно — и к России, мы тем самым создаем основу для возвращения в политический дискурс идеи «высших смыслов и ценностей», которые оказываются более значимыми, чем права и обязанности, вытекающие из гражданства. По сути, возникает механизм возвращения архаичных форм в структуру политического участия, что существенно повлияет на формирование в стране демократических институтов и правового государства. Кроме того, нужно постоянно иметь в виду, что никакая формула, основанная на откровенно выгораживаемом принципе этничности/национальности, не является инклюзивной — а это значит, что наряду с гипотетической консолидацией русских, проживающих за границей, она породит весьма вероятное разобщение россиян, находящихся в стране. Даже идея «советскости» в любом ее исполнении была в этом отношении гораздо более безопасной, чем концепт «русского мира».

Самым важным моментом, однако, является все же нечто иное. Как я уже говорил, Россия в последние десятилетия проделала большой путь от открытости к замкнутости, от универсальности к партикуляризму. Собственно, идея «русского мира» показывает это наиболее рельефно. Одно дело — собирать единомышленников под знаменем коммунистического интернационала. Другое — взывать к братьям-славянам и посылать армии на помощь братским

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

народам, восставшим против османского владычества, надеясь при этом на создание славянской федерации. И третье — продвигать идею русскости, которая способна резонировать только в соотечественниках. Каждая из отмеченных концепций влияет на сужающиеся сообщества людей и обладает все меньшим универсализмом. Иначе говоря, идея «русского мира» — самая партикуляристская из всех, какие Россия выдвигала на первый план за последние 300 лет, и поэтому совершенно наивно рассчитывать на то, что именно она станет тем рычагом, с помощью которого страна изменит в свою пользу глобальные политические расклады. Можно говорить о том, что «почти каждый двадцатый житель планеты обладает духовными или ментальными признаками русскости и неравнодушен к судьбе и месту России в мире»[21], но это не отрицает того, что девятнадцать из двадцати обитателей Земли не имеют ко всему этому никакого отношения, и потому на сколь-либо глобальную отдачу от подобного проекта рассчитывать не приходится.

Идея «русского мира» ориентирована поэтому не на «наступательную», а на сугубо «оборонительную» политическую стратегию. Уверенные в собственных силах страны апеллируют к темам и ценностям, которые находят (или могут найти) отклик у значительной части человечества и таким образом расширяют сферу их влияния. Россия, которая в 1990-е годы испугалась по-настоящему интегрироваться в западный мир, сегодня ищет не обязательно конфронтации с ним, но практически наверняка защиты от его влияния — и идея «русского мира» ориентирована именно на это. Главный сигнал, который Москва подает в последние годы, состоит в заявлениях о якобы существующей «зоне исключительных интересов» России, границы которой Запад не должен переходить. Этот мотив звучал и в знаменитом выступлении В. Путина в Мюнхене в 2007 году, и во многих других заявлениях высших российских руководителей. Аннексия Крыма в 2014 году также встроена именно в эту линию: Москва апеллирует к тому, что Запад (или даже Турция) якобы были намерены захватить «сугубо русские» территории[22], обладающие к тому же некими элементами «святости» в «исторической памяти» народа[23]. Само поведение России может при этом казаться агрессивным, однако эта агрессивность в глобальном масштабе представляет собой не более чем некий micromilitarisme théâtral[24], который указывает вовсе не на далеко идущие устремления и возможности страны, а на явную истощенность ее сил и неспособность предложить по-настоящему универсальную доктрину. Несмотря на глобальную риторику «русскости», Кремль de facto с ее помощью обосновывает и защищает статус России как региональной державы с присущей всем таким «локальным» державам скорее культурно-этнической, нежели ценностно-идеологической идентичностью.

Особое внимание привлекает, если так можно сказать, несвоевременность идеи, обусловленная двумя обстоятельствами.

С одной стороны, все те «миры», которые были созданы другими ведущими державами и о которых много говорят российские эксперты, сформировались в периоды масштабного избытка населения, отмечавшегося в метрополиях[25]. И Латинская, и Северная Америка, и Австралия, и Южная Африка — все это были так называемые Western offshoots, где выходцы из Европы быстро составили большинство населения, что, собственно, и сделало их «испанским» или «британским» мирами. В российском случае широкий «исход» собственных граждан ради расширения «русского мира» крайне опасен, да и практически невозможен, учитывая демографическое состояние России и ее стран-соседей. Государства, которые представляют собой на продолжительном историческом отрезке демографически и экономически «скукоживающиеся» объекты (а последние полвека Россия однозначно принадлежит к этой категории), не могут себе позволить применять стратегии, опробованные когда-то странами, находившимися в совершенно иных условиях (и к тому же серьезно пострадавшими от увлечения подобным «рассеиванием» собственного народа — тут достаточно вспомнить пример так и не оправившейся от колониальных предприятий Испании). Поэтому, если Россия сделает четкий акцент на следование европейским принципам экспансии трехсотлетней давности, она достаточно быстро приведет себя к коллапсу.

С другой стороны, следует иметь в виду, что образование всех европейских «миров» происходило в условиях реализации той миссии, которая самим европейцам однозначно казалась цивилизаторской. Расширяя зоны своего влияния, европейские поселенцы-колонизаторы перестраивали окружающую их среду под собственные стандарты — и, собственно, именно это

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

создало элементы европейской цивилизации на глобальной периферии. «Русский мир» формировался и формируется людьми, которые приходят в новые общества не как носители новой доминантной нормы, а по сути как просители, понимающие, что именно от приспособления к стандартам жизни и поведения в принимающей стране зависит их выживание; это было справедливо для любой волны русской эмиграции — от исхода белогвардейцев, спасавших собственные жизни, до переезда нынешних состоятельных русских, стремящихся воспользоваться юридической и финансовой системой западных стран для сохранения накопленных в России состояний. Именно поэтому русские менее любых других иммигрантов создают в новых странах прочные этнические сообщества, не говоря о том, чтобы сформировать там нечто похожее на прежние европейские «миры». Регионы, в которых исконно русские нормы и ценности могли претендовать на ведущие позиции исчерпались — увы и ах — еще в конце XIX века, и это нельзя упускать из виду.

Наконец, нельзя пройти мимо еще одного важного обстоятельства. Теория «русского мира» появилась в российском «идеологическом» инструментарии, пожалуй, в самый неудачный для этого момент. Если с конца 1980-х и до середины 2000-х годов — в период, когда мир свято верил в преимущества глобализации и в идеи «конца истории», — доминирующим трендом были рассуждения о мультикультурализме и о равенстве всех культур, этносов и традиций, то в последние 10 лет в мировом масштабе стал заметен сдвиг в сторону национализма и исключительности. Характерно, что пионерами в этом отношении стали именно посткоммунистические страны, которые, с одной стороны, видели в национализме инструмент борьбы с коммунистической идеологией и, с другой, — утверждали через него новые идентичности получивших независимость государств от Казахстана до Хорватии, от Эстонии до Азербайджана. «Русский мир» на этом фоне выступает откровенно враждебной доктриной для элит большинства постсоветских стран, которые (особенно после Крыма) видят в нем угрозу суверенитету своих государств и потому пытаются конструировать новые черты идентичности[26], и чуждой концепцией для большинства развитых стран, которые не в восторге от идеологий, обосновывающих исключительность представителей диаспор и попытки управления ими из их «этнических столиц», будь то Москва, Анкара или Пекин[27]. Соответственно, сложно предположить, что за пределами российских границ новая кремлевская idée fixe получит какую-либо поддержку, а сами русские и русскоязычные жители смогут извлечь из своей национальной консолидации и из укрепления связей с «титульным» государством ощутимые выгоды.

Сказанное означает, что даже в чисто теоретическом и концептуальном смыслах проект «русского мира» представляет собой не более чем измышление, ставшее продуктом «скрещивания» неудовлетворенности политиков сложившейся после распада Советского Союза ситуацией и деградации интеллектуального класса, неспособного ни предложить более универсалистские теории, ни аргументировать необходимость принятия страной одной из уже существующих. Использование его в качестве средства обоснования практической политики уже привело к серьезным негативным последствиям, и может привести к еще более плачевным результатам — особенно если учитывать не только искусственность самого подхода, но и совершенно разную природу тех компонентов, из которых пресловутый «русский мир» состоит в его сегодняшнем виде.

Два «русских мира»

«Русский мир», как к нему ни относись, выступает одним из самых заметных примеров отклонения России от любых норм существования современных национальных государств. И дело даже не в масштабах русской диаспоры за рубежом (как абсолютных, так и относительных), а прежде всего в том, что эта диаспора имеет уникальную двойственную природу.

С одной стороны, существует «обычная» русская (точнее — русскоязычная) диаспора, которая сформировалась в результате нескольких волн исхода на протяжении всего XX века. Как и в большинстве других случаев миграции европейцев (например, в США, Аргентину, Канаду или Бразилию), русские, прибывая в новые для себя общества, стремились в них встроиться и ассимилироваться. Сегодня в тех же США российские эмигранты второго поколения (приехавшие в раннем возрасте или родившиеся в Америке) связывают себя узами брака с

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

другими российскими эмигрантами или их потомками реже, чем с местными жителями. Более 90% через пять лет после приезда свободно говорят на английском языке (среди китайцев — менее 60%, среди латиноамериканцев — до 70%). При этом эмигранты из бывшего СССР имеют в среднем 14,1 года образования против 12,6 в среднем по США, активнее занимаются предпринимательством и зарабатывают на 39% больше среднестатистического американца[28]. Приезжие из России, как правило, сильно экономически и карьерно мотивированы и в огромном своем большинстве (несмотря на сформированные о «русских» мифы) совершенно законопослушны.

Сегодня эта «ветвь» «русского мира» представлена людьми, не отрицающими своей связи с русской культурной традицией, но при этом не выпячивающими своей этнокультурной идентичности и достигающими значительных карьерных и материальных успехов собственными усилиями. Среди русской эмиграции, разумеется, встречаются и представители «новых русских», которые не столь озабочены проблемой «встраивания» в новые общества, однако и они (если не сказать — в первую очередь) принимают законы и нормы страны пребывания; по крайней мере не известно ничего подобного выступлениям арабов или турок, в которых принимали бы участие выходцы из России или стран бывшего Советского Союза. Это «условно русское» население составляет сейчас от 3,5 до 9% жителей крупнейших мегаполисов стран европейской культурной традиции — Лондона, Берлина, Парижа, Нью-Йорка[29]. По различным данным, в странах ЕС сегодня живут около 3,5 млн выходцев из СССР и России, уже принявших гражданство одного из европейских государств, и до 4 млн человек, имеющих виды на жительство и/или рабочие визы; более 500 тыс. россиян владеют в ЕС и Турции недвижимым имуществом[30].

Среди этих людей — более 10 тыс. ученых и профессоров, работающих в университетах и научных центрах США и Европы: многим хорошо известны имена нобелевских науреатов А. Гейма, К. Новосёлова и А. Абрикосова, талантливых ученых В. Вапника и М. Концевича, Е. Кунина и А. Линде. В России популярна шутка о том, что американский университет — это место, где русские профессора учат китайских студентов, и, как говорится, «в любой шутке есть доля шутки». В Америке и Европе работали и работают выдающиеся представители российской культуры: музыканты и исполнители М. Ростропович и Г. Вишневская, В. Гергиев и Д. Мацуев, М. Барышников и А. Нетребко, художники И. Кабаков и Д. Врубель, спортсмены А. Овечкин и П. Буре, М. Шарапова и Г. Каспаров. Какой бы прочной ни была их приверженность русскому «культурному коду», по своей ментальности, мотивации и способности к рациональному выбору все они — типичные представители евроцентричной цивилизации. Они успешны, обеспечены, как правило, ничего не ждут от России и делают акцент на профессиональную, а не национальную идентичность.

Все это помогает представителям «русского мира» становиться процветающими предпринимателями (чего стоят примеры С. Брина, И. Олейникова, В. Гапонцева и десятков других) или развивать бизнес-проекты, которые были начаты ими еще в России (как делают это П. Дуров и многие его коллеги). По некоторым подсчетам, «русские» (точнее — выходцы из стран постсоветского пространства) контролируют и управляют в Америке и Европе активами, рыночная стоимость которых превышает $1,5 трлн[31]. Таким образом, без преувеличения можно сказать, что «русский мир» практически с нуля создал вовне России экономику и интеллектуальное сообщество, соизмеримые с самой Россией: технологическое и промышленное производство подконтрольных ему компаний в несколько раз превышает несырьевой сектор российской экономики, а доля живущих за границей «представителей русской культуры» в индексах научных цитирований и числе нобелевских лауреатов заметно выше, чем у граждан России, пока еще работающих в их собственной стране. Конечно, можно говорить, что наше государство вложило в образование и становление этих людей огромные средства, а подчас позволило им заработать миллиарды долларов, но факт остается фактом: воспользоваться их возможностями и талантами Россия не смогла.

Важнейшим же моментом, на который хочется обратить внимание, является, однако, не успешность сформировавшегося в «дальнем зарубежье» «русского мира», а нечто совершенно иное. В отличие от большинства существующих в мире диаспор, эта часть живущих за рубежом русских испытывает к России достаточно специфическое отношение. Обычно людей толкают на эмиграцию нужда, экономические проблемы, бесперспективность хозяйственной ситуации в собственной стране. Из 258 млн человек, относимых по методологии ООН к международным

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

мигрантам, около 90% перебрались за границу по сугубо экономическим соображениям и немногим более 10% можно отнести к беженцам и соискателям убежища[32]. Я не могу привести точных цифр, но в случае с Россией этот показатель в разы меньше. Первые большие волны эмиграции были практически полностью обусловлены заботой людей об их физическом выживании, волна 1960–1980-х была во многом вызвана очевидной дискриминацией; сегодня все большая часть уезжающих на постоянное место жительства движима неприятием формирующегося в стране политического режима (последнее с легкостью подтверждается самым простым примером: голосованием постоянно живущих или временно находящихся за границей российских граждан на парламентских и президентских выборах, которое демонстрирует их устойчивую приверженность не тем партиям и политикам, которые по итогу объявляются победителями[33]). Российская диаспора намного более отчуждена от России, чем практически любая иная в мире, — и это можно подтвердить показателями банального экономического участия в процессах, происходящих в собственной стране. Сегодня в странах «дальнего зарубежья» живет не менее 3,5 млн россиян — почти столько же, сколько вьетнамцев вне Вьетнама и в 2,5 раза меньше, чем мексиканцев за пределами Мексики[34]; при этом ежегодно в Россию поступает денежных переводов только на $7,2 млрд, в то время как во Вьетнам — на $13,8 млрд, а в Мексику — на $30,5 млрд[35]. Эмигранты из России могут «думать и говорить на русском языке» и «воспринимать культурную и духовную составляющую русского мира как свою собственную», но они существенно расходятся с большей частью населения России по своим политическим предпочтениям и совершенно не жаждут принимать участие в экономической жизни бывшей родины.

Иначе говоря, российская диаспора, на протяжении столетия сформировавшаяся в западных обществах, является практически идеальным примером того, как должен действовать «плавильный котел»: она лояльна к новым странам пребывания, весьма конкурентна и успешна; обеспечивает принявшим ее государствам дополнительные источники экономического процветания. Поэтому сегодня практически во всех крупных западных странах в той или иной форме присутствуют агенты политического влияния Кремля (и волнения как американцев, так и европейцев по поводу их возможного вмешательства в политические процессы вполне обоснованы), однако нигде нет ничего подобного цивилизованному лобби, какое, например, в США имеется у еврейского сообщества или у армянской и китайской диаспор. Это может казаться парадоксальным, но в последние десятилетия бóльшая часть инициатив по защите прав русскоязычного населения в «дальнем зарубежье» или развитию его культурной самобытности исходят в основном из Москвы, а не рождаются «снизу» внутри самих зарубежных русскоязычных сообществ[36].

Мне кажется, что причина такого положения дел достаточно понятна: в течение всего того времени, пока развивалась российская эмиграция в собственном смысле этого слова, выходцы из Российской империи, Советского Союза и даже Российской Федерации не воспринимали этот процесс как создание своего рода «мостика» между исконной и новой родиной; эмиграция считалась процессом необратимым, а в самой России воспринималась если не как предательство, то как выбор, который делается раз и навсегда. Именно поэтому те, кто действительно эмигрировал и эмигрирует из России (а не создает в более удобных для жизни странах «запасной аэродром» или приобретает жилье для каникул), делают это без оглядки и если и остаются частью «русского мира», то такого, у которого с самой Россией выстраиваются довольно-таки непростые отношения.

С другой стороны, существует иная часть «русского мира», ставшая таковой по большей части против собственной воли. Разумеется, я имею в виду тех русских и русскоязычных граждан, которые в советскую (об имперской речь уже не идет) эпоху самостоятельно или в рамках разного рода государственных программ переселились в бывшие союзные республики, которые в начале 1990-х годов провозгласили себя независимыми государствами. Если ориентироваться на цифры переписи 1989 года, то к моменту распада СССР в союзных республиках этнических русских, украинцев, белорусов и евреев (не считая белорусов на Украине и украинцев в Белоруссии) было не менее 28,7 млн человек (если считать только русских — то 25,2 млн)[37]. Крах советского государства создал уникальную ситуацию: по крайней мере в 13 независимых государствах один и тот же народ — представлявший доминирующий этнос бывшей империи, а ныне соседней страны — выступал наиболее значительным

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

национальным меньшинством, численность которого составляла от 1,5 до 33,9% населения (для сравнения стоит сказать, что, например, доля этнических турок в населении Германии не превышает сейчас 1,9%, а доля этнических алжирцев во Франции — 3,7%[38]; при этом только в четырех странах Европейского союза самое крупное этническое меньшинство представляет то же государство, что и в соседней[39]). Более того; русское меньшинство, которое образовалось во многих постсоветских странах, не было ни тем меньшинством, которое добровольно прибыло в эти страны, заведомо воспринимая их как независимые образования (как происходило, например, с российской эмиграцией в США), ни тем меньшинством, которое приложило руку к созданию этих государств (как было в ходе процесса утраты европейцами их колоний в Америке в XVIII–XIX веках). Более того, как в самой России, так и в постсоветских странах на момент краха СССР не существовало устоявшихся гражданских наций, и поэтому националистический элемент не мог не присутствовать как часть стратегии государственного строительства. В итоге русские достаточно естественно стали восприниматься в новых государствах как некий враждебный элемент (аналогом могут выступать немцы, которым пришлось два десятилетия жить на территориях, потерянных Германией по итогам Первой мировой войны).

В отличие от европейских держав, которые в 1940–1960-е годы обеспечили практически полную эвакуацию собственных граждан из своих заморских владений (следует признать, что их было там не слишком много: в Великобританию с 1946 по 1975 год вернулись менее 90 тыс. человек, в Голландию — 30 тыс., в Португалию — около 12 тыс.[40]; только Франции пришлось принять сначала 40 тыс. французов из Индокитая, а потом — 800 тыс. из Алжира, где доля французского населения была сопоставима с долей русского в некоторых бывших республиках, составляя до 8% его общей численности[41]), Россия не сделала для своих недавних граждан практически ничего. Единственная возможность была открыта упрощенным вариантом получения гражданства в случае временного проживания на территории России на момент распада СССР. Власти новых независимых государств где-то (как в Балтии) не стремились предоставлять свое гражданство всем желающим, а где-то (как в Средней Азии) не жаловали тех, кто принимал российское подданство, но собирался продолжать жить в стране. В результате русские, украинцы и белорусы начали масштабный исход из постсоветских стран — хотя те же государства Балтии оказались здесь исключением: в Латвии, например, доля русского населения сократилась с 1989 по 2016 год с 33,9 до 25,4%, тогда как в Казахстане — с 37,8 до 20,8%, а в Киргизии — с 21,5 до 5,9%[42]. Всего за последнюю четверть века из бывших республик СССР в Россию убыло до 11 млн человек, и в результате сегодня «русский мир» на постсоветском пространстве количественно уступает «русскому миру», сформировавшемуся в «дальнем зарубежье».

Однако в куда большей степени первый уступает второму качественно. Большая часть активного русскоязычного населения, стремившегося воссоединиться с Россией, покинуло постсоветские республики довольно быстро еще в 1990-е годы; затем, уже в 2000-е, в Россию стала уезжать молодежь, за которой, как только она закрепится в российских регионах, потянутся и ее родители, которые к этому времени достигнут пенсионного возраста. Значительная часть граждан новых государств, идентифицировавших себя как русских по состоянию на начало 2014 года, — почти 7,5 млн из 10–12 млн человек[43] — проживала в северных областях Казахстана, восточных областях Украины, и в Крыму, и в Белоруссии, т.е. на территориях, где русское присутствие было очень значительным и поэтому люди могли не чувствовать себя в явном меньшинстве. При этом стереотипы поведения населения «русского мира» в «ближнем зарубежье» существенно, если не диаметрально, отличаются от тех жизненных принципов, которые освоены нашими соотечественниками в «дальнем».

Прежде всего следует отметить, что эта часть «русского мира» осознанно не стремится интегрироваться в новые национальные сообщества и активно демонстрирует — и декларирует — свою «русскость». Большинство принадлежащих к ней людей объединяет отношение к их новым странам пребывания как к бывшим колониям России (т.е. культурам более низким, чем русская); ностальгия по рухнувшей империи и неизбывная жажда помощи и поддержки со стороны Российской Федерации. Конечно, внутри данного сообщества заметно разделение на тех, кто вовлечен в жизнь своих государств, обладает всеми гражданскими правами и не относится к новой национальной идентичности представителей титульной нации агрессивно; и тех, кто активно подчеркивает свою русскую идентичность, стремится самоорганизоваться по

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

этническому признаку, надеется на помощь и поддержку своих инициатив со стороны Российской Федерации, а порой и открыто призывает к исправлению случившихся «исторических ошибок». В отличие от русской диаспоры на Западе, постсоветский «русский мир» всегда воспринимался местными властями с подозрением, и это было еще одной причиной того, что успешные политики, предприниматели и интеллектуалы являются в этой среде редкими исключениями. Русское население отнюдь не всегда дискриминируется, но оно практически везде ощущает себя маргинальной социальной группой. Маргинализация часто обусловливает агрессивность или пренебрежение в адрес представителей коренной национальности, что оборачивается новой волной отторжения и дальнейшей изоляцией.

В недолгий период своего быстрого экономического развития (1999–2007 годы) окрепшая Россия «повернулась лицом» к оказавшимся за рубежом русским — причем прежде всего к тем, чье положение требовало поддержки и могло выступать инструментом внутрироссийской политической мобилизации. В 2007 году был учрежден фонд «Русский мир» со значительным ежегодным бюджетом; в 2008 году создано Россотрудничество; с 2006 года запущена программа репатриации русскоязычных, которые выразили желание жить и работать в России. При этом взаимодействие с русскими меньшинствами в постсоветских странах носило и носит подчеркнуто политико-идеологический характер: пророссийские активисты мобилизуются на защиту исторической памяти, прославляют православие как российскую государственную религию, лоббируют особый статус русского языка, нигилистически отзываются о государственности своих новых стран пребывания, превозносят разные формы интеграции с Россией. Неудивительно, что такая политика поспособствовала формированию отношения к русским как к «пятой колонне», а к партиям, призванным защищать их права, — как к марионеткам Москвы, и результаты не заставили себя ждать: так, например, в Латвии, где этническими русскими, украинцами и белорусами называли себя в 2013 году 32,8% жителей, «Русский союз Латвии» на выборах в сейм в 2014 году собрал лишь 1,58% против 19,0%, полученных пророссийской партией «За права человека в единой Латвии» на выборах в 2002-м и не провел ни одного депутата (против 25 из 100, которыми обладал ЗаПЧЕЛ в начале 2000-х годов)[44]. Проект переселения в Россию еще до этого потерпел фиаско — с 2006 по 2012 год вернулись лишь 125 тыс. человек, или около 1,5% живущих за границей русских[45] (для сравнения — в 1987–2000 годах из СССР/России по германской программе репатриации выехало более 70% из всех проживавших в СССР на момент объявления этой программы русских немцев[46]).

Однако каким бы сомнительным «активом» ни оставалось русское население на территории бывшего Советского Союза, у Кремля всегда сохранялся план его использования для дестабилизации новых независимых стран региона. «Русская» риторика использовалась для создания линий напряжения в постсоветских странах; Москва активно принимала их жителей в российское гражданство с нарушением как собственных законов, так и правовых норм соответствующих стран. Появление значительной доли «россиян» среди жителей Абхазии, Приднестровья, Южной Осетии и Крыма стало позже одним из формальных поводов для российского силового вмешательства в их дела. Аннексия Крыма в феврале–марте 2014 года и организация сепаратистского движения в Донбассе, приведшая к его фактическому отторжению от Украины, стали самыми знаковыми моментами в истории постсоветского «русского мира». При этом события в Крыму и на Донбассе открыто именовались не иначе как «Русской весной»[47], а В. Путин, описывая их, прямо обосновывал вмешательство сначала тем, что «на [Крымском] полуострове живут русские, они оказались в опасности», а потом тем, что «вынуждены были защищать русскоязычное население на Донбассе»[48]. Учитывая тот резонанс, который имела крымская эпопея в российском общественном мнении, можно с уверенностью утверждать, что Россия сейчас позиционируется как держава, историческая миссия которой — быть центром «русского мира» и его защитницей; данный ход, несомненно, выглядит как изощренное обоснование права на вмешательство там, где проживает значительное число русских или там, где находятся «сакральные точки» «русского мира»[49]. При этом опыт Крыма показывает, что Москва готова щедро вознаграждать тех, кто либо давно поставил себя на службу российским интересам, либо осознал свою принадлежность «русскому миру» в переломный момент исторических событий, — тем самым дается сигнал о том, что Кремль ценит лояльность как себе, так и делу «русского мира» и будет поддерживать своих адептов.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Последствия крымских событий — и в этом еще предстоит убедиться — нанесут серьезный удар по продвижению идей «русского мира», так как русские меньшинства в странах — соседях России, несомненно (и небезосновательно), станут рассматриваться как дестабилизирующий фактор, который в случае необходимости Кремль может использовать по своему усмотрению. Миновавшие после аннексии Крыма годы прошли под знаком укрепления безопасности в странах с самым значительным русскоязычным населением (прежде всего в странах Балтии) и в целом усиления как националистической риторики в них, так и сотрудничества этих государств с ведущими державами западного блока в рамках НАТО. Следует также отметить, что общее отношение к русским в большинстве европейских обществ радикально изменилось к худшему, что негативно повлияло и на обеспечение их интересов в области языковой и культурной самобытности — иначе говоря, положение представителей «эмигрантского» «русского мира» оказалось затронуто действиями России по обеспечению своих сугубо геополитических интересов.

Подытоживая эту часть, следует заметить, что двойственная природа российского сообщества за рубежами России практически не имеет аналогов и в истории, и в современной политике. С одной стороны, хорошо известны случаи массовой эмиграции из той или иной страны и возникновения значительных диаспор — однако практически нигде более их формирование не вызывалось на протяжении столь длительного времени преимущественно политическими, а не экономическими факторами; соответственно, крайне редко встречались и встречаются случаи столь отчужденного (или по крайней мере безразличного) отношения эмигрантов к своей бывшей родине. С другой стороны, также хорошо известны случаи деколонизации или военных поражений, сопровождавшихся изменениями границ, которые провоцировали возвращение в метрополии или проигравшие страны значительного числа их граждан, оказывавшихся в результате подобных событий за рубежом, — но опять-таки нигде обратная миграция не затягивалась на столь длительный срок, а присутствие этнических меньшинств на соответствующих территориях не было столь значительным.

Оба отмеченных тренда породили не просто существенно различающиеся, но практически противоположные друг другу элементы современного «русского мира». Первый представлен теми, кого стоит назвать «русскими профессионалами», — самостоятельными людьми, рискнувшими сделать ответственный выбор и начать жизнь на новом месте; образованными, интегрирующимися в новое общество, живущими по его правилам и канонам и вследствие этого не слишком нуждающимися в «опеке» со стороны Москвы. Второй состоит из тех, кого можно обозначить как «профессиональных русских», — людей, которые, оказавшись не по своей воле за пределами собственной страны, предпочли в той или иной мере приспособиться к новым условиям, а не попытать счастья в России; осознанно не стремятся к интеграции в формирующиеся новые национальные сообщества и грустят по временам советской империи, в результате чего оказываются очень податливыми к кремлевской пропаганде и «вниманию» со стороны российских властей. «Русские профессионалы» — одна из самых ценных находок для развитых стран; «профессиональные русские» — одна из наиболее серьезных угроз для новых постсоветских государств[50]. Эта разделенность диаспоры, которая и сама по себе делает ее уникальной, представляет особый интерес с точки зрения отношения к отдельным ее элементам российских властей — отношения, определяющего нынешнюю несовременную политику Москвы в сфере миграции и гражданства.

Борьба за неудачников и пренебрежение к успешным

С первых лет существования независимой России и соседствующих с нею постсоветских государств отношение Москвы к распаду Советского Союза сочетало в себе открытое сожаление («распад СССР был величайшей геополитической катастрофой XX века»[51]) и глубинное сомнение в том, что он окажется окончательным. Россия долгое время относилась к новым странам как к «своим» и оказывала им покровительство — военное, политическое и экономическое. Довольно быстро стало понятно, что следование в «фарватере» российской политики может быть очень выгодным для тех, кто готов демонстрировать максимальную лояльность Кремлю. Первыми это поняли в Белоруссии, с которой еще в 1995–1996 годах Российская Федерация создала «союзное государство», которое обеспечило белорусам такие же

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

социальные и трудовые права, какие имелись у россиян, а Белоруссии — огромные льготы при закупках российского газа, а также при поставках своей продукции на российский рынок. По состоянию на начало 2017 года различные оценки выгод, полученных Минском за 2005–2015 годы, определяют их в сумму от $65 до $106 млрд[52], что эквивалентно ежегодному трансферту в размере от 7,5 до 13% ВВП Белоруссии на протяжении этого периода. Практически во всех остальных случаях благорасположение Москвы зависело от формальных масштабов «прогиба» властей той или иной республики перед Кремлем (здесь следует вспомнить пример Таджикистана, где власть держится на присутствии российских войск и огромных по меркам республики деньгах, пересылаемых из России домой работниками-мигрантами), а порой даже и от ожиданий возможных уступок в будущем (тут приходит на память исключительная щедрость, проявленная в 2004 году в отношении «почти избранного президента Украины» В. Януковича — правда, так им и не использованная, — но из-за которой Россия поставляла Украине газ по цене $50/1 тыс куб. м — в 4,5 раза дешевле цены на границе Германии — на протяжении всего 2005 года[53]). В последнее время стремление России реинтегрировать свои бывшие владения проявилось в назойливой идее создания сначала Таможенного, а потом и Евразийского экономического союза, который изначально строился как конструкция не столько обусловливающая равноправное и взаимовыгодное экономическое сотрудничество, сколько позволяющая обменивать суверенитет на экономические выгоды (Д. Медведев сформулировал это предельно четко, когда сказал: «Если бы некоторые страны, присутствующие здесь [на встрече глав правительств в Бишкеке в марте 2017 года], не входили в состав нашего Союза... всё [поставляемое из России] было бы существенно, гораздо дороже»[54]).

Однако ЕАЭС, который, безусловно, выгоден для большинства входящих в него стран, вряд ли может принести значимые экономические выгоды России, так как, с одной стороны, экономики всех входящих в него стран так же зависят от сырьевого сектора, как и российская, что исключает любую синергию; и, с другой стороны, суммарный размер экономик российских союзников не превышает 11,3% от показателя России, что также не дает шанса на какой-то интеграционный эффект[55]. Евразийский союз — ныне бессмысленная игрушка Кремля — имел бы определенный смысл только в том случае, если бы в нем приняла участие Украина: тогда он действительно был бы евразийским, так как в нем бы сосуществовали страны, «развернутые» как к Европе, так и к Азии[56], но так как эта возможность очевидно упущена, возлагать на объединение большие экономические надежды все сложнее.

Однако в одном «интеграционные усилия» России принесли очевидный и впечатляющий результат. Они запустили — во многом против воли самих простых россиян — масштабный процесс миграции из постсоветских стран в Россию, который в некоторые периоды казался практически неостановимым. В самом начале 1990-х годов маятник миграции качнулся как раз в ту сторону, которую можно было предположить вследствие политических потрясений: русские стали активно возвращаться в Россию, а представители бывших союзных республик — пусть и менее активно, но переезжать на родину, опасаясь дальнейшего ужесточения миграционного режима. В итоге с 1991 по 2000 год в Россию прибыло около 4,8 млн этнических русских, подавляющее большинство которых (около 3,6 млн) оставили свое постоянное место жительства в Казахстане и республиках Средней Азии[57]. Российское государство не только не оказывало переселенцам практически никакой помощи, но и делало довольно затруднительным получение ими российского гражданства. Достаточно сравнить этот процесс с переселением этнических немцев из СССР, России и Казахстана в Германию: за 1990–2010 годы выехали 2,2 млн человек, или 92% всей диаспоры; при этом 85% получили гражданство в течение не более чем 3 лет с момента переезда, а средние затраты ФРГ на переселение одной семьи составляли около €45 тыс.[58] (про израильскую программу репатриации я промолчу). Так или иначе поток русских переселенцев в Россию иссяк в начале 2000-х годов, но с оживлением экономики стала заметна совершенно иная тенденция.

На этот раз в Россию начали прибывать трудовые мигранты из «ближнего зарубежья» — при этом имеющие все более отдаленное отношение к «русскому миру». Довольно быстро стало понятно, что этот приток отвечает интересам как предпринимателей и состоятельных граждан (потому что обеспечивает дешевую рабочую силу), так и чиновников и силовиков (поскольку создает огромную прослойку совершенно бесправных и получающих преимущественно неофициальные доходы людей). Если в 1990-е годы ежегодный приток трудовых мигрантов не

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

превышал 280 тыс. человек и происходил в основном из Украины, Молдовы и Белоруссии, то к середине 2000-х он увеличился до 1,7–2,4 млн в год и практически полностью состоял из выходцев из Средней Азии[59]. При этом власти, считая прибывающих «соотечественниками», относительно лояльно относились к получению ими российского гражданства: на протяжении 2000–2013 годов в него перешли более 1,7 млн выходцев из стран СНГ, не имеющих русских корней[60]. Этот поток не сможет остановиться в ближайшие годы по двум причинам: политически Россия продолжает развивать свой «интеграционный проект для Евразии»[61], который предполагает упрощение миграционного режима и в будущем; экономически многие бедные страны постсоветского пространства не в состоянии выжить без притока тех средств, которые мигранты или бывшие граждане посылают на родину (в Узбекистане они составляли в 2016 году 3,7% ВВП, в Таджикистане — около 26%, а в Киргизии — чуть более 28%[62] [и это после двухкратного сокращения переводимых сумм по сравнению с рекордными 2013–2014 годами]).

Решение демографических проблем России через «импорт» нового населения происходит сегодня достаточно активно: миграция в 1992–2013 годах компенсировала 61% естественной убыли населения, тогда как рождаемость — 70%[63] (в «несчастной» Франции коэффициент естественного прироста превышал коэффициент миграционного в 2,5 раза[64]). При этом процесс имеет важный политический аспект: массовое принятие новых граждан способствует росту электоральной поддержки нынешней российской элиты, так как приезжие в основном относятся к регионам с куда большими традициями авторитаризма, чем, например, Украина или Молдова. Украина в последние годы вышла на первое место по приему ее граждан в российское подданство (100,7 тыс. человек в 2016 году из общего числа 265,3 тыс. новых россиян[65]), но, понятное дело, в основном за счет путинистов из Донбасса, а не проевропейски ориентированных лиц. Иначе говоря, даже это исключение последних лет не опровергает того обстоятельства, что одним из следствий современной миграционной политики является укрепление сложившегося в стране режима.

Характерно, однако, то, что Россия осознанно принимает все большее число переселенцев, которые обладают гораздо меньшим человеческим капиталом, чем средние россияне. Эмигранты из постсоветских стран имеют в среднем менее 10 лет образования против 14,2 для коренных россиян (о качестве этого образования я не говорю); они практически не присутствуют среди бизнес-элиты страны и не составляют значимой части ее интеллектуального класса; участие их в качестве высококвалифицированных работников в технологичных отраслях промышленности крайне редко. Это особенно удивляет в сравнении с теми же Соединенными Штатами, которые проводят последовательную политику привлечения в страну талантливой молодежи: в 2015/16 учебном году в американских вузах училось около 1,05 млн (!) иностранных студентов, из которых почти 198 тыс. — бесплатно[66]. В России с ее вдвое меньшим населением соответствующие показатели были в 4 и 13 раз меньше — соответственно 270 и 15 тыс.[67] (при этом следует иметь в виду, что до 80% обучающихся в российских вузах «иностранцев» — либо русские с паспортами стран СНГ, либо украинцы и белорусы). Однако власти продолжают интегрировать Россию с постсоветскими государствами и «охотиться» за неудачниками, которые не могут достичь жизненных целей в своих странах и потому радостно «решают российские демографические проблемы» (а заодно экономические и политические). Своего рода апофеозом этого процесса стал подготовленный и внесенный в Государственную думу законопроект, предлагающий предельно упростить получение российского гражданства «по принципу места рождения» — причем предоставлять его рожденным не только в границах современной Российской Федерации после провозглашения страной суверенитета, но и «носителям русского языка и русской культуры, прямые предки которых родились на территории СССР или в границах Российской империи»[68]. Учитывая, что иммиграции в Россию из стран Балтии не отмечается, а с Аляски, скорее всего, потока переселенцев ждать не стоит, оказывается, что все отмеченные территории и страны имеют сегодня уровень жизни и степень экономического развития существенно ниже, чем Россия. Таким образом, привлечение «новых россиян» из, по сути, стран «третьего мира» — причем даже не в качестве мигрантов, а в качестве полноправных граждан — становится нашей государственной политикой — и пока она претворяется в жизнь, «новые русские» продолжают покидать страну.

Впечатляет, однако, не это. В России (и в странах постсоветского пространства) законодательство в большинстве случаев либо запрещает двойное гражданство, либо жестко

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

ограничивает возможности для тех, у кого оно есть. В 1999 году было принято решение о запрете занятия должностей в структурах государственной власти и управления лицами с двойным гражданством, видом на жительство или иным документом, подтверждающим право на постоянное проживание за рубежом[69]; в 2013 году эта норма была распространена уже на тех, кто имел зарубежные счета и собственность[70]. Данные решения также выставляют Россию очень несовременной, причем по двум причинам.

С одной стороны, принимая такие решения, страна идет против непреодолимых глобализационных трендов. Мир становится более взаимосвязанным, число людей, живущих за пределами стран, в которых они родились, растет, и это нельзя не принимать в расчет. Можно вспомнить хотя бы самых известных политиков, для которых двойное (а подчас — просто чужое) подданство не создавало проблем. А. Шварценеггер дважды избирался на пост губернатора самого крупного американского штата, Калифорнии, будучи гражданином США и Австрии; сенатор и потенциальный кандидат в президенты Т. Круз в первые годы своего пребывания в должности имел канадский паспорт, член палаты представителей М. Бэчман — швейцарский; при этом запрет на занятие постов в правительственных структурах для американских граждан, имеющих иностранный паспорт, был отменен решением Верховного суда Afroyim v. Rusk еще в 1967 году[71]. Генерал-губернатор Канады М. Жан была назначена на эту должность в 2005 году, имея также и французский паспорт. В Германии премьер-министром земли Нижняя Саксония с 2010 по 2013 год был Д. МакАлистер — британец, имевший в качестве второго также и немецкое гражданство. В ЕС вообще de facto существует институт транснационального гражданства, и гражданин любой из стран Союза имеет право занимать любые должности в другой, в том числе и в структурах государственной службы (а также голосовать на местных выборах и избираться депутатом локальных и региональных законодательных органов). По мере нарастания миграционных процессов и интернационализации глобальной элиты подобного рода ограничения станут последовательно отменяться — и Россия будет все сильнее казаться «белой вороной»[72].

С другой стороны, проводя такую политику, страна не столько возводит преграду для проникновения во властные структуры «безродных космополитов», сколько прежде всего ограничивает себя в использовании потенциала той части «русского мира», который я назвал «русскими профессионалами». Простая логика подсказывает, что иностранные граждане с русскими корнями могли бы быть востребованы прежде всего в государственных структурах: разве не нужны нам те, кто отработал годы в израильской полиции, британской антимонопольной службе, французских госкорпорациях, наконец, в американских университетах и think-tank’ах? Они куда менее склонны к коррупции и законопослушны, но, что важнее, прекрасно знакомы с современными управленческими практиками, которые мы пока пытаемся только изобретать, и то не вполне успешно. Их русские корни позволяли бы рассчитывать на патриотизм, как это происходит, кстати, во многих странах (например, в той же Балтии, где в каждой из обретших независимость стран представители диаспоры уже успели побывать президентами — причем В. Вике-Фрейберга вышла из канадского гражданства только после официального объявления о ее избрании президентом Латвии). Однако очевидно, что даже ради хорошей работы человек, всю жизнь проживший в успешной и развитой стране, не станет выходить из своего гражданства и принимать российское. Получить второй паспорт — вполне вероятно, но стать «только» россиянином — вряд ли. Это означает, что мы сознательно отталкиваем тех русских, кто долгим трудом добился успехов в самых конкурентных с точки зрения человеческого капитала странах, в то время как считаем расширением «русского мира» приобретение в потенциальные госслужащие людей из еще более коррумпированных стран, чем наша, к тому же с невиданной легкостью предавших то государство, которому они еще недавно служили (что относится, например, ко всем крымским чиновникам и силовикам, открыто и беспринципно изменившим Украине).

Ранее я уже говорил, что идея «русского мира» ориентирована на оборонительную стратегию, которую наша страна давно использует в своей международной политике. Осознавая, что она не может предложить новых глобальных концептов и идеологий, Россия сосредотачивается на том и на тех, что и кого она привыкла считать «своим»: территориях, которыми она долгое время владела, и людях, к врожденным качествам которых она может воззвать. Однако нынешние политические шаги указывают не только на стремление «оборониться» от других, но и на

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

удивительное неверие в лояльность России представителей того «русского мира», о котором так много говорят как о великом благе. Сделанный западными странами выбор в пользу разрешения двойного гражданства и предоставления гражданам с двойным гражданством полных прав основывается на простой уверенности: лояльность, вызываемая гражданством твоей страны, заведомо выше любой иной. Избиратели в Калифорнии убеждены, что А. Шварценеггер не будет действовать на посту губернатора в интересах Австрии, — но в России всегда будут подозревать, что взявший также и российское гражданство русский, долгие годы имеющий гражданство Германии, или Канады, или США, все равно с высокой степенью вероятности окажется «иностранным агентом», на деле работающим на свою другую родину. Это, на мой взгляд, является той причиной, по которой настоящий «русский мир» будет все сильнее отдаляться от России и будет заменяться «миром» постсоветских бедняков и «профессиональных русских», которые вместо того, чтобы переехать в Россию и испытать все прелести жизни в ней, будут ради мифического блага русского народа дестабилизировать общества, в которых живут.

«Русский мир», я полагаю, представляет собой огромное — и, может быть, самое большое — богатство России. Сегодня по планете рассеяны от 30 до 37 млн человек, имеющих по крайней мере одного прямого русского предка хотя бы во втором поколении[73]. Залогом успешного развития России в ближайшие десятилетия является мобилизация этих людей, их энергии, талантов и капиталов на цели модернизации нашей экономики и политической системы. Россия — по-прежнему самая большая страна в мире, и ей нужны ее собственные граждане, а не новозахваченные или только еще «присматриваемые» территории; ей нужно возвращать себе утекающие из общества жизненные силы, а не обескровливать своих соседей. Стране не нужен безумный закон, по которому в российское гражданство можно будет принять всех жителей таджикских кишлаков или молдавских сёл; ей нужны правила, по сути автоматически признающие гражданами России всех тех, кто имеет русских предков даже в третьем поколении. Вместо введения jus soli (о пересмотре которого, сейчас, кстати, задумываются даже в Соединенных Штатах) нам нужно восстановление твердого jus sanguinis. Замечу: наличие хотя бы одного дедушки или бабушки соответствующей национальности является основанием для гарантированного получения гражданства (часто оформляемого прямо в консульствах той или иной страны за рубежом) во многих странах. Эта норма закреплена в ст. 116 конституции Германии, ст. 25 конституции Болгарии, ст. 36 конституции Эстонии, в ст. 14 конституции Армении; в ст. 5 закона о гражданстве Греции, главе 4 соответствующего закона Венгрии, ст. 8 — Украины, ст. 23 — Сербии и т.д.[74] В Италии и Ирландии предоставляют гражданство страны этническим итальянцам и ирландцам вне зависимости от того, когда в истории их рода встречались выходцы из этих стран (и даже государств, существовавших ранее на их территории). Приняв такой подход, Россия могла бы раздать миллионы своих паспортов в самых разных концах света. Конечно, не все их обладатели переселились бы в Российскую Федерацию — но по крайней мере они задумались бы о такой возможности как о чем-то большем, чем о неосуществимой мечте.

Следует признать очевидное: сегодня Россия окружена территориями, уступающими ей в своем экономическом развитии. При этом подавляющее большинство из миллионов покинувших ее на протяжении последнего столетия граждан и их потомков обеспечили себе уровень жизни более высокий, чем это удалось сделать населению нашей страны. Уже этот факт говорит о том, что самой разумной стратегией является обогащение страны через привлечение в нее новых русских граждан, а не введение ее в новые траты за счет присоединения бессмысленных территорий, которые требуют дополнительных ресурсов. Крым, в бюджете которого дотации из федерального центра составили в первые четыре года его пребывания в составе России 68%[75]; разоренный Донбасс, который тоже вскоре встанет на российский «баланс», — где Россия попытается наконец остановиться? Ведь даже если ориентироваться на расценки, использовавшиеся в германской программе переселения, окажется, что расходы на Крым всего за 15 лет превысят средства, которые пришлось бы потратить на цивилизованную репатриацию в Россию всех его жителей (точнее, такого же количества новых русских граждан). Однако ничто не может убедить адептов «русского мира» в ошибочности их нынешнего курса. Поэтому нам придется лишь ждать, к чему он приведет.

•••

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

В той же мере, в какой экономика не-развития в самую динамичную эпоху мирового хозяйственного роста или увлечение религией и конспирологией в наиболее рационалистический период всемирной истории, концепция «русского мира» указывает на несовременный характер России. Страна, пережившая крах колониальной империи и готовая при этом интегрироваться с ее бывшими владениями, но ограничивающая права тех, кто мог бы составить основу ее человеческого капитала, не может не вызывать удивления. Однако, судя по всему, логика развития ее политической и интеллектуальной элиты обусловливает именно такую динамику: скатывание к предельному партикуляризму в век формирующихся универсалий. Нынешние российские власти не могут сформулировать никаких идей, которые способны были бы резонировать за пределами того сообщества, которое говорит по-русски, помнит или осознаёт все безумие российской истории и с пониманием относится к политическим «особенностям» собственной страны.

При этом воплощение в жизнь концепции «русского мира» причудливо сочетает в себе заметное пренебрежение к русским, которые принимают как очевидное тот факт, что в XXI столетии интеллект и капитал важнее природных богатств и территорий, с повышенным интересом к тем бывшим соотечественникам, которые не имеют иных достоинств, кроме как проживание на землях, считающихся Россией «своими». Эта комбинация приводит прежде всего к утрате формирующимся российским обществом внутреннего ориентира в вопросе о том, кого стоит считать «своим», а кого — «чужим», что, замечу, исключительно важно для любой становящейся гражданской нации. Идея «русского мира» не дает четкого понимания, кто же к нему относится: этнические русские, где бы они ни родились и жили; русскоязычные; православные христиане; люди разных национальностей, долгое время жившие в России и воспринимающие ее культуру и обычаи; представители различных этносов, родившиеся и живущие в границах «исторической России», и т.д. В попытке объединить тех, кто так или иначе несет на себе печать «русскости», власти Российской Федерации на деле мешают стране консолидироваться и сформировать условия принадлежности к российской гражданской нации.

В то же время крайне широкая трактовка «русскости» обусловливает готовность защищать «своих» далеко за пределами международно признанных границ России — и при этом не обязательно российских граждан, но и так называемых соотечественников. Готовность эта далеко не всегда трансформируется в реальные действия — это обычно определяется степенью политической целесообразности, — но когда страна предпринимает попытки вмешательства, происходят события, которые мало кто решится назвать обыденными. Это, однако, целиком и полностью относится к сфере внешней политики, которая будет в фокусе внимания в следующей, заключительной главе.

ГЛАВА седьмая

Аномалии внешней политики

В последние годы «особость» России — и с этим согласятся, наверное, все или практически все наблюдатели — особенно рельефно проявляется в сфере внешней политики, где Москва, пытаясь «подняться с колен», уверенно движется к обретению статуса самого крупного «изгоя», присутствующего на международной арене. Двойные стандарты, вопиющая непоследовательность, не слишком искусная ложь и растущая агрессивность — все это указывает на то, что российская внешняя политика характеризуется прежде всего невиданной ранее истеричностью — и именно это делает ее сегодня столь несовременной. Причин этому я бы отметил как минимум две.

С одной стороны, это становящаяся все более очевидной экономическая и политическая неуспешность России, безусловно, раздражающая ее лидеров. Одна из самых крупных индустриальных держав, она так и не сумела совершить переход к постиндустриальному базису, став полностью зависимой от высокотехнологичного импорта и окончательно заняв позицию экспортера энергоресурсов, рост добычи которых сковывается сегодня западными технологическими санкциями; о модернизации даже перестали вспоминать, понимая ее невозможность. Крупнейшая в мире империя, она растеряла значительные территории, не смогла

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

встроиться в новые интеграционные объединения в Европе, а ее собственный интеграционный проект становится все более дорогим и не приводит к реальному росту влияния даже на постсоветском пространстве. Выступая на протяжении большей части прошлого столетия одним из глобальных идеологических и военно-политических лидеров, Россия сегодня располагается в тени двух гигантов XXI века — объединенной Европы и Китая — и все чаще вынуждена, пусть и без особого успеха, защищать собственные интересы на территориях, которые казались и кажутся обитателям и лакеям Кремля неотъемлемой частью «исторической России»[1].

С другой стороны, Россия на протяжении нескольких веков «повышала ставки» в своей внешнеполитической игре, став последовательно самой мощной в военно-политическом отношении державой Европы, а затем долгое время будучи одной из двух глобальных сверхдержав. Однако в условиях, когда основой для политического влияния давно уже выступает экономическая мощь и контроль над финансовыми рычагами, Россия деградировала до сугубо региональной державы, сохранив при этом сильную «психологическую зависимость» от недавнего соперника, Соединенных Штатов, с которыми кремлевские лидеры постоянно сравнивают свои возможности и происками которых пытаются объяснить свои неудачи. Проблема усугубляется тем, что для США Россия сегодня не представляет ни экзистенциальной угрозы, ни даже особого экономического интереса, — с чем Москва никак не может смириться. Попытки обратить на себя внимание, помноженные на таланты нынешней российской элиты и ее представления о мире, еще более закрепляют за страной статус крайне несовременного внешнеполитического субъекта.

В результате во внешней политике Российской Федерации в наивысшей степени отражаются все комплексы и фобии отечественных элит — и именно это обусловливает ее малопредсказуемость и иррациональность.

Неспокойная держава «второго мира»

За последние несколько столетий политическая карта мира радикально изменилась, а в еще большей степени изменились факторы, определяющие внешнеполитические возможности отдельных государств.

Прежде всего стоит обратить внимание на роль военной силы, а также на возможности и результаты ее применения. Вплоть до начала XX века война считалась естественным средством разрешения политических противоречий между большинством государств, включая крупнейшие из них, — знаменитым «продолжением политики другими средствами»[2]. При этом в случае успеха войны оборачивались приобретением ценных территорий и/или активов, а также, в большинстве случаев, получением дани или контрибуций. Крупнейшие империи прошлого обеспечивали значительную долю своих доходов за счет эксплуатации завоеванных территорий[3]. Завершение этого тренда отмечается с окончанием Первой мировой войны, затраты сторон на которую оказались столь значительными, что агрессор был не в состоянии компенсировать даже ¼ нанесенного ущерба, а приобретения победителей были экономически бесполезными[4]. Вторая мировая война еще более подтвердила формирование данного тренда, а появление у крупных держав ядерного оружия во многом поставило точку в вопросе о возможности полномасштабного конфликта между ними. Параллельно шел процесс «эмансипации» глобальной периферии: если на протяжении сотен лет ее народы достаточно легко завоевывались и подавлялись с применением относительно незначительных сил[5], то в последние десятилетия сопротивление стало настолько жестким (и подчас иррациональным), что прежняя логика вторжений (даже продиктованных идеологическими соображениями) оказалась полностью девальвированной[6]. За последние полвека — со времен Алжира и Вьетнама до Ирака и Ливии — ни одна из крупных держав так и не выиграла ни одной войны на глобальной периферии с полным достижением поставленных целей; при этом цены на проведение таких кампаний выросли с $341 млрд, которых потребовала Корейская война, до $738 млрд, потраченных США на Вьетнам, и около $1,15 трлн, которые были израсходованы на войны в Афганистане и Ираке с 2001 по 2010 год[7]. Издержки контроля над территориями за пределами собственных границ

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

стали существенно превышать любые выгоды, которые этот контроль мог принести; со времен завершения холодной войны экономические средства достижения любых внешнеполитических целей оказались эффективнее военных. В этом, как мне кажется, и скрывается подлинный смысл часто критикуемого тезиса о «конце истории»[8], если трактовать ее как историю войн с участием держав-лидеров, — и любые рассуждения о «возобновлении» исторического процесса в этом контексте не выдерживают критики[9].

В новых условиях резко повысилось влияние невоенных (и прежде всего — социальных, экономических и технологических) факторов на все аспекты внешней политики. Важнейшими средствами укрепления влияния в мире стали привлекательность модели развития страны (знаменитая «мягкая сила»[10]); наличие у того или иного игрока уникальных экономических возможностей (например, эмиссии мировых валют); его способность обеспечить защиту и безопасность союзников (склонность к прочным альянсам); а также экономические выгоды, извлекаемые из сотрудничества с той или иной страной (привлекаемые от ее компаний инвестиции, открытость ее рынков, получение кредитов и финансовой помощи). Как следствие, изменилась глобальная конфигурация: если в годы холодной войны планета была разделена на два «мира»: свободный и коммунистический, а оставшаяся часть была своего рода «полем битвы» для представляемых ими проектов развития, то с ее завершением «первый мир» стал воплощаться странами, которые либо являются наиболее богатыми и успешными, либо демонстрируют возможности стать таковыми в обозримом будущем. В очень реалистично отражающей нынешнее положение дел книге П. Ханны к этому «первому» миру причисляются США, Европейский союз и Китай[11], и против такого подхода сегодня сложно что-либо возразить. На указанные три «центра мощи» приходится 50,1–61,4% глобального ВВП (в зависимости от подсчета с учетом паритета покупательной способности валют или по рыночным курсам)[12], они в качестве хотя бы одного контрагента участвуют в 45% экспортно-импортных сделок[13], на них приходится 67,8% мировых расходов на НИОКР[14]; производится 72,8% всей высокотехнологичной продукции[15]; две из трех сторон эмитируют глобальные валюты, третья обладает самыми крупными золотовалютными резервами; на все три приходится 79% активов глобальной банковской системы и 73% капитализации фондовых рынков[16]. Масштабы их экономик таковы, что в ближайшие 20–30 лет ни одна другая страна не сравнится с ними более чем по двум из указанных характеристик.

Каждый из основных игроков в мировой политике имеет фундаментальный «козырь», который помогает ему поддерживать и укреплять свое влияние в мире. У Соединенных Штатов это прежде всего статус крупнейшей в мире экономики, которая выступает генератором глобального спроса и источником большей части технологических инноваций; серьезная «мягкая сила», основанная на привлекательности американского образа жизни и свободы предпринимательства; статус эмитента резервной валюты и самая мощная на планете армия[17]. У Европейского союза это высокий уровень жизни и самая совершенная система социальной защиты населения; отлаженная интеграционная парадигма, обменивающая суверенитет входящих в него стран на экономическое благосостояние и правовую защищенность (притягательность этой модели можно наблюдать на примере советских сателлитов и некоторых бывших республик Советского Союза)[18]. Китай привлекает страны более низкого уровня развития готовностью развивать на их территории сырьевые и инфраструктурные проекты; полной толерантностью к авторитарным режимам, с которыми неохотно сотрудничают западные страны; неограниченными инвестиционными возможностями; статусом самого крупного в мире импортера природных ресурсов и продуманной моделью быстрого индустриального развития, которая для многих служит сегодня примером[19].

В сложившейся ситуации Россия, безусловно, выглядит державой «второго ряда» (это, разумеется, не означает «второго сорта») или, если следовать определениям того же П. Ханны, «второго мира». В данном мире есть многое от развитых стран, однако большинство политических и социальных институтов несут на себе печать имитационности; потенциал развития ограничен внутренним рынком и относительной провинциальностью; государства этой группы могут вырваться вперед и догнать лидеров экономически, но никто из них не способен сравняться с ними по степени своего международного влияния. Вывод прост: «будущее второго мира зависит от того, как он станет относиться к трем сверхдержавам; и наоборот, будущее любой сверхдержавы зависит от того, сможет ли она управлять вторым миром»[20]. Сегодня

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

крупные страны «второго ряда» в чем-то схожи в своем геополитическом значении с «хартлендом» Р. Макиндера[21]: кто сможет привлечь их на свою сторону, тот (может быть) станет мировым гегемоном — но из этого (как, впрочем, и из теории «хартленда») не вытекает, что сами региональные державы обладают неоспоримой геополитической субъектностью.

Я останавливаюсь на этом столь подробно именно потому, что Россия сегодня относится как раз к категории стран «второго мира» — и при этом она не только является одной из них, но находится в ситуации даже более сложной, чем большинство остальных.

Положение России как державы «второго мира» определяется ее слабостью практически во всем, что сегодня ценится в международных делах. Российская Федерация остается крупнейшим в мире государством по размеру территории, и, вероятно, самой богатой природными ресурсами страной. Однако территория сейчас скорее «обязательство», чем актив, так как требует развития, а оно — денег. Спрос на сырье будет всегда — но при этом Россия остается зависимой от цен на него, которые пока складываются практически без ее участия (хотя в последнее время мы видим активные попытки Российской Федерации принять участие в их регулировании посредством присоединения к картельным соглашениям стран — членов ОПЕК). По наследству от СССР стране достался крупнейший в мире ядерный арсенал и место постоянного члена в Совете Безопасности ООН — но практика показывает, что важные решения в мире можно принимать и без санкции Совбеза, а ядерное оружие способно образумить агрессора, но вряд ли может быть применено (а если может, то только один раз — и итогом окажется тот «мир без России», который не вызывает в Кремле энтузиазма[22]). Собственно, на этом наши «козыри» исчерпываются.

При этом стоит отметить, что россиян мало: 44,9% от числа американцев, 29,1% — от европейцев (33,6%, если не считать Великобританию) и всего 10,6% от числа китайцев. Доля России в населении Земли — всего 1,93% (и этот показатель снизился с 5,2% в 1913 году)[23]. Экономически мы также не выглядим слишком впечатляюще: ВВП Российской Федерации составил в прошлом году 92,09 трлн руб., или $1,58 трлн по текущему обменному курсу валют (я беру этот показатель, так как можно доказывать самим себе, что мы намного богаче, но для действий на международной арене нужны инвестиции в долларах, а не в «учетных рублях»), что не превышает 2,0% глобального показателя и находится ниже цифр 1913 года (5,03%)[24]. Мы крайне блекло смотримся по показателям экспорта готовых промышленных изделий (к ним по международным классификациям можно отнести только 16–17% вывозимых из страны товаров), и Россия в этом ряду немного отстает от… Словакии[25]. По высокотехнологичному экспорту ($9,84 млрд в 2014 году) мы более чем втрое отстаем от в прошлом нищего Вьетнама ($30,86 млрд), от Сингапура — почти в 14 раз ($137,4 млрд), а от Китая ($558,6 млрд) — в 57 раз[26]. В 2016 году Россия впервые экспортировала нефти и газа меньше (на $107,9 млрд), чем Китай — одних лишь мобильных телефонов (на $116,1 млрд)[27]. Россия «проваливается» в международных индексах цитирования и патентования — и пока нисходящий тренд устойчив. Совокупные прямые инвестиции российских компаний за рубеж составляли в 2013 году $439 млрд — около 16% от китайских и менее 3,5% от европейских[28].

Россия пытается компенсировать свое исчезновение с экономической карты мира наращиванием военной мощи: с 2000 по 2015 год военные расходы выросли в номинальном выражении в 15,6 раза, с 260 млрд до 4,95 трлн руб.[29], достигнув, по западным оценкам, к 2016 году 4,9% ВВП[30] и уступая в этом отношении из развитых стран только израильским. Однако эти расходы пока не позволяют говорить о том, что Россия выглядит глобальным военным игроком. На восточных рубежах Тихоокеанский флот существенно уступает военно-морским силам Южной Кореи, на южных Черноморский флот — флоту Турции, а в целом у России нет ни одной авианосной группировки, сравнимой с любой из семи американских. Для поддержания оперативного соединения военно-морского флота в Средиземном море у берегов Сирии были задействованы надводные силы трех флотов (Черноморского, Тихоокеанского и Северного) — просто потому, что ни один из этих флотов не обладает достаточным количеством флагманских кораблей (ракетных крейсеров, оснащенных в том числе системами ПВО/ПРО С-300), чтобы самостоятельно проводить ротацию этого соединения.

И НАТО, и Китай сегодня имеют более сильные армии, чем Россия. Первая превосходит Россию в системах разведки и связи, в высокоточных вооружениях, в способности глобальной проекции силы (чего стоят хотя бы 10 действующих американских авианосцев и 22 ракетных

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

крейсера класса Ticonderoga[31]); второй — в общей численности армии, в обычных морских вооружениях, в системах космической разведки и связи[32]. Конечно, Россия защищена от любой угрозы извне своим ядерным арсеналом — но для наступательной политики и расширения своей зоны влияния одного этого совершенно недостаточно.

При этом положение России в современном мире серьезно отличается от положения других держав, которые схожи с ней по экономическому потенциалу и степени влиятельности в региональной политике. В отличие от тех же Японии, Бразилии, Индии, Турции или Мексики, которые находятся на относительно «открытом» геополитическом пространстве, выступают очевидными экономическими лидерами в своих регионах и имеют тесные связи с несколькими центрами «первого мира» одновременно, Россия сегодня расположена между двумя крупнейшими игроками в Евразии — Европейским союзом и Китаем и практически не имеет вокруг себя значимых экономик, которые могли бы ее потенциально усилить. Фундаментальное отличие геополитического позиционирования современной России от недавно еще существовавшего Советского Союза состоит в том, что за последние 30 лет масштабы как ее экономики, так и экономик соседних стран разительно изменились. В 1980 году номинальный ВВП СССР оценивался западными экспертами в $1,2 трлн, тогда как ВВП Западной Германии — в $920 млрд, а ВВП Китая — в 226 млрд[33]. Советский Союз опережал как ФРГ, так и КНР по многим позициям в производстве промышленных товаров, а его технологическое отставание было далеко не безусловным; при этом Европейское экономическое сообщество невозможно было рассматривать как политическое объединение, а Европа до поры до времени оставалась разделенной по той линии, которая была проведена по окончании Второй мировой войны[34]. В 2017 году российский ВВП (опять-таки, согласно текущим рыночным курсам валют) приблизился к $1,6 трлн, в то время как ВВП объединившейся Европы (даже без Великобритании) составил $14,5 трлн, а Китая — чуть менее $12 трлн. В этой ситуации Россия сталкивается с бóльшими вызовами, чем любая страна «второго мира», так как превращается в пространство, отделяющее одну державу «первого мира» от другой. И если в экономическом развитии Российской Федерации не произойдет радикальной смены тренда, ее дезинтеграция окажется вполне вероятной.

Наконец, нужно быть реалистами и понимать, что проблема состоит не только в том, что за последние несколько десятилетий Россия стала намного слабее по сравнению с Европой или Китаем. Она стала слабее и в абсолютном выражении: разрушено значительное число важных отраслей — от приборостроения до авиационной промышленности (в 2016 году Россия произвела 30 гражданских самолетов против 194, выпущенных СССР в 1988-м[35]); не заметен прогресс даже в столь любимых властями нефтяной и газовой отраслях: в 1990–2015 годах объем добычи в них соответственно вырос на 4,8% и сократился на 2,9%: в результате если в 1990 году доля РСФСР в мировой добыче нефти составляла 16,2%, а газа — 29,8%, то по итогам 2015 года эти показатели снизились до 12,4 и 16,3%[36]. Даже если говорить не о «гражданских» отраслях, а о производстве вооружений, окажется, что в 1984 году знаменитый Уралвагонзавод произвел 1559 танков Т-72, а в 2015 году в войска поставлена была только партия из 20 новых танков Т-14[37]. Если в американской компании LockheedMartin в 2014 году на одного сотрудника приходилось $407 тыс. выручки, то в российской ОАК этот показатель составлял 404 тыс., но рублей[38]. Кризис в промышленности — и гражданской, и военной — приобретает непреодолимый характер, подталкиваемый устойчивой деградацией инженерно-технического образования и фундаментальной науки. Рассказ о проблемах можно продолжать, но очевидно одно: Россия сегодня «сжата» между двумя крупнейшими мировыми экономическими и военно-политическими центрами и явно не способна тягаться с ними ни в хозяйственной, ни в военной сферах.

В подобных условиях наиболее рациональным выбором было бы тесное сближение — причем «по всем направлениям» — с одним из ближайших соседей: либо с Европейским союзом, либо с Китаем, причем сближение ради экономического процветания и обеспечения коллективной безопасности и координации внешней политики. Между тем ничего подобного не происходит: самоотстранение от Европы становится все более явным, но и никакой entente cordiale с Китаем пока не намечается. Причины и того и другого понятны — но при этом довольно иррациональны. С одной стороны, это неприятие современной европейской идеологии, ставящей права человека, несомненно, выше принципов суверенитета государственной власти, и

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

своего рода «средневековое» равнение на Китай, для которого важнее использование сырьевого потенциала России, чем ее социальное и политическое развитие[39]. С другой стороны, это постоянное «оглядывание» на оставшегося участника «первого мира» — Соединенные Штаты, с которыми Кремль все еще пытается разговаривать на равных, несмотря на полное отсутствие для этого каких-либо предпосылок; учет «американского фактора» радикально деформирует сегодня российскую внешнеполитическую логику, отвлекая страну от постановки и эффективного достижения реалистических целей в пределах Евразии.

Как я отмечал еще в первой главе, Россия, опустившись до страны «второго мира», но живущая представлениями о самой себе как о сверхдержаве, оказывается сейчас не в состоянии выработать адекватную внешнеполитическую повестку прежде всего потому, что не может воспринять саму себя как потенциально естественную часть союза, ведущую роль в котором играе(ю)т более сильная(ые) страна(ы). Это определяет основную черту российской внешней политики — политики «обиженного», который стремится не столько максимизировать собственные выгоды от того или иного шага, сколько продемонстрировать с его помощью свою «независимость» от других. Этот принцип проявился уже в речи В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 году, когда он спросил: «Что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора?»[40], и особенно четко отражен в его недавнем отчаянном призыве: «Нас никто [тогда не слушал], с нами никто по существу не хотел разговаривать — послушайте сейчас!»[41] В то же время сама по себе независимость России вряд ли может взволновать западный мир, в военно-политическом отношении выглядящий вполне самодостаточно, — и это объясняет другую особенность современной российской политики: ее нарастающую провокационность.

Сам по себе подобный прием я оценил бы как вполне естественный, но от того не менее аномальный. После того как потенциал попыток установить с Западом нормальные партнерские отношения был (по мнению Кремля), исчерпан, основной тактикой Москвы стали вызывающие шаги, явно подрывающие представления западных (и не только) держав о нормальном поведении на международной арене. С их помощью Россия стремится привлечь к себе внимание и заставить оппонентов возобновить с ней диалог на тех условиях, которые она считает единственно приемлемыми. И если, например, операция в Грузии в 2008 году могла рассматриваться как попытка использовать в разговоре с западными державами их собственные подходы (в том числе риторику гуманитарного вмешательства)[42], то аннексия Крыма стала первым прецедентом открытой ревизии послевоенного миропорядка и своего рода «приглашением» вернуться к временам, когда мир был поделен на зоны влияния, — причем, судя по многим признакам, российские руководители были искренне уверены в том, что подобное приглашение могло быть принято. Отказ Запада не только перевести диалог в такое русло, но и вообще продолжать нормальное общение с Россией спровоцировал вмешательство в гражданскую войну в Сирии, предпринятое исключительно для того, чтобы найти «точку соприкосновения» с США (и в меньшей степени — с Европой) и вывести Россию из изоляции[43]. Неудача в этом спровоцировала активное вмешательство Кремля во внутреннюю политику основных стран ЕС и США, которое, однако, обернулось продолжающимися скандалами в отношениях с большинством партнеров и практическим возвращением во времена холодной войны. Какими будут следующие шаги, пока остается только гадать. При этом очевидно, что Россию в этих попытках не поддерживают даже ближайшие «союзники»: ни Китай, ни страны ЕАЭС не признали ни независимости Абхазии и Южной Осетии, ни включения Крыма в состав Российской Федерации.

Сегодня в мире широко распространено мнение о России как государстве, которое стремится лишь расшатать современную глобальную конфигурацию[44]. Эта деструктивная повестка, на мой взгляд, крайне опасна, так как ведет к такой изоляции, которая по прошествии некоего времени станет необратимой. Пока мировые лидеры все еще заявляют, что «никакие глобальные проблемы не могут быть решены без участия России»[45], хотя очевидно, что таких проблем становится все меньше, а сами эти слова повторяются скорее по инерции. Трагедия современной российской внешней политики состоит в том, что страна пытается действовать как an indispensable nation, хотя не имеет к тому никаких предпосылок; стремится вернуться в прежние времена, давно не отвечая требованиям, которые ранее предъявлялись к глобальным сверхдержавам. Провокационные действия Москвы порождены стремлением вынудить оппонентов к диалогу — но при этом из вида упускается отсутствие самого предмета

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

обсуждения. В современной политике не принято, чтобы одни государства (например, США и Россия) обсуждали статус других (например, Украины). Поддержка диктаторов, тысячами убивающих своих граждан с применением химического оружия, не может сделать страну партнером цивилизованного мира даже при необходимости совместной борьбы с «терроризмом». Сегодня мало привлечь к себе внимание — нужно иметь повестку дня, обсуждать которую согласились бы остальные стороны. У Кремля ее нет, и именно поэтому кризис в российской внешней политике является не только чрезвычайно острым, но и практически непреодолимым.

Положение страны «второго мира» требует совершенно иной внешнеполитической парадигмы. Соответствующие страны должны обладать двумя основными чертами: с одной стороны, быть способными к объединению со странами «первого мира» в устойчивые и продолжительные союзы (и если мы посмотрим на списки союзников большинства великих держав, они почти не изменились за последние 30–40 лет); с другой стороны, уметь доказывать свою ценность и полезность для этих стран, способствуя решению тех или иных экономических и политических проблем. И с тем и с другим у нынешней России большие сложности — и потому ее внешняя политика не имеет шансов стать хотя бы относительно современной.

Флюгерная «многовекторность»

Российская доктрина внешней политики на протяжении многих лет подчеркивает, что страна привержена идеалам «многополярного» или «полицентричного» мира и даже исходит из того, что такой мир уже является реальностью нашего времени («складываются новые центры экономического и политического влияния, происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике» — сказано в Концепции внешней политики Российской Федерации образца 2016 года[46]). Однако при этом в документе ничего не говорится о том, как намерена Россия взаимодействовать с новыми и приходящими в упадок центрами; кого она считает своими основными союзниками и на основании чего (за исключением неочевидного уважения к нормам международного права) она выстраивает свои с ними отношения. Отмечается лишь, что «приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации являются развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами — участниками Содружества независимых государств и дальнейшее укрепление действующих на пространстве СНГ интеграционных структур с российским участием»[47] — но все это, по сути, касается отношений России как страны «второго мира» со странами «третьего мира» и не более того.

Оценивая историю российской внешней политики — как на протяжении нескольких столетий, так и в последние годы, — можно легко убедиться в том, насколько непоследовательной она была. Мы уже говорили, что страна постоянно становилась то более, то менее открытой, то поворачивалась к Европе, то отворачивалась от нее, — но нельзя не видеть, что Россия в то же время постоянно «перебирала» союзников и часто сталкивалась в войнах и конфликтах с теми, кто еще недавно был партнером. Взаимоотношения с отдельными европейскими странами — важными центрами тогдашней политики — не могут не впечатлять. Войны с Францией на рубеже XVIII и XIX столетий, мир в Тильзите, Отечественная война 1812 года, дружба с Бурбонами, Крымская война, а потом участие в Антанте. Семилетняя война с Пруссией, затем неожиданная дружба, коалиция времен наполеоновских войн, потом Первая мировая, пакт Молотова–Риббентропа и Великая Отечественная война. Союз с Австрией против Бонапарта, помощь ей в подавлении венгерской революции 1848 года, неожиданный нейтралитет Вены в Крымской войне, а затем две мировые войны с ней как с союзником Германии. Примеры можно продолжать. За последние 200 лет не то чтобы одна из крупных европейских держав, но все они вместе не выбирали и не отметали союзников и врагов с такой калейдоскопической скоростью, с какой это делала Россия. Даже Великобритания, великий мастер коалиций, вряд ли могла помыслить о такой смене своих партнеров и сателлитов.

Однако прежние «развороты» меркнут перед тем, что происходило в российской внешней политике в постсоветский период. Начав с тесного взаимодействия с Соединенными Штатами и Европейским союзом, подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС в 1994 году и Основополагающего акта Россия–НАТО в 1997-м, Россия, судя по всему, очень плохо понимала свои перспективные цели. Будучи по большинству параметров почти идеальным

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

союзником западного мира (страна, отвергшая коммунизм и воспринявшая рыночную экономику; имеющая основным экономическим партнером ЕС; остро нуждающаяся в притоке инвестиций и технологий; не вполне уверенная в безопасности восточных границ и т.д.), она начала отворачиваться от него из-за событий в бывшей Югославии — несмотря на то, что демократическая Россия и авторитарная Сербия в то время были почти антиподами, а экономические отношения между странами никак не могли стать значимым фактором их тесной дружбы. Но, несмотря на это, в 1999 году Россия пошла на резкое снижение интенсивности диалога с Западом, одновременно обернувшись на Восток и придумав совершенно нежизнеспособный «треугольник» Москва–Пекин–Дели[48]. К этому времени относятся и первые попытки создать более плотный союз с Китаем, позднее воплотившийся в концепте ШОС. Казалось бы, Россия сделала важный геополитический выбор.

Этот выбор вернул Москву в «забытый круг друзей»: как в советские времена, начались визиты главы российского государства в бывшие социалистические и «близкие к ним» страны, которые не успели «переметнуться» в западный лагерь. За первый год своего президентства В. Путин успел отметиться в КНДР, на Кубе, в Ливии, Вьетнаме, Индии и Монголии, не говоря уже о Белоруссии, Киргизии, Туркменистане, Азербайджане и Армении. Россию посетил сам великий вождь Ким Чен Ир; казалось, началась новая попытка консолидировать своих прежних друзей. Но процесс этот продолжался недолго — а именно до того момента, пока российский и американский президенты не посмотрели друг другу в глаза и последний неожиданно увидел в них душу российского лидера[49]. Приоритеты стремительно поменялись: мы помним и звонок В. Путина Дж. Бушу 11 сентября 2001 года, и его выступление в бундестаге всего две недели спустя, 25 сентября, и государственные визиты в Лондон, Вашингтон, Париж и Брюссель, не говоря уже о встречах «восьмерки». В то время могло показаться, что это как раз период 1999–2001 годов был своего рода аномалией и прозападный курс России полностью восстановился. Но не тут-то было.

Сначала Кремль крайне болезненно отреагировал на вторжение Соединенных Штатов и их союзников из «коалиции решительных» в Ирак — и тут, несмотря на кардинальную смену действующих лиц в российской политике, мы снова увидели полное повторение случившегося за пять лет до этого: Россия вновь пошла на обострение отношений с Западом (а вряд ли можно было всерьез считать, что конфликт с США не приведет именно к этому, даже если некоторое время казалось, что России удастся выстроить коалицию противников вторжения вместе с Францией и Германией) из-за страны с авторитарным режимом, экономическое сотрудничество с которой было на тот момент минимальным. Вскоре непрочный союз с Парижем и Берлином разбился о несогласие европейцев примириться с назойливым вмешательством Москвы в демократические выборы на Украине в 2004–2005 годах. После этого европейские «друзья» России пошли на расширение ЕС и НАТО, к которым Москва к тому времени настолько охладела, что начала воспринимать как прямую угрозу.

Очередная волна антизападничества стала намного более радикальной, чем предыдущая. Россия начала решительно развивать сотрудничество с Китаем, согласилась с передачей ему некоторых спорных территорий, почти официально сделала приоритетом своей внешней политики «поворот на Восток», после краткосрочной военной операции в Грузии в 2008 году стала всемерно продвигать свой интеграционный проект Евразийского союза (с 2010 года в виде Таможенного союза, а с 2014 года — именно как ЕАЭС), пока наконец не «сорвалась» в прямое противостояние с Украиной, как только стало понятно, что крупнейшая из бывших советских республик не желает принимать участие в этом безумном региональном эксперименте. С момента введения санкций, которых Москва вряд ли ожидала, начался самый радикальный этап «равнения на Пекин»: считалось, что Китай вполне может заменить России Запад как источник кредитов, инвестиций и политического влияния. Пока, однако, этого не случилось: несмотря на то, что Китай по итогам 2015 года превратился в самого крупного торгового партнера России, а Россия с мая 2016 года стала самым крупным поставщиком нефти в КНР, кредитов и инвестиций Кремль так и не дождался: из всех зарубежных инвестиций КНР в 2016 году в общей сумме $1,39 трлн на Россию приходится около 1% — $14 млрд[50]. Ничего похожего на отказ от доллара во взаимных расчетах и стремительного роста сотрудничества в финансовой сфере тоже незаметно — и Россия начала поиск очередных вариантов сотрудничества с Западом.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

На этот раз стало понятно, что прежние лидеры западных стран не слишком расположены к восстановлению взаимопонимания (повторю, так быстро, как у Москвы, внешнеполитические ориентиры других столиц не меняются), и потому началась кампания расшатывания Европейского союза и попытки посодействовать избранию в Соединенных Штатах «правильного» президента. Однако новый виток российской внешней политики пока выглядит не слишком многообещающим. Во-первых, заигрывания Москвы с авторитарными режимами зашли, судя по всему, слишком далеко на фоне поступательного углубления и интернационализации кровопролитного конфликта в Сирии, который приобрел такую степень ожесточенности, которая может позволить западным странам вмешаться в него самым непосредственным образом (а скорее даже поставит их перед такой необходимостью); операция, которая призвана была «принудить Соединенные Штаты к сотрудничеству», оказалась причиной резкого обострения противоречий между Москвой и Вашингтоном. Во-вторых, уже понятно, что Кремль радикально просчитался — как персонально, так и по существу, — сделав ставку на Д. Трампа в США и радикальных политиков в Европе: определенные черты сходства в политическом стиле руководителей России и США оказались неспособны обеспечить серьезное политическое взаимодействие между двумя странами, тогда как надежды на смену политических элит не оправдались ни в Нидерландах, ни во Франции, ни в странах Центральной Европы[51]. По сути, стало ясно, что Москва в принципе не умеет успешно играть с демократическими режимами: провальными оказались как ставки на прежних лидеров или их команды (как, например, на Украине), так и попытки поспособствовать избранию новых (в США, Франции и, как теперь уже понятно, в Германии). В-третьих, что также немаловажно, Китай начал существенно корректировать свой курс: если раньше в его риторике можно было заметить нотки несогласия с глобализацией по американскому сценарию (что существенно сближало Пекин и Москву), то в последнее время на фоне укрепления авторитарных тенденций во внутренней политике слышатся заявления в поддержку глобализации и прослеживается готовность КНР возглавить этот процесс, если Соединенные Штаты попытаются уйти в экономический изоляционизм[52]; России же, судя по всему, не слишком нравятся глобализация и экономическая «десуверенизация» как таковые, вне зависимости от того, кто играет в этих процессах ведущую роль.

Таким образом, сегодня Россия находится в сложном положении, в которое она сама себя поставила: вернуть взаимопонимание с Западом возможно только на условиях Запада (как отметил Д. Трамп, «в нужное время все образумятся, и наступит прочный мир»[53]), которые Россия принимать очевидным образом не собирается, опасаясь по сути разрушения той внешнеполитической идентичности, которую создавала все последние годы. Извлечь же какие-либо внешнеполитические выгоды от сотрудничества со своими «союзниками» — от Сирии и Ирана до непризнанных никем больше республик — не представляется возможным. Какими будут следующие шаги Москвы, мы скоро увидим, однако, похоже, шансов на преодоление наших внешнеполитических «аномалий» остается все меньше. Не будет большим преувеличением говорить даже о конце внешней политики России[54] — она все более сводится к обсуждению маргинальных тем, а партнерами страны выступают либо изгои, либо наименее значимые в своих регионах государства, часто не имеющие серьезного влияния на политику соответствующих региональных объединений и союзов (а в последнее время и саму Россию начинают все чаще воспринимать как страну-изгой[55]).

И все-таки почему Российская Федерация — совсем еще недавно глобальная сверхдержава, а сегодня — одна из наиболее значимых стран «второго мира»; государство, обладающее крупнейшим в мире ядерным арсеналом и имеющее рычаги влияния на основные международные организации, ведет себя на мировой арене фактически как флюгер, меняющий свое отношение к наиболее значимым для себя союзникам в зависимости от ярких поворотов в жизни С. Милошевича, С. Хусейна, М. Каддафи или В. Януковича? Я думаю, что помимо некоторых особенностей характера президента В. Путина этому есть свои объяснения.

Во-первых, российская внешняя политика практически полностью свободна сегодня от любых ценностных ориентиров, которые становятся все более значимыми в современном мире. И Соединенные Штаты, и государства Европейского союза вне зависимости от того, боролись ли они с международным терроризмом и какими методами, были и остаются привержены соблюдению прав человека, расширению пространства демократии и неприятию тоталитарных

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

режимов. Все это может проявляться в большей или меньшей степени, но сам подход не претерпевает изменений. Союзники выбираются сегодня на этой ценностной основе, и вряд ли можно надеяться на то, что Россия вернется в круг западных стран, пока ее лучшими друзьями будут Иран и Сирия, а выход на улицы Москвы или Санкт-Петербурга небольшими группами даже молча и без транспарантов будет заканчиваться в автозаках. Я ни в коем случае не утверждаю, что сами западные страны абсолютно последовательны в своей политике; они успешно выстраивают отношения с государствами, вполне диктаторскими и не разделяющими их ценности; но хочу подчеркнуть, что взаимовыгодные отношения — это одно, а стратегическое взаимодействие — совсем другое. И, собственно, сегодня Россия пришла именно к этому: покупать у нее нефть и газ готов практически каждый, но широкого круга «стратегических» друзей у нее нет и не предвидится.

Во-вторых, российская внешняя политика опирается на довольно шаткий фундамент понятий и принципов, трактуемых в давно устаревшей редакции. Так, например, Москва постоянно повторяет, что ее поддержка тех или иных режимов — даже в довольно сомнительных обстоятельствах — обусловливается приверженностью России соблюдению принципа государственного суверенитета и невмешательства в дела тех или иных стран извне. Между тем современное понимание суверенитета радикально отличается от тех трактовок, которые доминировали в период заключения Вестфальского мира. Носителем суверенитета практически везде называется народ — даже в тех странах, которые на деле не выглядят демократическими. И если не говорить о вторжении США в Ирак, то смены властей на Украине и в Египте, в Тунисе или (пока неудавшаяся) в Сирии совершенно не требуют внешней заботы о суверенитете этих стран, так как порождены требованиями того самого народа, который выступает его носителем согласно ст. 3 Конституции Туниса 1959 года, п. 2 ст. 2 Конституции Сирии 1973 года, ст. 5 Конституции Украины 1996 года, а также основных законов большинства стран мира. Россия отстаивает не современные принципы, а несовременные интересы отдельных обанкротившихся политиков — чего на постоянной основе не предпринимает сегодня ни одна крупная держава.

В-третьих, что крайне важно, в России внешняя политика занимает аномально значимое место в общественной жизни, какого она не имеет ни в одной из ведущих стран современного мира. В тех же США, на которые мы постоянно стремимся «равняться», внешнеполитические приоритеты кандидатов в президенты не выходили на первый план со времен завершения холодной войны: в последних пяти кампаниях основными темами были налоговые вопросы, организация здравоохранения, иммиграционная политика, проблемы меньшинств и их прав, контроль за оборотом оружия и борьба с терроризмом. В Европе тема внешней политики отошла на второй план еще раньше, практически полностью подменившись проблематикой отношения к ЕС и его институтам, — за пределами самой Европы у составляющих ее стран нет особых интересов (кроме так или иначе связанных с миграцией), и внешняя политика давно стала делом техническим. В России всё наоборот — вопросы позиционирования страны в мире, ее влияния и роли в международных процессах остаются исключительно важными для значительной части населения, и, судя по большинству опросов[56], эта ситуация не имеет шансов скоро измениться. Поэтому внешнеполитическая повестка обретает для власти совершенно особую ценность: заявления о реинтеграции постсоветского пространства, захват территории других государств или бряцание оружием на глобальной периферии непосредственно влияют на степень ее поддержки населением, которое ради геополитического «величия» готово смиряться со многими элементами жизненного неблагополучия.

Помимо всего сказанного, постоянная «смена вех» в российской внешней политике объясняется, на мой взгляд, и еще одним обстоятельством. Власть в России по целому ряду причин мыслит не в рамках парадигмы решения каждодневных рутинных задач, а разного рода «проектами» и «стратегиями». В основе ее действий (как в области экономики, так и внутренней и внешней политики) лежат некие умозрительные схемы, под которые она стремится «подгонять» действительность. Отчасти это обусловлено советской ментальностью многих представителей отечественной политической элиты, отчасти — стремлением убедить самих себя в своей способности реализовать грандиозные планы. Однако чем бы такой подход ни был вызван, он проявляется в постоянном сотворении неких grand projets, предполагающих, что существует палочка-выручалочка, которая может обеспечить России достижение на определенном этапе практически всех ее целей.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

На протяжении последней четверти века можно выделить немалое число таких тем, которые довлели над принятием внешнеполитических решений. В 1990-е годы это было сначала представление о «единении» с Западом (1991–1998 годы), а позже — о необходимости сплотиться с нашими «старыми друзьями» и «воспользоваться прежними достижениями» (1999–2001 годы). В 2000-е к числу подобных тем можно отнести участие в «войне с терроризмом» как новую основу для укрепления отношений с союзниками (2001–2003 годы); концепцию «большой Европы», скрепленной энергетическими интересами и противостоящей Соединенным Штатам (2003–2005 годы); развитие Евразийского союза как новой имперской реинкарнации (с 2008 года и далее); знаменитый «поворот на Восток», в рамках которого Китай должен был заменить России весь остальной мир (начиная с 2012 года), и ряд других. Проблема этого «проектного» подхода заключается в том, что на каждом этапе власти рассматривали новую стратегию как способную дать ответ если не на все, то на большинство стоящих перед страной проблем. Ожидания были изначально завышенными, а факторы, которые могли помешать осуществлению вынашиваемых планов и которые были легко различимы еще до начала их реализации, не принимались в расчет. Именно эти завышенные ожидания и их последующий крах и вызывали «бешеные обороты» российского внешнеполитического «флюгера». Если бы цели изначально определялись как более скромные, а следование отдельным стратегиям не требовало отказа от реализации прочих программ, «шатаний» могло быть меньше, а результатов — больше. Проблема, однако, заключается также и в том, что на внешнюю политику переносились многие подходы, распространившиеся во внутренней, — а одним из важнейших из них уже в 2000-е годы стал переход к новым стратегиям до (и вне зависимости от) реализации предшествующих[57]. Идея удвоения ВВП в начале 2000-х, «национальные проекты» в середине десятилетия, амбициозная программа модернизации в 2008–2011 годах, стратегия развития Сибири и Дальнего Востока — ни одна из этих программ не была выполнена прежде, чем власти переключились на новые. Поэтому я бы сказал, что недоведение планов до логического завершения стало в Кремле стилем жизни, и в такой парадигме постоянная смена союзников и целей, задач и ориентиров представляется совершенно естественной — хотя от того не становится менее несовременной.

Российская внешнеполитическая «многовекторность», на деле выглядящая скорее неразборчивостью, должна была бы уступить место гораздо более структурированному подходу, основанному на адекватном понимании роли страны в современном мире. Вопрос о союзниках, который решается Кремлем всякий раз в очень драматичном ключе, следует разделить на два. С одной стороны, должен быть поставлен вопрос о том, союзником каких более сильных стран/союзов Россия намерена выступать. Это даст важный «якорь» для определения остальных приоритетов: по крайней мере станет понятно, что Москва будет «колебаться» вместе с выбранным союзником в отношении к другим державам «первого мира», и таким образом возникнет некий коридор возможностей, делающий внешнеполитический курс страны более предсказуемым. Четкая «связка» продемонстрирует политикам других стран, а также глобальным экономическим игрокам появление фактора, который будет удерживать Россию от неожиданных шагов, что после нескольких десятилетий крайней непоследовательности безусловно станет важным позитивным сигналом. С другой стороны, это обстоятельство сделает намного более простым и вопрос о том, кого Россия хочет и может считать своими союзниками (имеются в виду, разумеется, государства менее значимые и влиятельные на международной арене, в отношении которых Москва может выступать в роли старшего партнера). Если акцент будет сделан на демократические страны Запада, конфигурация будет одной, если на крупные авторитарные экономики — другой; однако в любом случае последовательность окажется выгоднее и рациональнее того мельтешения, в котором Россия провела практически все годы, прошедшие после распада Советского Союза.

Политика vs. экономика

Как страна «второго мира», Россия должна понимать, что ее возвышение (воспользуемся здесь общеизвестным китайским термином) зависит не от количества баллистических ракет в арсеналах, а от того, сколь устойчивым будет ее экономической рост и в силу этого сколь ценным будут считать союзничество с ней державы «первого мира», а также от того, сколь

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

выгодно она сама сможет взаимодействовать с государствами «третьего». Именно парадигма хозяйственного роста и технологического развития должна находиться в центре российской внешнеполитической доктрины — но упоминалась она в этом ключе лишь на протяжении нескольких лет президентства Д. Медведева[58], а потом была снова забыта.

У России, на мой взгляд, на рубеже XX и XXI столетий существовали все предпосылки для того, чтобы стать незаменимым экономическим партнером Запада — и прежде всего Европейского союза. Огромные ресурсы, которые на внутреннем рынке были в разы дешевле, чем на мировом, и могли в этой ситуации сыграть такую же роль в развитии сборочного производства, какую в Китае играла дешевая рабочая сила; квалифицированный персонал, еще не испорченный современным российским «образованием» и не слишком требовательный к высоким доходам; относительно либеральная налоговая система, которая могла оставаться таковой еще долгие годы, если бы правительство умерило свои авторитарные и геополитические амбиции, — все это могло сделать Россию идеальным местом для европейских инвестиций. История показывает, что «догоняющие» страны не могут совершить первый рывок, опираясь лишь на собственные силы: инвестиции и технологии из развитых держав критически важны для «запуска» современного экономического роста[59]. При этом в наше время, когда около 60% торгового оборота между развитыми странами представлено продукцией схожих товарных групп[60] (т.е. приходится на так называемый intrasector, или intra-industry, trade), не стоит надеяться на то, что Западу можно оставаться интересным, лишь поставляя ему сырье. Примитивное разделение труда времен А. Смита сегодня уже никого не возбуждает; даже самые крупные сырьевые рынки на деле являются довольно маргинальными. Вся международная торговля нефтью (22,3 млрд бар. в 2015 году) оценивается в $1,17 трлн; торговля газом (1,04 трлн куб. м) — в $298 млрд[61]. Суммарно эти цифры не превышают 70% экспорта Китая и 25% экспорта стран ЕС. Совокупная стоимость всей потребляемой в США нефти с 1981 по 2015 год снизилась с 6,73 до 2,1 ВВП страны[62], а в Европе процесс идет еще быстрее — поэтому «энергетический шантаж», подобный тому, который пытались применить к Западу ближневосточные страны в 1973–1974 годах, становится менее действенным. В современном мире нельзя быть «энергетической сверхдержавой» — но Россия этого не поняла: почти 80% всех экономических переговоров В. Путина с иностранными политиками и бизнесменами в 2005–2013 годах были зациклены исключительно на газе и нефти. При этом накопленные прямые иностранные инвестиции в Россию (за исключением банковских кредитов) составили на 1 октября 2017 года лишь $349,7 млрд — приблизительно столько же, как в Австрии[63], и на их рост рассчитывать сейчас сложно.

Важнейшей задачей в отношениях со странами «первого мира» должна была бы стать всемерная хозяйственная интеграция России в этот экономически более «продвинутый» мир. Такая интеграция не является угрозой политическому суверенитету, даже понимаемому как гарантия возможности любого беспредела во внутренней политике: чтобы понять это, достаточно посмотреть на Турцию, экспорт которой с 2006 по 2016 год вырос на 2/3 (российский, для сравнения, сократился за этот период на 5,2%) и которая за этот срок привлекла более $160 млрд прямых иностранных инвестиций[64], несмотря на явно авторитарные тенденции во внутренней политике. В современных условиях такой стране, как Россия, необходимы высокая инвестиционная привлекательность, свободно конвертируемая валюта (разговоры о ней, напомню, идут с послания В. Путина Федеральному собранию 2003 (!) года[65], но никакого прогресса в этом отношении так и нет), безвизовый режим въезда не для подданных новоявленных царьков из ее бывших колоний, а для граждан стран, существенно опережающих нас в экономическом отношении (я не говорю про то, что та же Турция в одностороннем порядке отменила визы для граждан большинства стран ЕС еще в начале 1990-х годов [сегодня они могут приезжать в страну даже по национальным удостоверениям личности и оставаться на неопределенный срок[66]]; Украина сделала это в 2005-м[67], и даже Белоруссия предприняла робкий шаг в январе 2017-го[68]). В инструментарии внешней политики России не должно в принципе иметься таких мер, как экономические санкции против развитых стран; если очень нейметься, их можно применить к неудачливым мелким соседям, но уж точно не к тем государствам, от которых зависят перспективы собственного экономического роста. При этом следует отметить, что в обоих случаях (что с санкциями против ЕС и США в сфере торговли сельскохозяйственными товарами, что с санкциями в отношении Турции) Россия ввела

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

ограничительные меры либо первой, либо на гораздо более широкий круг товаров, чем противоположная сторона. Опять-таки, пресловутое «импортозамещение», рекламируемое чуть ли не как главная экономическая задача, стоящая перед Россией, на деле выглядит самым ясным сигналом нежелания страны встраиваться в современную глобальную хозяйственную систему из всех возможных сигналов, которые могут быть посланы потенциальным партнерам. Если правительство так четко заявляет, что считает показателем собственной успешности отказ от торгового партнерства, кто поверит, что страна в будущем окажется открыта для торговли и инвестиций?

Иначе говоря, современная российская внешняя политика объективно сокращает, а не повышает привлекательность страны для крупных международных игроков — и, следовательно, создает в мире впечатление о том, что экономически без России вполне можно обойтись: свои нефть и газ страна продолжит продавать при любой внешнеполитической конъюнктуре, а в качестве инвестиционного партнера она уже практически списана со счетов. Конечно, такая политика предполагает ограничение участия иностранных игроков и, соответственно, делает управление национальной экономикой проще — но все же следует напомнить, что сегодня внешнеполитический вес страны все больше определяется ее экономической «мягкой силой» и технологическим развитием, а не военным потенциалом. Быть «большой Северной Кореей» ныне не просто неприлично, но и невыгодно.

В той же степени несовременно и позиционирование России в отношении своих «союзников» из «третьего мира». Прежде всего стоит заметить, что сама ориентация на страны бывшего постсоветского пространства с экономической точки зрения иррациональна по крайней мере по двум причинам. С одной стороны, важнейшей предпосылкой экономической модернизации для развивающихся стран является налаживание отношений со странами, уже успешно индустриализировавшимися, — но это никак не относится к бывшим советским республикам, которые остаются, как и Россия, экспортерами сырья (причем доля его в экспорте даже превышает российские показатели [например, в Казахстане она в 2016 году достигала 87% против 71% в России]). Даже если забыть об историческом и социокультурном контексте такого союзничества, чисто экономически оно не может принести никакого синергетического эффекта[69]. С другой стороны, и это уже отмечалось, стремящаяся к модернизации и развитию страна всегда выбирает своим партнером государство или регион, которые могут обеспечить намного бóльший, чем она сама, спрос на производимую продукцию. Сегодня, когда все среднеазиатские и закавказские республики бывшего Советского Союза имеют совокупный ВВП, составляющий (по текущему обменному курсу) не более чем 22% российского[70], прокламируемая ориентация на интеграцию с ними выглядит приблизительно так же, как выглядела бы ориентация Китая на рубеже 1980-х и 1990-х годов не на США, а на Вьетнам, Лаос и Камбоджу или ориентация Турции в начале 2000-х годов не на ЕС, а на Ливан, Иорданию и палестинские территории. Современная экономическая логика настоятельно требует делать приоритетом сотрудничество со странами, располагающими бóльшими экономическими возможностями, чем твои собственные, — в иных случаях примеров успешной модернизации вообще нет. Россия же и в этом отношении приносит экономику в жертву своим геополитическим амбициям.

Кроме того, пора признать, что эти амбиции не просто обходятся России дорого — они стоят ей существенно дороже, чем утверждение своих позиций в мире обходится для любой современной развитой страны. Рассмотрим в связи с этим только три обстоятельства.

Во-первых, это политика в отношении бывших стран — сателлитов СССР. Как правопреемник Советского Союза, Россия получила права требования к ним по выданным этим государствам советским кредитам, общая сумма которых приближалась к $200 млрд. В 1990-е годы, когда до «укрепления позиций на мировой арене» российскому руководству особенно не было дела, ситуация с этим долгами оставалась подвешенной — однако с приходом к власти В. Путина и переключением внимания на бывших советских союзников началась вакханалия по списанию долгов, часто приурочивавшихся к визитам главы российского государства в соответствующие страны. Процесс продолжается и по сей день, хотя и с небольшим перерывом. Чемпионом «в общем зачете» стала Куба (в 2014 году было списано $31,7 млрд); на втором месте с небольшим разбросом оказались Ирак ($12,0 млрд в 2008 году), Монголия ($11,1 млрд в 2003-м) и КНДР ($11,0 млрд в 2012-м). «Бронзу» разыграли Сирия ($9,8 млрд в 2005-м) и

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Вьетнам ($9,5 млрд в 2000-м). Всего за годы пребывания В. Путина в Кремле мы простили должникам около $140 млрд — сумму, которая 3–4 раза покрыла бы дефицит федерального бюджета 2016 года и превышает все федеральные трансферты российским регионам с 2000 по 2015 год[71]. При этом стоит заметить, что далеко не все страны-должники являлись и являются потенциальными банкротами. Списание долгов Алжиру и Ливии в 2006 и 2008 годах на общую сумму $9,1 млрд произошло в условиях, когда эти страны добывали в совокупности 3,8 млн баррелей нефти в день, а цены на «черное золото» находились вблизи максимальных значений. Ангола, облагодетельствованная на $3,5 млрд, является второй нефтедобывающей страной Африки после Нигерии. Почему было бы не взять поставками нефти — пусть в рассрочку на 20 лет — и направить ее покупателям российского сырья? Никарагуа хочет строить канал между Атлантическим и Тихим океаном, который может стать конкурентом Панамскому, — отчего не конвертировать долг в часть капитала этого предприятия, вместо того чтобы удовольствоваться признанием ею Абхазии и Южной Осетии суверенными государствами? Монголия накануне очередного списания долга по показателям роста ВВП (например, на 17,26% в 2011 году) и промышленного производства (на 37,4%) выступала мировым рекордсменом[72] — но это в Москве никого не интересовало. Россия не только не пыталась конвертировать долги СССР в реальные активы, но даже не сочла возможным ни разу выставить эти обязательства на международный «голландский» аукцион. Еще одной особенностью «работы с долгами» была четкая связь наших геополитических амбиций с масштабами списания: в 2000–2007 и 2012–2015 годах, когда главный кремлевский кабинет занимал В. Путин, Россия списывала в среднем по $14 млрд (!) ежегодно — а за все четыре года президентства Д. Медведева прощено было… менее $1 млрд. Наш «национальный лидер» поставил тем самым абсолютный рекорд: ни один глава государства в мире за время своего правления не прощал такого количества долгов другим правительствам. Выводы, на мой взгляд, очевидны — как очевидно и полное отсутствие выгод, полученных Россией от поблажек бывшей клиентелле.

Во-вторых, не менее «экономически выгодная» внешняя политика проводится Россией в отношении стран, которые Кремль стремится сделать союзниками Москвы, сплачивая их вокруг Российской Федерации, — тут речь идет прежде всего о постсоветских государствах. Классическим примером является Белоруссия — страна, которая первой из европейских республик СССР пошла по пути установления авторитарной модели и шаги которой сам В. Путин уверенно повторяет в своей политике[73]. С середины 1990-х годов, когда для создания видимости постсоветской реинтеграции Б. Ельцин и А. Лукашенко образовали так называемое Союзное государство, Россия стала мощным финансовым донором Белоруссии, поставляя дружеской республике нефть и газ по внутрироссийским ценам (что позволяло перепродавать нефтепродукты в Европу и поддерживать белорусский «социализм»), обеспечивая рынок для белорусских товаров и выделяя Минску многочисленные кредиты. Сегодня невозможно определить, во сколько именно обошлась Москве эта «мужская дружба», сам Кремль озвучил недавно цифру российских трансфертов Белоруссии в $30,8 млрд за пять лет[74]; большинство экспертов говорит о более чем $100 млрд за последние 20 лет[75]; эти цифры в целом неплохо коррелируют друг с другом. Если исходить из данных оценок, то получится, что российская помощь Белоруссии составляла в среднем 0,65% ежегодного ВВП нашей страны на протяжении двух десятилетий; для сравнения скажу, что финансовая и военная помощь США Израилю с 1946 по 2017 год составила $134,7 млрд, что соответствует в среднем 0,03% американского ВВП ежегодно[76]. У меня нет сомнения в том, что случай Белоруссии является самым масштабным примером помощи, устойчиво предоставлявшейся одной страной другой в течение последнего столетия. Приблизительно таким же образом выстроено и «сотрудничество» России с большинством остальных государств постсоветского пространства: финансовые подачки рассматриваются не более как средство покупки лояльности (самым примечательным примером является, конечно, стремительное предоставление Украине кредита в $15 млрд после того, как В. Янукович перед своим свержением отчаянно отказался подписать Соглашение об ассоциации с Европейским союзом в 2013 году[77]: $3 млрд, которые Россия физически успела выдать, она сегодня пытается востребовать в международных судах[78]). Но Украина — это особый случай; в большинстве других мы и не стремимся получить наши «кредиты» обратно: в 2013 году Россия простила $500 млн Киргизии, в 2014-м — $865 млн Узбекистану, и список наверняка не закрыт. Похоже, что опыт «геоэкономической экспансии» Советского Союза нас ничему не научил.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

В-третьих, следует заметить, что Россия оказывается неспособной капитализировать свои политические «авансы» в подавляющем большинстве случаев, делая внешнюю политику своего рода destroyer of value не только для собственного внутреннего рынка, но и для зарубежных проектов. Примеров можно привести множество: достаточно вспомнить, например, активную помощь России Венесуэле (было выдано более $12,7 млрд кредитов и вложено в нефтяные проекты около $8 млрд[79]). На сегодняшний день месторождения, которые должны были выйти на добычу 600 тыс. бар. нефти в сутки, дают менее 100 тыс., а кредиты страна перестала обслуживать еще в ноябре 2017 года[80]. Россия продолжает оставаться чуть ли не единственным лояльным экономическим партнером страны, отношения с которой намерен разорвать даже Китай. Или Иран: Россия на протяжении многих лет выступала наиболее последовательным сторонником снятия с Тегерана международных санкций и неоднократно рисковала своей репутацией, защищая Иран на мировой арене. Сегодня наши страны выступают союзниками в Сирии, что серьезно подрывает международное реноме России. При этом после снятия санкций с Ирана российский экспорт в эту страну вырос — однако прирост в 2016 году составил всего $865 млн[81] (для сравнения — одна только сделка по покупке новых самолетов компанией Iran Air у корпорации Boeing оценивается в $16,6 млрд[82]); на долю России в прошлом году пришлось всего 3,0% иранского импорта[83]). Неудачами окончились попытки России закрепиться на рынке Ливии, несмотря на то, что Москва в 2011 году не попыталась блокировать западную интервенцию в страну на фоне быстротекущей гражданской войны; ничем не может похвастать Россия и в Ираке, которому Кремль списал около $12 млрд в надежде на мифический «режим наибольшего благоприятствования» для российских нефтяных компаний. Примеры можно продолжать.

Фундаментальной причиной того, что российская внешняя политика «не дружит» с экономикой, я бы назвал главную ментальную особенность наших руководителей: в их сознании мир нарисован черно-белыми красками и вся глобальная политика якобы выстроена в win-lose парадигме: если кто-то выиграл, то другая сторона проиграла. Именно этот подход и лежит в основе «размена» реальных экономических ресурсов на иллюзорные политические преференции: Россия готова на определенные шаги, которые, по ее мнению, «оторвут» ту или иную страну от ориентации на США или Европу или помогут ей занимать «независимую» позицию по отношению к недружественным России странам. В Кремле, похоже, действительно считают, что сохранение режима Н. Мадуро сильно расстроит Вашингтон или что лишившийся российской подпитки А. Лукашенко завтра же приведет Белоруссию в ЕС и НАТО. Подобный подход катастрофически несовременен в условиях, когда большинство стран стремятся выстраивать отношения по принципу win-win: это хорошо видно даже на примере политики США, где Д. Трамп, в ходе избирательной кампании обещавший отгородиться стеной и пошлинами от Мексики и «поставить на место» Китай, довольно быстро осознал, что экономические выгоды нельзя приносить в жертву красивым политическим лозунгам и следует искать пути согласования интересов различных игроков. Россия экономически и политически выиграла бы, поддержав в свое время свержение С. Хусейна и договорившись с США и их союзниками о конвертации ее долга в качественные активы при новом правительстве; то же самое относится и к Венесуэле, где уже пора всматриваться в контуры нового постчавистского порядка; и даже к Украине, в которой еще в начале 2000-х можно было сыграть отличную «партию» с ЕС, сделав эту постсоветскую республику полем пробного взаимодействия России и Европейского союза. Однако все это пустые пожелания — Кремль не видит возможности более сложных экономических «игр» во внешней политике. Возможно, это обусловлено советской идеологической «закалкой»; возможно, в сырьевой стране сложно понять, что экономический результат может рождаться из интеллекта, а не из недр; возможно, есть и иные причины — но результат один, и он очевиден: российская внешняя политика не «производительна», а исключительно затратна.

Есть, вероятно, и иное обстоятельство: партнеры России всегда понимают, что Москва поддерживает их практически исключительно по политическим соображениям и в случае изменения конъюнктуры такая поддержка может неожиданно закончиться (как это бывало в случаях с Украиной, Турцией, рядом постсоветских республик и эпизодически даже с Белоруссией). В таких условиях экономическое взаимодействие, которое обычно выступает лучшим примером проявления «мягкой силы», рассматривается как «тихое закабаление» страны,

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

и ее правительство постоянно стремится выстраивать альтернативы в своей экономической политике (как делают сегодня все без исключения постсоветские страны, серьезно опасающиеся российского политического и социокультурного влияния). Россия, как старый дрессировщик, пытается разговаривать со своими потенциальными партнерами как с волками, которых нужно превратить в домашних собак, — но волки пока не очень верят дрессировщику, постоянно срывающемуся с мяса на кнут, и по-прежнему «глядят в лес». «Мягкая сила», которую представляет современная экономика, очень плохо сочетается с истерическим и малопредсказуемым внешнеполитическим курсом — а так как внешняя политика в России выступает инструментом манипуляций с самыми низменными политическими инстинктами, средством повышения экономического благосостояния страны ей никогда не стать.

•••

Элементы несовременности российской внешней политики можно обсуждать и дальше, однако результаты ее выглядят очевидными. На протяжении последних двух столетий Россия трижды ввязывалась в то, что можно назвать холодной войной (хотя специалисты, посвятившие жизнь изучению данного феномена в узком смысле слова, могут с этим не согласиться).

В первой половине и в середине XIX века Российская империя, обеспечив себе позиции лидера в континентальной Европе, довольно скоро превратилась в самую реакционную силу в этой части мира. Начиная с 1820-х годов Россия стремилась любыми силами поддерживать status quo, несмотря на постепенно разворачивавшиеся в Европе процессы перемен. Подавив польское восстание в 1830–1831 годах и революционные выступления в Венгрии в 1848–1849 годах, имперское правительство окончательно отвернулось от Европы, замыкаясь в себе и укрепляя консервативный тренд, и Европа ответила ей взаимностью. К началу 1850-х годов противостояние было в разгаре, и столкновение, пусть и локальное, выглядело неизбежным. Первая Крымская война, талантливо спровоцированная требованиями предоставить России статус «протектора» христианского населения Османской империи и последовавшим захватом Молдавии и Валахии, стала высшей точкой этого исторического периода, ознаменовавшей поражение России в первой холодной войне. В результате империи пришлось пойти на радикальные реформы, чтобы оказаться способной снова сблизиться с Европой в конце XIX века, когда европейские страны стали важнейшими партнерами России в ее экономической модернизации, а сама страна вернулась в большую европейскую политическую игру.

В середине XX века Советский Союз, оказавшись в статусе одной из двух самых мощных в военном и идеологическом отношении стран мира, вновь втянулся в масштабное противостояние — на этот раз с США и в очередной раз из-за неуемного желания сначала утвердить свою сферу влияния в Центральной Европе, затем доказать свою «независимость», отказавшись от «плана Маршалла» и запретив своим сателлитам воспользоваться открывавшимися им возможностями, и, наконец, ввязавшись в показательное противостояние с Западом на глобальной периферии, подчеркивая при этом свои противоречия с Америкой, ни одно из которых не было при ближайшем рассмотрении неразрешимым. На протяжении этого периода мы видели те же тренды, что и ранее: СССР оставался закрытой страной, стремился расширить свое политическое влияние — но при этом его экономика все больше отставала от американской, а возможности экспансионистской политики сокращались. Война в Афганистане стала аналогом Крымской войны прежнего столетия: СССР не смог одержать в ней победы, а катастрофическое экономические положение вынудило страну начать реформы, завершившиеся распадом союзного государства и очередным сближением новой России с западным миром.

Происходящее в последние годы я считаю третьей холодной войной[84], в которую Москва в очередной раз ввязывается по собственной воле и вопреки элементарной логике. Особость этому случаю придает, во-первых, то, что Россия впервые оказывается намного экономически слабее даже не основного соперника (если считать им Соединенные Штаты), но и ближайшего соседа, Европы; во-вторых, то, что у Кремля вообще нет союзников (в отличие от времен холодной войны XX века, когда таковые все же имелись, хотя и представляли собой типичные «клиентские государства»), а его сфера влияния выглядит самой узкой с момента начала серьезного противостояния с Западом; в-третьих, то, что Россия имеет сегодня открытые границы, позволяющие и гражданам, и капиталам свободно «перетекать к противнику», что практически полностью лишает Кремль шанса на успех. При этом, как и в первых двух случаях, Россия выступает явным инициатором очередного противостояния, что делает параллели еще более

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

зримыми. Вряд ли есть основания полагать, что новая холодная война закончится иначе, чем прежние: скорее всего, мы снова увидим поражение Москвы, глубокий идеологический кризис и вынужденные реформы, которые будут продиктованы необходимостью выжить, а не потребностью развиваться.

Заканчивая книгу именно главой о российской внешней политике, я не могу не констатировать, что в данной сфере несовременность страны — как ее элиты, так и граждан — проявляется сегодня наиболее выпукло, а состояние, в котором мы все находимся, предполагает минимальные шансы на изменения к лучшему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Россия — страна, безусловно, особенная, как это любят подчеркивать кремлевские идеологи, однако сложно заметить хотя бы одну сферу, в которой такая особость указывала бы на ее прогрессивный характер и выгодно отличала ее от остальных народов. Пройдя сложный исторический путь, Россия на всем его протяжении была — и по сей день остается — окраиной развитого мира. До поры до времени можно было говорить о том, что этот мир евроцентричен, но в последние десятилетия на фоне подъема Азии это перестает быть очевидным — и все равно Россия сохраняет свой статус окраины различных развитых или развивающихся регионов[1].

Эта периферийность издавна осознавалась в стране и по большей части не считалась чем-то негативным. Территориальная экспансия практически всегда оправдывалась необходимостью обороны от соседей — я бы даже сказал, что находиться на периферии было для России традиционно удобным. Ее масштабы выставлялись фактором, который помогал стране обеспечивать ее всемирно-историческую миссию; ее отчасти консервативная культурная и религиозная традиция представлялась средством стабилизации часто «сбивавшейся с пути» Европы; даже ее относительно несовременная экономика не рассматривалась как проблема. И, стоит признать, несколько веков такая стратегия приносила свои результаты.

Причиной успешности России на протяжении всей ее тысячелетней истории была способность страны — опять-таки как окраинной цивилизации — впитывать в себя достижения любых возникавших поблизости «центров» — будь то Византия, Монгольская империя или Европа Нового времени. В свою очередь, способность к впитыванию чужого опыта определялась характером социальных и хозяйственных технологий, той vie matérielle[2], которая позволяла миру развиваться относительно равномерно. На вызовы доиндустриальной эпохи Россия отвечала расширением территории, ростом населения и обретением дополнительных природных ресурсов; на угрозы индустриальной она реагировала массовым импортом технологий, населения и капитала из передовых промышленных держав. И, наверное, все могло продолжаться в том же духе и дальше, если бы драматический XX век не внес исключительно значимые коррективы в основные направления развития как мира, так и России.

Мы уже цитировали старца Филофея, утверждавшего, что в истории было «два Рима» и «третий стоит», «а четвертому не быти»[3]. Эта мифологема хорошо описывает реалии той страны, в истории которой заметны три рецепции, а четвертой, судя по всему, случиться не суждено — прежде всего потому, что в XX веке произошли два события, радикально изменившие исторический путь и перспективы развития нашей страны.

С одной стороны, впервые Россия попыталась преодолеть свое традиционное положение и превратиться из периферии в центр. Опыт Советского Союза показал, что это невозможно. На основе перенятых социальных, политических и хозяйственных технологий построить глобальный центр не удалось. Путь российского марксизма и эволюция моделей «Жигулей», выпускавшихся на построенном итальянцами заводе, поразительно похожи — в обоих случаях технологии деградировали, и только мир, в котором они изначально появились, демонстрировал способность к их творческому развитию — в направлении ли цивилизованной социал-демократии или современного автомобилестроения. Однако попытка, которая все же была предпринята, оказалась исключительно отчаянной — за идею перемещения с периферии в центр мировой экономики и политики власти готовы были положить в могилы бóльшую часть

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

собственного народа. Прямые демографические потери России в XX столетии оцениваются современными демографами не менее чем в 76 млн, а общие — в 113–137 млн человек[4] — и я не говорю о том невообразимом количестве труда и средств, которые были потрачены на достижение недостижимых целей. Именно эта радикальная попытка «впрыгнуть в современность» — не столько перенять нечто у соседей, сколько «обогнать» их — и сделала Россию окончательно несовременной страной («лучшие умы» которой до сих пор мечтают о «перескоке» сразу через несколько технологических укладов и о «закрывающих технологиях», которые откроют для нее невиданные перспективы[5]).

С другой стороны, сам развитый мир радикально изменился с формированием постиндустриального общества[6]. Создав новые технологии в материальном производстве и сфере услуг, коммуникациях, образовании и медицине, западный мир достиг новой ступени развития, на которой объектом экспорта могли быть уже не невозобновляемое сырье и не требующие постоянного приложения одних и тех же усилий промышленные товары, а технологии, использование которых не предполагает возможности их «перехвата» и развития. Продавая компьютерные программы, их производитель отчуждает лишь копии, в то время как только он, обладая опытом создания того или иного софта, способен разработать его следующую версию; продавая лекарства, производитель не раскрывает рецептуры их производства и сразу же начинает готовить новые и т.д. Иначе говоря, мир XXI века распадается на часть, в которой производятся образы будущего, и на часть, где они потребляются, — при этом первая получает в свое распоряжение источник своего рода неограниченного богатства[7], воссоздать которое на глобальной периферии исключительно сложно. В такой ситуации рецепции, в которых Россия была столь искусной, резко теряют в своей значимости, а для самостоятельного развития с учетом истории XX столетия не остается ни сил, ни средств, ни опыта.

В новом мире XXI века, в котором сейчас очутилась наша страна, отчетливо выделяется три общности, которые уже отметили многие авторы — хотя каждый с собственной спецификой. Наиболее удачной представляется мне категоризация, предложенная с акцентом на политические процессы Р. Купером на рубеже тысячелетий, когда этот британский автор предложил разделить все страны на современные, постсовременные и досовременные (modern, post-modern и pre-modern)[8]. Хотя его классификация предполагала, что Россия — наряду, например, с США и Китаем — относилась к числу современных стран[9], сегодня, как мне кажется, это уже не столь очевидно.

Особенной чертой начавшегося тысячелетия стало появление регионов и государств, в которых развитие как бы обернулось вспять. При этом причины такого положения вещей в большинстве случаев находятся внутри самих этих стран. Многие африканские государства — как, например, Кения — в момент обретения независимости были богаче тогдашней Южной Кореи, но сегодня по показателю подушевого ВВП отстают от нее в 15–20 раз[10]. Целый ряд стран Ближнего Востока, принявшие в 1960–1970-е годы вполне современные программы модернизации, позднее обратились либо к диктатурам, либо к религиозному фанатизму, став одними из самых бедных регионов мира. Венесуэла, наиболее экономически успешная страна Латинской Америки, в 1970 году лишь немного отставшая по уровню подушевого ВВП от развитых стран Западной Европы[11], увлеклась безумными идеями «социализма XXI века» и сегодня вместе с некоторыми своими соседями уверенно идет к национальной катастрофе. Если говорить в целом, то, несмотря на впечатляющий технологический и социальный прогресс последних десятилетий, более 27 стран довольствуются ныне меньшим подушевым ВВП, чем они имели в 1985 году[12]. Все эти страны по-своему особенные, но их главная особенность состоит в неспособности развиваться, в устойчивой и уверенной экономической, социальной и интеллектуальной демодернизации. Собственно этот тренд и есть то направление, по которому сегодня уверенно идет и наша несовременная страна, силы которой подорваны бурным XX веком, а ориентиры «сбиты» скоростью и масштабами технологической революции последних десятилетий.

Формирующийся на наших глазах глобальный pre-modern world представляет собой уникальный феномен, характеризующийся тремя основными чертами.

Во-первых, все страны, которые могут быть к нему причислены, — а я бы отнес к таковым некоторые погрязшие в этнических и религиозных противостояниях страны Африки, большую часть государств Ближнего Востока и Центральной Азии, Северную Корею и (до недавнего

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

времени) Мьянму, а также страны Латинской Америки, увлекавшиеся социалистическими экспериментами (от Кубы до Венесуэлы), и, с некоторыми оговорками, ЮАР — отличаются уверенной деградацией системы управления. Она становится более бюрократизированной и менее эффективной; государство тратит на самое себя все возрастающую долю бюджетных поступлений; нарастает милитаризация или политическая роль военного сословия; предлагаемые новые управленческие методы оказываются все более простыми и напоминающими волюнтаристское ручное управление; наконец, все больше ответов на волнующие общество вопросы находится на сугубо идеологическом, а не рациональном уровне. Практически во всех странах, отворачивающихся от современности, растет прямое государственное участие в экономике (я имею в виду не масштабы перераспределения национального достояния через бюджетные каналы, а прямой контроль правительства над отдельными секторами экономики или крупными компаниями). При этом процессу примитивизации управления придается настолько существенное идеологическое значение (можно видеть рассуждения об особой роли государства в России или отсылки к революции — не важно, исламской или боливарианской — в Иране или Венесуэле), что формирующийся тренд не может быть пересмотрен без фактического отказа от всей избранной политической и социальной модели. Политическая элита «захватывает» общество[13] и подчиняет его своим интересам — иногда идеологизированным, почти всегда клептократическим, но ни в одном случае не соответствующим глубинным чаяниям большей части населения. Выход из подобного тупика, как показывает история, чреват масштабными социальными катаклизмами и следующими за ними длительными периодами разочарования и апатии.

Во-вторых, большинство несовременных стран характеризуются не только упрощающейся системой управления, но и примитивизацией экономики. Чем большая роль отдается государству и меньшее значение придается частному конкурентному бизнесу, тем чаще центральное место в народном хозяйстве занимают аграрный или сырьевой сектора. Высокоорганизованные сырьевые экономики, выстраивающие на этой основе новые сегменты экономики, были и остаются редкими исключениями — в большинстве же случаев экономика стремится к максимальному упрощению, как только общество лишается здоровой политической конкуренции. Именно поэтому страны, попытавшиеся было пойти по пути «социалистической индустриализации» после обретения независимости и установления однопартийных или персоналистских диктатур, очень быстро продемонстрировали неспособность создания современной саморазвивающейся экономики и деградировали до уровня производителей сырья. Советскому Союзу, чтобы в конечном итоге повторить тот же путь, потребовались намного более продолжительный срок и политическая катастрофа, но в итоге деиндустриализация настигла и Россию, постепенно превратив страну в «энергетическую сверхдержавку»[14] и доведя ее зависимость от импорта почти до абсолюта даже в тех отраслях, которые давно уже освоили ранее отставшие, а сейчас интегрировавшиеся в глобальную экономику страны Восточной Азии. Пока, насколько можно судить, ни одна страна, прошедшая за последние полвека путь от попыток индустриализации до сырьевого государства, не смогла развернуть этот тренд вспять: неразвивающийся мир постепенно начинает убеждать самого себя в благах не-развития — последствия чего можно наблюдать уже на разных континентах. Учитывая, что большинство модернизирующихся стран достигают все бóльших успехов в промышленном развитии, а постиндустриальный мир стоит на пороге самой масштабной роботизации в истории, странам, утратившим свои позиции в глобальном разделении труда, практически ничего не остается, кроме как надеяться на относительно случайные колебания сырьевых цен и рост спроса на природные ресурсы в обществах «золотого миллиарда».

В-третьих, современная эпоха приносит еще одно новшество, практически неизвестное миру XIX и XX столетий, — массовую миграцию с мировой периферии в центр. Долгие десятилетия миграция была уделом народов, создававших наиболее совершенные средства передвижения и обретавших оригинальные технологии освоения пространства. Это дало европейской цивилизации (частью которой была и Россия) власть над миром через процессы вестернизации. Однако в последние полвека тренд изменился: развитый мир стал создавать такие богатства, что поиск его жителями иных мест приложения своих способностей стал контрпродуктивен. Эмиграция сократилась в десятки раз и стала процессом довольно экзотическим — в то время как в остальном, менее развитом мире она начала набирать небывалые темпы. Сегодня

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

масштабный отток исторического населения не только указывает на существующие в стране проблемы, но и делает практически невозможным их преодоление, так как, с одной стороны, неудачливое общество покидают те, кто обладает наиболее высокой квалификацией и готов к риску и предпринимательству, и, с другой стороны, уезжают прежде всего те, кто недоволен политическим режимом и состоянием гражданских свобод и, следовательно, в иных условиях был бы заинтересован в реальной социальной модернизации. Наиболее масштабные потоки эмигрантов четко указывают на самые безнадежные с точки зрения развития регионы планеты; за последние десять лет самый большой отток граждан в пропорции к населению фиксируется в Ливии, Никарагуа, на Ямайке, Гаити и в Доминиканской Республике: потери во всех этих случаях составляют от 3,4 до 5,7% первоначального числа жителей[15]. Россия на этом фоне выглядит вполне «достойно»: с момента краха авторитарной системы в конце 1980-х годов страну покинули более 2,6 млн человек, а число выходцев из России, постоянно проживающих в Европе и Северной Америке, превысило к середине 2010-х годов 5,2 млн[16]. Это тоже задает довольно понятный тренд, так как, постоянно подпитывая развитые страны своими талантами, периферийная страна не может адекватно развиваться. Несовременность России в данном случае подчеркивается тем, что она является сейчас единственной постимперской страной, из которой происходит массовый отток населения в другие центры европейской цивилизации и даже в отдельные районы ее бывшей периферии.

Три отмеченных тренда, рассмотренные в совокупности, порождают явление, которое я называю воронкой демодернизации. Все они взаимосвязаны и подталкивают друг друга. Ужесточение политических порядков и нарастание волюнтаризма подрывают основы предпринимательства и усиливают желание современных граждан покинуть страну. Оба эти тренда замедляют развитие конкурентного сектора экономики и переводят государство в «рентный» режим функционирования, который еще больше отдаляет его от народа. Наконец, нарастающая эмиграция консолидирует «молчаливое большинство», сокращает социальный капитал, минимизирует межличностное доверие и подрывает основы для воспроизводства ответственных элит. Попав в такую воронку, общество не может самостоятельно из нее выйти, становясь все менее современным. Единственный шанс на спасение дает максимально полное принятие глобализации и интеграция как в мировое экономическое пространство, так и в региональные политические объединения — но для этого необходима готовность политической элиты по сути отказаться от собственных власти и привилегий, что может случиться лишь в условиях катастрофического кризиса.

На заре XXI века демодернизация становится не менее распространенным процессом, чем модернизация. Мир, который долгое время казался движущимся в направлении относительного равенства, сегодня разделяется на отдельные фракции, как какое-нибудь сыпучее вещество в непрекращающем свою работу гигантском сепараторе. Современные страны становятся все современнее (в том числе используя ресурсы и граждан остального мира), а несовременные — все более архаичными (отторгая при этом тех, кто не согласен с архаизацией, и подчиняя свою деградирующую экономику нуждам индустриальных и постиндустриальных держав). Мы присутствуем при рождении своего рода «расколотой цивилизации» с ее стремительно формирующимися полюсами богатства и бедности, успехов и неудач[17]. В таких условиях закрепление страны в числе откровенно несовременных, осуществляемое в интересах узкого круга вполне глобализированной элиты, представляет собой пример масштабного национального предательства.

В свое время Л. Толстой писал, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»[18]. Это, видимо, можно отнести также к странам и народам. За крайне редкими исключениями, современные страны объединены приверженностью правам и свободам человека; готовы принимать практически любые социальные новации; признают успешность каждого гражданина условием и основой успеха всего общества; стремятся быть толерантными и максимально эффективно участвовать в процессах глобализации. В отличие от них несовременные общества каждое на свой лад обосновывает доминирование интересов «государства» над интересами общества и граждан; по идеологическим или религиозным основаниям утверждают примат традиционного над новаторским; изобретают самые разнообразные методы регулирования элементов общественной жизни и усиления контроля и надзора за своими подданными; наконец, стремятся под тем или

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

иным предлогом «закрыть» свои экономики и максимально снизить хозяйственную «зависимость» от остального мира. На этом пути власти изобретают все более изощренные аргументы в пользу сделанного ими выбора, парализуя у своих сограждан ту способность к критической рефлексии, которая становится в мире XXI века самым важным качеством человека.

Россия, судя по всему, замерла сегодня на самом краю этой «демодернизационной воронки» и постепенно сваливается в нее, последовательно не желая отказаться от приписываемой самой себе «особости». Что должно случиться для того, чтобы страна предпочла современность архаике, а реалистическое восприятие мира — примитивному мифотворчеству, я не возьмусь сказать. Это К. Маркс когда-то говорил, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»[19]; я же полагаю, что сегодня важны не изменения и даже не объяснения, а создание систематической картины общества, в котором мы живем, и мира, в который это общество по необходимости встроено. И книга, к последним строкам которой мы вплотную приблизились, — это не программа действий, а всего лишь попытка оценить, с какого рубежа стране придется начинать, если она все же попытается вписаться в современный мир. И отчасти предупреждение о том, чего мы все можем лишиться, если этого не предпримем…

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. Цит. по: Романов, Александр Михайлович. Книга воспоминаний, Париж: Иллюстрированная Россия, 1933, с. 49.

2. См.: Maddison, Angus. The World Economy: A Millennial Perspective, Paris: OECD Publications Service, 2000, pp. 6–9.

3. См.: Huntington, Samuel. Who Are We? The Challenges to America’s National Identity, New York: Simon & Schuster, 2004, p. 41.

4. См.: Etkind, Alexander. Internal colonization: Russia’s Imperial Experience, Cambridge, Malden (Ma.): Polity, 2011, pp. 6–8.

5. См.: Ключевский, Василий. Курс русской истории в: Ключевский, Василий. Сочинения в 9 томах, т. 1, Москва, 1987, с. 50.

6. См.: Fukuyama, Francis. ‘The End of History?’ in: The National Interest, 1989, vol. 16, pp. 3–18, and Fukuyama, Francis. The End of History and The Last Man, London, New York: Penguin, 1992.

7. См.: Krauthammer, Charles. ‘The Unipolar moment’ in: Washington Post, 1990, July 20 и Krauthammer, Charles. ‘The Unipolar moment’ in: Foreign Affairs, America and the World Special Issue, 1990/91, pp. 35–42.

8. См.: Закария, Фарид. Будущее свободы: Нелиберальная демократия в Соединенных Штатах и в мире [перевод с английского под редакцией и со вступительной статьей В. Иноземцева], Москва: Логос, 2004.

9. См.: Сурков, Владислав. ‘Национализация будущего: параграфы pro суверенную демократию’ в: Эксперт, 2006, №43, 20 ноября.

10. См.: Gutman, Amy and Thompson, Dennis. Why Deliberative Democracy? Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2004 и Wolin, Sheldon. Democracy, Inc. Managed Democracy and The Specter of Inverted Totalitarianism, Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2008.

11. Киссинджер, Генри. Нужна ли Америке внешняя политика? [перевод с английского под редакцией и со вступительной статьей В. Иноземцева], Москва: Ладомир, 2002, с. 325.

12. Фраза принадлежит Д. Беллу (см.: Bell, Daniel. ‘The Resumption of History in the New Century’ в книге: Bell, Daniel. The End of Ideology. On The Exhaustion of Political Ideas in The Fifties, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2000 [русск. пер. В. Иноземцева: Белл, Даниел. ‘Возобновление истории в новом столетии. Предисловие к новому изданию книги ‘Конец идеологии’’ в: Вопросы философии, 2002, №5, сс. 13–25]); позже этот тезис в несколько иной

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

формулировке повторил Р. Кейган (см.: Kagan, Robert. The Return of History and The End of Dreams, New York: Alfred A. Knopf, 2008).

13. См.: Shleifer, Andrei. A Normal Country. Russia After Communism, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2005.

14. Shleifer, Andrei. A Normal Country, pp. 39, 182, 161, 4.

15. См.: Иноземцев, Владислав. [Рецензия на книгу: Shleifer, Andrei. A Normal Country. Russia After Communism, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2005] в: Неприкосновенный запас, №4 (42), июль–август 2005, сс. 130–132.

16. См.: Rosefielde, Steven. 'Russia: An Abnormal Country' in: The European Journal of Comparative Economics, 2005, Vol. 2, No. 1, pp. 3–16.

17. См.: Rosefielde, Steven. Russia: An Abnormal Country, pp. 4, 9, 14.

18. Тютчев, Федор. Стихотворения, Москва: Типография А. И. Мамонтова, 1868, с. 230.

19. Langworth, Richard (ed.) Churchill's Wit: The Definitive Collection, London: Ebury Press, 2009, p. 145.

20. Этот момент хорошо отражен в заглавии моей статьи из Le Monde Diplomatique, которую дали ей издатели английской версии: Inozemtsev, Vladislav. 'Russia should't work but it does' in: Le Monde diplomatiqueEnglish edition, 2010, №11 (November), pp. 12–13 (оригинал вышел как Inozemtsev, Vladislav. 'Russie, une société libre sous contrôle authoritaire' in: Le Monde diplomatique, 2010, №10 (Octobre), pp. 4–5).

Глава 1

1. Подробнее см.: Inglehart, Ronald and Welzel, Christian. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005, pp. 18–22.

2. См., напр.: Franklin, Simon and Shepard, Jonathan. The Emergence of Rus', 750–1200, London: Longman, 1996, pp. xvii-xviii.

3. См.: Shepard, Jonathan. 'The Origins of Rus'' в: Perrie, Maureen (ed.) The Cambridge History of Russia, Vol. I: From Early Rus' to 1689, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006, pp. 49–52.

4. См.: Riasanovsky, Nicholas. Russian Identities: A Historical Survey, Oxford: Oxford Univ. Press, 2005, pp. 19–22.

5. См. подробнее: Koestler, Arthur. The Thirteenth Tribe: The Khazar Empire and Its Heritage, New York: Random House, 1976, pp. 39–45.

6. Термин был введен в 1960-е гг. Д. Оболенским (см.: Obolensky, Dimitri. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453, New Haven (Ct.), 2000).

7. См.: Иноземцев, Владислав. ''Диктатура закона' упраздняет права россиян' в: Московский комсомолец, 2011, 5 июля, с. 3.

8. См.: Pipes, Richard. 'Was there Private Property in Muscovite Russia?' в: Slavic Review, 1994, vol. 53, pp. 524–530.

9. См.: Юрганов, Андрей. Категории русской средневековой культуры, Москва: МИРОС, 1998, с. 152.

10. В византийской традиции принято было полагать, что «Церковь и государство, как тело и душа, составляют один организм, и что между ними должно быть постоянное взаимодействие во имя общего блага» (Павлов, Алексей. Курс церковного права, Санкт-Петербург, Лань, 2002, с. 47).

11. См.: Crummey, Robert. The Formation of Muscovy, 1304–1613, London, New York: Longman, 1987, pp. 129–131.

12. См.: Pirenne, Henry. Medieval Cities: Their Origins and The Revival of Trade, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1969, p. 64 и Tilly, Charles. 'Enlargement of European Cities and States' в: Tilly, Charles and Blockmans, Wimp (ed.) Cities and The Rise of States in Europe, 1000–1800, Oxford: Longman, 1994, p. 16–19.

13. В «Сказании о князьях Владимирских» (ок. 1527 г.) его автор утверждает: «Август, кесарь Римский… Пруса, родича своего, послал на берега Вислы-реки… и с тех пор до нынешних времён зовется это место Прусской землёй», позже же «мужи новгородские пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа-царя…» (цит. по: www.portal-slovo.ru/history/39078.php, сайт посещен 12 апреля 2017 г.).

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

14. См.: Филофей. «Послание к великому князю Московскому Василию [III] (1524 г.)» (цит. по: www.lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105, сайт посещен 15 апреля 2017 г.).

15. См.: Wieczynski, Joseph. The Russian Frontier: The Impact of Borderlands upon The Course of Early Russian History, Charlottesville (Va.): University Press of Virginia, 1976.

16. По мнению Ч. Гальперина, «монгольское нашествие более, чем любое другое историческое событие, определило ход развития русской культуры, политической географии, истории и национальной идентичности» (см.: Halperin, Charles. Russia and The Golden Horde: The Mongol Impact on The Medieval Russian History, Bloomington (In.): Indiana Univ. Press, 1985, p. 19); также см.: Fennell, John. The Crisis of Medieval Russia: 1200–1304, New York: Longman, 1983 и Martin, Janet. Medieval Russia: 980–1584, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.

17. Подробнее см.: Morgan, David. The Mongols, New York: Blackwell, 1987, pp. 48–60.

18. См.: Cippola, Carlo M. Before The Industrial Revolution. European Society and Economy 1000–1700, London, New York: Routledge, 1980, pp. 42–47.

19. См., напр.: Boyle, John Andrew. The Mongol World Empire, 1206–1370, London: Variourum, 1977, pp. 211–213.

20. См.: Poly, Jean-Pierre and Bournazel, Eric. The Feudal Transformation, 900–1200, New York, London: Holmes & Meier, 1991, pp. 16–22.

21. См.: Halperin, Charles. Russia and The Golden Horde, pp. 113–114.

22. См.: Aigle, Denise. The Mongol Empire Between Myth and Reality, Leiden: Brill, 2014, pp. 140–145.

23. Подробнее см.: Нефедов, Сергей. ‘Петр I: блеск и нищета модернизации’ в: Историческая психология и социология истории, 2011, №1, сс. 47–73.

24. См.: Luttwak, Edward and Kuznetsova, Ekaterina. The Kremlin Paradox, Cambridge (Ma.): Harvard Univ. Press, 2019.

25. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Почести мумии’ в: Известия, 2011, 19 апреля, с. 6.

26. Проявления этого встречаются в большинстве выступлений президента, названии правящей партии «Единая Россия», в предложениях провести «Год единства российской нации» (см.: https://rg.ru/2016/10/31/putin-podderzhal-ideiu-goda-edinstva-rossijskoi-nacii.html), а также в постоянных отсылках к опасности «раскола» страны, даже несмотря на то, что такая угроза выглядит иллюзорной (см.: Иноземцев, Владислав. «Невозможность распада» [на сайте www.snob.ru/selected/entry/96635, сайт посещен 19 января 2017 г.]).

27. «Великий европейский торговый путь, известный по русским летописям как “путь из Варяг в Греки”, то есть из Скандинавии в Византию и обратно, был в Европе наиболее важным вплоть до XII в., когда европейская торговля между севером и югом переместилась на запад» (Лихачёв, Дмитрий. ‘Крещение Руси и государство Русь’ в: Лихачёв, Дмитрий. Раздумья о России, Санкт-Петербург: Logos, 1999, с. 69).

28. См.: Revel, Jean-François. L’obsession anti-américaine. Son fonctionnement, ses causes, ses inconséquences, Paris: Plon, 2002, p. 80.

29. Huntington, Samuel. Who Are We? The Challenges to America’s National Identity, New York: Simon & Schuster, 2004, pp. 41, 40.

30. См.: Иноземцев, Владислав, Пономарев, Илья и Рыжков, Владимир. ‘Континент Сибирь’ в: Россия в глобальной политике, том 10, №6, ноябрь–декабрь 2012, сс. 83–84.

31. Оригинальный расчет, подтверждающий данный факт, предложен в: Taagepera, Rein. ‘An Overview of the Growth of the Russian Empire’ in: Rywkin, Michael (ed.) Russian Colonial Expansion to 1917, London: Mansell, 1988, pp. 1–8.

32. Цит. по: Мирзоев, Владимир. Историография Сибири, Москва, 1970, с. 44.

33. Ядринцев, Николай. Сибирь, как колония в географическом, этнологическом и историческом отношениях. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1892, с. 190.

34. Ключевский, Василий. ‘Курс русской истории’ в: Ключевский, Василий. Сочинения в 9 томах, т. 1, Москва, 1987, с. 50.

35. См.: Вениаминов, Иннокентий. Записки об островах Уналашкинского отдела, Санкт-Петербург, 1840, с. 188–190.

36. См.: Curtin, Philipp. Cross-Cultural Trade in World History, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984, p. 208.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

37. Pipes, Richard. The Russian Revolution, New York, Alfred A. Knopf, 1990, pp. 103–104.
38. См.: Ядринцев, Николай. Сибирь, как колония, сс. 197–199.
39. См.: Maddison, Angus. The World Economy: A Millennial Perspective, Paris: OECD Publications Service, 2000, pp. 6–9.
40. См.: Wesseling, Henry. Le partage de l'Afrique, Paris: Gallimard, 2002, pp. 275–278.
41. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. 'Колонии и зависимые территории: приглашение к дискуссии' в: ПОЛИС. Политические исследования, 2013, №4, сс. 6–19.
42. Подробнее см.: www.en.wikipedia.org/wiki/First_Indochina_War, сайт посещен 8 мая 2013 г.
43. Путин, Владимир. «Интервью руководителям трех всероссийских телеканалов, 17 октября 2011 г.» (цит. по: www.ria.ru/politics/20111017/462204254.html, сайт посещен 15 мая 2014 г.).
44. Рассчитано по: Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.), Москва: Финансы и статистика, 1991 (на сайте www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=6e, сайт посещен 12 апреля 2013 г.).
45. См., напр.: Wakefield, Edward. A View of The Art of Colonization in Present Reference to The British Empire, New York: A. M. Kelley, 1969, pp. 260–261.
46. См.: Inozemtsev, Vladislav. 'El deseo colonial que no se esfumó tras la caída de la URSS' в: La Razon[Madrid], 2016, Agosto 21, p. 28.
47. Путин, Владимир. «Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г.» (цит. по: www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931, сайт посещен 22 апреля 2017 г.).
48. См.: Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.), Москва: Финансы и статистика, 1991.
49. См.: Kahler, Miles. Decolonization in Britain and France, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 2014, p. 314 и Wasserman, Gary. The Politics of Decolonization, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976, pp. 28–29.
50. Рассчитано по данным национальных статистических служб соответствующих стран за 2006–2009 гг.
51. Рассчитано по: Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.) (на сайте www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php, сайт посещен 12 апреля 2013 г.).
52. Подробнее см.: www.en.wikipedia.org/wiki/Pied-Noir, сайт посещен 8 мая 2013 г.
53. См.: Кнобель, Александр. 'Свобода торговли: цена таможенного союза' в: Ведомости, 2014, 13 января, с. А4 и Агибалов, Сергей. 'Парад скидок: сколько заплатила Россия за новый компромисс с Лукашенко' в: РБК, 2017, 18 апреля, с. 6.
54. «Для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для всех, кто исповедует ислам и иудаизм» (Путин, Владимир. «Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г.» (цит. по: https://ria.ru/politics/20141204/1036533683.html, сайт посещен 22 апреля 2017 г.).
55. См.: Inosemzew, Wladislaw. 'Ukrainischer Fluch, sibirischer Segen: Russlands Regionalismus und seine kolonialen Ursprunge' in: Osteuropa, 2017, Bd. 67, №5, SS. 101–114.
56. См.: Jowett, B. and Campbell, Lewis. Plato's Republic: The Greek Text, vol. I, Oxford: Clarendon Press, 1894.
57. См.: Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера, Москва: Астрель, 2004, т. 1, сс. 446, 448.
58. См.: Macciavelli, Niccolò. Il Principe, Torino: Einaudi, 1961.
59. См.: Hobbes, Thomas. Leviathan, or The Matter, Forme, and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil, London: Andrew Crooke, 1651.
60. Подробно про возникновение и развитие термина в Европе в Средние века и в Новое время см.: https://en.wikipedia.org/wiki/State_(polity) (сайт посещен 16 января 2017 г.).
61. Подробнее см.: Kollmann, Nancy. By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia, Ithaca (NY), London: Cornell Univ. Press, 1999.
62. См., напр.: Wieczynski, Joseph. The Russian Frontier, pp. 18–21.
63. Подробнее см.: Mises, Ludwig von. Nation, State, and Economy: Contributions to The Politics and History of Our Time, New York: Liberty Fund, 2006, pp. 8–12 и Fukuyama,

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Francis. State-Building. Governance and World Order in The Twenty-First Century, London: Profile Books, 2004, pp. 7–9.

64. Burke, Edward. Reflections on The Revolution in France, New York: P. F. Collier & Son, 1911, par. 130 (“to make us love our country, our country ought to be lovely”).

65. См.: Кузнецова, Нина (ред). Курс уголовного права. Общая часть, т. 2: Учение о наказании, Москва: ИКД Зерцало, 2002, сс. 45–49; УК РСФСР 1926 г. — www.coollib.com/b/124310/read (сайт посещен 16 января 2017 г.).

66. См.: Зубов, Валерий и Иноземцев, Владислав. ‘‘Белые слоны’ российской экономики: на что государство тратит деньги’ в: РБК, 2015, 1 сентября, с. 11 и Зубов, Валерий и Иноземцев, Владислав. ‘Почему государству надо перестать инвестировать’ в: РБК, 2015, 14 сентября, с. 7.

67. См.: Mackinder, Halford. Democratic Ideals and Reality: A Study in The Politics of Reconstruction, Washington (DC): National Defence Univ. Press, 1942, p. 99.

68. См:. Дугин, Александр. Геополитика России: Учебное пособие, Москва: Издательство МГУ, 2012 (цит. по: www.4pt.su/hi/node/212, сайт посещен 9 июня 2014 г.).

69. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Утраченные ориентиры’ в: СНОБ, 2014, №11 (ноябрь), с. 108.

70. См.: Mackinder, Halford J. Democratic Ideals and Reality: A Study in The Politics of Reconstruction, pp. 58, 60.

71. См. подробнее: Иноземцев, Владислав. Утраченные ориентиры, сс. 104–109.

72. См.: Иноземцев, Владислав. «10 цифр, которые объясняют Россию» (на сайте www.republic.ru/posts/56555, сайт посещен 19 января 2017 г.).

73. См.: Кокошин, Андрей. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе, Москва: Европа, 2006, сс. 54–55, 36.

74. См: Иноземцев, Владислав и Кузнецова, Екатерина. Международного сообщества, увы, не существует… [Интервью с Ю. Ведрином] // Свободная мысль–XXI, 2005, №7, с. 3.

75. Путин, Владимир. Выступление на заседании Совета безопасности Российской Федерации 22 июля 2014 г. (цит. по: https://ria.ru/politics/20140722/1017069017.html, сайт посещен 16 января 2017 г.).

76. См. подробнее: Laue, Theodore H., von. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 1987 и Latouche, Serge. The Westernization of The World, Cambridge: Polity, 1996.

Глава 2

1. Эта формулировка принадлежала Ф. Фукуяме (см.: Fukuyama, Francis. “The End of History?” in: National Interest, 1989, Summer, No 16, pp. 3–18) и была развита им позднее в книге: Fukuyama, Francis. The End of History and The Last Man, London, New York: Penguin, 1992.

2. См., напр.: Held, David. Democracy and The Global Order. From The Modern State to Cosmopolitan Governance, Cambridge: Polity, 1995, pp. 18–22.

3. См.: Przeworski, Adam; Alvarez, Michael; Cheibub, José Antonio and Limonghi, Fernando. ‘What Makes Democracies Endure?’ in: Journal of Democracy, 1996, No 1, pp. 50–51.

4. См.: Zakaria, Fareed. ‘The Rise of Illiberal Democracy’ in: Foreign Affairs, Vol. 76, No. 6, November/December 1997, pp. 37–48.

5. О «фиктивных (faux)» демократиях см.: Etzioni, Amitai. Security First: For a Muscular, Moral Foreign Policy, New Haven (Ct.), London: Yale Univ. Press, 2007, p. 47.

6. Об «ограничивающих (restictive)» демократиях см.: Waisman, Carlos. ‘Argentina: Autarkic Industrialization and Illegitimacy’ in: Diamond, Larry; Linz, Juan and Lipset, Seymour Martin (eds.) Democracy in Developing Countries: Latin America, Boulder (Co.): Lynne Rienner Publishers, 1989, p. 69.

7. О «тоталитарных» демократиях см.: Engdahl, William. Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in The New World Order, Boxboro (Ma.): Third Millennium Press, 2009, p. VII.

8. См. основные определения в: Gutmann, Amy and Thompson, Dennis. Democracy and Disagreement. Why Moral Conflict Cannot Be Avoided in Politics, and What Should Be Done About It, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 1996, pp. 1–5, 12–18; более подробно см.: Bohman,

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

James and Rehg, William (eds.) Deliberative Democracy. Essays on Reason and Politics, Cambridge (Ma.), London, The MIT Press, 1997.

9. См.: Третьяков, Виталий. ‘Суверенная демократия. О политической философии Владимира Путина’ в: Российская газета, 2005, 28 апреля, с. 8 и Сурков, Владислав. ‘Национализация будущего’ в: Эксперт, 2006, №43(537), 20 ноября, сс. 12–14.

10. Цит. по: Diamond, Larry. “Lecture at Hilla University for Humanistic Studies” (на сайте http://web.stanford.edu/~ldiamond/iraq/WhatIsDemocracy012004.htm, сайт посещен 8 мая 2017 г.).

11. Парадоксально, но самым последовательным образом данный тезис сформулирован и обоснован в экзаменационном эссе студента университета Дж. Мэддисона (см.: Ochoa, Zachary. “Russia: The Democracy That Never Was”, [на сайте www.e-ir.info/2013/12/23/russia-the-democracy-that-never-was/, сайт посещен 8 мая 2017 г.]).

12. Словарь Ожегова отождествляет понятие «вор» в данном значении со словом «изменник», считая его устаревшим.

13. В эпоху И. Сталина этот термин использовался настолько широко, что был упомянут даже в Конституции СССР 1936 г. (ч. 2 ст. 131).

14. История возникновения понятия хорошо описана на сайте движения «Мемориал» (см.: https://old.memo.ru/history/DISS/, сайт посещен 8 мая 2017 г.).

15. См., напр.: Иноземцев, Владислав. «Почему Россия не будет демократией» (на сайте www.snob.ru/selected/entry/99514, сайт посещен 8 мая 2017 г.).

16. См.: по Германии: Vincent, David. The Rise of Mass Literacy, Reading and Writing in Modern Europe, Cambridge: Polity, 2000, p. 9, по СССР: «Грамотность» (статья в Большой советской энциклопедии [https://bse/sci-lib.com/article013126.html, сайт посещен 8 мая 2017 г.]).

17. См. по доходам федерального бюджета России за 2013 г.: https://ria.ru/infografika/20130912/958932396.html, по доходам федерального бюджета Соединенных Штатов за 1942 г.: www.usgovernmentrevenue.com/breakdown_1942USmf_18ms1n (сайты посещены 8 мая 2017 г.).

18. В Британии до Great Reform Act 1832 г. правом голоса обладали чуть более 500 тыс. человек, в основном собственников недвижимости; эта цифра выросла до 2,2 млн человек после 1867 г.; всеобщее избирательное право было введено в 1928 г. (см.: The History of The Parliamentary Franchise, London: The House of Commons, 2013, pp. 4–5). В США все имущественные ограничения участия в выборах были отменены только в 1856 г., а требования быть налогоплательщиком — в 1964 г., с принятием 24-й поправки к Конституции Соединенных Штатов (подробнее см.: Engerman, Stanley and Sokoloff, Kenneth. The Evolution of Suffrage Institutions in The New World, Cambridge (Ma.): National Bureau of Economic Analysis, February 2005).

19. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. ‘Превентивная демократия: задачи, принципы, императивы применения’ в: ПОЛИС. Политические исследования, 2012, №6, сс. 101–111.

20. В одной Москве их насчитывалось от 90 до 155 тыс. (см.: Гендлин, Владимир. ‘Идет экспат по городу’ в: Коммерсантъ-Деньги, 2014, 29 сентября — 5 октября, с. 42).

21. Миллер, Алексей. ‘От демократии XIX века к демократии XXI-го: каков следующий шаг?’ в: Иноземцев, Владислав (ред.) Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века, Москва: Европа, 2010, с. 101.

22. Это, конечно, остается мечтой — российские власти постоянно стремятся сдвинуть привычные границы общественного и частного; самые курьезные инициативы в этой сфере см.: ‘У власти под колпаком’ в: Новые известия, 2013, 15 июля, с. 4.

23. Бауман, Зигмунт. Индивидуализированное общество, Москва: Логос, 2002, с. 86.

24. Подробное определение этого «консенсуса» дано Г. Павловским в 2012 г. (см.: ‘Will Putinism See the End of Putin?’ in: The Guardian, 2012, February 27, p. 36).

25. В октябре 2008 г. В. Путин утверждал, что финансовый кризис пришел из США и доверие к американской экономике навсегда подорвано (см.: www.interfax.ru/russia/38239, сайт посещен 5 мая 2017 г.).

26. В октябре 2014 г. В. Путин говорил о том, что игра на понижение котировок нефти не может тянуться долго, так как мировая экономика «рухнет», если цена на нефть уйдет ниже $80/баррель (см.: https://vz.ru/news/2014/10/17/711128.html, сайт посещен 5 мая 2017 г.).

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

27. См., напр.: Озерова, Марина. ‘Зарплата не слушается Путина’ в: Московский комсомолец, 2017, 5 мая, с. 2.

28. Вяземский, Пётр. Записные книжки (1813–1848), Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1963, с. 24.

29. См.: Brioschi, Carlo. Corruption: A Short History, Washington: Brookings Institution, 2017, pp. 81–92 и Ledeneva, Alena. Russia’s Economy of Favours: Blat, Networking, and Informal Exchange, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998.

30. Я использую этот термин для указания на степень податливости общества, следующую за знаменитой «текучей модернити (liquid modernity)» З. Баумана (см.: Bauman, Zygmunt. Liquid Modernity, Cambridge: Polity, 2000, p. 201).

31. См.: «Вся Дума» (на сайте www.kommersant.ru/doc/3135042, сайт посещен 5 мая 2017 г.).

32. См.: https://tass.ru/info/4184936, сайт посещен 5 мая 2017 г.

33. См. профили депутатов на сайте www.bundestag.de/en/members, сайт посещен 5 мая 2017 г.

34. Это определение я дал еще в начале 2010-х гг., см.: Inozemtsev, Vladislav. ‘Neo-Feudalism Explained’ in: The American Interest, 2011, Spring (March–April), Vol. VI, No. 4, pp. 73–80.

35. Ряд определений отечественной «технократии» см. в: Иноземцев, Владислав. «Не технократы мы, не плотники…» (на сайте www.gazeta.ru/column/vladislav_inozemcev/10227899.shtml, сайт посещен 7 мая 2017 г.).

36. “…must be willing to tell the president ‘no’ if he overreaches”; цит. по: Opening Statement of Attorney General-Designate Jeff Sessions at The US Senate Confirmation Hearing, p. 1, (на сайте https://www.judiciary.senate.gov/imo/media/doc/01–10–17%20Sessions%20Testimony.pdf, сайт посещен 7 мая 2017 г.).

37. Цит. по: www.newsru.com/russia/19dec2007/prezd.html, сайт посещен 28 января 2017 г.

38. Систему аргументации в пользу этого утверждения см.: Rosefielde, Steven and Hlouskova, Romana. ‘Why Russia in Not a Democracy’ in: Comparative Strategy, 2007, Vol. 26, No. 3, pp. 215–229.

39. См.: Linz, Juan. Totalitarian and Authoritarian Regimes, Boulder (Co.), London: Lynne Rienner Publishers, 2000, p. 343; см. также: Gasiorowski, Mark. ‘The Political Regime Project’ in: Inkeles, Alex (ed.) On Measuring Democracy, Its Consequences and Concominants, New Brunswick (NJ), London: Transaction Publishers, 2006, pp. 105–121.

40. См.: Spann, Othmar. ‘Der Wahre Staat: Vorlesungen über Abbruch und Neubau der Gesellschaft’ in: Spann, Othmar. Gesamtsausgabe, Bd. 5, München, 1972.

41. Поиск в Google дает более 12,6 млн ссылок на термин «Nazi Germany» и около 900 тыс. на «Fascist Germany», так как само последнее понятие во многом стало переводом на английский появившегося в СССР обозначения «фашистская Германия», использовавшегося в основном для внутреннего потребления (даже в документах Нюрнбергского трибунала осуждался не «фашизм», а «национал-социалистическая партия» и соответствующая идеология).

42. См.: www.newsweek.com/putins-russia-grip-fascism-312513 и www.europe.newsweek.com/vladimir-putin-fascist-325534?rm=eu, сайты посещены 21 января 2017 г.

43. См. высказывания Е. Ихлова (www.echo.msk.ru/programs/opponent/738464-echo/), А. Сотника (www.democracy.ru/article.php?id=4182) или А. Олейника (www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/02/13/ugroza-fashizma), сайты посещены 21 января 2017 г.; а также ряда других авторов.

44. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Вставай, страна огромная: как Россия вновь столкнулась с фашизмом’ в: РБК, 2015, 22 июня, с. 9.

45. См.: Inozemtsev, Vladislav. “Russia’s Flirtation with Fascism” (на сайте www.project-syndicate.org/commentary/russia-no-long-term-fascist-danger-by-vladislav-inozemtsev-2016–07, сайт посещен 21 января 2017 г.) и Inozemtsev, Vladislav. ‘Russia’s Fascist Regime?’ in: The American Interest, 2017, March-April, Vol. XII, No. 4, pp. 28–35.

46. Paxton, Robert. The Anatomy of Fascism, London: Vintage Books, 2005, p. 218.

47. См.: Eco, Umberto. ‘Ur-Fascism’ in: The New York Review of Books, 1995, June 22.

48. Gentile, Emilio. ‘Fascism: A Working Definition’ in: Payne, Stanley. A History of Fascism, 1914–1945, Madison (Wi.): Univ. of Wisconsin Press, 1995, p. 6.

49. Drucker, Peter. The End of Economic Man, New York: John Day, 1939, pp. 230–231.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

50. См., напр., определение «русского пространства» в: Дугин, Александр. Социология русского общества: Россия между хаосом и логосом, Москва: Академический проект, 2011, разд. 4.

51. См.: www.kremlin.ru/events/president/news/20796, сайт посещен 21 января 2017 г.

52. См. обзор мнений в: Медведев, Сергей. «Русский Сион: зачем Владимиру Путину мессианская идея» (на сайте www.forbes.ru/mneniya-column/tsennosti/275217-russkii-sion-zachev-vladimiru-putinu-messianskaya-ideya, сайт посещен 29 апреля 2017 г.).

53. Подробнее см.: www.newsru.com/russia/20may2016/elections.html, сайт посещен 21 января 2017 г.

54. Подробно и систематично все претензии российских «экспертов» к Европе изложены в: Слёзин, Валерий. Геноцид белой расы: Кризис Европы, Москва: АСТ, 2009.

55. Всеволод Чаплин, как известно, говорил недавно: «Мир долгим не бывает; мир сейчас долгим, слава Богу, не будет… потому что общество, в котором слишком много сытой и спокойной жизни, это общество, оставленное Богом, это общество долго не живет» (https://www.echo.msk.ru/programs/klinch/1567024-echo/), отмечая, что «войны часто посылаются в наказание людям и в назидание людям» и потому «не надо бояться, что по воле Божией или, по крайней мере, по попущению Божиему уничтожается или будет уничтожаться большое количество людей» (https://www.echo.msk.ru/programs/personalnovash/1818964-echo/, сайт посещен 21 апреля 2017 г.).

56. Предприниматель О. Дерипаска в своем интервью Financial Times от 13 июля 2007 г. (см.: www.ft.com/cms/s/0/470bc928–30da-11dc-9a81–0000779fd2ac.html, сайт посещен 1 мая 2017 г.).

57. Данные Федеральной антимонопольной службы; см.: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontrolituyut-ekonomiki, сайт посещен 7 мая 2017 г.

58. См.: Цыренова, Дарима. ‘Проблемы и направления совершенствования регулирования деятельности банков с государственным участием’ в: Актуальные вопросы экономических наук, 2017, вып. 58, с. 195, табл. 1.

59. Mussolini, Benito. The Doctrine of Fascism, New York: Createspace Independent Publishing Platform, 2012, p. 25.

60. Mussolini, Benito. ‘Plan for the New Italian Economy’ in: Celli, Carlo (ed.) Economic Fascism: Primary Sources on Mussolini’s Crony Capitalism, Edinburg (Va.): Axios Press, 2013, p. 277.

61. Имеется в виду персонал Вооруженных Сил, МВД, ФСБ, Госнаркоконтроля, Налоговой полиции, Прокуратуры и Следственного комитета, Миграционной и Таможенной служб, а также ФСО — см.: https://силавдвижении.рф/stati/skolko-v-rossii-silovikov/, сайт посещен 8 мая 2017 г.

62. См.: Yashin, Ilya. Kadyrov: The Threat to The National Security, Washington (DC): The Free Russia Foundation, 2016, p. 27.

63. См.: Morgan, Philip. Italian Fascism, 1915–1945, New York: Palgrave Macmillan, 2003, p. 39.

64. См.: Griffin, Roger. The Nature of Fascism, New York: St. Martin’s Press, 1991, p. 271.

65. См.: Иноземцев, Владислав. «Великие имитаторы» (на сайте www.gazeta.ru/comments/2015/04/03_a_6624321.shtml, сайт посещен 10 мая 2017 г.).

66. В свое время В. Путин вынужден был признать, что единственной идеологией в современной России может быть патриотизм (см.: www.ria.ru/politics/20030717/408317.html, сайт посещен 23 января 2017 г.).

67. См., напр.: Айбусинов, Сырлыбай. «Проверка речи: ошибся ли Путин на форуме “Россия зовёт!”?» (на сайте https://republic.ru/economics/proverka_rechi_oshibki_pu-1166229.xhtml); Айбусинов, Сырлыбай. «Проверка речи: девять вопросов к посланию Путина парламенту» (на сайте https://republic.ru/economics/proverka_rechi_9_voprosov_k_poslaniyu_putina_parlamentu-1191451.xhtml, сайты посещены 7 мая 2017 г.).

68. См.: www.blog.pravo.ru/blog/29560.html, сайт посещен 23 января 2017 г.

69. См.: о внесении предложения https://snob.ru/selected/entry/106867, об изменении формулировки: https://president-sovet.ru/presscenter/publications/read/4084/, сайты посещены 7 мая 2017 г.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

70. Так определяет один из главных принципов российского общества Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в редакции 31 декабря 2015 г. в ст. 78 (см.: https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html, сайт посещен 23 января 2017 г.).

71. См., напр., позицию А. Миграняна: Мигранян, Андраник. 'Наши Передоновы' в: Известия, 2014, 3 апреля (www.izvestia.ru/news/568603, сайт посещен 23 января 2017 г.).

72. См.: ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

73. См.: https://www.fizrazvitie.ru/2011/08/fashizm-sudebnye-pristavy.html, сайт посещен 7 мая 2017 г.

74. Подробнее см.: Inozemtsev, Vladislav. 'Vernarrt in die Vergangenheit: Die Wurzeln des Putinismus reichen bis in die neunziger Jahre zurück' in: Internationale Politik, 2017, №1 (Januar-Februar), SS. 74–83.

75. Arendt, Hannah. The Origins of Totalitarianism, San Diego (Ca.), New York, London: Harcourt Brace & Co., 1976, p. 325, note 39.

76. Mann, Thomas. Diaries 1918–1939, New York: H. N. Abrams, 1982, p. 136.

77. Mussolini, Benito. The Doctrine of Fascism, p. 18.

78. Подробнее см.: Inozemtsev, Vladislav. 'Russia of 2010s: How to Live with It and how to Outlive It' in: DGAP Kompakt 07/2015, Berlin, DGAP: June 2015, pp. 1–9.

Глава 3

1. Shleifer, Andrei. A Normal Country. Russia After Communism, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2005, p. 157.

2. См.: Daudin, Guillaume, Morys, Matthias and O'Rourke, Kevin. 'Globalization, 1870–1914' in: Broadberry, Stephen and O'Rourke, Kevin (eds.) The Cambridge Economic History of Modern Europe, vol. 2: 1870 to The Present, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010, p. 8, table 1–2.

3. Венесуэла, экспорт и доля нефти см.: www.worldtopexports.com/venezuelas-top-10-exports/; Ямайка, бокситы см.: www.worldtopexports.com/jamaicas-top-10-exports/; Намибия, алмазы и золото см.: www.worldtopexports.com/namibias-top-10-exports/; сайты посещены 12 мая 2017 г.

4. По нефти см.: https://www.weforum.org/agenda/2016/05/which-economies-are-most-reliant-on-oil/, по минералам см.: https://www.weforum.org/agenda/2016/03/this-map-shows-every-country-s-msjor-export/, по сельскохозяйственным товарам см.: www.fao.org/docrep/005/Y3733E/y3733e0d.htm; сайты посещены 12 мая 2017 г.

5. Здесь следует сделать одно замечание: ресурсная зависимость либо не возникает вовсе, либо преодолевается довольно легко в странах с устоявшейся государственностью — и очень сложно искореняется там, где новая специализация начала формироваться вместе с государственными структурами, становясь элементом новой национальной идентичности (как в большинстве освободившихся от колониальной зависимости стран) (см.: Иноземцев, Владислав. 'Сырьевой путь — не приговор' в: Ведомости, 2009, 21 мая, с. А4).

6. См.: Kotilaine, Jarmo. Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in The Seventeenth Century, Boston (Ma.), Leiden: Brill, 2005, pp. 7–8.

7. См.: Halperin, Charles. Russia and The Golden Horde: The Mongol Impact on The Medieval Russian History, Bloomington (In.): Indiana Univ. Press, 1985, pp. 83–84.

8. См.: Полубояринова, Марина. Русские люди в Золотой Орде, Москва: Наука, 1978, с. 34.

9. Подробнее см.: Naumov, Igor. The History of Siberia, London, New York: Routledge, 2006, pp. 53–54.

10. См.: Fisher, Raymond. The Russian Fur Trade 1550–1700, New York: Millwood, 1974, p. 48.

11. См.: Щапов, Афанасий. 'Историко-географическое распределение русского народонаселения' в: Щапов, Афанасий. Сочинения в 3 тт. Санкт-Петербург: М.В. Пирожков, 1906, т. 2, сс. 280–283.

12. См.: Ядринцев, Николай. Сибирь, как колония в географическом, этнологическом и историческом отношениях, 2-е изд., Санкт-Петербург: Издательство И. М. Сибирякова, 1892, с. 335.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

13. См.: Ломоносов, Михаил. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможному проходу Северным океаном в Восточную Индию (1763) на сайте https://tyum-pravda.ru/cultura-main/4839-rossijskoe-moguschestvo-prirastat-budet-sibiryu, сайт посещен 6 мая 2017 г.

14. См.: Goldman, Marshall. Petrostate. Putin, Power, and The New Russia, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2008, p. 21.

15. Агрегированные данные за 1899–1903 гг. (см.: Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1914 г. Петроград, 1915, с. 111).

16. См.: DeVries, Jan and van der Voude, Ad. The First Modern Economy: Success, Failure, and Perseverance of The Dutch Economy, 1500–1815, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997, pp. 113–115.

17. Подробнее см.: Harley, C. Knick and McCloskey, Donald. 'Foreign Trade: Competition and Expanding International Economy' in: Floud, Roderick and McCloskey, Donald (eds.) The Economic History of Britain since 1700, Vol. 2, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981, pp. 51–56.

18. См.: Земсков, Виктор. Спецпоселенцы в СССР 1930–1960, Москва: Наука, 2003, сс. 111–114.

19. См.: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/_rosstat/ru/statistics/enterprise/transport/, сайт посещен 13 мая 2017 г.

20. См.: Фонвизин, Денис. 'Письма из третьего заграничного путешествия' в: Фонвизин, Денис. Собрание сочинений в 2 т. Москва, Ленинград: Государственное издательство художественной литературы, 1966, т. 2, сс. 528–530.

21. См.: выступление замглавы администрации президента России В. Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров партии «Единая Россия» 7 февраля 2006 г. (www.politnauka.org/library/public/surkov.php, сайт посещен 6 мая 2017 г.).

22. См.: Третьяков, Виталий. 'Два Евросоюза — одна (и единая) Европа' в: Политический класс, 2009, №4(52), тезис 26.

23. Согласно «Википедии»: https://ru.wikipedia.org/wiki/Полезные_ископаемые_России, сайт посещен 13 марта 2017 г.

24. См. по лесным площадям: https://ria.ru/society/20150907/1234780348.html; по запасам пресной воды: www.wikiznanie.ru/wikipedia/index.php/Природные_ресурсы_России; сайты посещены 6 мая 2017 г.

25. См. по «Роснефти»: Стабильность, технологии, развитие: годовой отчет ОАО НК «Роснефть» за 2015 год, с. 13; по «Газпрому»: Многополярная энергия: годовой отчет ПАО «Газпром» за 2015 год, с. 51; по «Норильскому никелю» см.: Петлевой, Виталий. 'У 'Норникеля' бесплатный никель' в: Ведомости, 2017, 23 января, с. А4.

26. Рассчитано по данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации (см.: www.customs.ru, сайт посещен 6 мая 2017 г.).

27. См.: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник, Москва: Финансы и статистика, 1987, с. 647.

28. Рассчитано: экспорт — по данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации (см.: www.customs.ru, сайт посещен 6 мая 2017 г.); занятость — по: Труд и занятость в России 2015, Москва: Росстат, 2015, сс. 109, 116.

29. См.: Объем экспорта — по данным Федеральной таможенной службы Российской Федерации (см.: www.customs.ru), ВВП поданным Росстата (www.gks.ru), средневзвешенный курс доллара по https://www.audit-it.ru/currency/sr_vz.php; сайты посещены 6 мая 2017 г.

30. См.: правительственные программы о социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона (www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162190/86845093dac84d677c478ceff53a0bc54d6f7bd8/) и Арктической зоны (https://www.economy.gov.ru/minec/about/structure/depOsobEcZone/201412263), обе — 2014 г.; сайты посещены 6 мая 2017 г.

31. См.: ЕС за 2016 г.: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/internationak_trade_in_goods; США, март 2017 г.: https://www.census.gov/foreign-trade/Press-Release/current_press_release/ft900.pdf; сайты посещены 6 мая 2017 г.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

32. См.: Maddison, Angus. The World Economy: A Millennial Perspective, Paris: OECD Publications Service, 2001, table B-10, p. 241.

33. Об этом стали открыто писать в последние годы существования СССР (см., напр.: Гайдар, Егор и Лацис, Отто. 'По карману ли траты?' в: Коммунист, 1988, №17, сс. 26–30). Подробнее о масштабах неэффективности см.: Кудров, Валентин. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления, Москва: Наука, 2003, сс. 17–20.

34. См.: Robbins, Lionel. An Essay on The Nature and Significance of Economic Science, London: Macmillan, 1932, pp. 44–48.

35. См., напр.: List, Friedrich. Das nationale System der politischen Oekonomie, Stuttgart: Cotta'schen Verlag, 1841 и Oppenheimer, Franz. Weltwirtschaft und Nationalwirtschaft, Berlin: Fisher Verlag, 1915, и др.

36. Подробнее см.: Inozemtsev, Vladislav. "Russia's Cold War Habit" (на сайте www.project-syndicate.org/commentary/cold-war-russia-annexation-by-vladislav-inozemtsev-2017–05, сайт посещен 3 июня 2017 г.).

37. См.: Kahn, Herman. On Thermonuclear War (1960), New Brunswick (NJ): Transaction Publishers, 2006, p. 148.

38. См., напр.: Tinbergen, Jan. 'Do Communist and Free Economies Show Convergence Patterns?' in: Soviet Studies, 1961, Vol. 12, No 4, pp. 333–341 и Kerr, Clark, Dunlop, John T., Harbison, Frederick and Myers, Charles. Industrialism and Industrial Man: The Problems of Labor and Management in Economic Growth, Hammondsworth: Penguin Books, 1960.

39. См.: нижняя оценка — 'Soviet Military Budget: $128 Billion Bombshell' in: The New York Times, 1989, May 31; верхняя оценка — Cooper, Julian. 'The Military Expenditure of the USSR and the Russian Federation, 1987–1997' in: SIPRI Yearbook 1998, Stockholm: SIPRI, 1998, pp. 243–256.

40. Рост добычи, см.: Народное хозяйство СССР в 1985 г., с. 157; рост экспорта см.: Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник, с. 641.

41. См.: Hill, Fiona and Gaddy, Clifford. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in The Cold, Washingtom (DC): Brookings Institution Press, 2003, pp. 87–94.

42. См.: Gaddy, Clifford and Ickes, Barry. Bear Traps on Russia's Road to Modernization, London, New York: Routledge, 2013, p. 38.

43. Там же, pp. 30–31.

44. См.: Inozemtsev, Vladislav. 'Russia Declares New 'Cold War' in Its Far North' in: The Moscow Times, 2013, May 23, p. 9.

45. См.: по 2000 г.: Российский статистический ежегодник 2015, на сайте www.gks.ru/bdg/regl/b15_13/Main.htm; по 2016 г. отчет об исполнении консолидированного бюджета на сайте www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance/#; сайты посещены 14 мая 2017 г.

46. См.: https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-share-of-GDP.pdf, сайт посещен 14 мая 2017 г.

47. См.: "World military spending: Increases in the USA and Europe, decreases in oil-exporting countries" (на сайте https://www.sipri.org/media/press-release/2017/world-military-spending-increases-usa-and-europe, сайт посещен 11 мая 2017 г.).

48. Подробнее см.: Валерий Зубов и Владислав Иноземцев. Сибирское благословение, Москва: Аргамак-Медиа, 2013, с. 110.

49. См. по 2012 г.: www.expert.ru/2012/11/27/rekordnaya-navigatsiya/?n-66995, по 2014 г.: www.morvesti.ri/detail.php&ID=31425, по 2015 г.: www.gudok.ru/news/freighttrans/&ID=1327638; сайты посещены 20 апреля 2016 г.

50. См., напр.: 'The End of the Line' in: The Economist, 2014, November 20, pp. 18–19.

51. Обоснование отличий античного «капитализма» от современного см. в: Сальвиоли, Джузеппе. Капитализм в античном мире: этюд по истории хозяйственного быта, Харьков: Гос. издательство Украины, 1923, сс. 122–153.

52. См.: Кузищин, Василий. Античное классическое рабство как экономическая система, Москва: Издательство МГУ, 1990, сс. 154, 174–176; Иноземцев, Владислав и Кузищин, Василий. 'Исторические формы товарного хозяйства' в: Вестник Российской академии наук, 1998, том 68, №7, сс. 602–611.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

53. См.: Ткаченко, Наталья. Статистический анализ федерального законодательства, Москва: Центр статистических разработок, 2017, табл. 3, сс. 53–54.

54. В изложении С. Довлатова, см.: Довлатов, Сергей. ‘Чемодан’ в: Довлатов, Сергей. Собрание сочинений в 3 т., т. 2, Санкт-Петербург: Лимбус-Пресс, 1993, с. 264.

55. См., напр.: Кавелин, Константин. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры, Москва: Правда, 1989, с. 137.

56. Бродский, Иосиф. Письма римскому другу, 3:11.

57. См., напр.: Markus, Stanislav. Property, Predation, and Protection, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016; Brauder, Bill. Red Notice, New York: Simon & Schuster, 2015, и др.

58. См.: Dawisha, Karen. Putin’s Kleptocracy. Who Owns Russia, New York: Simon & Schuster, 2014, pp. 313–317.

59. Понятие “crony capitalism” распространилось после азиатского финансового кризиса 1997 г. (см., напр.: Backman, Michael. Asian Eclipse. Exposing The Dark Side of Business in Asia, Singapore, New York: John Wiley & Sons, 1999); с 2014 г. журнал The Economist рассчитывает Crony capitalism index (см.: ‘Planet Plutocrat’ in: The Economist, 2014, March 15).

60. См.: www.rbc.ru/society/29/10/2010/5703dfe39a79473c0df164b7, сайт посещен 13 мая 2017 г.

61. См.: www.rbc.ru/finances/15/03/2017/58c999aa9a79472d307b5868, сайт посещен 13 мая 2017 г.

62. См.: нижняя оценка — Милов, Владимир; Немцов, Борис; Рыжков, Владимир и Шорина, Ольга (ред.) Путин. Коррупция: Независимый экспертный доклад, Москва: б. изд., 2011, с. 6; верхняя оценка — ‘Щупальца коррупции’ в: Правда, 2010, 26 августа (на сайте https://kprf.ru/pravda/issues/2010/92/article-31745/, сайт посещен 13 мая 2017 г.).

63. См. классическое определение в: Rose-Ackerman, Susan. Corruption: A Study in Political Economy, New York, London: Academic Press, 1978, p. 6.

64. Формулировка дана в виде, содержащемся в ст. 20 Конвенции ООН против коррупции (см.: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml, сайт посещен 11 мая 2017 г.); Государственная дума России ратифицировала Конвенцию в 2006 г. за исключением ст. 20, 26, 54 и 57 (см.: https://rg.ru/2006/03/21/konvencia-korrupcia-dok.html, сайт посещен 13 мая 2017 г.).

65. См. подробнее: Иноземцев, Владислав. ‘Коррупция: победима ли она в ‘отдельно взятой’ стране?’ в: Общая тетрадь, 2014, №2–3 (65), сс. 54–64.

66. По данным Готского альманаха (см.: www.almanachdegotha.org/id229.html, сайт посещен 13 мая 2017 г.).

67. Тут можно вспомнить заявление А. Шубина, замминистра финансов США по вопросам финансовых преступлений, о том, что «коррумпированность Путина нам уже давно известна» (цит. по: www.reuters.com/article/us-usa-russia-treasury-idUSKCN0V32KA, сайт посещен 13 мая 2017 г.).

68. См., напр.: https://www.freedomrussia.org/tag/korruptsionnaya-vertikal/, сайт посещен 11 мая 2017 г.

69. Этот феномен и риски, которые он создает для России, подробно рассмотрены в: Krastev, Ivan and Inozemtsev, Vladislav. ‘Putin’s Self-Destruction’ in: Foreign Affairs (July 2013) (www.foreignaffairs.com/articles/139442/ivan-krastev-and-vladislav-inozemtsev/putins-self-destruction , сайт посещен 11 мая 2017 г.).

70. Протяженность введенных в строй автодорог с твердым покрытием — данные Росстата: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/ rosstat/ru/statistics/enterprise/building/#; количество выделенных бюджетных средств: на 2000 г. см.: www.ng.ru/economics/2011–12–07/1_roads.html на 2016 г. см.: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/07/06/599287-rashodi-byudzheta-na-dorogi-budut-minimalnimi; сайты посещены 2 мая 2017 г.

71. См.: www.newsru.com/russia/12may2017/arctic.html, сайт посещен 11 мая 2017 г.

72. См.: Жаркова, Надежда. ‘Имущество А.Д. Меншикова по неизвестной описи 1732 года’ в: Труды Государственного Эрмитажа, т. 70, Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013, сс. 162–173.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

73. По данным Следственного комитета Российской Федерации, см.: https://sledcom.ru/news/item/1066861/, сайт посещен 11 мая 2017 г.

74. См.: https://s30787690145.mirtesen.ru/blog/43783154483/Za-chto-rasstrelyali-direktora-«Eliseevskogo»-magazina-v-1984-go, сайт посещен 11 мая 2017 г.

75. См.: Кругман, Пол. Кредо либерала [пер. с английского под редакцией и со вступительной статьей В. Иноземцева], Москва: Европа, 2009, сс. 26–28.

76. См.: Cockcroft, Laurence. Global Corruption. Money, Power, and Ethics in The Modern World, Philadelphia (Pa.): Univ. of Pennsylvania Press, 2012, p. 137.

77. См.: Inosemzew, Wladislaw und Lebedew, Alexander. 'Der Dritte Kolonialismus' in: Le Monde Diplomatique Deutschland, 2016, November, S. 3.

Глава 4

1. См. по 1700 и 1885 гг.: Maddison, Angus. Monitoring The World Economy 1820–1992, Paris: OECD Publications Service, 1995 и Maddison, Angus. Contours of The World Economy, 1–2030 AD: Essays in Macro-Economic History, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2007, современные данные (2016 г.) см.: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2017.

2. См.: Parsons, Talcott. The Evolution of Societies, Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1977.

3. См. прежде всего: Rosenstein-Rodan, Paul. 'Problems of Industrialization of Eastern and Southeastern Europe' in: Economic Journal, vol. 53, No. 210/11, June-September 1943, pp. 202–211 и Staley, Eugene. World Economic Development: Effects on Advanced Industrial Countries, Montreal: International Labour Office, 1944.

4. Aron, Raymond. Trois essais sur l'âge industrielle, Paris: Plon, 1966, pp. 60, 93.

5. См., напр.: Inglehart, Ronald. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies, Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 1997, pp. 7–9.

6. Eisenstadt, Shmuel. Modernization: Protest and Change, Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1966, p. 1.

7. См. об этом: Leftwich, Adrian. States of Development. On The Primacy of Politics in Development, Oxford: Polity, 2000, pp. 18–21, 33.

8. См.: Huntington, Samuel. 'The Change to Change: Modernization, Development and Politics' in: Comparative Politics, 1971, No 4, April, pp. 39–42.

9. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XIa, Санкт-Петербург, 1894, с. 787, также см.: Nove, Alec. An Economic History of The USSR 1917–1991, London: Penguin, 1992, pp. 2–4.

10. См.: Гливиц, Ипполит. Железная промышленность России, Санкт-Петербург: Типография Н. Стойковой, 1911, сс. 10–11, 34.

11. См.: Богуславский, Николай. Япония: военно-географическое и статистическое обозрение, Санкт-Петербург: Военная типография Главного штаба, 1904, сс. 348, 384.

12. См.: Полянский, Фёдор и Жамин, Виталий. Экономическая история капиталистических стран, Москва: Издательство МГУ, 1986, сс. 117–118.

13. См.: Engerman, Stanley and Gallman, Robert. (eds.) The Cambridge Economic History of The United States, Vol. 2: The Long Nineteenth Century, Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000, pp. 376, 583.

14. См. по Советскому Союзу: "Sputnik: When American Fears Went into Orbit" (на сайте https://www.spiked-online.com/newsite/article/3926#.Wp57YuhubsY, сайт посещен 4 марта 2018 г., по Японии: Vogel, Ezra. Japan As Number 1. Lessons for America, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 1979.

15. См.: Иноземцев, Владислав. 'Воссоздание индустриального мира: контуры нового глобального устройства' в: Россия в глобальной политике, том 8, №4, ноябрь-декабрь 2011, сс. 85–98.

16. См.: Mahathir bin Mohamad. The Way Forward, London: Weidenfeld & Nicolson, 1998, p. 19.

17. См.: Robison, Richard and Goodman, David (eds.) The New Rich in Asia, London, New York: Routledge, 1996, p. 207.

18. См.: Murray, Geoffrey. Vietnam: Dawn of a New Market, New York: St. Martin's Press, 1997, p. 2.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

19. Подробнее см.: Hartcher, Peter. The Ministry. How Japan's Most Powerful Institution Endangers World Markets, Boston: Harvard Business School Press, 1998.

20. См., напр.: Lee Kuan Yew. From Third World to First: The Singapore Story 1965–2000, New York, London: HarperCollins, 2000, pp. 363–380.

21. См.: Johnson, Chalmers. Japan: Who Governs? The Rise of The Developmental State, New York, London: W.W. Norton & Co., 1995.

22. Термин введен японским экономистом Т. Сакайя: Sakaiya, Taichi. The Knowledge-Value Revolution, or, A History of The Future, Tokyo, New York: Kodansha International, 1991, p. 174.

23. См. : Amsden, Alice. The Rise of "The Rest": Challenges to The West from Late-Industrializing Economies, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2001, Table 5.2, p. 113.

24. См.: The East Asian Miracle. Economic Growth and Public Policy (A World Bank Policy Research Report), Washington (DC), Oxford: The World Bank & Oxford Univ. Press, 1993, table 5.6, p. 210.

25. См.: Fieldhouse, David K. The West and The Third World, Malden (Ma.), Oxford: Blackwell, 1999, p. 325.

26. См.: Vogel, Ezra. The Four Little Dragons. The Spread of Industrialization in East Asia, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 1991, p. 9.

27. См.: Pempel, T.J. 'The Developmental Regime in a Changing World Economy' in: Woo-Cumings, Meredith (ed.) The Developmental State, Ithaca (NY), London: Cornell Univ. Press, 1999, p. 177.

28. См.: Bhagwati, Jagdish. In Defense of Globalization: [How The New World Economy Is Helping Rich and Poor Alike], Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2004, p. 180.

29. Goh Keng Swee. The Economics of Modernization and Other Essays, Singapore: Marshall Cavendish Academic, 1972, p. 1.

30. «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (Ленин, Владимир. 'О 'левом' ребячестве и о мелкобуржуазности' в: Ленин, Владимир. Полное собрание сочинений, т. 36, с. 301).

31. См.: Бескровный, Любомир. Отечественная война 1812 года, Москва: Соцэкгиз, 1962, сс. 157, 193 и Lentz, Thierry. Nouvelle histoire du premier empire: L'effondrement du système napoléonien, 1810–1814, Paris: Fayard, 2004, p. 325.

32. См.: Спиридонова, Евгения. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I, Москва: Политиздат, 1952, с. 147; и Заозерская, Елена. Мануфактура при Петре I, Москва: Издательство АН СССР, 1947, сс. 9, 10, 150–184.

33. См.: Ключевский, Василий. Курс русской истории, Москва: Мысль, 1989, сс. 70, 114.

34. См.: Иноземцев, Владислав. 'История и уроки российских модернизаций' в: Россия и современный мир, №2 [67], апрель–июнь, 2010, сс. 9–10.

35. См.: Bairoch, Paul and Kozul-Wright, Richard. Globalization Myths: Some Historical Reflections on Integration, Industrialization and Growth in The World Economy, London: Palgrave Macmillan, 1998, p. 15.

36. См.: Кудров, Валентин и Тремль, Владимир. 'Достоинства и недостатки западной экономической советологии' в: Вопросы экономики, 2000, №11, с. 68.

37. См.: Shleifer, Andrei. A Normal Country. Russia After Communism, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2005, pp. 181–182.

38. См.: Медведев, Дмитрий. «Россия, вперёд» (на сайте https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml, сайт посещен 4 марта 2018 г.

39. Хороший обзор «поворота к консерватизму» в риторике власти начиная с 2012 г. см.: https://regnum.ru/news/polit/1746962.html, сайт посещен 4 марта 2018 г.

40. Подробнее см.: Путин, Владимир. «Послание Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г.» (на сайте https://www.kremlin.ru/events/president/news/56957, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

41. См.: https://www.rbc.ru/politics/22/05/2013/570408ed9a7947fcbd4492f7, сайт посещен 4 марта 2018 г.

42. См.: https://www.statista.com/statistics/203759/average-selling-price-of-desktop-pcs-worldwide/ , сайт посещен 4 марта 2018 г.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

43. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Издержавшаяся страна’ в: Ведомости, 2010, 31 мая, с. 6 и Иноземцев, Владислав. ‘Причины сверхрасходов’ в: Ведомости, 2010, 1 июня, с. 4.

44. См., напр.: Иноземцев, Владислав. ‘Зачем в Кремле говорят о военной экономике’ в: РБК, 2017, 29 ноября, с. 9.

45. См.: Goldman, Marshall. The Piratization of Russia: Russian Reform Goes Awry, London, New York: Routledge, 2003; Inozemtsev, Vladislav. ‘Why Putinism Arose’ in: Journal of Democracy, 2017, October, Vol. 28, No. 4, pp. 80–85.

46. См.: Иноземцев, Владислав. «Истоки путинизма» (на сайте www.snob.ru/selected/entry/115098) и Inozemtsev, Vladislav. ‘Vernarrt in die Vergangenheit: Die Wurzeln des Putinismus reichen bis in die neunziger Jahre zurück’ in: Internationale Politik, 2017, №1 (Januar-Februar), SS. 74–83.

47. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. «Что тянет нас обратно в СССР? Не ФСБ и не “Единая Россия”» (на сайте www.slon.ru/posts/51710); также см.: www.riarating.ru/infografika/20130201/610536030.html и www.forbes.com/global2000/list/3#country:China, сайты посещены 29 апреля 2017 г.

48. По состоянию на 2016 г.: https://www.russian-trade.com/reports-and-reviews/2017–02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2016-g/, сайт посещен 26 февраля 2018 г.

49. Один из идеологов данной модели, С. Глазьев, пишет, например: «…Россия должна резким рывком преодолеть свое отставание, “оседлать” новую длинную волну экономического развития и вырваться из “сырьевой ловушки”» (Глазьев, Сергей. «О стратегии модернизации и развития экономики России в условиях глобальной депрессии» [на сайте www.glazev.ru/econom_polit/269/, сайт посещен 14 января 2017 г.]).

50. Bell, Daniel. ‘The Third Technological Revolution and Its Possible Socio-Economic Consequences’ in: Dissent, Vol. 36, No. 2, Spring 1989, p. 167.

51. См. подробнее: Иноземцев, Владислав и Кузнецова, Екатерина. ‘Модернизация по остаточному принципу’ в: The New Times, 2010, 18 января, с. 39.

52. См.: «Медведев определил направления инновационного развития экономики» (на сайте http://www.vesti.ru/doc.html?id=294585, сайт посещен 26 февраля 2018 г.).

53. См.: Россия в цифрах 2013, государственная программа «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности».

54. Согласно прогнозам компании Boston Consulting Group, сделанным в 2013 г., см.: www.vz.ru/news/2013/7/19/641957.html, сайт посещен 14 июня 2017 г.

55. См.: www.gazeta.ru/auto/2016/01/14_a_8021765.shtml, сайт посещен 14 июня 2017 г.

56. См.: Илларионов, Андрей. «Что сделали Гайдар и Чубайс (21 тезис)» (на сайте http://aillarionov.livejournal.com/808619.html, сайт посещен 22 ноября 2017 г.).

57. См. по акциям: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ваучерная_приватизация_в_России, по рыночным котировкам приватизационного чека: Ходоровский, Анатолий. «Ваучер. Начало» (на сайте https://republic.ru/economics/vaucher_nachalo-818580.xhtml, сайт посещен 22 февраля 2018 г.).

58. См.: Вилькобрисский, Михаил. Как делили Россию: история приватизации, Санкт-Петербург: Питер, 2012, сс. 101–103.

59. См. по компании ЮКОС: https://www.gazeta.ru/2007/02/05/oa_230728.shtml; по продаже «Сибнефти» «Газпрому»: https://www.newsru.com/finance/28sep2005/sibn.html; по покупке «Роснефтью» ТНК-ВР: https://iz.ru/721978/2018–03–19/rosneft-polnostiu-rasschitalas-po-kreditam-na-pokupku-tnk-bp; сайты посещены 22 мая 2018 г.

60. Рассчитано исходя из доходов бюджета в 232,1 трлн неденоминированных рублей и средневзвешенного курса в 4554 руб./долл.

61. По нефтепереработке в Китае см.: https://ycharts.com/indicators/china_oil_refinery_capacities; по выпуску цемента https://tradingeconomics.com/china/cement-production и официальные данные Росстата — все цифры за 1992 и 2016 гг.; сайты посещены 26 февраля 2018 г.

62. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Исчезнувшие источники роста’ в: Бизнес-Журнал, 2017, №1–2, сс. 15–17.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

63. См.: Иноземцев, Владислав, Крутихин, Михаил и Милов, Владимир. Удивительная рядом: ПАО НК «Роснефть» и современная Россия [неопубликованный текст], Москва, 2017, с. 6.

64. Можно вспомнить многие примеры — от высказывания О. Дерипаски о готовности отдать бизнес по первому требованию (см.: Belton, Catherine. 'I don't need to defend myself' in: Financial Times, 2007, July 13, p. 8) до недавней продажи самого успешного российского ретейлера «Магнит» государственному банку ВТБ (https://ria.ru/invest_forum_Sochi/20180216/1514816300.html), сайты посещены 26 февраля 2018 г.

65. Diamond, Larry. "Lecture at Hilla University for Humanistic Studies" (на сайте http://web.stanford.edu/~ldiamond/iraq/WhatIsDemocracy012004.htm, сайт посещен 8 мая 2017 г.).

66. См.: выступление И. Ашманова на предвыборном митинге в Лужниках 5 марта 2018 г. (цит. по: Баканов, Константин 'Зазеркалье в Лужниках: репортаж с 'путинга'-2018' в: Собеседник, 2018, №9, 6 марта).

67. См.: Шахрай, Сергей. «Монархия при парламенте… Мы решили эту задачу как Сперанский» (на сайте http://www.business-gazeta.ru/article/372831, сайт посещен 26 февраля 2018 г.).

68. См., в частности: Герасимов, Григорий. «Патриотизм как национальная идея» (на сайте http://www.expert.ru/2016/06/16/patriotizm-kak-natsionalnaya-ideya/, сайт посещен 26 февраля 2018 г.).

69. См.: Ельцин, Борис. 'Об укреплении Российского государства: основные направления внутренней и внешней политики' (послание Федеральному собранию от 24 февраля 1994 г.) в: Российская газета, 1994, 25 февраля, сс. 1, 3–4; 'Борис Ельцин о национальной идее' в: Независимая газета, 1996, 13 июля, с. 1.

70. См.: Путин, Владимир. «Послание Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г.» (на сайте https://www.kremlin.ru/events/president/news/56957, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

71. Об истории фразы см.: «Борис Ельцин: "Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить"» (на сайте https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-berite-stolko-suvereniteta-slolko-smozhete-proglotit/, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

72. См.: Yashin, Ilya. A Threat to National Security, Washington: Free Russia Foundation, 2016, (на сайте http://www.4freerussia.org/wp-content/uploads/2016/03/Doklad_eng_web.pdf, сайт посещен 22 ноября 2017 г.).

73. Об истории понятия см.: Кузнецова, Екатерина. 'Ближнее зарубежье: все дальше от России' в: Россия в глобальной политике, 2004, т. 2, №5, сентябрь–октябрь, сс. 136–149.

74. См.: Шеварднадзе, Эдуард. «После того как Гейдар Алиев скончался, мне не с кем посоветоваться, а результат вы видите» (на сайте https://news.day.az/politics/21997.html, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

75. См.: http://ria.ru/incidents/20090410/167730531.html, сайт посещен 4 марта 2018 г.

76. См., напр.: «Кому принадлежит Севастополь?» (на сайте https://echo.msk.ru/programs/klinch/513803-echo/, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

77. См., напр.: Goble, Paul. "Russian 'Passportization'" (на сайте https://topics.blogs.nytimes.com/2008/09/09/russian-passportization/, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

78. См.: Путин, Владимир. 'Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня' в: Известия, 2011, 4 октября, сс. 1, 3.

79. См.: http://www.osce.org/mc/39516?download=true, сайт посещен 22 ноября 2016 г.

80. См.: Смыслов, Дмитрий. Внешнее финансирование России в переходный период, Москва: ИМЭМО РАН, 2001, сс. 52–53, 55.

81. См.: http://www.russianmission.eu/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_english.pdf, сайт посещен 22 ноября 2017 г.

82. См., напр.: Боич, Зорана. 'Спецмероприятие на Чёрной горе' в: The New Times, 2017, №6–7, 6 марта.

83. Страна является официальным кандидатом на вступление в ЕС с 1 марта 2012 г., а переговоры о вступлении начались в январе 2014 г. (подробнее

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

см.: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/countries/detailed-country-information/serbia_es, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

84. См.: ‘Пекин подвел Примакова’ в: Коммерсантъ, 1998, 24 декабря, с. 4.

85. См.: Rivero, Oswaldo de. The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century, London, New York: Zed Books, 2001, p. 70.

86. См.: Inozemtsev, Vladislav. ‘Ist Russland Modernisierbar?’ in: Transit [Vienna], Heft 42, 2012, SS. 78–92.

Глава 5

1. См., напр.: Жильцов, Евгений и др. Экономика, организация и планирование непроизводственной сферы, Москва: Издательство МГУ, 1987.

2. Термин был введен Г. Беккером в: Becker, Gary S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education, New York: National Bureau of Economic Research, 1966.

3. См.: Drucker, Peter. Landmarks of Tomorrow: A Report on The New “Post-Modern” World, New Brunswick (NJ), London: Transaction Publishers, 1996, p. 125.

4. См.: https://www.calpers.ca.gov/page/investments и https://www.nbim.nov/en/the-fund/market-value/, активы на 21 марта 2018 г., пересчитаны по текущему курсу норвежской кроны к доллару, сайты посещены 23 марта 2018 г.

5. См.: https://www.cms.gov/Research-Statistics-Data-and-Systems/Statistics-Trends-and-Reports/NationalHealthExpendData/downloads/highlights.pdf, сайт посещен 2 марта 2018 г.

6. См.: https://data.oecd.org/pension/gross-pension-replacement-rates.htm, сайт посещен 26 марта 2018 г.

7. См. по России: https://buhguru.com/strahovie-vznosy/previshenie-bazi-nachisl-strah-vznosov-2018.html; по Германии: https://www.ssa.gov/policy/docs/progdesc/ssptw/2016–2017/europe/germany.html; по США: https://www.bizfilings.com/toolkit/research-topics/managing-your-taxes/payroll-taxes/employers-responsibility-for-fica-payroll-taxes; сайты посещены 27 марта 2018 г.

8. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Как неверная цель сорвала важнейшую для России реформу’ в: РБК, 2018, 17 января, с. 7.

9. По России — 13,8 тыс. руб., см.: https://rg.ru/2017/02/01/sredniaia-pensiia-v-rossii-vyrosla-na-703-rublia.html; по США — $1261, см.: http://www.pensionrights.org/publications/statistic/why-pensions-are-important-sources; по Германии — €811, см.: http://www.deutsche-rentenversicherung.de/cae/servlet/contentblob/266376/publicationFile/48809/eckzahlen_2012_englisch.pdf; сайты посещены 26 марта 2018 г.

10. В СССР см.: Народное хозяйство СССР в 1985 году: Статистический ежегодник, Москва: Финансы и статистика, 1986, сс. 397 и 452; сейчас см.: https://data.oecd.org/pension/gross-pension-replacement-rates.htm, сайт посещен 26 марта 2018 г.

11. По России см.: http://www.ng.ru/economics/2015–12–21/4_pensia.html; по США — https://www.thebalance.com/average-retirement-age-in-the-united-states-2388864; по Германии — http://www.deutsche-rentenversicherung.de/cae/servlet/contentblob/266376/publicationFile/48809/eckzahlen_2012_englisch.pdf; сайты посещены 26 марта 2018 г.

12. См. данные Всемирного банка: https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.TOTL.ZS, сайт посещен 24 марта 2018 г.

13. Рассчитано по: https://www.gks.ru/free_doc/new_ site/population/demo/demo26.xls, сайт посещен 24 марта 2018 г.

14. Рассчитано по материалам сайта https://ourworldindata.org/life-expectancy, сайт посещен 24 марта 2018 г.

15. См.: по медтехнике www.ng.ru/economics/2017–12–25/100_medtechnic251217.html (сайт посещен 24 марта 2018 г.); по лекарствам: Тенденции фармацевтического рынка России-2017, Москва: Deloitte, 2017, с. 10; все данные на конец 2016 г., в стоимостном выражении.

16. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. «Состояние медицины: три причины, по которым мы не станем здоровее» (на сайте https://republic.ru/insights/1203838, сайт посещен 26 марта 2018 г.).

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

17. По России см.: https://russia.trud.com/salary/692/3811.html; по США по отдельным категориям: https://www.quora.com/As-a-medical-doctor-in-the-USA-what-is-your-annual-salary, сайты посещены 27 марта 2018 г.

18. По данным исследования РБК, цит. на: https://vc.ru/24045-starttrack-medicine, сайт посещен 24 марта 2018 г.

19. По России 2017 г. 3,8% ВВП, или 3,5 трлн руб. (https://rns.online/consumer-market/Putin-zayavil-o-roste-rashodov-na-zdravoohranenie-s-38-do-41-ot-VVP-v-2018-godu-2017–12–14/); в США в 2016 г. $3,3 трлн (https://www.cms.gov/Research-Statistics-Data-and-Systems/Statistics-Trends-and-Reports/NationalHealthExpendData/downloads/highlights.pdf), сайты посещены 27 и 24 марта 2018 г.

20. Рассчитано по: Российский статистический ежегодник 2017, Москва: Росстат, 2017, табл. 8.1, с. 204.

21. Количество больниц и поликлиник по: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/zdrav/zdr1–1.xls, число населенных пунктов без медицинских учреждений цит. по: https://regnum.ru/news/2316954.html; сайты посещены 24 марта 2018 г.

22. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. «Состояние медицины: три причины, по которым мы не станем здоровее» (на сайте https://republic.ru/insights/1203838, сайт посещен 26 марта 2018 г.).

23. См.: https://vademec.ru/news/2018/01/10/foms-snizil-srednyuyu-stoimost-dispanserizatsii-vzrslogo-naseleniya/ (сайт посещен 26 марта 2018 г.).

24. Статистика выживаемости по России: Состояние онкологической помощи населению России в 2016 году, Москва: Институт им. П.А. Герцена, 2017, сс. 9–10, 24; по США: https://nccd.cdc.gov/uscs/Survival/Relative_Survival_Tables.pdf; сайт посещен 28 марта 2018 г.

25. См. по России: Мужчины и женщины России 2016: Статистический сборник, Москва: Росстат, 2016, табл. 1.9, с. 30; по США: Mortality in The United States, 2016: NCHS Data Brief No 293, p. 3.

26. Рассчитано по: для Германии: http://international.commonwealthfund.org/countries/germany/ и http://www.dw.com/en/merkel-germany-to-heavily-increase-bundeswehr-budget/a-36054268, для США: http://international.commonwealthfund.org/countries/united_states/ и https://en.wikipedia.org/wiki/Military_budget_of_the_____United_States#Budget_for_2016; сравнение по России см.: https://www.rbc.ru/economics/14/12/2016/584fd32e9a7947c251265ede; сайты посещены 28 марта 2018 г.

27. Количество носителей: https://spid-vich-zppp.ru/statistika/ofitsialnaya-statistika-vich-spid-rf-2016.html; число новых случаев: Малышева, Елена. «ВИЧ блицкригом не убить» (на сайте https://www.gazeta.ru/business/2016/06/10/8298275.shtml, сайты посещены 4 марта 2018 г.).

28. См.: https://www.kommersant.ru/doc/2969114, сайт посещен 24 марта 2018 г.

29. Исчерпывающе этот подход представлен в: Гузенкова, Тамара, Петровская, Оксана и Николайчук, Игорь. Противодействие эпидемии ВИЧ/СПИД: глобальные тренды и национальная безопасность России, Москва: Российский институт стратегических исследований, 2015.

30. См.: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/1–1.doc, сайт посещен 27 марта 2018 г.

31. По России: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/4–6_2016.doc; по США: Disability Statistics Annual Report 2016, Durham (NH): Univ. of New Hampshire, 2017, p. 15, сайт посещен 27 марта 2018 г.

32. Бюджет ведомства по делам ветеранов см: https://www.va.gov/budget/products.asp, военные расходы России см.: https://www.kommersant.ru/doc/3507257, сайты посещены 26 марта 2018 г.

33. Мнение вице-мэра Москвы по вопросам социального развития Л. Печатникова и реакцию на него см.: https://msk.newsru.com/article/21mar2018/rak_sam.html, сайт посещен 24 марта 2018 г.

34. См.: Ивахнюк, Ирина. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г.: Доклад Центра стратегических разработок, Москва: ЦСР и РСМД, 2017.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

35. Подробнее см.: Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2016 г.», Москва: Министерство природных ресурсов РФ, 2017, с. 17, а также http://kremlin.ru/events/president/news/14776, сайт посещен 28 марта 2018 г.

36. См.: http://www.greenpeace.org/russia/ru/campaigns/water-pollution/rivers, сайт посещен 28 марта 2018 г.

37. См.: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/05/28/594024/dobicha-nefti-v-rossii-rastet-bistree-chem-zapasi и http://kremlin.ru/events/president/news/14776, сайты посещены 28 марта 2018 г.

38. Ср.: https://ktovkurse.com/biznes-prestupnyj-musornyj-bizbes-v-rf-otsenili-v-desyatki-milliardov и https://www.rbc.ru/society/29/06/2017/5952962f9a79472e1ca8e0ee, сайты посещены 26 марта 2018 г.

39. Согласно исследованиям экспертов Московской топливной ассоциации, подробнее см.: www.mfa.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1545&catid=11&Itemid=487, сайт посещен 24 марта 2018 г.

40. Рассчитано по: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_energy_intensity, сайт посещен 24 мая 2018 г.

41. Число электромобилей в России см.: https://auto.newsru.com/article/27sep2017/ecarsru; в Руане см.: http://www.caissedesdepots.fr/en/1st-europe-transdev-testing-autonomous-vehicles-roads-open-traffic-rouen; в целом по Франции сегодня используется 156 тыс. штук; сайты посещены 26 марта 2018 г.

42. См. по свалкам вокруг Москвы: https://tass.ru/moskva/4131356; по методам работы с мусором в ЕС: https://www.rbc.ru/photoreport/23/03/2028/5ab3d6b09a794770dde7fd61, сайты посещены 24 марта 2018 г.

43. О связях семьи генпрокурора с мусорным бизнесом см: https://navalny.com/p/4417/ и https://www.rbc.ru/investigation/society/26/08/2015/55d35c039a794779b863d9c0, сайты посещены 24 марта 2018 г.

44. О происхождении и истории термина см.: https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016; о его восприятии в России см.: https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/02/02/75363-postpravda, сайты посещены 26 марта 2018 г.

45. Отчет Комиссии РАН по борьбе с лженаукой см.: http://klnran.ru/2014/06/sovbez/, сайт посещен 26 марта 2018 г.

46. По данным официального портала «Статистика российского образования», подр. см.: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_14&ttype=2&Field=All, сайт посещен 26 марта 2018 г.

47. Данные по факультетам ср.: Справочник для поступающих в МГУ имени М. В. Ломоносова в 1984 г.,Москва: Издательство МГУ, 1983 и https://www.msu.ru/info/struct/#facult, сайт посещен 26 марта 2018 г.

48. Данные по численности вузов и количеству студентов см.: Российский статистический ежегодник 2017, Москва: Росстат, 2017, табл. 7.29, с. 194.

49. См.: Иноземцев, Владислав. «Как улучшить высшее образование? Тратить на него меньше денег» (на сайте https://republic.ru/posts/55592, сайт посещен 26 марта 2018 г.).

50. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. ‘Злокачественное образование’ в: Ведомости, 2011, 3 октября, с. 4.

51. См.: по патентам: Patent Cooperation Treaty Yearly Review 2017, Geneva: WIPO, 2017, figure A4, p. 24; по цитируемости: Коцемир, Максим. ‘Публикационная активность российских ученых в ведущих мировых журналах’ в: ActaNaturae, 2012, т. 4, №2, сс. 16–18.

52. См.: https://www.rbc.ru/society/17/01/2018/5a5c5fcc9a79470152e8bbe9 и Заякин, Андрей. ‘399 докторов’ в: Новая газета, 2018, 17 января, с. 14, сайт посещен 26 марта 2018 г.

53. См.: https://lenta.ru/news/2006/03/26/plagiat/ и https://rusmonitor.com/dissertaciya-putina-okazalas-plagiatom.html, сайты посещены 24 марта 2018 г.

54. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. «Бред и ложь. Во что превратились “официальные” общественные науки в России» (на сайте https://republic.ru/posts/68832, сайт посещен 24 марта 2018 г.).

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

55. Бюджет МГУ: https://trv-science.ru/2017/01/17/byudzhet-2017-i-nauka/; расходы Стэнфордского университета: http://bondholder-information.stanford.edu/pdf/BudgetBookFY18.pdf, p. VII, сайты посещены 26 марта 2018 г.

56. Получивший наибольшую известность случай увольнения по политическим мотивам см.: https://lenta.ru/news/2014/03/24/zubov/; в связи с попытками отстаивания интересов вуза: https://meduza.io/news/2018/01/17/v-timiryazevskoy-akademii-uvolili-dekana-fakulteta-kotoryy-protestoval-protiv-peredachi-poley-pod-zastroyku, сайты посещены 2 марта 2018 г.

57. См. статистику ЮНЕСКО: https://uis.unesco.org/en/uis-sudent-flow (сайт посещен 28 марта 2018 г) и Сафронов, Юрий. 'Студенты по миру идут' в: Новая газета, 2015, 17 июля, с. 13.

58. См., напр.: Голубинский, Евгений. История Русской Церкви, Москва: Типография Лисснер и Роман, 1881, т. II, ч. 2, сс. 39–44; Шебатинский, Константин. 'Учение славянофилов об отношении Церкви к государству' в: Странник, 1912, №8, с. 149, и др.

59. Подробнее см.: https://echo.msk.ru/programs/razvorot/567410-echo.phtml, сайт посещен 26 марта 2018 г.

60. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. 'Власть — от Бога, Бог — от власти' в: Огонёк, 2011, 4 июля, сс. 18–19.

61. 1985 г.: Иноземцев, Владислав. Власть — от Бога, Бог — от власти; 2017 г., по данным митрополита Волоколамского Илариона: https://ria.ru/religion/20171225/1511652528.html, сайт посещен 26 марта 2018 г.

62. См.: по наркозависимым: https://ria.ru/society/20170419/1492560994.html; по алкоголизму: https://proalkogolizm.ru/alkogolizm-v-rossii/; по неполным семьям: Владыкина, Татьяна. «Мамапапа» (на сайте https://rg.ru/2011/06/10/single.html, сайты посещены 26 марта 2018 г.).

63. О значительных успехах в данной сфере в Краснодарском крае и Башкирии см. соответственно: https://mir24.tv/news/16278137/gaishniki-proshli-krestnym-hodom-po-opasnomu-uchastku-dorogi-v-krasnodar и https://www.znak.com/2017–07–07/v_bashkirii_mer_poprosil_vertolet_chtoby_okropit_rayon_svyatoy_vodoy, сайты посещены 26 марта 2018 г.

64. См.: по России — опрос Левада-Центра, 2013: https://iz.ru/news/563084, по США — опрос Pew Research Center, 2014: http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/11/14/if-the-u-s-had-100-people-charting-americans-religious-affiliations/; по Польше — опрос службы статистики, 2015: http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2005/K_049_05.PDF; сайты посещены 26 марта 2018 г.

65. См.: Васильев, Юрий. «РПЦ вновь охотится на Балду» (на сайте https://www.svoboda.org/a/2324750.html, сайт посещен 24 мая 2018 г.).

66. Митрополит Кирилл. «Россия — православная, а не многоконфессиональная страна» цит. по: Солдатов, Александр. 'Русская православная церковь на пути к монополизации 'духовного пространства России'' в: Отечественные Записки, 2003, №1, с. 64.

67. Подробнее см.: «Как складывается карьера детей российских чиновников» (на сайте https://www.rbc.ru/photoreport/06/06/2017/58b416609a7947e593629ec0, сайт посещен 25 марта 2018 г.).

68. См.: Топорков, Артур и Юмабаев, Данис. «Двоюродный племянник Путина стал топ-менеджером "Газпрома"» (на сайте https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/03/23/754766-plemyannik-putina, сайт посещен 25 марта 2018 г.).

69. См. об этом конкурсе: https://www.gazeta.ru/army/news/11320759.shtml, сайт посещен 25 марта 2018 г.

70. Тема прекрасно раскрыта в: Захарова, Олеся. 'На разных языках' в: Независимая газета, 2013, 25 марта, с. 9.

71. См.: Мужчины и женщины России 2016: Статистический сборник, табл. 3.1, с. 64.

72. См.: https://360tv.ru/news/tekst/v-novoj-gosdume-v-4-raza-bolshe-zhenshin-sem-interesnyh-faktov-o-sedmom-parlamente-72807/,
и http://www.dw.com/en/percentage-of-female-bundestag-deputies-hits-a-19-year-low/a-40711574и http://norwaytoday.info/news/record-number-women-in-parliament/; сайты посещены 26 марта 2018 г.

73. Данные за 2015 г., см.: Мужчины и женщины России 2016, табл. 4.28, с. 119.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

74. См.: Уголовный Кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в редакции от 5 марта 1926 г. Москва, 1926, глава VI, ст. 154.

75. О неоднократных попытках депутата Государственной думы О. Пушкиной поставить вопрос см: https://www.rbc.ru/politics/27/ 02/2018/5a942e6a9a79471333d3128a, сайт посещен 25 марта 2018 г.

76. Описание истории и ее влияния см.: http://www.forbes.ru/forbes-woman/358863-delo-sluckogo-pochemu-v-rossii-terpimo-otnosyatsya-k-harassmentu, а также https://rg.ru/2018/03/21/komissia-gd-po-etike-opravdala-deputata-sluckogo.html, сайты посещены 25 марта 2018 г.

77. Подробнее см.: https://russian.rt.com/sport/article/474237/nassar-progovor-domogatelstva-gimnastika, сайт посещен 24 марта 2018 г.

78. Цит. по: Кряжкова, Ольга. «Кто предписывает социальные роли: отношение российского государства к женщинам» (на сайте https://zakon.ru/blog/2018/3/7/kto_predpisyvaet_socialnye_roli_otnoshenie_rossijskogo_gosudarstva_k_zhenschinam, сайт посещен 25 марта 2018 г.).

79. Текст Конвенции и ее ратификация: https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/210, сайт посещен 25 марта 2018 г.

80. См.: https://www.gazeta.ru/social/2018/02/05/11637721.shtml, сайт посещен 25 марта 2018 г.

81. См.: Торочешникова, Марьяна. «Домашнее насилие. Закон защищает?» (на сайте https://www.svoboda.org/a/26943283.html, сайт посещен 24 мая 2018 г.).

82. Подробнее см.: https://www.cosmo.ru/lifestyle/news/23–01–2018/izuvechennaya-muzhem-margarita-gracheva-o-zhizni-posle-tragedii-skuchayu-po-rukam/ и https://www.znak.com/2018-03-22/devushke_kotoroy_muzh_otrubil_kisti_ruk_sdelali_bionicheskiy_protez, сайты посещены 25 марта 2018 г.

83. Обзор случаев см.: https://meduza.io/feature/2017/12/27/on-tebya-tolko-golovoy-o-stenku-bil-a-ty-ego-nozhom-porezala, сайт посещен 25 марта 2018 г.

84. См.: https://europa.eu/youreurope/citizens/family/couple/registered-partners/index_en.htm, сайт посещен 25 марта 2018 г.

85. Законопроект на эту тему недавно внесен в Государственную думу членом Совета Федерации А. Беляковым: https://www.gazeta.ru/social/2018/01/22/11621354.shtml, но столкнулся с явным сопротивлением, см.: Чеповская, Анастасия. «Добровольно-принудительный союз» (на сайте https://iz.ru/698738/anastasiia-chepovskaia/dobrovolno-prinuditelnyi-soiuz, сайт посещен 25 марта 2018 г.).

86. Интервью министра иностранных дел РФ С. Лаврова перед переговорами с Г. Вестервелле, март 2012 г., Берлин, цит. по: http://www.spiegel.de/politik/ausland/russland-will-schwulenpropaganda-landesweit-verbieten-a-824655.html, сайт посещен 26 марта 2018 г.

87. Слова депутата Государственной думы РФ В. Милонова, цит. по: http://gordonua.com/news/worldnews/milonov-vse-gomoseki-spidoznye-fashisty-iznachalno-byli-gomosekami-video-183314.html и https://lenta.ru/news/2018/02/13/milonov/, сайты посещены 26 марта 2018 г.

88. Цит. по: «Россия: Отклонить федеральный гомофобный законопроект» (на сайте https://www.hrw.org/ru/news/2012/12/12/248256, сайт посещён 2 марта 2018 г.).

89. См., напр.: http://www.the-village.ru/village/city/asking-question/268068-sterligov, сайт посещен 26 марта 2018 г.; подробнее см.: Альтернативный отчет, Женева: МОД Российская ЛГБТ-сеть, 2011 сс. 10–12.

90. См.: Мониторинг дискриминации по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности в 2016 году, Санкт-Петербург: МОД Российская ЛГБТ-сеть, 2017, сс. 1–8.

91. Подробнее см.: https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/04/04/72027-raspravy-nad-chechenskimi-geyami-publikuem-svidetelstva и https://www.svoboda.org/a/28606497.html, сайты посещены 25 марта 2018 г.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

92. По данным радио Deutsche Welle, см.: http://www.dw.com/ru/десятки-геев-из-чечни-нашли-убежище-в-канаде/a-40343567, сайт посещен 25 марта 2018 г.

93. См.: Глуховский, Дмитрий. Текст, Москва: АСТ, 2017.

94. В этом случае офицер был отмечен как настоящий русский дружинник: за него вдове выдали 3-комнатную квартиру и 6 млн руб. (см.: https://meduza.io/feature/2017/09/26/v-tsentre-moskvy-mashina-fsb-nasmert-sbila-sotrudnika-gibdd-glavnoe и https://lenta.ru/news/2017/11/01/gaec/, сайты посещены 26 марта 2018 г.).

95. Греков, Борис (ред.) Правда Русская. Тексты. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1940, с. 442.

96. Здесь потерпевшим, конечно, не полагалось ничего (см.: https://lenta.ru/news/2017/10/18/mal4ik/ и https://www.gazeta.ru/auto/2017/09/27_a_10907576.shtml, сайты посещены 26 марта 2018 г.).

Глава 6

1. Газета «Русский мир» выходила с 1871 по 1880 г.; М. Черняев владел ею и был главным редактором с 1873 по 1878 г.

2. Хотя панславизм возник в Австро-Венгрии, в России он обрел большую популярность по двум причинам: с одной стороны, он выгодно противопоставлял православную Россию и близкие ей народы «умирающей» Европе (см., напр.: Данилевский, Николай. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому, 5-е изд., Санкт-Петербург: Издательство братьев Пантелеевых, 1894, с. 525 или Достоевский, Фёдор. ‘Дневник писателя. 1876. Апрель. Глава вторая. I. Нечто о политических вопросах’ в: Достоевский, Фёдор. Собрание сочинений в 15 т., Санкт-Петербург: Наука, 1994, т. 13, сс. 141–142; Достоевский, Фёдор. ‘Ряд статей о русской литературе. I. Введение’ в: Достоевский, Фёдор. Собрание сочинений в 15 т., т. 11, с. 29), с другой, оправдывал геополитические амбиции России в борьбе с Османской империей (см.: Фадеев, Ростислав. Мнение о восточном вопросе, Санкт-Петербург: Типография департамента уделов, 1870, сс. 45–48 и подробнее: Никитин, Сергей. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах, Москва: Издательство МГУ, 1960, сс. 74–90).

3. Характерно, что упадок панславизма начался практически сразу же после освобождения балканских народов из-под власти османов, а по мере того, как в движении начинали доминировать пророссийские имперские нотки (см., напр.: Кареев, Николай. ‘Славянское возрождение, панславизм и мессианизм’ в: История Западной Европы. Новое время, Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, т. 5, 1903, сс. 418–421), многие его приверженцы (как, например, М. Грушевский) пересматривали свои взгляды с акцентом на поддержку национализма (см.: Hrushevsky, Mykhailo. History of Ukraine-Rus’, Edmonton (AB): Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, vols. 1–8, 1997–2000).

4. В конце XVIII века налог с «иноверцев» был в среднем в 10 раз ниже, чем с русских, к началу XX в. разрыв сократился до 60% (см.: Миронов, Борис. Управление этническим многообразием Российской империи, Санкт-Петербург: Дм. Буланин, 2017, сс. 174–175), не считая практически не облагавшихся налогами жителей недавно завоеванной Центральной Азии (см.: Центральная Азия в составе Российской империи, Москва: Новое литературное обозрение, 2008, сс. 139–141).

5. В. Розанов писал еще в 1896 г.: «Нет ничего более поразительного, как впечатление, переживаемое всяким, кто из центральной России приезжает на окраину: можно подумать, не русской центр подчинил себе окраины, напротив, окраины подчинили центр» (цит. по: Башлачёв, Вениамин. «Параллели угнетения русского народа в царской, советский и либеральной России» [на сайте http://antipolity.narod.ru/index/0–16, сайт посещен 16 марта 2018 г.]).

6. См. статистику по разным этапам истории Советского Союза: Чеботарёва, Валентина. ‘Россия: донор или метрополия?’ в: Заславская, Татьяна (ред.) Куда идет Россия? Москва: Аспект-пресс, 1995, сс. 340–345.

7. В этом отношении В. Путин, вероятно, прав, утверждая: «в 1990 году Россия была инициатором “развода” между республиками бывшего Советского Союза» (Путин, Владимир.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

«Интервью Владимиру Соловьёву 12 октября 2015 года» [на сайте www.kremlin.ru/events/president/transcripts/50482, сайт посещен 15 марта 2018 г.]).

8. См.: Осинский, Валерьян. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР, Москва: Издательство ЦСУ Союза ССР, 1928, сс. 19–20.

9. В 920 тыс. или чуть более поток оценивается в: Wrangel, Wilhelm von. 'Die russische Emigration' in: Staat und Volkstum, Berlin: Deutscher Schutzbund, 1926, Bd. 2. SS. 299–300; до 5,5 млн — в: Вишневский, Анатолий и Зайончковская, Жанна. 'Волны миграции' в: Свободная мысль, 1992, №12, сс. 4–8; средние оценки содержатся в: Полян, Павел. 'Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию' в: Глезер, Ольга и Полян, Павел (ред.) Россия и ее регионы в XX веке: территория–расселения–миграции, Москва: Объединенное гуманитарное издательство, 2005, с. 499.

10. См.: Тишков, Валерий. Этническое и религиозное многообразие — основа стабильности и развития российского общества, Москва: Academia, 2008, сс. 64–65.

11. См.: Полян, Павел. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию, с. 511.

12. См.: Попков, Вячеслав. 'Эмиграция из Российской империи и Советского Союза в Европу: сравнительный анализ' в: Журнал социологии и социальной антропологии, 2007, №3, сс. 150–151.

13. См.: Танги, Анн де. 'Размышления о миграции в постсоветских государствах' в: Антропологический форум, 2010, №13, с. 326.

14. См.: Проханов, Александр, Аверьянов Виталий, Дугин, Александр и Кобяков, Андрей. Доктрина Русского мира, Москва: Коллекция Изборского клуба, 2016, с. 227.

15. Островский, Ефим и Щедровицкий, Пётр. «Россия: страна, которой не было. Создать "имидж" России сегодня означает построить новую систему связей между русскими» (на сайте http://www.archipelag.ru/ru_mir/history/history99–00/shedrovicky-rossia-no/, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

16. Патриарх Кирилл. «Русский мир — особая цивилизация, которую необходимо сберечь» (на сайте www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

17. См., напр.: Дугин, Александр. Геополитика России, Москва: Академический проект, 2014; Цымбурский, Владимир. Россия — Земля за Великим Лимитрофом, Москва: УРСС, 2010, и др.

18. Путин, Владимир. «Прямая линия с Владимиром Путиным 17 апреля 2014 года» (на сайте www.kremlin.ru/events/president/news/20796, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

19. Тишков, Валерий. «Русский язык и русскоязычное население в странах СНГ и Балтии» (на сайте https://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/russkij_yazyk_i_russkoyazychnoe_naselenie_v-stranah_sng_i_baltii.html, сайт посещен 17 марта 2018 г.).

20. Лукашенко, Александр. «Послание к белорусскому народу и национальному собранию 29 апреля 2015 г.» (на сайте https://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nationalnomu-sobraniju-11301/, сайт посещен 1 марта 2018 г.).

21. Батанова, Ольга. 'Концепция русского мира: зарождение и развитие' в: Вестник Национального института бизнеса, Москва, 2008, вып. 6, с. 84.

22. По поводу планов западных «нацистов» мнение С. Лаврова см.: www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2835310; по поводу «намерений» Турции точку зрения В. Жириновского см.: https://www.politnavigator.net/esli-by-ne-rossiya-krym-zabrala-by-turciya-zhirinovskjj.html; сайты посещены 15 марта 2018 г.

23. См.: Путин, Владимир. «Послание Президента Федеральному Собранию от 4 декабря 2014 г.» (на сайте https://www.kremlin.ru/events/president/news/47173, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

24. См.: Todd, Emmanuel. Après l'empire. Essai sur la décomposition du système américaine, Paris: Gallimard, 2002, pp. 31–32.

25. См. о масштабах исхода: Nugent, Walter. Crossings. The Great Transatlantic Migrations, 1870–1914, Bloomington, Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1992, table 8, p. 30; table 9, p. 43 и Rasmussen, Hans. No Entry. Immigration Policy in Europe, Copenhagen: Copenhagen Business School Press, 1997, p. 67, а о его историческом значении: Revel, Jean-François. L'obsession anti-américaine. Son fonctionnement, ses causes, ses inconséquences, Paris: Plon, 2002, p. 80.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

26. Примером является перевод казахского языка на латинский шрифт для подчеркивания дистанции страны от «русского мира» (см.: www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-perevode-alfavita-kazahskogo-yazyka-s-kirillicy-na-latinskuyu-grafiku, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

27. См., напр.: Gumrukcu, Tuvan and Escritt, Thomas. “Netherlands Bars Turkish Ministers as Rally Dispute Escalates” (на сайте https://www.reuters.com/article/us-turkey-europe-netherlands/netherlands-bars-turkish-ministers-as-rally-dispute-escalates-idUSKBN12I07O, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

28. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. ‘Русский мир против Русского мира’ в: Ведомости, 2014, 29 июля, сс. 6–7.

29. В Берлине — до 3,5% (см.: https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/publikationen/stat_berichte/2016/SB_A01–05–00_2015h02_BE.pdf), Лондоне — около 3,6% (см.: https://www.gq.ru/person/skolko-na-samom-dele-russkih-v-londone и http://workpermit.com/news/300000-russians-uk-londongrad-prime-location-20061219), Нью-Йорке — около 7% (см.: http://www.diasporanews.com/2016/03/21/samye-bolshie-russkie-obshhiny-v-ssha/), Париже — 6–9% (см.: http://www.russieinfo.com/la-communaute-russe-en-france-est-eclectique-2014–10–30), все сайты посещены 25 марта 2018 г.

30. Экстраполяция на основе данных миграционных служб Великобритании, Франции, Германии, Испании, Польши, Болгарии и Латвии; см. также: «Недвижимостью в Европе владеют около полумиллиона россиян» (на сайте http://speakercom.ru/columns/1667, сайт посещен 25 марта 2018 г.).

31. Расчеты см. в: Inosemzew, Wladislaw. ‘Wer gehört zur ‘russischen Welt’?’ in: Internationale Politik, 2014, №6 (November-Dezember), S. 98.

32. См.: International Migration Report 2017: Highlights, New York: United Nations, 2017, p.v.

33. На президентских выборах 18 марта 2018 г. внутри России В. Путин получил 76,7% голосов, а в Великобритании — лишь 52%; показатели К. Собчак и Г. Явлинского составили в первом случае 1,65% и 1,04%, а во втором — 23,3% и 9,2% (см.: https://www.rbc.ru/politics/19/03/2018/5aaf95af9a7947327794c5a1); в 2016 г. «Единая Россия» собрала в России 54,2% голосов, а «Яблоко» — 1,47%, тогда как в зарубежных округах в целом показатели составили 63,5% и 6,4% (см.: https://www.regnum.ru/news/2217200.html); в 2012 г. на президентских выборах М. Прохоров опередил В. Путина в Великобритании и США (см.: www.mk.ru/politics/2012/03/05/678456-prohorov-pobedil-v-londone-i-vashingtone.html); все сайты посещены 25 марта 2018 г.

34. См.: Review of Vietnamese Migration Abroad, May 2012, Ha Noi: Ministry of Foreign Affairs of Viet Nam, 2012, pp. 15–17 и по данным Мексиканского института миграции (на сайте https://www.ime.gob.mx/es/resto-del-mundo, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

35. По данным предварительной статистики Всемирного банка за 2017 г.: www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/ brief/migration-remittances-data, сайт посещен 15 марта 2018 г.

36. Подробнее на эту тему см.: Винокурова, Екатерина. «Soft-power по-русски» (на сайте https://www.znak.com/2018–03-15/pochemu_pered_ugrozoy_novoy_holodnoy_voyny_rossiya_tak_i_ne_ovladela_instrumentami_myagkoy_sily, сайт посещен 16 марта 2018 г.).

37. Рассчитано по материалам переписи населения СССР 1989 года, приводимым на сайте www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=10, сайт посещен 1 марта 2018 г.

38. См.: Aydin, Yaşar. The Gernany-Turkey Migration Corridor: Refitting Policies for a Transnational Age, Washington (DC): Migration Policy Institute, 2016, p. 5 и Tribalat, Michèle. “Une estimation des populations d’origine étrangère en France en 2011” (на сайте https://www.journals.openedition.org/eps/6073, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

39. См.: https://www.brillintmaps.com/2-nd-largest-nationality, сайт посещен 15 марта 2018 г.

40. См.: www.en.wikipedia.org/wiki/First_Indochina_War, сайт посещен 2 марта 2018 г.

41. См.: www.en.wikipedia.org/wiki/Pied-Noir, сайт посещен 15 марта 2018 г.

42. Данные за 1989 г. см.: www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=10, за 2016 г. по Латвии: https://www.data.csb.gov.lv; по Казахстану: www.stat.gov.kz/getlmg?id=ESTAT118979; по Киргизии: www.stat.kg/ru/opendata/category/312/; сайты посещены 15 марта 2018 г.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

43. См.: Вендина, Ольга. «Русские за рубежами России» (на сайте https://www.geo.1september.ru/article.php?ID=200101108, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

44. См. данные по парламентским выборам 2002 г.: https://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/sae8dev.vel8meg.sa3; по выборам 2014 г.: https://www.sv2014.cvk.lv/index_rez.html, сайты посещены 17 марта 2018 г.

45. См.: заявление министра регионального развития РФ И.Н. Слюняева (www.interfax-russia.ru/view.asp?id-382674, сайт посещен 23 августа 2014 г.).

46. См.: www.gifhorn.de/pics/medien/1_1222325613/_Anlage_4_Aussiedlerstatistik_seit_1950.pdf, а также материалы переписей населения России, Казахстана и Киргизии 2009–2011 гг.

47. См.: Холмогоров, Егор. «Русская весна» (на сайте https://www.svpressa.ru/politics/article/82769/?rss=1, сайт посещен 15 марта 2018 г.).

48. См.: реплики В. Путина в фильме «Крым: путь на Родину» (2015) цит. по: https://www.kp.ru/daily/26354.7/32361263/; и Путин, Владимир. «Выступление на инвестиционном форуме ВТБ Капитал “Россия зовёт!”» 12 октября 2016 г. (на сайте: https://www.kremlin.ru/events/president/news/53077), сайты посещены 16 марта 2018 г.

49. Характерно, что директор российского Центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии С. Багдасаров оправдывал в выступлении в эфире телеканала «Россия 1» участие России в войне в Сирии тем, что оттуда «православие пришло в Россию», поэтому Сирия — «это русская земля» (см.: https://ok.ru/video/7507218865, сайт посещен 16 марта 2018 г.).

50. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. ‘Русский мир против Русскаго міра’ в: Социологические исследования, 2015, №5, сс. 150–155.

51. «Крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой [XX] века» цит. по: Путин, Владимир. «Послание Федеральному собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 г.» (на сайте https://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931 сайт посещен 24 мая 2018 г.).

52. См.: https://marketsignal.ru/2016/05/31/kak-i-zachem-rossiya-soderzhit-belorussiyu-chast-ii-neft eposhliny и https://www.rbc.ru/economics/09/10/2017/59dba74e9a79473bf56a1ad8, сайты посещены 16 марта 2018 г.

53. Подробнее об этой истории и ее итогах см.: интервью А. Илларионова «Эху Москвы»: https://echo.msk.ru/interview/40891/, сайт посещен 16 марта 2018 г.

54. Цит. по: ‘И не нужно ничего доказывать’ в: Российская газета, 2017, 7 марта, с. 3.

55. Рассчитано по номинальному ВВП 2016 г. по World Economic Outlook, April 2017, Washington (DC): International Moneraty Fund, 2017; номинальный ВВП России принят за $2 трлн пересчетом номинального ВВП в рублях через средневзвешенный курс ЦБР.

56. Анализ мнений российских авторов по данному вопросу см. в: Лагутина, Мария и Набока, Аркадий. ‘Геополитические перспективы развития евразийской интеграции’ в: Управленческое консультирование, 2014, №9, сс. 48–57.

57. См.: Зайончковская, Жанна. ‘Трудовая миграция’ в: Отечественные записки, 2003, №3 (12), с. 184; Рыбаковский, Леонид. ‘Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве’ в: Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 2009, №3 (56), с. 106; Шустов, Александр. «Сколько русских осталось в Центральной Азии?»: (на сайте http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1195629000, сайт посещен 24 марта 2018 г.).

58. Численность переехавших по: www.bpb.de/nachschlagen/zahlen-und-fakten/soziale-situation-in-deutschland/61643/aussiedler; средние затраты на прием одного переселенца по: Maatsch, Aleksandra. Ethnic Citizenship Regimes: Europeanization, Post-war Migration, and Redressing The Past Wrongs, Houndmills, New York: PalgraveMcmillan, 2011, pp. 86–87.

59. См.: «Численность иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России» (на сайте https://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d1/05–14.htm, сайт посещен 25 марта 2018 г.).

60. См.: Путин, Владимир. ‘Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня’ в: Известия, 2011, 4 октября, сс. 1, 3.

61. См.: Чудиновских, Ольга. Государственное регулирование приобретения гражданства Российской Федерации: политика и тенденции [препринт доклада], Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

62. Сумма переводов по статистике Всемирного банка за 2016 г.: www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/ brief/migration-remittances-data, сайт посещен 15 марта 2018 г.; номинальный ВВП за 2016 г. по World Economic Outlook, April 2017, Washington (DC): International Moneraty Fund, 2017.

63. См.: 'Демографические итоги 2014 года: краткий доклад Института демографии НИУ ВШЭ' в: Демографическое обозрение, 2015, т. 2, №4, с. 37.

64. См.: The EU in The World 2014: A Statistical Portrait, Brussels: Eurostat, 2015, p. 30.

65. См.: https://russian.rt.com/russia/article/370167/ukraincy-rossiiskoe-grazhdanstvo-pereselenie, сайт посещен 17 марта 2018 г.

66. Подробнее см.: по общему количеству иностранных студентов: "Open Doors 2016: Executive Summary. International Students in The United States" (на сайте https://www.iie.org/en/Why-IIE/Announcements/2016–11–14-Open-Doors-Executive-Summary), по числу выделенных стипендий: http://www.studyamerica.ru/?action=article&ar_id=723; сайты посещены 25 марта 2018 г.

67. См.: «Количество иностранных студентов в России за год выросло на четверть» (на сайте http://www.ng.ru/economics/2016–07–12/4_students.html, сайт посещен 17 марта 2018 г.).

68. См., напр., законопроект депутата К. Затулина от 30 декабря 2016 г., подробнее на сайте www.politonline.ru/interview/22889503.html, сайт посещен 15 марта 2018 г.

69. См.: Закон №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти» от 6 октября 1999 г., п. 2 ст. 10 и ст. 18.

70. См.: Закон №79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках…» от 7 мая 2013 г., ч. 1.1 ст. 17.

71. Подробнее см.: Hager, Michael. "When Dual Citizenship Becomes Conflict of Interest" (на сайте: https://thehill.com/congress-blog/homeland-security/2405720-when-dual-citizenship-becomes-conflict-of-interest, сайт посещен 17 марта 2018 г.).

72. См.: Иноземцев, Владислав. 'Тройная глупость с двойным гражданством' в: Московский комсомолец, 2014, 20 мая, с. 3.

73. Согласно расчетам, проведенным бывшим заместителем директора ФМС М. Поставниным, см.: https://www.rbc.ru/politics/04/08/2014/5424a089cbb20f749dbbc29d, сайт посещен 15 марта 2018 г.

74. См.: Иноземцев, Владислав. 'Нужно выдать гражданство всем, в ком течет русская кровь' в: Комсомольская правда, 2014, 20 мая, с. 13.

75. См.: Аликин, Александр. «Во сколько Крым обходится России» (на сайте Eurasianet: https://russian.eurasianet.org/node/65139, сайт посещен 25 марта 2018 г.).

Глава 7

1. См.: мнения президента В. Путина (см.: https://ria.ru/politics/20111017/462204254.html и https://www.gazeta.ru/politics/2016/01/21_a_8034437.shtml) и патриарха Кирилла (см.: https://vz.ru/news/2011/11/11/537962.html), сайты посещены 10 марта 2018 г.

2. Clausewitz, Carl von. On War, Princeton (NJ): Princeton Univ. Press, 1989, p. 87.

3. Подробнее см.: Gilmartin, Mary. 'Colonialism/Imperialism' in: Gallaher, Carolyn, et al. Key Concepts in Political Geography, London, Los Angeles: Sage Publications, 2009, pp. 115–123.

4. См., напр.: Соболевский, Арсений. 'Война деньгам' в: Московский комсомолец, 2015, 28 февраля, сс. 1, 3.

5. См.: Ferguson, Niall. Empire. How Britain Made The Modern World, London: Allen Lane, 2003, pp. 167–168, 173–174, 245.

6. См.: Иноземцев, Владислав. 'Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России [Интервью с Э. Хобсбаумом]' в: Свободная мысль–XXI, 2004, №9, сс. 3–4.

7. Прямые расходы, в сопоставимых ценах в долларах 2011 г., см.: Daggett, Stephen. Costs of Major U. S. Wars, Washington (DC): Congressional Research Service, June 2010, table 1, p. 2.

8. См.: Fukuyama, Francis. The End of History and The Last Man, London, New York: Penguin, 1992, pp. 211–212.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

9. См., напр.: Kagan, Robert. The Return of History and The End of Dreams, New York: Alfred A. Knopf, 2008, pp. 3–4, 13, 27.

10. См. знаменитую книгу Дж. Ная: Nye, Joseph S., Jr. Soft Power. The Means to Success in World Politics, New York: Public Affairs, 2004.

11. См.: Ханна, Параг. Второй мир, Москва: Европа, 2010, сс. 9–13.

12. Рассчитано по: World Economic Outlook, April 2017, Washington (DC): International Moneraty Fund, 2017.

13. По итогам торговли товарами за 2016 г., см.: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/EU_and_main_world_traders, сайт посещен 10 марта 2018 г.

14. Рассчитано по: 2016 Global R&D Forecast: Supplement to R&D Magazine, Winter 2016, p. 3.

15. См.: National Science Foundation. Science and Engineering Indicators 2016, table D2, p. 13.

16. См.: Wildau, Gabriel. "China overtakes Eurozone as world's biggest bank system" (на сайте https://www.ft.com/content/14f929de-ffc5–11e6–96e8–3700c5664d30, сайт посещен 10 марта 2018 г.) и World Federation of Exchanges, Annual Statistic Guide 2016.

17. См.: Bacevich, Andrew. American Empire. The Realities and Consequences of U. S. Diplomacy, Cambridge (Ma.), London: Harvard Univ. Press, 2002; Kagan, Robert. Of Paradise and Power. America and Europe in The New World Order, New York: Alfred A. Knopf, 2003; Mandelbaum, Michael. The Case for Goliath: How America Acts as The World's Government in The Twenty-First Century, New York: Public Affairs, 2005, и др.

18. См.: Rifkin, Jeremy. The European Dream. New York: Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2004; Leonard, Mark. Why Europe Will Run the 21st Century, London, New York: Fourth Estate, 2005; Иноземцев, Владислав и Кузнецова, Екатерина. Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии, Москва: Интердиалект+, 2002, и др.

19. См.: Brzezinski, Zbigniew. The Geostrategic Triad. Living with China, Europe, and Russia, Washington (DC): Centre for Strategic and International Studies, 2001; Kissinger, Henry. On China, New York: Penguin, 2012; Pillsbury, Michael. The Hundred-Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as The Global Superpower, New York: St. Martin's, 2016, и др.

20. См.: Ханна, Параг. Второй мир, с. 24.

21. См.: Mackinder, Halford J. Democratic Ideals and Reality: A Study in The Politics of Reconstruction, Washington (DC): National Defence Univ. Press, 1942, p. 99.

22. Президент В. Путин, соглашаясь с тем, что ядерный конфликт между ведущими державами приведет к глобальной катастрофе, в пропагандистской ленте В. Соловьёва «Миропорядок-2018», задается вопросом: «А зачем нам такой мир, если там не будет России?» (см.: https://www.youtube.com/watch?v=9Bxik6kLEbM, сайт посещен 8 марта 2018 г.).

23. См.: по 2018 г. "List of countries and dependencies by population" (на сайте https://en.wikipedia.org/wiki/list_of_ countries_and_dependencies_by_population, сайт посещен 1 марта 2018 г.); по 1913 г.: Илларионов, Андрей. 'Как Россия потеряла XX столетие' в: Вопросы экономики, 2000, №1.

24. Исходя из глобального валового продукта в $79,3 трлн (см.: Global Economic Prospects, January 2018, Washington (DC): World Bank Group, 2018, p. 4); доля России в современных границах в глобальном ВВП по состоянию на 2013 г. см.: Илларионов, Андрей. Как Россия потеряла XX столетие.

25. Рассчитано исходя из экспорта Россией готовой промышленной продукции в 2017 г. на $69 млрд (www.customs.ru) и экспорта Словакии в $77,5 млрд с долей полуфабрикатов и сырья менее 10% (https://atlas.media.mit.edu/en/frofile/country/svk/), сайты посещены 11 марта 2018 г.

26. Рассчитано по: https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD, сайт посещен 8 марта 2018 г.

27. По сырью: www.customs.ru, категории «нефть сырая», «газ природный» и «газ природный сжиженный»; по мобильным телефонам: www.worldtopexports.com/cellphone-eports-by-country/, сайты посещены 11 марта 2018 г.

28. Рассчитано по CIA World Factbook 2016 (китайский показатель включает КНР и Гонконг, европейский — все страны — члены ЕС по состоянию на тот период).

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

29. См.: “SIPRI Military Expenditure Database: Data for all countries from 1988–2016 in local currency” (на сайте https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-local-currency.pdf, сайт посещен 11 марта 2018 г.).

30. См.: “SIPRI Military Expenditure Database: Data for all countries from 1988–2016 as a share of GDP” (на сайте https://www.sipri.org/sites/default/files/Milex-share-of-GDP.pdf, сайт посещен 11 марта 2018 г.).

31. См.: интернет-портал военно-морского флота США http://www.navy.mil/navydata/our_ships.asp, сайт посещен 11 марта 2018 г.

32. См.: The Military Balance 2017, London: The International Institute for Strategic Studies, 2017, pp. 259–260, а также “UCS Satellite Database” (на сайте https://www.ucsusa.org/nuclear-weapons/space-weapons/satellite-database#.WqZKT9UpLIU, сайт посещен 11 марта 2018 г.).

33. По данным Всемирного банка, приводимым в «Википедии» (см.: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_largest_historical_GDP, сайт посещен 8 марта 2018 г.).

34. Концептуально положение Европы в годы холодной войны и по ее окончании хорошо описано в: Moisi. Dominique. ‘Reinventing the West’ in: Foreign Affairs, Vol. 82, No 6, 2003, November/December, pp. 67–73.

35. По России, 2016 г. см.: https://www.aex.ru/docs/3/2017/4/10/2595/print/, по СССР, 1988 г. см.: https://superjet.wikidot.com/wiki:prod-by-type#toc0; сайты посещены 11 марта 2018 г.

36. Все расчеты по: BP Statistical Review of World Energy 2016, London: British Petroleum Plc., 2016. В последние годы ситуация ухудшается из-за роста добычи в США.

37. См.: «Уралвагонзавод рассекретил документы о выпуске танка Т-72» (на сайте https://ria.ru/defense_safety/20130927/966296510.html); «Сирия, Кавказ, “Бук” и “Ярс”» (на сайте https://www.gazeta.ru/army/2016/01/01/8004275.shtml), сайты посещены 12 марта 2018 г.

38. Рассчитано по данным из: Lockheed Martin Corporation 2014 Annual Report (на сайте https://www.lockheedmartin.com/content/dam/lockheed/data/corporate/documents/2014-Annual-Report.pdf) и Годовой отчет ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация» за 2014 г. (на сайте http://uacrussia.ru/upload/iblock/01a/01afd2bab61fb97af8975daa8c2f6be3.pdf), сайты посещены 12 марта 2018 г.

39. Подробнее см.: Inozemtsev, Vladislav. ‘Russia Pivoted East Centuries Ago’ in: Moscow Times, 2014, May 28, p. 8.

40. Путин, Владимир. «Послание Президента Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г.» (на сайте https://www.kremlin.ru/events/president/news/56957, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

41. См.: Путин, Владимир. «Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г.» (на сайте https://www.kremlin.ru/president/transcripts/24034, сайт посещен 10 марта 2018 г.).

42. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Принуждение к миру — легитимная мера’ в: Независимая газета, 2008, 13 августа, с. 3; Иноземцев, Владислав. ‘Косово и Осетия: единый подход’ в: Ведомости, 2008, 25 августа, с. А4.

43. См., напр.: Inozemtsev, Vladislav. ‘The Rationale and Goals of Russia’s Syria Policy’ in: The Kremlin’s Actions in Syria, Washington: Atlantic Council, 2016, pp. 20–21; также Baev, Pavel. The Syrian Intervention as an Instrument of Russia’s EU Policy: PONARS Eurasia Policy Memo No. 470, April 2017.

44. См., напр.: заявление Д. Трампа о России как о revisionist power: www.news.abs-cbn.com/overseas/12/19/17/trump-labels-china-revisionist-power-n-korea-rogue-state, сайт посещен 10 марта 2018 г.

45. См., напр.: заявление Э. Макрона на его встрече с В. Путиным 29 мая 2017 г.: https://www.upi.com/Frances-Macron-decries-Russian-medias-fake-news-while-hosting-Putin/30514960764 33/, сайт посещен 10 марта 2018 г.

46. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г., ч. II, п. 4 (www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248, сайт посещен 6 апреля 2017 г.).

47. Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г., ч. IV, п. 49.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

48. Противоречия между Китаем и Индией всегда перевешивали стремление к сотрудничеству; см., напр.: Emmott, Bill. Rivals. How The Power Struggle between China, India and Japan Will Shape Our Next Decade, New York, London: Harcourt Brace, 2008.

49. См.: "I looked the man in the eye [and] I was able to get a sense of his soul" (на сайте www.edition.cnn.com/2001/WORLD/europe/06/18/ bush.putin.transcript/index.html, сайт посещен 10 марта 2018 г.).

50. Общие накопленные инвестиции КНР, не считая кредитных операций, по данным The Time-Series data of International Investment Position of China по состоянию на 30 сентября 2017 г.; оценки накопленных инвестиций КНР в России см.: Kashin, Vasily. "Is China Investing Much into Russia?" (на сайте https://valdaiclub.com/a/highlights/chinese-investments-in-russia/, сайт посещен 10 марта 2018 г.).

51. Подробнее см.: Shekhovtsov, Anton. Russia and The Western Far Right: Tango Noir, London, New York: Routledge, 2018.

52. См.: Xi Jinping. "Jointly Shoulder Responsibility of Our Times, Promote Global Growth, January 17, 2017" (на сайте www.china.org.cn/node_7247529/content_40569136.htm, сайт посещен 7 марта 2018 г.).

53. "At the right time everyone will come to their senses & there will be lasting peace!" (на сайте https://twitter.com/realdonaldtrump/status/852510810287075329?lang=en, сайт посещен 10 марта 2018 г.).

54. Подробнее см.: Inozemtsev, Vladislav. 'Der Russische Kreisel: Warum es unter Wladimir Putin keine Außenpolitik mehr gibt' in: Internationale Politik, 2018, №2 (März-April), SS. 50–57.

55. См., напр.: Lake, Eli. "Treat Russia Like the Terrorist It Is" (на сайте https://www.bloomberg.com/view/articles/2018–03–09/u-k-spy-poisoning-treat-russia-like-the-terrorist-it-is, сайт посещен 10 марта 2018 г.).

56. Опросы общественного мнения показывают, что «наибольшую гордость» значительная часть россиян испытывает за вооруженные силы и политическое влияние России в мире (соответственно 85 и 68%) (см.: https://www.levada.ru/2015/12/08/rossiyanam-ne-stydno/, сайт посещен 10 марта 2018 г.).

57. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. 'Почему российские политики дают невыполнимые обещания' в: РБК, 2017, 14 марта, с. 7.

58. См.: Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 г., ч. I (www.kremlin.ru/acts/news/785, сайт посещен 11 марта 2018 г.).

59. См.: Bhagwati, Jagdish. Free Trade Today, Princeton (NJ), Oxford: Princeton Univ. Press, 2002, pp. 17–22.

60. См.: Principles of Economics: Textbook Equity edition, 2014, Vol. 2, pp. 673–675.

61. Все расчеты за 2013 г. по: BP Statistical Review of World Energy 2016.

62. Рассчитано по: стоимость потребляемой нефти в 1981 и 2015 гг. в текущих ценах — BP Statistical Review of World Energy 2016, ВВП США в текущих ценах: за 1981 г.: Economic Report of The President. Transmitted to The Congress February 2004, Washington (DC): U.S. Government Printing Office, 2004, table B-1, p. 284; за 2015 г.: Economic Report of The President. Transmitted to The Congress February 2016, Washington (DC): U. S. Government Printing Office, 2016, table B-2, p. 402.

63. По России — данные Банка России (https://cbr.ru/statistics/?Prtld=svs), международные сравнения по: https://en.wikipedia.org/wiki/list_of_countries_by_received_FDI; сайты посещены 11 марта 2018 г.

64. С 2006 по 2016 г. турецкий экспорт вырос с $85,5 до $139,6 млрд, российский упал с $301,1 до $285,5 (данные по Турции: 2006 г. — https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TUR/Year/2006/TradeFlow/Export/Show/NMBR-XPRT-HS6-PRDCT;XPRT-TRD-VL;XPRT-PRTNR-SHR;/Sort/Export%20(US$%20Thousand), 2016 г. — https://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/tur/#exports, по России — www.customs.ru), инвестиции в Турцию см.: https://tradingeconomics.com/turkey/foreigm-direct-investment; сайты посещены 11 марта 2018 г.

65. См.: Путин, Владимир. «Послание Президента Федеральному Собранию от 16 мая 2003 г.» (на сайте https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21998, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

66. См.: www.mfa.gov.tr/countries-whos-citizens-are-allowed-to-enter-turkey-with-their-national-id_s.en.mfa, сайт посещен 12 марта 2018 г.

67. См.: «Украина отменила визы для граждан стран ЕС, Швейцарии, Лихтенштейна и Канады» на сайте https://korrespondent.net/ukraine/events/127024-ukraina-otmenila-vizy-dlya-grazhdan-stran-es-shveicarii-lihtenshtejna-i-kanady; сайт посещен 1 марта 2018 г.

68. См.: «Беларусь вводит пятидневный безвизовый режим для граждан 80 стран» (на сайте www.belta.by/president/view/belarus-vvodit-pjatidnevnyj-bezvizovij-rezhim-dlja-grazhdan-80-stran-227378–2017/, сайт посещен 1 марта 2018 г.).

69. Подробнее см.: Inosemzew, Wladislaw und Kusnezowa, Ekaterina. ‘Putins unnützliges Spielzeug’ in: Internationale Politik, 2012, №1 (Januar-Februar), SS. 78–87.

70. Рассчитано по: World Economic Outlook, October 2017, Washington (DC): International Moneraty Fund, 2017.

71. См.: “Кому и почему прощает долги Россия” (на сайте www.bbc.com/russian/features-41430127, сайт посещен 7 марта 2018 г.).

72. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Почему Россия не Монголия?’ в: Московский комсомолец, 2012, 19 декабря, с. 3.

73. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Вслед за Лукашенко’ в: Ведомости, 2015, 19 августа, сс. 6–7.

74. См.: «Москва призывает Минск решать экономические споры спокойно, путем деловых переговоров» (на сайте https://tass.ru/politika/3995244, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

75. См.: «Скрытый счет на $100 млрд как Россия содержит белорусскую экономику» (на сайте www.rbc.ru/economics/02/04/2017/58e026879a79471d6c8aef30, сайт посещен 1 марта 2018 г.).

76. Для США рассчитано по: Sharp, Jeremy. U. S. Foreign Aid to Israel, Washington (DC): Congressional Research Service, February 2018, table 1, p. 1 и данным по ВВП на основе Economic Report of The President. Transmitted to The Congress February 2016, table B-2, p. 402.

77. Хорошая оценка соглашения содержится в: Shavalyuk, Lyubomir and Melnychuk, Vitalii. “Putin on the Squeeze: The Yanukovich Debt” на сайте www.ukrainianweek.com/Politics/170081, сайт посещен 4 марта 2018 г.

78. См.: Калмыков, Алексей. «Суд между Россией и Украиной о $3 млрд: что дальше?» (на сайте www.bbc.com/russian/features-42890934, сайт посещен 9 марта 2018 г.).

79. См.: «Боливар не выплатит кредит» (на сайте https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/08/30/73645-bolivar-ne-vyplatit-kredit, сайт посещен 4 марта 2018 г.).

80. См.: Porzecanski, Katia, et al. “Venezuela Will Seek to Restructure Debt, Blaming Sanctions” (на сайте https://www.bloomberg.com/news/articles/2017–11–02/venezuela-will-seek-to-restructure-debt-as-sanctions-take-hold, сайт посещен 3 ноября 2017 г.).

81. Рассчитано по: www.customs.ru, сайт посещен 16 апреля 2017 г.

82. См.: “Iran Signs $16.6 billion deal for 80 Boeing Planes” (на сайте www.reuters.com/article/us-iran-boeing-idUSKBN1400CR, сайт посещен 16 апреля 2017 г.).

83. Рассчитано на основании данных о поставках российских товаров в Иран, предоставленных ФТС России (www.customs.ru) и совокупного объема иранского импорта по оценке CIA World Factbook за 2016 год (https://www.cia.gov/library/Publications/the-world-factbook/rankorder/2087rank.html), сайты посещены 16 апреля 2017 г.

84. Подробнее см.: Inozemtsev, Vladislav. “Russia’s Cold War Habit” (на сайте www.project-syndicate.org/commentary/cold-war-russia-annexation-by-vladislav-inozemtsev-2017–05, сайт посещен 20 февраля 2018 г.).

Заключение

1. Под окраинами в экономическом плане я понимаю территории, которые граничат с экономиками, в 3–10 раз больше них и при этом имеют показатели подушевого ВВП по рыночному курсу в 4–7 раз более низкие. Россия с ВВП $1,56 трлн — $8,93 тыс./человека) соотносится именно таким образом с ЕС ($16,14 трлн — $32,1 тыс./человека), с одной стороны, и

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Японией / Южной Кореей ($6,35 трлн — $35,9 тыс./человека), с другой. Окраинными по отношению к ЕС странами в таком случае можно считать Россию и Турцию ($0,8 трлн — $10,7 тыс./человека), окраинной по отношению к США ($19,41 трлн — $57,4 тыс./человека) — Мексику ($1,0 трлн — $8,6 тыс./человека). Все цифры приведены по: World Economic Outlook, April 2017, Washington: IMF, 2017.

2. См.: Braudel, Fernand. Civilisation matérielle, économie et capitalisme 15e-18e siècle, T. 1, Paris: Armand Colin, 1978, pp. 36–42.

3. См.: Филофей. «Послание к великому князю Московскому Василию [III] (1524 г.)» (цит. по: www.lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105, сайт посещен 15 апреля 2017 г.).

4. См.: Вишневский, Анатолий (ред.) Демографическая модернизация России, 1900–2000, Москва: Новое издательство, 2006, сс. 446, 447–448.

5. См.: Глазьев, Сергей. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов, Москва: Национальный институт развития, 2007; Лепский, Владимир и др. ‘Методологические аспекты инновационного развития России’ в: Экономические стратегии, 2010, №7–8, сс. 46–59, и др.

6. Фундаментальные основы этой теории изложены в: Белл, Даниел. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования [пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева], Москва: Academia, 1999.

7. Подробнее см.: Pilzer, Paul. Unlimited Wealth. The Theory and Practice of Economic Alchemy, New York: Crown Business, 1990.

8. См.: Cooper, Robert. The Postmodern State and The World Order, London: Demos, 1998, pp. 4–6.

9. См.: Cooper, Robert. The Breaking of Nations: Order and Chaos in The Twenty-First Century, London: Atlantic Books, 2003, pp. 1–19.

10. В 1950 г. соотношение составляло $947 против $876/человека в год в пользу Кении, в 2017-м — $1,5 тыс. против $27,5 тыс. в пользу Южной Кореи (в текущих долларах, для 1950 г. см.: www.nationmaster.com/country-info/stats/Economy/GDP-per-capita-in-1950, сайт посещен 30 апреля 2017 г.) для 2017 г. данные по World Economic Outlook, April 2017, Washington: IMF, 2017.

11. Подсчет в международных долларах Гири-Хамиса 1990 года, см.: Soto, Raimundo and Zurita, Felipe. ‘Two Centuries of Economic Growth: Latin America at Its Bicentennial Celebration’ in: Latin American Journal of Economics, Vol. 48, No. 2 (Nov. 2011), table 1, p. 117.

12. По показателю номинального ВВП в долларах США 2010 г., данные Всемирного банка, см.: https://data/worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD, сайт посещен 30 апреля 2017 г.

13. В таком случае социологи говорят о «захваченном государстве» (captured state) или о «захвате государства» (state capture), понимая под ним «государственный аппарат, действующий в соответствии с частными интересами отдельных лиц и вразрез с общественными интересами, которые государство призвано обеспечивать» (Anticorruption in Transition: A Contribution to The Policy Debate, Washington (DC): The World Bank, 2000, p. 3, box 1.1)

14. См.: Иноземцев, Владислав. ‘Сверхдержавка’ в: Большая политика, 2006, №6, сс. 40–47.

15. По CIA World Factbook 2015, см.: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2112rank.html, сайт посещен 30 апреля 2017 г.

16. См.: Isurin, Ludmila. Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change, New York: De Gruyter Mouton, 2011, pp. 7–11.

17. Подробнее см.: Иноземцев, Владислав. Расколотая цивилизация. Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции, Москва: Academia, Наука, 1999.

18. Толстой, Лев. ‘Анна Каренина’ в: Толстой, Лев. Собрание сочинений в 22 т., т. 8, Москва: Художественная литература, 1981, с. 7.

19. Маркс, Карл. ‘Тезисы о Фейербахе’ в: Маркс, Карл и Энгельс, Фридрих. Сочинения, 2-е изд., т. 3, Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955, с. 4.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы

Вернуться в каталог книг по политологии
https://право.информ2000.рф/politologia/politologia.htm

Главный редактор С. Турко
Руководитель проекта А. Василенко
Корректоры Е. Аксёнова, Е. Чудинова
Компьютерная верстка К. Свищёв
Художественное оформление и макет Ю. Буга

Фото на обложке из фотобанка shutterstock.com

© В. Иноземцев, 2018
© ООО «Альпина Паблишер», 2018
© Электронное издание. ООО «Альпина Диджитал», 2018

Иноземцев В.
Несовременная страна: Россия в мире XXI века / Владислав Иноземцев. — М.: Альпина Паблишер, 2018.

ISBN 978-5-9614-1498-1

НАПИСАНИЕ на ЗАКАЗ:
1. Дипломы, курсовые, рефераты...
2. Диссертации и научные работы.
Тематика любая: ПОЛИТОЛОГИЯ, экономика,
техника, право, менеджмент, финансы, биология...

УЧЕБНИКИ, ДИПЛОМЫ, ДИССЕРТАЦИИ:
полные тексты в электронной библиотеке
www.учебники.информ2000.рф.

https://право.информ2000.рф
Бесплатная электронная библиотека по экономике и праву: книги, диссертации, дипломы